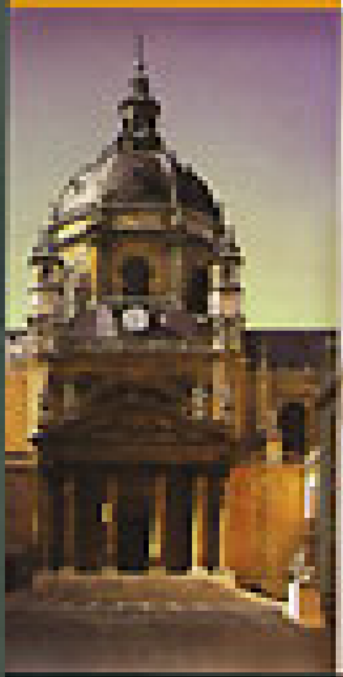
МАЗАРИНИ



Людмила Иванина

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Кардинал Джулио Мазарини – выдающийся политик европейского масштаба, первый министр Франции середины XVII века, чья жизнь и восхождение к власти и по сей день окружены легендами и слухами.

На фоне бурных политических событий в Европе автор ярко рисует переплетение фортуны и личных талантов в биографии этого неординарного политика и дипломата, чья деятельность оказала заметное влияние на историю всего континента. Преимущественное внимание в книге уделено психологическому портрету Мазарини. Параллельно перед читателем предстают образы наиболее интересных деятелей эпохи, с которыми на разных этапах жизни приходилось сталкиваться удачливому и талантливому кардиналу.

- Людмила Ивонина
  - «Тень Ришелье»
  - Предисловие
  - Начало
  - Война и фортуна папского дипломата
  - Великий предшественник
  - Чрезвычайный нунций и Франция
  - Анна и Франция навсегда
  - На пути к победе
  - Горько-сладкий вкус власти
  - Золотые рыбки в мутной воде
  - «Туманные дела» на туманном Альбионе
  - Ненавидимый всеми
  - Мир, война и Сен-Жермен
  - Сомнительная передышка
  - Битва титанов
  - Битва титанов
  - Государственные заботы
  - Миротворец
  - Семья, политика и душа
  - Конец и жизнь после смерти
  - Вместо заключения
  - Основные даты жизни и деятельности Джулио Мазарини
  - Библиография
- notes
  - 1

- ○ 2
- ○ 3
- ○ 4

Людмила Ивонина
Мазарини

Моему сыну – с надеждой

«Тень Ришелье»

Так Александр Дюма назвал первую главу своего очередного «мушкетерского» романа, относящегося к времени правления кардинала Мазарини.

«Тень Ришелье…» С легкой руки великого романиста понятие это превратилось в штамп и стало настолько расхожим, что ему отдали дань и беллетристы, и серьезные историки разных уровней, национальностей и времен.

А вот автор книги, лежащей перед нами, Людмила Ивонина, решила оторваться от традиции, вывести героя из «тени» и создать своего Мазарини, «неизвестного Мазарини», как смело она утверждает. Что ж, задача трудная, но достойная. Удалось ли Ивониной ее решить? Об этом пусть судит читатель. Мы же со своей стороны отметим, что появилась новая, весьма оригинальная книга о трудном и насыщенном «веке барокко», в которой автор со знанием дела демонстрирует свое видение как событий этой эпохи, так и их главных участников и творцов.

Анатолий Левандовский

Предисловие
Неизвестный Мазарини

Легче познать людей вообще, чем одного человека в частности.

Франсуа де Ларошфуко

Никогда еще министр не управлял с такой неограниченной властью и никогда так ею не пользовался для своего возвеличивания.

Мадам де Лафайет

XVII век был столетием, на протяжении которого разрешались многие противоречия перехода европейского общества к новой цивилизации. Он стал, пожалуй, одним из самых своеобразных, переломных, до конца не изученных столетий христианской эры. Характер этого столетия проявлялся в отсутствии стабильности, многослойности общества, наличии единой тенденции в развитии экономики и полярных тенденций в духовной и политической жизни, выразившихся в стремлении к монополизации власти и одновременно к свободе, в конфессионализме и рационализме. Все это вело к крупным внутренним и международным потрясениям, непрерывным политическим и идеологическим бурям. То был век затяжных и кровопролитных войн, политических потрясений в странах Европы, массовых эпидемий и голода. Он был начат казнью Джордано Бруно и исковеркан ожесточенными и повсеместными попытками повернуть назад, в Средневековье, раскрепощенную гуманизмом и Возрождением человеческую мысль и образ жизни. Но XVII век оказался вместе с тем временем необыкновенного взлета во всех сферах жизни Европы, новых открытий и изобретений, политических, экономических, философских и художественных достижений. Это была эпоха коренных изменений, окончившихся победой рационального мышления и миропонимания, началом новой эры – эпохи Просвещения.

Любое столетие по-своему олицетворяют его люди, особенно выдающиеся личности – «творческое меньшинство», согласно меткому определению А. Дж. Тойнби. Кто же был политическим олицетворением XVII века – кардинал Ришелье, Оливер Кромвель,

Людовик XIV? Этот список имен можно долго продолжать. Нам представляется, что ни одна из выдающихся фигур столетия так полно не отражает свое время, как кардинал Джулио Мазарини.

Для биографа писать о Мазарини – задача нелегкая. И прежде всего потому, что фигура кардинала и по сей день является одной из наиболее необычайных и таинственных в европейской истории XVII века. Итальянец и римлянин по происхождению, папский дипломат, тайный агент двух государств, он, надев кардинальскую мантию, в течение восемнадцати лет вершил судьбы Франции и Европы и подготовил к государственной деятельности Короля-Солнце, при котором Франция стала самой могущественной державой Европы.

История его восхождения – это в значительной мере история тех европейских государств, в которых он жил и которым служил, – Италии и в первую очередь Франции. Это – политическая история всего континента, в рамках которого он действовал, история людей, с которыми общался. Человек действия, он не потратил, подобно своему великому предшественнику на посту первого министра Франции кардиналу Ришелье, времени на то, чтобы выразить свои мысли об обществе и правлении на бумаге, описать свое восхождение к вершинам власти. Потомкам осталась лишь его многочисленная деловая корреспонденция.

Это одна из основных причин, почему легче писать о Ришелье, о герцоге де Ларошфуко и кардинале де Реце, оставивших свои мемуары. К тому же Мазарини, как никто другой, был нелюбим со стороны тех, кем ему пришлось управлять, а его репутация постоянно зависела от сравнения с «великим кардиналом» Ришелье.

В глазах современников и трудах авторов последующих поколений вплоть до середины нашего столетия его деятельность не получала адекватной оценки. Историки-романтики первой половины XIX века вслед за Франсуа де Ларошфуко и французские писатели, подобно Дюма-отцу, считали его одним из виновников политического хаоса во Франции середины XVII века. Так, в «Истории Франции в министерство кардинала Мазарини» под редакцией Ж. Базена (1842) дается такая характеристика этого человека: «Кардинал Мазарини забыл, что такое честь и совесть, когда боролся за первое место в государстве… он пробился лишь благодаря мощной воле кардинала Ришелье».

Конечно, наряду с отрицательными современники Мазарини отмечали и его положительные черты. Франсуа де Ларошфуко, блестящий французский аристократ, писатель и сатирик XVII века, писал: «Ум его был обширен, трудолюбив, остёр и исполнен

коварства; характер – гибок, даже можно сказать, что у него его вовсе не было… В зависимости от своей выгоды он умел надевать на себя любую личину».

Покровительствовавший ловкому и обходительному итальянскому прелату кардинал Ришелье видел в нем достойного продолжателя своего дела и перед смертью говорил ему: «Джулио, зная вас очень хорошо, я предсказываю, что фортуна ваша пойдет далеко, даже, может быть, дальше моей, ибо вас природа создала настолько гибким, что вы проскользнете в такой проход, которого я даже не замечу. Джулио, если бы нужно было обмануть дьявола, я прибегнул бы к вашим талантам».

Подобных высказываний современников Мазарини множество. Но все они, независимо от общего оттенка – отрицательного или положительного, – подчеркивали выдающийся ум, ловкость и хитрость, осторожность и вместе с тем авантюризм кардинала.

Безусловно, преемнику кардинала Ришелье в историографии не везло. Лишь в последнее время фигура Джулио Мазарини начинает приобретать более разносторонний облик, хотя исследований о нем и сейчас меньше, нежели о Ришелье. Так, современный французский историк Жорж Детан утверждал, что это «…настоящий и преданный сын и брат, нежный друг, ярко выраженный соглашатель и одновременно сильный государственный деятель, временами грубый и решительный, но очень постоянный в отношении Анны Австрийской и короля».

Однако и современные работы французских историков о Мазарини акцентированы прежде всего на освещении истории французского общества и внутренней политики Франции. Самой главной особенностью его биографий и сегодня остается подчеркивание авантюрных и «барочных»[1] черт обыденного и политического поведения кардинала, в целом согласующихся с положительной оценкой его деятельности. Несколько особняком в этом ряду стоит книга известного французского историка Пьера Губера, переведенная на русский язык. Это как бы срез социально-политической истории Франции середины XVII века, на фоне которой подан несколько приукрашенный портрет французского политика, главными качествами которого автор считает непомерное честолюбие и исключительную проницательность. Жаль только, что Губер не доверяет свидетельствам современников Мазарини. Это представляется неверным, поскольку познать этого человека в значительной степени можно путем сравнительного анализа мнений противников и сторонников. Так или иначе, жизнь Мазарини по-прежнему полна тайн.

Между тем значение личности и деятельности Джулио Мазарини трудно переоценить. Он принадлежит к той немногочисленной группе государственных деятелей, которые умели выделить свои главные цели и следовать им, умели понять движение истории.

Характер Мазарини был настолько многогранным, что сочетал в себе все особенности своего столетия. В нем слились воедино люди разных профессий и разных мировоззрений. Он, как никто другой, умел подчиняться правилам своего времени, его этикету, протестуя там, где это было нужно ему и его государству. Мир Мазарини – это его эпоха, он сам – ее олицетворение. Вместе с тем, выступая в ногу со своим временем, позволяя себе все жизненные радости и все политические приемы, Джулио Мазарини забежал намного вперед.

Так кто же он, Джулио Мазарини? Какой след оставил он в истории Франции и Европы?

Начало

Столетию было два года…

Джулио Мазарини

Сначала была Италия… Синее море и синее небо, яркое солнце и теплый ветер. Рай, осязаемый лишь визуально, но остающийся в душе навсегда…

Но и в раю бывают бури. Однажды в 1615 году мирный покой гор и зеленых равнин итальянской провинции Абруцци в Неаполитанском королевстве был нарушен страшным землетрясением, унесшим жизни более чем тридцати тысяч человек. Среди разрушенных домов городка Пешина один принадлежал семье Буффалини. Здесь в день святого Беневента, 14 июля 1602 года, в семье сицилийского дворянина из Палермо Пьетро Мазарини и его жены Гортензии, урожденной Буффалини, родился сын Джулио.

Примечательно, что спустя почти два столетия, 14 июля 1789 года, в Европе произошло другое потрясение. В Париже пала крепость-тюрьма Бастилия. Это событие стало началом крушения Старого порядка во Франции, во многом созданного предшественником Мазарини на посту первого министра кардиналом Ришелье, но сохраненного и упроченного героем нашей книги.

Характер любого человека, как доказано современной наукой, во многом обусловлен наследственностью, а также временем и условиями, в которых он формировался. Уже в судьбе и характерах родителей Джулио можно обнаружить черты, переданные сыну. Отец, Пьетро Мазарини (по-итальянски его фамилия произносилась «Маццарино»), родился в 1576 году в Палермо. Он приехал из родного города в Рим молодым человеком двадцати лет, полным намерений сделать карьеру. Здесь же следует отмести легенды о темном и якобы плебейском происхождении Джулио Мазарини, пущенные в оборот его политическими противниками, особенно во время Фронды. Пьетро был сицилийским землевладельцем. Но, возможно, его небольшое имение не приносило достаточного дохода, поэтому-то он и подался в Рим. Пьетро был изворотлив, обладал качествами делового человека, имел недурную внешность и не зря лелеял радужные мечты. Его брат Джулио Мазарини (именно в его честь был назван старший сын Пьетро) был иезуитом,

считался одним из лучших проповедников в Риме и имел некоторые связи. Он устроил Пьетро мажордомом в римский дом знатного аристократа Филиппо Колонны.

Джулио, конечно, мог бы обеспечить Пьетро и лучшее место, если бы тот был более образованным и компетентным в делах. Но судьба, очевидно, благоволила к Мазарини и связала прочными узами их семью с домом Колонна. Работа была необременительной и вместе с тем денежной. Пьетро назначили ответственным за управление поместьями и сбор налогов. Он немало обогатился на этом и сам. За это он был очень признателен патрону и замечал сыну в своем письме от 1629 года: «Я никогда ни в ком не видел такой снисходительности и доброжелательности». Возможно, знание о незаконных доходах отца с самого раннего детства возбуждали у его сына Джулио желание обогатиться самому.

Пребывая в доме Колонна (а тот находился в самом сердце Вечного города, в квартале Треви, где тогда еще не был построен знаменитый фонтан), Пьетро знал всех и вся в Риме. Там он вскоре познакомился с Гортензией Буффалини, дочерью одного из самых знатных людей папской столицы. Ее семья происходила из Умбрии, из городка Чипа ди Кастелло. Один из братьев Гортензии являлся мальтийским рыцарем, а ее крестным отцом был Филиппо Колонна. Ко всему этому избранница сердца мажордома была красавицей. Неудивительно, что Пьетро влюбился, да так, что почти позабыл про свои обязанности. К Гортензии проявлял благосклонность сам глава знаменитого дома, но девушка, казалось, всей душой полюбила Пьетро, и они решили пожениться. В результате счастливый мажордом на некоторое время уезжает из Рима вместе с женой в одно из ее поместий в Абруцце. Там у молодой четы вскоре рождается первенец Джулио.

Жизнь великих людей всегда обрастает легендами. Некоторые биографы Мазарини предполагают, что его настоящим отцом был Колонна, а не Пьетро. Основанием для такого утверждения послужили сроки рождения Джулио (он был зачат в Риме) и то обстоятельство, что Гортензия по характеру была кокетливой и благосклонно принимала ухаживания крестного отца. Но тот, якобы с целью скрыть свой грех, выдал ее замуж за Пьетро, обеспечив богатым приданым. Есть еще один аргумент в пользу этого предположения – Филиппо Колонна всю жизнь заботился о Джулио и следил за его карьерой.

Как бы то ни было, считается, что мать Джулио уехала рожать в дом братьев, спасаясь от знойного римского лета. Кроме того, характеры официального отца и сына были схожи, и Джулио всю

жизнь почитал отца и регулярно писал ему письма. А благосклонность Колонны можно объяснить его политическими убеждениями и благодарностью за услуги мажордома-отца и впоследствии дипломата-сына.

Джулио не был единственным ребенком в семье. У Пьетро и Гортензии родились еще два сына и четыре дочери. Впрочем, это мало отразилось на красоте Гортензии, впоследствии чуть пополневшей и принявшей облик матроны. Счастливой ее все же назвать трудно – Пьетро с годами все больше отдалялся от жены, остававшейся все такой же легкомысленной. Любопытно, что эта черта характера Гортензии сочеталась с большой набожностью. Мать Джулио прожила достаточно долго (до 1644 года) и перед смертью узнала, что ее сын стал правителем самого сильного королевства Европы.

Вскоре семья Мазарини вернулась в Рим. Маленький Джулио с тоской покидал зеленые холмы Абруцци. Но грустить ему пришлось недолго.

Джулио с юных лет отличался феноменальной памятью, имел серьезный и пытливый ум, удивительно сочетавшийся с непомерной подвижностью и шаловливостью. При этом мальчик внешне походил на ангелочка. Эти качества привлекали к нему всеобщее внимание и любовь. Бесёнку с ликом ангела все прощали. Непоседливый мальчик в первую очередь полюбился бездетному секретарю Колонны Бенедетти. Тот часто играл с ним, а во время приема посетителей Джулио нередко прятался под столом, сосредоточенно изучая туфли вошедших. После он вполне серьезно и чаще всего верно высказывал свое мнение об этих людях.

Бенедетти заметил патрону, что Джулио должен получить солидное образование. Колонна и сам задумывался об этом и поэтому одобрил мнение своего секретаря. В 1609 году семилетний мальчик вместе со вторым сыном Колонны Джироламо был определен в Римскую коллегию – бастион просвещения иезуитов. Коллегия представляла собой огромное строгое квадратное здание в двух шагах от дворца семьи Колонна; оно могло разместить в своих стенах до двух тысяч учеников. Позднее рядом построили красивую церковь в честь основателя ордена иезуитов Игнатия Лойолы. Здание коллегии сохранилось в Риме и поныне. Это учебное заведение уже тогда было признанным лидером воинствующего католицизма, одним из инструментов распространения папской власти. Обучение в нем было основано на строгой дисциплине и предназначалось для тех, кто желал служить Христу, оставаясь в миру. Джулио провел там немало лет, показав прекрасные способности к изучению всех без

исключения предметов и умение выступать на диспутах. Особенно блестящие успехи он делал в латыни, теологии, логике, геометрии и риторике. В документах коллегии тех лет отмечались «его добрый дух, способности и грациозные манеры». Ученик хорошо усвоил навыки мэтров и святых отцов дискутировать по всем проблемам бытия, что очень пригодилось ему в жизни спустя много лет. Схоласт он был великолепный! Кроме того, в нем проявился и актерский дар. Перед юным Мазарини открывалась блестящая духовная карьера.

Все это очень радовало родителей Джулио. Тем более что семья росла гораздо быстрее, чем ее денежные доходы. И Пьетро сосредоточил все свои надежды на старшем сыне – он казался ему с самого рождения подарком судьбы.

Идеалы и стиль работы иезуитов в XVII веке постепенно изменялись в соответствии с требованиями нового времени. Они были миссионерами на границах христианского мира, проповедовали в лесах Канады и при дворе китайского императора, являясь, по выражению основателя ордена, солдатами Христа. Но многие иезуиты не обладали светскими манерами, не окунались в мир мирских забот – от них по-прежнему веяло сумраком ушедшего столетия. Неудивительно, что все это отнюдь не увлекало Джулио. Его подвижный и гибкий ум требовал другого. Он перерос своих учителей и хотел познать все прелести жизни в этом мире. С 1616 года Джулио уже изучал право в Римском университете, а в 1622 году сдал экзамены на степень доктора этой дисциплины. Параллельно он сопровождал в качестве компаньона сына Колонны Джироламо на учебу в испанский университет Алькала. Немало времени молодые люди провели и в столице Испании Мадриде.

Поездка в Испанию имела большое значение в дальнейшей судьбе Джулио. Он, во-первых, изучил испанский, что сыграло немалую роль в его будущем общении с испано-язычной королевой Франции и позволило лично изучать перехваченную его шпионами испанскую корреспонденцию. Во-вторых, он был замечен в связях со знатными испанскими женщинами. По этому поводу произошло немало семейных скандалов, и двадцать лет спустя во Франции эти истории найдут свое отражение в многочисленных памфлетах и скабрезных песенках. И, в-третьих, учиться ему уже не хотелось. Вскоре склонный к риску Мазарини оказался в рядах папской армии в Испании в качестве солдата. Но задержался он в этом звании недолго.

Как это произошло? Колонна позаботился о своем сыне Джироламо, в общем-то человеке средних достоинств. Тот не испытывал никакого желания делать светскую карьеру, и

благодаря связям отца в двадцать три года стал кардиналом. Его сестра Анна вышла замуж за племянника папы римского Таддео Барберини, будущего начальника римской полиции. Четвертый сын Колонны, Карло, пожелавший стать военным, приехал служить в испанской армии в Ломбардии.

Все эти «высокие» знакомства обеспечили Джулио Мазарини будущее. На военной службе у него подметили дипломатические способности, умение разбираться в людях и говорить с ними. Он тут же решил закрепить эти свои качества соответствующими дипломами. Благодаря семье Колонна Джулио познакомился с мастером Козимо Фидели, с помощью которого он без особых трудностей в самый кратчайший срок получил степень доктора права. Это обеспечило ему в будущем карьеру дипломата.

В 1622 году коллегия отмечала важное событие – канонизацию Игнатия Лойолы. Джулио вместо заболевшего актера по просьбе святых отцов был избран играть роль Игнатия во время торжеств и произнести по этому поводу речь. Сыграл он великолепно. Но в своей речи молодой Мазарини выявил «грехи» Лойолы, о которых церковь позабыла или старалась не упоминать. Пожалуй, первый и единственный раз в жизни будущий мастер компромиссов не пошел на компромисс. Это послужило ему уроком.

Еще много раньше поведение Джулио контрастировало с образом жизни большинства его сокурсников по коллегии и университету. Мазарини имел много веселых друзей из числа праздных молодых дворян и сыновей зажиточных купцов. Он проводил вечера за картами, где проявлял необычайную ловкость (но однажды все же проиграл свои шелковые штаны), за веселыми шутками и попойками, либо, что еще хуже, гулял с друзьями по городу, задирая прохожих и нередко вступая в драки. Веселая компания не гнушалась даже пограбить, что потом любили при случае вспоминать недруги Мазарини.

Все это плюс выходка на праздновании канонизации стоили ему иезуитской карьеры. Духовного сана он тогда не получил и священником решительно становиться не желал. В будущем Мазарини всегда держал дистанцию по отношению к иезуитам, питая стойкое недоверие к этому ордену. Его биографы единодушно отмечают, что Джулио никогда не соглашался исповедоваться ни одному иезуиту. Но поскольку в будущем ему предстояло стать кардиналом, годы, проведенные в коллегии, не прошли даром. Он служил государству и церкви способами, которые были для него приемлемыми и более подходили ему по характеру. Покорность никогда не была одной из основных его добродетелей, Джулио была больше по душе хитрая и умная

властность. Именно это качество преобладало в нем на протяжении всей его жизни. Дипломатия станет его делом.

Джулио был даже рад такому обороту событий. Иезуитский дух сковывал его энергию; ведь молодой человек являлся подлинным детищем барочного Рима с его неподражаемым стилем, который превращал Вечный город в место необычайной красоты и величия. Стиль барокко был в некотором смысле театральным и прекрасно отражал свою эпоху.

Рим того времени был городом, куда Клод Лоррен и Николя Пуссен – великие французские художники – приезжали совершенствовать свое мастерство. Он буквально кишел артистами, художниками, архитекторами, законодателями мод. Среди однокашников Джулио Мазарини были сын римского зодчего Франческо Борромини и неаполитанец Джованни Бернини, которые по собственному желанию ушли из коллегии и стали архитекторами. Их пример, возможно, вдохновил Джулио. Именно им предстояло сделать Рим столицей барокко. Так сами римляне приспосабливали классический древний Рим к нуждам современного им общества.

Город постепенно преображался. Улицы выравнивались, обретали перспективу, украшались красивейшими особняками. В Риме стало больше воздуха, здесь были собраны сокровища изобразительного искусства, не умолкал шум улиц и базаров, ни на минуту не прекращалась работа ремесленников, лавочников, писарей, а горожане часто могли любоваться яркими процессиями и веселыми карнавалами с фейерверками. Был усовершенствован старый римский водопровод, многочисленные ответвления протянулись от него к большому количеству красивейших фонтанов. При этом почти половина римлян вела паразитическую жизнь, несмотря на то что папа специальными буллами предоставлял жителям города работу на строительстве, в торговле и на мануфактурах. Многие люди были настолько ленивы, что предпочитали жить в нищете и носить лохмотья, вместо того чтобы работать. Грабеж и разбой были обычным явлением. В этом смысле традиции Древнего Рима были неискоренимыми.

Вместе с тем Рим являлся папской столицей, цитаделью церкви, которая послала на костер Джордано Бруно незадолго до рождения Джулио Мазарини. Рим был городом со строгими ограничениями для людей, которые могли и желали мыслить. Городом с претензиями на универсализм и подавлением индивидуальности. Городом, где люди учились изворачиваться, ожидали чуда каждый божий день и надеялись на счастливый

случай.

Молодой и энергичный Джулио Мазарини не верил в чудеса. Он научился хитрить, но тем не менее уповал на случай. Он был свободен, но что делать дальше? Пьетро в поисках средства, как он сам говорил, «исправить последствия столь дурного поведения», обратился к своему патрону Колонне, родственник которого, принц Палестрина, тогда командовал папской армией. Ведь для того, чтобы сделать приличную карьеру, молодому итальянцу из хорошей семьи необходимо было иметь могущественных покровителей, или, как их называли, «падроне». Первый падроне Мазарини Колонна знал, где можно использовать молодого человека. В 1624 году Джулио в качестве капитана римских войск был направлен в миланский гарнизон, где повстречался с апостольским комиссаром папской армии Франческо Саккетти. Надо сказать, военная репутация армии Рима была посредственной – многие шутили, что она видела противника только издалека. Впоследствии хорошо осведомленный о прежней жизни Мазарини кардинал Ришелье в шутку называл его «братом, отсекающим капустные головы» – намек на то, что, будучи военным, Джулио рубил своим оружием только траву и овощи. В 1626 году папа римский принял решение распустить свою дорогостоящую и абсолютно бесполезную армию.

Так кончается короткая военная карьера Джулио. Эти годы оставили о его личной жизни мало сведений, известно только, что в конце 1625 года он посетил Рим, чтобы завербовать несколько солдат для плохо укомлектованной армии, но, скорее всего, с целью повидаться с матерью и защитить отца, обвиненного в сентябре того же года в убийстве. Возможно, Пьетро был обвинен несправедливо, поэтому и не понес сурового наказания, но и этот факт биографии Мазарини позднее «обсасывался» его недругами.

Но именно тогда у капитана римских войск зарождалась и крепла уверенность в своих возможностях и своей счастливой судьбе. Здесь уместно вспомнить одну легенду, связанную с именем Джулио Мазарини. В 1624 году молодой человек якобы встретился с пармским астрологом, тогда считавшимся лучшим ясновидящим в Италии. Астролог предсказал Мазарини большую карьеру во Франции и кардинальскую мантию в сорок лет.

Люди всегда склонны верить в счастливые предсказания. Не исключено, что после этого Джулио вдвойне уверовал в свои силы. Не зря же некоторое время спустя он серьезно решит связать свою судьбу с судьбой Французского королевства.

Экс-капитан бывшей римской армии недолго оставался не у

дел. В 1627 году Саккетти был назначен папским нунцием в Милане, а Джулио становится его секретарем. Мазарини сам шел навстречу своему успеху. Он сумел подружиться с четырьмя братьями Саккетти, членами старой флорентийской фамилии, которая имела значительное влияние на папу. Такая дружба сыграла немалую роль на этой стадии его возвышения, поскольку даже Колонна не был способен длительное время помогать ему и парировать происки его недоброжелателей в курии.

Этими годами датируется письмо Джулио отцу, в котором он отметил, что доволен своей деятельностью. Можно подумать, что письмо предназначалось не только для глаз Пьетро. Без упоминания неприятных моментов, какие бывают и на самой успешной службе, написаны и другие его письма этого времени к отцу.

Итак, пока Мазарини был удовлетворен жизнью. Дипломатическая деятельность в гораздо большей степени, чем карьера иезуита-священнослужителя или офицера, отвечала потребностям его натуры. С помощью приятного обхождения, тонкой дипломатической игры и умелого ведения дел ловкий и красивый секретарь нунция приобретает признательность и поддержку Колонны на всю жизнь и становится необходимым римскому папе и его окружению.

Образ любой исторической личности неотделим от эпохи, в какой она жила и действовала. Ведь жизнь каждого человека разворачивается на каком-то отрезке времени, в бурном потоке разных событий, могущих в значительной степени определить его судьбу. Время Мазарини – первая половина и середина XVII века – было временем бурных потрясений и значительных изменений в истории Европы. Этой эпохе французский историк Р. Мунье дал определение «кризиса XVII века», закрепившееся в мировой литературе. В политической жизни прелюдией и первым проявлением кризиса была Тридцатилетняя война (1618—1648), охватившая всю Европу и явившаяся катализатором политических бурь середины и второй половины столетия.

Судьба Джулио Мазарини была во многом определена и обусловлена Тридцатилетней войной – главным событием политической и международной жизни XVII века. Ведь именно авторитет блестящего дипломата и политика компромиссов, приобретенный за годы войны, позволил Мазарини в конечном итоге стать фактическим главой самого могущественного централизованного государства в Европе.

Война и фортуна папского дипломата

Веселый Бог удачи умножил мой доход.

Английская песня

Тридцатилетняя война[2] представляла собой колоссальный межгосударственный, религиозный и политический конфликт XVII века и первую в мировой истории общеевропейскую войну, совместившую в себе все – борьбу средневекового и нового, рационального и конфессионального, прогресса и регресса. Анатомия Тридцатилетней войны – это анатомия барокко, где каждому, кто заинтересуется ею, открывается масса неординарного и противоречивого.

В эту эпоху формировались национальные и территориальные государства, возникали и крепли абсолютные монархии, происходили первые революции. Эти процессы вызвали к жизни появление новых межгосударственных отношений. После Тридцатилетней войны основой внешней политики окончательно становится государственный интерес, постепенно и долго освобождавшийся от религиозных представлений.

Первая европейская война была разрешением долгого противостояния двух политических направлений развития континента – универсалистского и антиуниверсалистского. Эти направления существовали в Западной Европе с начала XVI века. Первое из них представляла собой держава Габсбургов, охватившая с 1519 года с восшествия на престол императора Карла V огромную часть Западной Европы – германские земли, Испанию, Нидерланды, Франш-Конте, Южную Италию. В 1555 году Аугсбургский религиозный мир зафиксировал конфессиональный и территориальный статус германских княжеств, а в 1556 году эта держава распалась на владения австрийских и испанских Габсбургов. Однако попытки Империи подчинить германских князей и всю Европу в XVII веке оставались грозной политической реальностью.

Историческим фундаментом второго направления был многовековой процесс складывания европейских государств в национальных границах и возвышения в них королевской власти, в особенности в Англии и во Франции, а в рамках самой

Священной Римской империи – укрепление территориальной власти немецких государей. Важной политической задачей этих держав и территорий являлась ликвидация наследия империи Карла V и противодействие ее возрождению.

В годы Тридцатилетней войны оформлялось и крепло еще одно направление развития Европы – началось формирование основ правового буржуазного государства Нового времени. В начале войны его представляла Республика Соединенных провинций, или Голландия. Конец войны ознаменовался появлением на политической карте континента Английской республики.

Характеристика международных отношений в Европе во время жизни и деятельности героя книги будет весьма неполной, если не учесть, что еще со времен Реформации, распространявшейся на континенте в первой половине XVI века, в Европе возник политический дуализм на конфессиональной основе. Государства континента разделились на два религиозно-политических лагеря: католический и протестантский. Это разделение послужило причиной конфессионализации политической жизни континента и образования религиозно-политических блоков – Протестантского союза и Католической лиги – во время Тридцатилетней войны.

Эта война выдвинула на первый план целый ряд политиков – императоров, королей, князей, герцогов, первых министров и просто дипломатов. В иных условиях и в иное время многие из них вряд ли бы стали известными. Но самым молниеносным и крупным возвышением была карьера Джулио Мазарини, человека, ставшего главой государства, к народу которого он не принадлежал. Его также можно на полном основании отнести к непосредственным реализаторам дипломатии во время войны.

Кто же они были, дипломаты эпохи барокко, что было главным в их деятельности? При всех симпатиях и антипатиях необходимо признать: это были прежде всего храбрые и решительные люди. Их поступки иногда определялись не только государственной целесообразностью, столь понятной для наших дней, или конкретными заказами правительств. В неменьшей степени ими руководили собственные убеждения, желания и вера. Многие из них не боялись на свой страх и риск идти на компромиссы и уступки, на превышение полномочий, если считали правильным для себя или для своего государства именно этот путь. Они могли игнорировать раздражение своего двора, а то и прямую угрозу опалы. Дипломаты Тридцатилетней войны не были щепетильны в желании до мелочей проследить за ходом спланированных военных демаршей, они часто превращались из

закулисных деятелей в прямых участников событий. Так, в 1618—1620 годах испанский посол при венском дворе Оньяте превращается в главного союзника императора Фердинанда: были моменты, когда он воплощал в себе и кассира своего короля, и частного спонсора, не жалевшего собственных доходов на нужды имперских войск, и, наконец, старшего начальника испанских вспомогательных контингентов, получив при этом чин генерала-аудитора. А безвольные и благостные натуры сразу же попадали под мощное влияние своих политических контрагентов. К примеру, венский посол в Мадриде фон Шенбург не мог противостоять обаянию, а еще больше – напористости первого министра испанского короля графа Оливареса. Во многом поэтому середина 1630-х годов станет пиком влияния Испании на венский двор. В целом стремительная динамика международных событий требовала от дипломатов и политиков верности четко поставленной цели, но в то же время ясности мысли, гибкости и умения идти на компромиссы.

Джулио Мазарини в полной мере обладал всеми перечисленными качествами. Более того, он был образован и умен, красноречив и обаятелен, молод и красив. Не менее важно то, что им руководила неуемная жажда богатства и славы.

Тут же следует сказать, что дипломатия Тридцатилетней войны при всем своем прагматизме несла в себе большой заряд традиционализма. В большинстве своем дипломаты не рассматривали свою деятельность как автономную и самоценную по своей природе. Послы часто являлись одновременно членами государственных и придворных советов, обладали титулами и были связаны прежде всего персональной верностью со своими сеньорами и патронами – королями, императорами, князьями, папами. Многие из них были ленниками, то есть держателями земель, как от своих государей, так и монархов, при дворах которых они были аккредитованы. Имела место, конечно, и конфессиональная пристрастность. Образ дипломата-монаха был очень распространенным в Тридцатилетнюю войну, особенно при решении интимных внутрисоюзнических проблем. Самыми известными его воплощениями можно назвать отца Гиацинта из Казале, капуцина Александра из Галле и прежде всего правую руку Ришелье – отца Жозефа. Что же касается папской дипломатии, в русле которой начинал свою дипломатическую работу Джулио Мазарини, то здесь, само собой, преобладали духовные лица и более высокого ранга.

Считается, что Тридцатилетняя война началась в Чехии восстанием в Праге 23 мая 1618 года, после того как из окна

Пражского Града были выброшены в ров два имперских чиновника. Это событие вошло в историю как «Пражская дефенестрация» (на латыни – «выбрасывание из окна»). Мятежники не выступали против императора Фердинанда II и имперской конституции, а лишь защищали свои автономные и религиозные права – в подавляющем большинстве чешское дворянство и горожане были протестантами. Своим королем восставшие чехи избрали в 1619 году главу Протестантского союза немецких князей курфюрста Фридриха V, владетеля одного из самых влиятельных немецких государств на Рейне – Пфальца. Это избрание предполагало поддержку Чехии со стороны всех европейских протестантов – немецких князей, а также Англии, король которой Яков I Стюарт был тестем пфальцского курфюрста. Так, в войне ясно обозначились противники. С одной стороны – император Священной Римской империи германской нации, Испания и Католическая лига немецких князей во главе с курфюрстом Максимилианом Баварским. С другой – Чехия, Трансильвания, Протестантский союз и симпатизирующие им, но не вступившие в войну на первом этапе (1618—1623) по внутриполитическим причинам Франция и Англия.

На протяжении всего XVII века во Франции шел процесс укрепления абсолютной власти династии Бурбонов и роста политического влияния этого государства на континенте. Еще первый Бурбон – Генрих IV, будучи гением политических манипуляций, интуитивно чувствовал, как обернуть трудности в стране, только вышедшей из хаоса религиозных войн XVI века, к своей собственной выгоде и выгоде всех французов. Он понимал, что развитие и укрепление Франции, окруженной со всех сторон владениями Габсбургов, требовало сильной в военном отношении и централизованной монархии. Получилось так, что огромную роль в укреплении французского королевства и становлении его гегемонии на континенте сыграли именно события Тридцатилетней войны. Но на первом ее этапе положение Католической лиги было более устойчивым. Военные и дипломатические усилия Испании и Империи развивались намного успешнее, что предопределило исход борьбы в их пользу – разгром чешского войска в битве у Белой горы близ Праги в 1620 году и захват Пфальца в 1623 году.

Удачная карьера молодого Мазарини была неразрывно связана с его деятельностью на поприще папской дипломатии. Быть дипломатом Рима – дело непростое, но Джулио умел вовремя понять, чего от него хотят и что надо делать в данный момент. За время его жизни сменилось пять римских пап: Павел V

из рода Боргезе (1605—1621), Григорий XV Людовизи (1621—1623), Урбан VIII Барберини (1623—1644), Иннокентий X Памфили (1644—1655) и Александр VIII Киджи (1655—1667).

Римский папа Павел V из рода Боргезе был ярым сторонником Контрреформации. Поэтому по логике вещей он должен был безоговорочно поддерживать католические силы. Но хитрый понтифик не очень спешил, прекрасно понимая, что полная победа Габсбургов может быть чревата значительным перевесом влияния в католических государствах Европы императора, а не его, римского первосвященника. Еще Павел V хотел сохранить политическое преобладание Рима на всей территории Италии. Соперником папы в этом деле была Испания в лице первого министра короля Филиппа III графа Оливареса. Поэтому лишь с большим трудом и неохотой в конце 1618 года папа предоставил Вене кредит в шестьдесят тысяч гульденов сроком на полгода, а в 1620 году миссия посла Фердинанда II с просьбой о субсидиях в размере один миллион гульденов из сокровищницы замка Святого Ангела кончилась неудачей. Вообще дипломатия римских пап, независимо от их симпатий, была дипломатией компромиссов. Именно на этом поприще выделился, блестяще себя проявил и снискал славу мастера компромиссов папский дипломат Джулио Мазарини.

Римским понтификом, с именем которого связано восхождение Джулио, был Маттео Барберини, Урбан VIII. Считается, что он являлся последним из римских пап, который желал помешать процессу централизации европейских государств, стремясь усилить влияние Святого престола в католическом мире и за его пределами. Он частенько говаривал: «Ватикан – не только видимое единство… Это реализация идеи и желания, это намерение сделать единство реальностью. На протяжении предыдущих столетий мы больше грабили, нежели делали. Теперь мы должны осуществить свою миссию…»

Прежде всего эта миссия должна была осуществляться с помощью папской дипломатии как арбитра в европейских делах. В предшествующем столетии Рим активно вмешивался в династические и политические конфликты, особенно между Францией и Габсбургами. Эта линия поведения в политике Урбана VIII имела свое продолжение. Рим стал центром европейской католической пропаганды, центром яростных споров между различными течениями в самом христианстве, центром контроля деятельности церкви во всех ее владениях.

Это был первый мир Джулио Мазарини – к его счастью, Урбану VIII предстояло сидеть на папском престоле достаточно долго. Вполне естественно, что все его родственники, особенно

племянники мужского пола, были хорошо пристроены. Таддео Барберини, женатый на дочери Филиппо Колонны, стал главой римской полиции. Старший племянник Урбана VIII Франческо был кардиналом и контролировал четыре аббатства, что позволяло ему иметь немалые доходы. Он активно покровительствовал художникам, которые посвятили свои таланты служению вере. Правда, Франческо часто впадал в меланхолию, был неважным политиком и неудобным человеком для окружающих. Однако нередко посещавший кардинала Джулио Мазарини не вызывал его обычного раздражения, умел развлечь и даже вызвать приступы смеха.

Младший брат Франческо, Антонио, ставший кардиналом в двадцать лет, отличался большим жизнелюбием. Обаяние, красота, бесконечная череда любовных интрижек… Святой престол смотрел на все это сквозь пальцы. Но кардинал Антонио часто вступал в противоречия со своим отцом и братом по религиозным и политическим вопросам. Он легко справлялся со своими неудачами – безуспешной войной против Пармы в 1642—1644 годах, в которой лично возглавлял папскую армию, и неустанно пережевываемой современниками интрижкой с певицей Леонорой Барони. Он же возвел в Риме великолепный палаццо Барберини, покровительствовал оперным труппам и отдельным певцам, а также экспериментировал с выпуском военной продукции, которую его клиенты позднее пытались ввозить во Францию. В отличие от Франческо Антонио оказался неплохим политиком, чувствовал, откуда ветер дует, и умел влиять на папскую дипломатию. Мазарини нашел в нем более приемлемого патрона, чем во Франческо.

Колонна, Саккетти, Барберини… На своем пути к вершине Джулио проявил чудеса ловкости и умения обзаводиться нужными связями, влиять на могущих защитить и возвысить его людей.

Но любая успешная карьера имеет свои пределы. Прыгнуть выше потолка помог случай, благодаря которому с легкой руки Антонио Барберини за Джулио прочно закрепилось прозвище «Маэстро случая» (*maestro di casa*).

Двадцатые годы пронеслись для молодого Мазарини как ветер. Делами в Милане он был завален по уши, выполнял все добросовестно и справлялся лучше многих, что снискало ему уважение коллег, с одной стороны, и зависть – с другой. «Мне иногда бывает трудно говорить любезности своим недоброжелателям. Но, увы, это нужно для дела», – как-то признавался Джулио кардиналу Антонио.

Во второй половине 1620-х годов Мазарини выполнял дипломатические поручения, связанные с проблемой Вальтеллины. Эта небольшая территория в Альпах на севере озера Комо принадлежала протестантам-гризонам и находилась под протекторатом Франции. Для ее соседей был очень важен вопрос о ее религиозной и политической принадлежности. Вальтеллина имела очень удобное стратегическое положение – ее захват мог соединить земли испанских и австрийских Габсбургов. Не менее важным представлялось влияние на эту землю со стороны Рима – это могло обеспечить нейтралитет и спокойствие североитальянских государств и повысить авторитет Урбана VIII как арбитра в европейских делах.

В 1622 году испанские войска под командованием Гонсало де Кордовы вступили на землю Вальтеллины. Но французское правительство, хотя и забеспокоилось, никаких ответных мер не предпринимало, пока в 1624 году первым министром Франции не стал кардинал Ришелье. С согласия правителя Милана графа Фариа кардинал послал французские войска в Италию, а умелого дипломата Пьера де Бассомпьера, ставшего впоследствии маршалом Франции, на переговоры в Мадрид. Со своей стороны Урбан VIII тоже не мешкал: кузен Колонны принц Палестрина двинулся во главе папской армии по направлению к Вальтеллине.

Крупный конфликт оказался никому не нужен. Как раз в то время Ришелье собирался покончить с сепаратизмом гугенотов у себя в королевстве и воевать чужими руками, но при помощи собственных денег, за пределами Франции. А первый министр испанской короны – честолюбивый и умный Оливарес – пока не желал раздражать французов. Он еще имел надежды на то, что война против протестантов разогреет католические чувства во Франции и ее правительство не будет активно бороться против единоверцев за границей. Как ошибался Оливарес и как мало тогда Европа знала только начинавшего свою министерскую деятельность Ришелье! Уже через пять лет почти все католические государи полностью перестанут ему доверять.

Заинтересованным сторонам необходим был приемлемый компромисс. Он был найден двумя дипломатами – французским послом де Бассомпьером в Мадриде и итальянцем Джулио Мазарини непосредственно на месте. А выиграл спор, в сущности, папа Урбан VIII. Важную роль здесь сыграл Джулио, посланный Палестриной к Кордове и уговоривший его оставить в Вальтеллине папские гарнизоны. Бассомпьера и Оливареса этот вариант сейчас вполне устраивал. В результате Вальтеллина оказалась под присмотром римского папы, а дипломат Мазарини снискал заслуженный успех.

Все же сомнительно, что карьера Джулио развивалась бы столь удачно, если бы не политико-дипломатическая склока, представлявшая спор по поводу пресловутого «мантуанского наследства», разгоревшийся в Северной Италии уже в конце второго периода Тридцатилетней войны, длившегося с 1625 по 1629 год.

Главными же итогами первого периода стали изменение баланса сил в Европе в пользу католического блока и резкое повышение авторитета императора Священной Римской империи Фердинанда II – очень воинственного и честолюбивого правителя. Это привело к тому, что во втором периоде стали более активными, хотя и не принесли результатов, действия антигабсбургской коалиции. Это – во-первых. А во-вторых, усилились разногласия в габсбургско-католи-ческом лагере между Католической лигой, Испанией, Империей и Святым престолом.

В 1627 году умер герцог Мантуанский из рода Гонзага. Его наследство должно было перейти к французу – герцогу Шарлю де Неверу. Чтобы не допустить усиления французского влияния в Италии, Мадрид оружием поддержал претензии на Мантую герцога Савойского Карла-Эммануила. Преследуя свои династические и территориальные интересы, Карл-Эммануил стал врагом Франции и насильно отрезал от мантуанского наследства в свою пользу часть маркизата Монферрато. Император Фердинанд II поддержал эту акцию. Над Французским королевством собирались грозовые тучи – возникла угроза полного его окружения испанскими и австрийскими Габсбургами.

Оливарес шел ва-банк. Сейчас его положение в Испании было непрочным: покровительствовавший ему король Филипп III с 1627 года серьезно болел, а сам первый министр стал крайне непопулярен из-за введения непосильных для населения налогов. Успешные военные действия могли значительно улучшить ситуацию и укрепить его авторитет. Одновременно он полагал, что осажденная кардиналом Ришелье гугенотская крепость Ла-Рошель еще некоторое время продержится и у французского первого министра будут связаны руки.

Но не тут-то было. Ла-Рошель пала в октябре 1628 года. И уже в январе 1629 года первый министр Франции вынашивал планы открытой войны с Испанией с целью ограничить ее господство в Северной Италии. Он рисковал не меньше, чем Оливарес, – аристократические заговоры с целью его устранения с 1626 года шли непрерывной чередой. Военной неудачей могла ловко воспользоваться мать короля Людовика XIII Мария Медичи. К тому же репутация имперских и испанских военачальников,

особенно Валленштейна и Спинолы, после успешных военных кампаний второго периода европейской войны была очень высока.

Близилась весна. В Южной Европе уже наступила весенняя распутица. Неожиданно для всех в конце марта 1629 года кардинал Ришелье ринулся во главе французской армии через Альпы в Италию, повторив подвиг Ганнибала и предварив знаменитый переход Александра Суворова. Прорвавшись через Сузское ущелье, французы нанесли ряд поражений испанским и савойским войскам и овладели важной в стратегическом отношении крепостью Казале.

Итальянцы не оказывали сопротивления, а, напротив, помогали французам чем могли.

19 апреля в Сузе был подписан договор между Францией, Савойей и Венецией, подтверждавший права де Невера на Мантую и Монферрато. Параллельно стороны заключили союз против Испании. Казалось, успех был закреплен, а Кордова разгромлен окончательно. Но в мае 1629 года свои войска в Ломбардию с целью очистить ее от французов направил Фердинанд II, а испанский генерал Спинола напал на Монферрато.

Осенью 1629 года была сформирована новая пятнадцатитысячная французская армия под командованием маршала де ла Форса. Общее руководство походом осуществлял Ришелье. Французы вторглись в Пьемонт и в конце марта 1630 года овладели крепостью Пинероль. Отсюда открывались пути на Милан, Геную и в Швейцарию.

Эти события очень обеспокоили Урбана VIII и его окружение. Еще больше его пугал триумф Габсбургов и Фердинанда II по итогам окончания второго периода Тридцатилетней войны, который почти полностью был обеспечен блестящими победами талантливого имперского полководца Альбрехта фон Валленштейна. Главной задачей папы римского в данный момент было сохранить статус-кво в Северной Италии.

Нельзя сказать, что Урбан VIII был слишком умен. Но иногда небо посылало ему озарение, которое часто является основой успеха. Этим озарением для папы стало решение послать в Северную Италию Джулио Мазарини.

Между воюющими сторонами начались закулисные переговоры. Сопровождавший папского легата Антонио Барберини молодой дипломат выехал в район боевых действий с целью посредничества и возможного примирения. Несмотря на дождливую погоду и непролазную грязь, Джулио был бодр и весел, хотя немного волновался. Он верил в самого себя.

Политические события прошедших лет несколько скорректировали взгляды и пристрастия Мазарини. Он понимал, что победы Католической лиги могут привести к созданию универсальной монархии, диктующей свою волю всей Европе. Ему, как папскому дипломату, это было невыгодно. С другой стороны, Джулио обратил внимание на страну, население которой было в два раза больше, чем в Испании, а ее первый министр начал править столь эффективно, что его решения стали существенно влиять на ход событий на континенте. Впрочем, то же заметил кардинал Франческо Барберини, ненадолго вышедший тогда из своей обычной меланхолии. А кардинал Антонио предоставил своему помощнику полную свободу действий.

Главные усилия Мазарини были сосредоточены на том, чтобы обеспечить свободу альпийских проходов как для французов, так и для габсбургских армий. Его первая встреча с Ришелье состоялась 29 января 1630 года в Лионе. Здесь, сопровождаемый герцогом Монморанси, кардинал пребывал в ожидании второго похода в Северную Италию на помощь де Неверу. Первый министр Франции не спешил, тщательно планируя каждый свой шаг. Возможно, он выжидал, как развернутся события дальше. Миссия молодого папского посланца заключалась в том, чтобы объяснить Ришелье намерения своего господина (то есть Урбана VIII), предложить помощь в урегулировании конфликта и посредничество между французами, с одной стороны, и савойским герцогом и испанцами – с другой.

Задача была не из легких, решить ее помогли не только дипломатические способности, но и хорошая осведомленность о внутренней ситуации в Испании и Франции, их главных внешнеполитических целях и планах. Джулио знал о нежелании французского правительства ввязываться в европейскую войну в данный момент. Финансы страны находились в критическом состоянии, здоровье короля также оставляло желать лучшего. Как раз в это время он надолго отдалился от своей жены Анны Австрийской, у которой не было детей. Его младший брат и наследник Гастон Орлеанский вместе с противниками Ришелье постоянно интриговал с целью занять французский престол. Когда кардинал начинал свою итальянскую кампанию, он был полновластным господином в Париже. Но стоило ему уехать, как герцог Карл Лотарингский вторгся в пределы Франции с целью посадить Гастона на престол и покончить с правлением Ришелье.

Поэтому, несмотря на боеготовность своей двадцатитысячной армии, произведшей исключительно сильное впечатление на Мазарини, французский министр по-прежнему хотел воевать в

Европе чужими руками. Уже близилась к концу подготовка к высадке в Померании сильного противника императора – шведского короля Густава II Адольфа. Ришелье давно вел с ним переговоры и собирался заключить договор о субсидировании военных действий шведов на континенте.

Французский кардинал ничего не знал о Мазарини перед встречей в Лионе и подозрительно воспринял приезд неизвестного итальянца: «Мазарини прибыл сюда скорее с целью шпионить, нежели угрожать… Не исключено, что он представляет интересы наших врагов… он может быть таким же испанцем и савойцем, как и проповедником». Ришелье прежде всего видел в Мазарини человека Колонны. Тем не менее он предоставил ему для беседы целых два часа.

8 ходе беседы предубеждение постепенно рассеивалось. Ришелье увидел, что предложения папского посла были достаточно серьезны. Ведь Джулио к этой встрече тщательно готовился и принял к сведению добрый совет принца Морица Савойского, хорошо знавшего Ришелье: на кардинала нельзя было давить. Вежливая и ненавязчивая манера Джулио, его готовность долго слушать собеседника и воспринимать стиль беседы покорили Ришелье. Посланник Урбана VIII мягко упомянул о трудностях зимней кампании в Италии и немного преувеличил готовность савойской и габсбургской сторон идти на приемлемые компромиссы. В результате Мазарини обеспечил несколько встреч противников в Казалет-то, Пинероли, Гренобле и Шамборе.

Конечно, это был большой риск. Его встречи с Ришелье представляли смесь авантюризма, ума и храбрости. Несомненно, барочная культура сформировала у Джулио культ героя, совмещавшего в себе античные и современные черты. Его герой был мужественным и смелым, но, следуя своей цели, мог использовать любые приемы. Но лейтмотивом деятельности Ришелье тоже было применение всех средств и методов для достижения наилучших политических результатов в своем государстве и за его пределами. Поэтому они сразу поняли друг друга. Ришелье надолго запомнил и оценил способности посланца Урбана VIII. «Мой инстинкт подсказал мне, что передо мной гений», – позднее записал он в своих «Мемуарах».

Часто бывает так, что сильно разгоревшийся костер затухает сам по себе – то ли из-за начавшегося дождя, то ли из-за того, что в него перестали подбрасывать сучья и ветки. Судьба распорядилась лучше политиков и генералов, осажденных и осаждающих: дизентерия и тиф основательно просеяли армии враждующих сторон в Северной Италии. Испанский генерал Спинола умер под стенами Казале, а савойский герцог Карл-

Эммануил – в своей столице в Турине. Последнему наследовал Виктор Амедей, муж сестры Людовика XIII. Их смерть не была плохой новостью для Ришелье. «Все в руках божьих, – посмеивался тогда кардинал, сам человек очень болезненный, – когда приехал этот Мазарини, все обернулось самым благоприятным образом».

9 августа 1630 года первый министр Франции предоставил Джулио последнюю аудиенцию перед отъездом в Париж. Он уклончиво и скептически заметил, что имел «добрые намерения, но малую власть и не верил, что переговоры закончатся результативно». Ришелье подгоняли угрожающие донесения о болезни его короля. Умри сейчас Людовик XIII – и ему пришлось бы туго. Французский монарх не был безвольным, как часто пишут о нем биографы, но не любил особенно вникать в политику и понимал, что Ришелье ему необходим.

Поэтому мир в самые короткие сроки был сейчас очень нужен кардиналу. В беседе с папским дипломатом он допускал, что мог бы провести более успешную кампанию. Джулио был крайне деликатным и заметил, что французский министр одержал верх, насколько это было возможным, над всеми – над папой, Савойей, своими внутренними противниками и даже Испанией: для кардинала ничего невозможного не существует.

Действительно, предпринятые по приказу Ришелье энергичные санитарные и организационные меры позволили укротить волну эпидемий и дезертирства во французской армии, восстановить ее боеспособность. Началось новое и энергичное наступление французов из Савойи в направлении Пьемонта.

Мазарини был полон восхищения личностью великого министра Людовика XIII, ставшего для него образцом государственного деятеля на всю жизнь. Вскоре ему предстояло вновь выбрать себе господина. Многое зависело от того, как развернутся дальнейшие события. Хотя Джулио по-прежнему продолжал добросовестно служить Святому престолу, со дня встречи с Ришелье он, вследствие как восхищения, так и политической интуиции, старался благоприятствовать интересам Франции в Европе. На протяжении 1630-х годов дипломатия Мазарини, несмотря на свои заданные сверху цели, не шла вразрез с дипломатией первого министра Франции.

На одной из встреч с кардиналом Ришелье в Пинероли в апреле 1630 года Мазарини познакомился с еще одним примечательным человеком – отцом Жозефом. Этот незаметный капуцин, которого уже именовали «серым кардиналом» и «вторым я» Ришелье, был самым доверенным лицом и, пожалуй, единственным другом первого министра Франции. Отец Жозеф

имел явные прокатолические симпатии и был не прочь поддерживать мир и союзнические отношения с Габсбургами и католическими князьями Империи. Он позволял себе часто спорить со своим господином и другом, и тот это терпел, поскольку понимал, что для его оппонента важны прежде всего государственные интересы Франции. В жизни же отец Жозеф, как отзывались о нем современники, «от природы и нарочитых стараний… был замкнутым в себе человеком, который, кроме как в случае необходимости, редко давал себе отдых в обычной чувственной жизни и который вдобавок к уставу ордена, казалось, предписал себе еще и собственный устав…». Постель, в которую обычно укладывался Жозеф, являла собой тощий жесткий матрас, положенный на доски. Спал он без простынь, не снимая власяницы, которую весь день носил под заскорузлой и изодранной рясой. От постоянных бичеваний на спине и плечах почти никогда не заживали раны, и первое соприкосновение с матрасом, наверное, причиняло ему острую боль. Но «серый кардинал» привык к таким неудобствам и выучился не только терпеливо их сносить, но даже радоваться им – эта боль посылалась и терпелась ради вящей славы Божией и во спасение души. Долгая привычка развила в нем такую выносливость, что позже к умерщвлению плоти он прибавил еще и пытку, прописанную врачами. Тогда считалось, что прижигание затылка раскаленным железом поправляет слабевшее зрение. Поэтому Жозеф, откидывая капюшон, обнажал красневший ниже тонзуры, вечно воспаленный от регулярных ожогов рубец. Таков был режим «правой руки» кардинала Ришелье. Как видим, аскет Жозеф и жизнелюб Мазарини были явными противоположностями, но в Северной Италии капуцин подыгрывал папскому легату, стараясь утихомирить итальянские амбиции Ришелье.

В июне 1630 года открылся рейхстаг в Регенсбурге, на котором попутно шли напряженные переговоры о заключении мира. Официальным послом кардинала там был Брюлар де Леон, неофициальным – отец Жозеф. Почти головокружительный успех Габсбургов на втором этапе Тридцатилетней войны делал императора Фердинанда довольно упрямым – он не желал идти на признание достижений Франции в Северной Италии. Жозефу, де Леону и Мазарини пришлось нелегко. Первый текст договора, ограничивавший французские территории в Италии и права де Невера на Монферрато, был отклонен кардиналом Ришелье.

Во второй половине октября 1630 года французское наступление в Пьемонте развернулось с новой силой. Отдохнувшие войска маршала де ла Форса достигли Казале, где мужественно держался осажденный испанскими войсками

гарнизон Туара. Готовился последний бросок на позиции де Кордовы. Но тут внезапно на горизонте появился всадник, отчаянно старавшийся привлечь к себе внимание и размахивавший каким-то свитком. Более того, он во все горло кричал: «Мир! Мир! Кончайте стрелять!» Изумленные солдаты увидели донельзя перепачканного Мазарини, доставившего де ла Форсу согласие Кордовы снять осаду Казале и вывести свои войска без всяких условий. Папский легат сообщил и о подписании мирного договора в Регенсбурге на более выгодных для Франции условиях. Несколько месяцев спустя европейские газеты запечатлели этот подвиг, поместив на своих страницах небольшую гравюру, на которой был изображен всадник, машущий двум армиям белым свитком. Так Мазарини вошел в историю в роли воина-миротворца.

Спустя годы Джулио вспоминал этот день с удовольствием. В одном из писем 1638 года он так описывал свои впечатления: «Я говорил на публике более четверти часа. Каждый был согласен с тем, что я произносил, и начинал выражать свой восторг. В хаосе беспорядочных выкриков стало трудно отличить француза от испанца – все стали братьями по крови, армии обнимались…»

Долгожданный мир был заключен – испанцы покидали Казале, а имперские войска Мантую, закреплявшуюся за герцогом де Невером. Ришелье проникся еще большей симпатией к итальянцу-дипломату и официально поблагодарил его. Бесусловно, успех Джулио был во многом обеспечен стечением обстоятельств: на севере Германии уже появился со своими дисциплинированными солдатами, взятыми впоследствии за образец для армии вождя Английской революции Оливера Кромвеля, грозный для Империи шведский король. Но великолепные качества Мазарини как дипломата уже ни у кого не вызывали сомнения.

Война вроде бы завершилась, и вновь за дело взялись политики. В 1631—1632 годах при посредничестве Мазарини был заключен ряд выгодных для Франции соглашений с Савойей и властями Турина. Они подтверждали достигнутые договоренности в Регенсбурге и предоставляли беспрепятственный проход французским войскам через Северную Италию. Так переговоры, которые вел Джулио Мазарини, помогли на время успокоить мантуанское «осиное гнездо» и освободить всю неиспанскую Италию от иностранных войск.

В литературе распространено мнение, что с начала 1630-х годов Джулио становится тайным агентом Ришелье. Но так как эта версия ничем существенным, кроме конфиденциального тона

писем от кардинала, не подтверждается, возможно, это тоже часть легенды о Мазарини.

Биографы также расходятся в том, когда же Джулио в первый раз посетил Париж. Некоторые даже относят это событие к 1629 году. Но прямых свидетельств на сей счет не обнаружено. Скорее всего, Мазарини впервые приехал во французскую столицу в январе 1631 года, но и этот факт остается недоказанным. Он пробыл там три месяца, выполняя поручения по делам Северной Италии, и контролировался папским нунцием в Париже Алессандро Бичи. Джулио, наверное, был настолько поглощен своими обязанностями, что совсем не оставил никаких записей о впечатлении, произведенном на него городом и его жителями. В Париже он познакомился с Абелем Сервьеном, военным министром Ришелье с 1630 года, и с тех пор Сервьен, способнейший политик, становится другом Мазарини на всю жизнь. Свое впечатление о Джулио военный министр выразил Ришелье таким образом: «Этот господин Мазарини – самый достойный и самый умелый слуга из всех, когда-либо бывавших у Его Святейшества». Сервьена немало покорило и умение Мазарини разбираться в архитектурных стилях. Джулио, к примеру, одобрил дворец, построенный архитектором Жаком ле Мерсье на улице Сент-Оноре.

Во французской столице папский дипломат не преминул познакомиться поближе и даже подружиться с Шавиньи – молодым и симпатичным государственным секретарем Ришелье, которого кардинал тогда очень любил. Новые знакомые были почти ровесниками: Мазарини понравился Шавиньи, которому и в голову не могло прийти, что в один прекрасный день разговорчивый итальянец станет преемником и продолжателем дела Ришелье. Вот тогда появятся зависть и ревность.

Несомненно, Джулио играл в Париже двойную роль. Ему, как папскому посланцу, были открыты двери испанского посольства. От посла короля Филиппа – высокомерного, но недалекого Мирабеля – он узнал о секретных переговорах между Марией Медичи и Мадридом. Скоро об этом стало известно как Урбану VIII, так и Ришелье. Оба приняли это к сведению, и Джулио был вознагражден. Давая инструкции французскому послу в Риме попросить у папы пост нунция для Мазарини, Ришелье заметил: «Я не могу назвать человека, от кого бы Его Святейшество получил больше информации, чем от него (то есть Мазарини)».

Примечательно, что первому министру Франции в это время становится небезразличным, что о нем думает безызвестный ранее итальянец. Ришелье просит Сервьена при случае «убедить Мазарини, что все, что говорят плохого обо мне – ложь, и что я

люблю его и надеюсь на него больше, чем он может пожелать».

Заслуги молодого дипломата не остались не замеченными и в Риме. Несколько дней спустя после своего «подвига» в Казале, в октябре 1630 года, от своего друга и покровителя Саккетти Джулио узнал, что папа римский намерен серьезно покровительствовать его карьере, но при одном условии – он должен принять духовный сан. Признаться, молодой дипломат размышлял над этим довольно долго. И все-таки решился. Во время его очередного пребывания во Франции, 18 июня 1632 года, нунций Бичи совершил в церкви Сен-Менегуль скорый обряд посвящения Мазарини в духовный сан. Бичи, впоследствии назначенный Людовиком XIII приором монастыря, станет добрым другом папского дипломата. На это Джулио согласился в первую очередь ради карьеры и богатства: по приезде в Рим он становится каноником церкви Святого Иоанна Латеранского, затем прелатом с почетным обращением «монсиньор». Его включают в состав секретариата римской курии в должности протонотариуса. С начала XVII века секретари папы жили и работали во дворце римского понтифика и благодаря личному общению с папами обладали немалым влиянием. Они были в курсе всех дел Рима, поскольку занимались составлением документов, канонических постановлений и указов, а также перепиской папы с государями Европы.

С другой стороны, одно легкое движение ножниц, нарушившее красивую линию локонов прически и наметившее тонзуру, превратило Мазарини в человека, ускользающего из рук гражданского правосудия, что немало помогало ему позже, во время министерства во Франции.

И в секретариате римской курии Джулио занимался прежде всего дипломатической работой. Но клан Барберини знал его истинные таланты и пытался найти им более практичное применение. К тому же, осыпая Мазарини милостями, папа официально прикрепил его к дому кардинала Антонио Барберини. Поэтому в 1633 году Джулио становится аудитором легата в Авиньоне кардинала Антонио, то есть чрезвычайным послом и одновременно вице-легатом – заместителем посланника папы. Урбана VIII очень интересовала Франция, но он предпочитал своего старшего племянника и таким образом исключал Джулио из числа настоящих «приближенных». Недоброжелатели Мазарини в курии судачили, что, отправив в Авиньон, его попросту сослали.

Можно полагать и так. Тем не менее Джулио, который время от времени служил в соборе Святого Иоанна Латеранского и занимался делами Авиньона, стал одним из самых доверенных

друзей кардинала Антонио. В великолепном дворце Барберини, законченном архитектором Бернини, Мазарини бывал очень часто. Обитатели дворца – артисты, художники и писатели – вели веселую светскую жизнь, не отличавшуюся набожностью и святостью. Здесь устраивались роскошные пиры, часто играли в карты. А молодой кардинал Антонио в своих любовных похождениях использовал Джулио в качестве посредника. Последний, впрочем, в этом деле не отставал от своего «падроне», о чем часто злословили его будущие враги и сочинители исторических анекдотов.

Казалось бы, это – вершина успеха для сына нетитулованного дворянина. Однако был ли Мазарини полностью удовлетворен достигнутым? Другой бы на его месте считал, что достиг пика своей карьеры. Римлянин по рождению и культуре, молодой прелат как будто находился под высоким покровительством святого отца, но не хотел вечно оставаться каноником или простым прелатом – положение, достойное уважения, но для него вполне заурядное. Как оказалось, достигнутого Джулио было недостаточно – недостаточно денег, власти, а главное – масштабов для реализации своей неуемной энергии и беспокойного ума.

И совсем не зря он интуитивно обратил свое пристальное внимание на страну, которой умело и ловко правил кардинал, государство, которое, как он чувствовал, ему предстоит завоевать. Позднее Мазарини признавался, что уже тогда нашел для себя землю, «прочную и навсегда определенную». Несомненно, это был авантюрный поступок! Но он удался.

Великий предшественник

И этот разума огонь неистребимый Останется, когда сойду во мрак. Неистовый и непоколебимый, Он будет озарять твой каждый шаг.

Адриена Лафайет

В недалеком будущем именно Франции предстояло стать второй родиной и основной сферой деятельности Джулио Мазарини. Поэтому стоит подробнее остановиться на характеристике этого государства и политики его фактического правителя кардинала Ришелье.

В 1607 году папа Павел V распорядился ускорить утверждение понравившегося ему двадцатилетнего французского аббата в сане епископа Люсонского. При этом якобы были произнесены слова: «Справедливо, чтобы человек, обнаруживший мудрость, превосходящую его возраст, был возвышен досрочно».

Есть и другая версия этого случая. Противники Ришелье утверждали, будто он предъявил в Риме поддельный документ, удостоверявший, что возраст позволяет ему претендовать на сан епископа. Во время церемонии посвящения в сан папа Павел V, выслушав речь, произнесенную на чистейшем латинском языке юным Арманом Жаном дю Плесси де Ришелье, рукоположил его в епископы. А уже после этого действа виновник торжества попросил прощения у святого отца за то, что солгал ему насчет своих лет:

– Ваше Святейшество, отпустите мне великий грех: я ведь не достиг надлежащего возраста!

Павлу V ничего не оставалось делать, как дать юному епископу требуемое отпущение. Затем римский понтифик заметил своим приближенным:

– Этот молодой человек будет со временем недюжинным плутом. Он далеко пойдет.

В действительности, Ришелье, а затем Мазарини в значительной мере определили ход развития государственности во Франции вплоть до Великой французской революции конца XVIII века.

13 августа 1624 года Арман Жан дю Плесси де Ришелье, недавно посвященный в сан кардинала, становится первым

министром Французского королевства. На этом посту он бессменно пробудет восемнадцать лет, три месяца и двадцать дней – вплоть до самой смерти. По иронии судьбы примерно такой же срок будет править Францией и его наследник – Джулио Мазарини. Основой всей жизни кардинала Ришелье были государство, которое он любил и стремился преобразовать, и власть, за которую крепко держался и постоянно боролся.

Нельзя сказать, что политическое мышление Ришелье было самым передовым для своей эпохи. С точки зрения исторического развития таковыми являлись политические теории, внутренняя политика и дипломатия, возникшие в ходе Английской революции середины XVII века. Но политическое мышление Ришелье оказалось наиболее подходящим для Франции и стран со сходным уровнем развития экономики и государственности.

XVII век был для Франции временем перехода от монархии дворянской, аристократической, к бюрократической и в социальном плане смешанной абсолютной монархии. В этом смысле Жан Арман дю Плесси как бы олицетворял свою эпоху, ибо был сыном сеньора де Ришелье и Сюзанны де Ла Порт, дочери парижского адвоката, происходившего из буржуазной семьи. Взгляды молодого дю Плесси формировались во время царствования Генриха IV Бурбона, продолжателем политики которого во многих отношениях он стал. Основными и неизменными задачами первого министра были: внутри своего королевства – государственная централизация и монополизация власти, во внешней политике – возвышение Франции и политическая гегемония в Европе.

Ришелье не только управлял – он находил время для того, чтобы запечатлеть для потомков свои мысли на бумаге. В первую очередь они выражены в «Политическом завещании», которое раньше нередко считали самым точным и кратким документом эпохи правления кардинала. Но ни «Завещание», ни многочисленные письма и бумаги, ни «Мемуары» Ришелье (которые написаны рукой его секретарей) не отражают целиком и полностью его подлинных мыслей и действий. В действительности политическое мышление кардинала проявлялось прежде всего в его конкретной политике.

Но сначала – несколько штрихов к характеристике политических взглядов правящей элиты Франции XVI—XVIII веков. В них довольно сильно ощущалась претензия на наследство Древних Афин и особенно на роль «нового Рима». Идея была совсем неоригинальной в ту эпоху. Известный поэт XVI века Жоашен дю Белле объявлял Францию «матерью искусств, войны и законов», чем обосновывал ее право на главенство в

европейском сообществе.

Одновременно в XVII веке во Французском королевстве сохранялись в массе населения сильные религиозные влияния. Франция нередко рассматривалась как «любимая дочь католической церкви». Влияние ультрамонтанов – ярых католиков во главе с кардиналом Пьером Берюлем, отстаивавших идею неограниченной духовной власти папы римского, – было очень весомым. Кардинала Берюля Ришелье очень не любил, но был вынужден в политических целях поддерживать с ним отношения. Более того, невзирая на обременительные обязанности государственного мужа, кардинал находил время сочинять теологические трактаты. Его духовник замечал, что «Его Высокопреосвященство посвящал этому не только свободные дневные часы, но обыкновенно и большую часть ночи». Религиозные сочинения Ришелье демонстрируют основательное знание католического вероучения. Однако он не впадал в мистику, что было весьма характерно для его времени, хотя в его великолепной библиотеке имелись мистические труды святого Иоанна Креста и святой Терезы Авильской. Более того, кардинал рассматривал мистиков как людей, способных расшатывать государственные устои, и поэтому в 1638 году распорядился заключить в Венсеннскую тюрьму одного из них – аббата Сен-Сирана. Его природная гордость и рациональный ум не выносили чувства духовного прегрешения, столь характерного для мистиков, всегда озабоченных тем, не примешана ли гордыня к совершению самых благочестивых поступков.

Первый министр Франции служил государственному интересу – парадигме, которая начала формироваться в Европе еще в XVI веке под пером Никколо Макиавелли, Жана Бодена, а затем в начале XVII века Гуго Гроция. Для французской монархии, возглавившей в конечном счете борьбу против габсбургского универсализма, политическое мышление Ришелье оказалось наиболее приемлемым. В целом политика первого министра была результатом новой концепции человека и общественных отношений, в основе которой лежали прогресс и рационализм. Эта новая философия означала вмешательство человека в жизнь общества, в котором он существует, в противовес средневековым провиденциалистским воззрениям. Теория государственного интереса представляет собой такое политическое учение, которое требует подчинения всех религиозных, мировоззренческих, а также личных склонностей интересам государства. Но как Ришелье его понимал? Как ни странно это звучит, французского кардинала можно считать консерватором, поскольку он признавал сложившийся до него в стране социальный и

политический порядок как данный свыше, что не мешало ему быть реалистом и идти на реформы внутри «данного свыше порядка», фактически преобразующие его.

Кардинал Ришелье пришел к власти в непростое для Франции время. Ему было крайне сложно проводить активную антигабсбургскую политику, несмотря на более чем вековую традицию соперничества Габсбургов и Франции. Для французских историков, начиная со времен Французской революции, первый министр являлся носителем централизации и унификации французской территории в пределах древней Галлии, хотя действительность была несколько иной. Французская монархия не могла одержать быструю и полную победу, она неоднократно находилась на грани поражения в силу многих препятствий, мешавших функционированию государства. Ведь королевство Франция представляло собой еще недавно всего лишь совокупность территорий под властью королевского дома и имело противников в самой монаршей семье – принцев крови Бурбонов, Конде и других. Все они могли в подходящие моменты претендовать на трон. Они поднимали мятежи, провоцируя других аристократов своим примером, имели родственные связи с королевскими и княжескими домами Европы, что усиливало их позиции и часто делало почти неподвластными и неподсудными короне.

Так, после убийства фанатиком-католиком Равальяком в 1610 году короля Генриха IV Бурбона страна под неумелым регентством его вдовы Марии Медичи при малолетнем Людовике XIII окунулась в море смуты, которая проявилась в постоянных аристократических мятежах. Ришелье пришлось на протяжении всего своего правления бороться с бесчисленным количеством аристократических заговоров с целью отстранения его от власти, а то и просто физического устранения. В ответ кардиналом была налажена прекрасная шпионская сеть, проведен целый ряд государственных реформ, подорвавших влияние «дворянства шпаги». Строжайший надзор за представителями знатнейших фамилий и сведение к минимуму их антигосударственной деятельности были для кардинала в числе важнейших дел.

Кроме того, против непокорной знати были осуществлены и другие меры: запрещение дуэлей и разрушение всех замков, находящихся вдали от границ королевства. Еще в предыдущем столетии дуэли между аристократами превратились в настоящую манию и были осуждены церковью. У Ришелье были личные причины не любить дуэли – в одной из них его отец отправил своего противника на тот свет, а в другой погиб его старший брат. Реки крови, которые проливала знать, участвуя в дуэлях, дали

кардиналу возможность укрепить короля в решимости действовать в интересах государства. Поэтому февральский эдикт 1626 года гласил о тяжелой каре в отношении дуэлянтов. Зафиксированный властями вызов на дуэль влек за собой потерю должности, конфискацию половины имущества виновного и изгнание из страны на три года. Дуэль без смертельного исхода наказывалась утратой привилегированного положения, иногда смертной казнью; а вот дуэль со смертельным исходом попадала под статью об оскорблении Величества.

Знать отреагировала однозначно. В знак протеста против королевского эдикта победитель в двадцати двух дуэлях граф де Бутвиль 14 мая 1627 года устроил перед Лувром дуэль, в которой участвовало шесть дворян. Один из участников этого действа был убит, другой ранен. Де Бутвиль и его кузен де Шапель, также участвовавший в дуэли, бежали из Парижа, но скоро были схвачены и брошены в Бастилию. Де Бутвиль принадлежал к прославленному роду Монморанси-Люксембург, и поэтому суд над ним мог иметь большое политическое значение. Конечно же принц Конде и другие аристократы, не говоря уже о жене де Бутвиля, бывшей на третьем месяце беременности, взывали к королю с просьбой проявить милосердие. Людовик XIII на это только заметил: «Мне жаль графиню, но я обязан защитить мое достоинство». 22 июня 1627 года де Бутвиль и де Шапель были, согласно закону, казнены на Гревской площади. Юность и мужество казненных дуэлянтов вызвали в Париже глубокое сострадание и потрясли общественное мнение.

Но преуспел ли кардинал в искоренении дуэлей? Возможно, на какое-то время дуэли и приостановились. Но уже в 1629 году Ришелье указал Его Величеству на слабость, допущенную королем в применении законов, особенно эдикта о дуэлях. В этом вопросе первый министр, стараясь оправдать смерть де Бутвиля и других казненных дуэлянтов, активно использовал пропаганду. Исходивший из официальных кругов памфлет оценивал дуэли как оскорбление Бога, короля и всех французов. Другой любопытный памфлет в виде письма жителя Голландии доказывал, что дуэли в среде французской знати на руку главному врагу Франции – Испании. Ведь в то время как французские дворяне шпаги убивают друг друга, Испания готовится установить мировое господство.

Ришелье преуспел в другом. Еще более дуэлей кардинала беспокоила укрепившаяся в 1610—1624 годах автономия гугенотского «государства в государстве». То было новое, вышедшее в начале его министерства на первый план препятствие на пути централизации и унификации Французского королевства.

Еще по дарованному бывшим гугенотом королем Генрихом IV Нантскому эдикту 1598 года французские кальвинисты-гугеноты получили свободу вероисповедания и широкую автономию. Со временем автономные права значительно расширились. Кроме того, среди гугенотских общин насчитывалось около тысячи шестисот аристократов и менее знатных лиц. К ним относились семейства Бульон, Шатийон, Ла Форс, Ла Тремуйль и другие. Они являлись владельцами великолепных особняков в Париже и значительных сеньорий в сельской местности, занимали придворные должности и важные посты в местной администрации. Для защиты своих привилегий они могли выставить собственные армии из числа своих многочисленных арендаторов. Но большую часть гугенотов составляли буржуа и ремесленники. Вообще же французский протестантизм был гораздо сильнее привязан к городам, нежели к сельской округе. И от этого был более опасен в смысле неподчинения законам «наихристианнейшего» монарха. Для большинства французов единство их королевства соответствовало девизу «Один король, один закон, одна вера», и допущение королевской администрацией существования вольностей гугенотов было для них ярким свидетельством слабости центральной власти.

Регентшу Марию Медичи гугеноты совсем не принимали всерьез – она даже не смогла разогнать протестантскую ассамблею в Сомюре в 1611 году, выставившую центральной власти непомерные требования, содержавшие отказ платить целый ряд налогов. Гугеноты возвратились в свои провинции, намереваясь, словами Ришелье, «нарушить мир в стране и поймать рыбку в мутной воде». Даже после того как в 1617 году в результате государственного переворота Мария Медичи и ее фаворит Кончино Кончини были отстранены от власти повзрослевшим Людовиком XIII и его министром Люинем, положение в государстве едва ли улучшилось. И Люинь, и сменившие его в 1621 году братья Брюлары оказались бессильными перед сложившейся ситуацией во Франции и Европе в целом. Внутренняя и внешняя политика Французского королевства фактически зашла в тупик.

Ришелье это исправлял, насколько понимал и мог. Единства Франции он добился в первую очередь путем ликвидации гугенотского «государства в государстве». «Пока гугеноты имеют во Франции власть, король не может ни быть господином в своем королевстве, ни предпринимать каких-либо славных действий за его пределами», – считал кардинал. Эти соображения вполне соответствовали дипломатической стратегии первого министра. Он планировал нанести решительный удар против Империи и

Испании в тот момент, когда на полях сражений будут ослаблены все воюющие стороны – как противники Франции, так и ее союзники. Поэтому во втором периоде Тридцатилетней войны против католического блока, усиленного созданной Валленштейном семидесятитысячной имперской армией, безуспешно, но героически воевали лишь Дания и ряд протестантских немецких князей. А Ришелье тем временем проводил «дипломатию пистолей» – предоставлял денежные субсидии союзникам.

Затяжная осада Ла-Рошели правительственными войсками в 1627—1628 годах, осложненная параллельной войной с Англией, не оставила в Европе равнодушными никого – ни подданных, ни государей и политиков. Ла-Рошель была оплотом протестантского сепаратизма, показателем слабости королевской власти, поводом для вмешательства как католических, так и протестантских государств во французские дела. Кому это было нужно? Даже во время осады сторону Ришелье держала Испания, а Ла-Рошели – Англия. Поэтому кардинал не зря частенько говаривал, что «взятие Ла-Рошели – будущее порядка во Франции».

Нельзя забывать и о том, что, несмотря на весь свой рационализм, Ришелье был кардиналом Римско-католической церкви, а Франция была страной католической. Кроме того, политические смуты времен религиозных войн и начала царствования Людовика XIII заставляли кардинала в первую очередь думать о преодолении внутренней оппозиции как при дворе, так и со стороны гугенотов. И все же осада столицы гугенотов и ее результаты показали, что первый министр Франции был не религиозным фанатиком, а веротерпимым реалистом. Безусловно, Ришелье не верил в то, что можно заставить гугенотов обратиться в католицизм, но в то же время был убежден в невозможности позволить им не подчиняться короне.

Поэтому даже после длительного и отчаянного сопротивления жителей города «Эдикт милости», дарованный им первым министром в 1629 году, был образцом веротерпимой и мудрой государственной политики. Этим актом Ришелье укреплял тылы французский монархии накануне прямого военного столкновения с Габсбургами. 28 июня 1629 года кардинал лишил по «Эдикту милости» гугенотов политических прав, но оставил им свободу вероисповедания. «Для меня не существует различий между католиками и гугенотами – все должны быть добрыми французами».

Узнав о содержании «Эдикта милости», папа римский Урбан VIII, помрачнев, пробурчал: «Каков ловкач!» Очевидно, он ожидал

других, более репрессивных по отношению к гугенотам результатов. Римский понтифик по достоинству оценил действия французского кардинала. Не преминул их заметить и император Фердинанд II, как раз в то время отдаливший от себя прославленного Валленштейна, в котором и он, и другие князья Империи увидели «немецкого Ришелье». Вообще, с тех пор ни папа, ни император уже не верили ни единому слову кардинала. Ведь осада Ла-Рошели заставляла их долгое время думать, что Ришелье в Тридцатилетней войне фактически перешел на сторону Католической лиги. Поэтому с конца 1620-х годов отношениями со Священной Римской империей занимался исключительно отец Жозеф, правая рука кардинала и его «тень» – только ему еще отчасти верили католические политики. Вообще же подавляющее большинство враждебных пропагандистских выпадов против Ришелье отмечалось за пределами Франции, и основная их тема – обвинения в манипуляциях религией в политических целях. Но кто тогда, в условиях жестокого противоборства религиозно-политических партий, этим не занимался?

Джулио Мазарини восхищался тогда политической мудростью и ловкостью первого министра Франции, о чем не раз упоминал в письмах к отцу. Об этом же он не забыл чуть позднее сказать и самому Ришелье. На рубеже 1620-х и 1630-х годов Мазарини на всю жизнь обозначил для себя идеал политика и, пожалуй, человека.

В условиях Тридцатилетней войны внутренние преобразования кардинала Ришелье были довольно жесткими, что дало повод зачислить его впоследствии в ряды «тиранов». Политическая деятельность первого министра и его креатур заложила основы бюрократического аппарата во Франции, привела к уменьшению влияния губернаторов провинций, верховных судов и других высоких должностей. Этим была подорвана политическая мощь аристократической оппозиции: принцы крови, герцоги, пэры и знать были отстранены от важных административных постов. Их сменили преданные королю и Ришелье государственные секретари, сюринтенданты финансов и высшие советники, по своему происхождению преимущественно дворяне мантии. Они были не просто исполнителями воли министра, а политическими деятелями, которых он подбирал в соответствии с их способностями, с которыми часто советовался и которым доверял. В основу всей внутренней и внешней политики французского кардинала был положен государственный интерес. Интерес его Франции.

Несомненно, только сильное централизованное государство

могло возглавить антигабсбургскую коалицию и одержать победу в европейской войне. В своей дипломатии Ришелье сумел подняться на уровень понимания и совмещения государственных и общеевропейских интересов. Принадлежа к элите Римско-католической церкви, кардинал тем не менее поддерживал главный принцип Аугсбургского религиозного мира 1555 года «чья власть, того и вера» в Германии, провозгласив лозунг «немецких свобод» и протестантов в Европе в целом. «Война в Германии – не столько война религиозная, сколько война против чрезмерных амбиций Австрийского дома», – полагал Ришелье.

Обозначившийся при нем антииспанский курс внешней политики вызывал ожесточенное сопротивление придворной партии ультрамонтанов и их главы Пьера Берюля. В дальнейшем папа Урбан VIII в 1631 году под давлением Габсбургов пытался убедить Ришелье отказаться от поддержки протестантских княжеств Германии. Но контакты с князьями со стороны Ришелье не содержали конфессиональных моментов – первый министр активно общался и с главой Католической лиги Максимилианом Баварским, стараясь настроить его против имперских амбиций Фердинанда П. Поэтому политика римской курии оказалась безуспешной.

Несмотря на поставленную цель достижения гегемонии Франции в Европе, Ришелье был одновременно поборником идей европейского равновесия и естественных границ. Он мечтал о создании в будущем системы коллективной безопасности на континенте. Ему чужда была политика экспансионизма, которую впоследствии проводили Людовик XIV и Наполеон Бонапарт. В последнее время историки выделяют в политике Ришелье четыре основных аспекта, сформулированные самим кардиналом-министром: мир в христианстве, всеобщий мир, безопасный мир, скорый мир. Но оценка мира в политической теории кардинала представляла собой альтернативу универсалистским устремлениям Священной Римской империи и Испании. Мир – это гарантия спокойствия в христианских странах, но под главенством Франции. Однако Ришелье не считал Францию воинственным государством, способным выдержать длительную войну, поэтому ей и нужен был мир. В целом внешнеполитическую концепцию первого министра Франции можно оценивать как реалистическую. В результате Тридцатилетней войны в Европе впервые возникло настоящее равновесие сил, а Франция обрела свои «естественные границы». Но до этого еще было далеко. Скажем, однако, что политика Ришелье всегда была очень гибкой – он исключительно умел сообразовываться с возникшими внезапно обстоятельствами.

Подобную гибкость, если не большую, он заметил в Джулио Мазарини.

Не все свои мысли и соображения кардинал сумел реализовать. Ведь уже то, что он осуществил, под силу разве что гиганту, а не человеку со слабым от природы здоровьем и несметным числом врагов. Его экономическая политика не всегда находила благодатную почву в условиях военного времени. Его «финансовый проект для мирного времени» не был реализован, поскольку сам министр не дожил до окончания Тридцатилетней войны. Суть этого проекта заключалась в установлении единого налога, охватывающего все слои населения Франции. При этом кардинал ставил задачу возможно больше сократить местные платежи, львиная доля которых не достигала казначейства. «Истинным способом обогащения государства является облегчение народа путем снятия… этих платежей… что должно стать главной целью при упорядочении государственных дел», – отмечалось в его «Политическом завещании». Первый министр проводил прямую связь между политической мощью государства и его экономической силой. «Золото и серебро являются одной из главных и наиболее необходимых сторон могущества государства», – считал кардинал.

Хотя экономические реформы в условиях Тридцатилетней войны было весьма сложно осуществлять, Ришелье все же предпринял некоторые шаги. По ордонансу 1626 года кардинал разрешил дворянству заниматься торговлей, что должно было укрепить экономическое положение праздного сословия и конечно же самой Франции. Это был шаг по втягиванию дворянства в формирующуюся буржуазную экономику. Такая политика дала свои плоды только при его преемниках и имела место в XVIII веке, когда Старый порядок во Франции шел к своей гибели. Во время Великой французской революции оказалось, что «чистых» дворян в королевстве осталось не так уж и много.

Большое значение Ришелье придавал развитию французской внешней торговли. Многие исследователи его жизни и деятельности считают, что взятие Ла-Рошели имело и другую цель – сделать этот город воротами Франции в Атлантику. Но попытки обойти англичан в морской торговле оказались безуспешными. Очевидно, все силы его министерства ушли на укрепление государственного бюрократического аппарата и борьбу с Габсбургами: финансов явно не хватало.

Ришелье положил начало колониальной и морской политике Франции – ведь она являлась важным источником накопления богатств в ту эпоху. По инициативе первого министра французское правительство содействовало образованию

нескольких торговых компаний, захвату Гваделупы и Мартиники. Кардинал вплотную приступил к созданию торгового флота. Он первым из французских государственных деятелей поставил задачу превратить Францию в морскую державу, располагающую военным и торговым флотом, а также хорошо оборудованными портами и перевалочными базами. Еще в 1626 году накануне решительной схватки с гугенотами он создал и возглавил Морской совет, ставший прообразом будущего морского министерства, по указанию министра была проведена модернизация портов Тулона, Гавра, Бреста, чуть позже – Ла-Рошели.

И все же кардинал Ришелье оставил страну в состоянии хозяйственной разрухи, вызванной годами разорительных внутренних и внешних войн. Это дало основание его противникам считать, что экономика и финансы страны в значительной мере были принесены в жертву его амбициозной внешней политике. Но политика Священной Римской империи была еще более амбициозной, и нанести ей поражение было первостепенной задачей многих централизованных государств Европы. История подтвердила правильность дипломатической стратегии первого министра-кардинала. И та же история оспаривала и до сих пор пытается оспорить его вклад в создание новой Франции.

Уже Вольтер в своем сочинении «Век Людовика XIV» отмечал: «С 1635 года Франция вела войну, ибо кардинал Ришелье хотел ее, похоже, для того, чтобы сделать себя необходимым». Для писателей и драматургов XIX века Ришелье являлся, в различных вариациях, «диктатором и тираном с двуличным характером». А для известного французского историка Жюля Мишле кардинал был «сфинксом в красной мантии, чьи тусклые серые глаза, казалось, говорили: „Всякий, кто узнает мои мысли, должен умереть“»; «диктатором отчаяния», «который всегда был добрым, как только совершал зло»; «душой, терзаемой „двадцатью другими дьяволами“» и разрываемой на части «сидящими внутри ее фуриями». По словам Мишле, кардинал «и в смерти оставался столь страшен для врагов, что никто, даже за границей, не отважился говорить о его кончине. Боялись, что зло и невероятная сила воли помогут ему вернуться с того света». А вот для не менее известного отечественного исследователя Н. И. Кареева Ришелье был «великий государственник, человек, ставивший выше всего государство, все ему подчинявший, стремившийся устранить из жизни все, что противоречило интересам государства, воплощенного в абсолютизме центральной власти… Ришелье… создал целую школу, из которой

вышло немало крупных деятелей абсолютизма».

Наследникам часто бывает легко судить политических деятелей, особенно такого масштаба, как Ришелье. Но сто лет назад еще один крупный исследователь его жизни Габриэль Аното со всей твердостью высказал глубокое убеждение в бесцельности суда над Ришелье: «Лучше стремиться к пониманию того, что он сделал, чем к пустой забаве рассуждений о том, что он должен был сделать».

Таковым и является путь этой книги. И здесь уместно привести слова самого кардинала: «Что бы человек ни совершил, общество никогда не будет справедливо к нему. Великий человек, достойно служивший своей стране, сродни приговоренному к смерти. Единственная разница состоит в том, что последнего карают за грехи, а первого – за добродетели». И все же Ришелье в некоторой степени сам виноват в широком хождении его посмертных обвинений – его имидж, так заботливо создаваемый во время жизни, имел тенденцию со временем стать демоническим.

Первый министр Франции не только преуспел в контроле за общественным мнением в своем государстве – вполне возможно, что он несколько переиграл в этом направлении. Как известно, большинство памфлетов тех лет контролировалось и поддерживалось правительством, но новейшие исторические данные свидетельствуют и о том, что Ришелье тайно спонсировал оппозицию и некоторых заговорщиков, чтобы подстегнуть свои реформы. Не говоря уже о том, что он регулярно просматривал статьи и задавал их тематику в основанной по его инициативе в 1630—1631 годах официальной французской прессе («Меркюр франсез», «Газетт де Франс»). Создание в 1635 году Французской академии также имело и политическую мотивацию. Ее члены фактически являлись его слугами и перед своими выступлениями в академии давали просматривать кардиналу свои речи. Но не переиграть в тех условиях, в которых жил и действовал Ришелье, соблюсти баланс было почти невозможно. Кардинал не был Богом, хотя, согласно официальной пропаганде, был «избран Богом». Прежде всего он оставался человеком.

Безусловно, описание предшественника Джулио Мазарини на посту первого министра Франции будет неполным без характеристики его личной жизни. Она, как замечают почти все его биографы, была вполне благопристойной. Ришелье, этот незаурядный человек, обладавший слабым здоровьем, но железной волей, практически не имел личных привязанностей, кроме, пожалуй, «серого кардинала» и верного друга отца

Жозефа, многочисленных в его резиденции Пале-Рояль черных кошек и впоследствии, уже незадолго до смерти, итальянца Джулио Мазарини. Правда, враги кардинала не раз пытались обвинить его в распущенности, утверждая, что в юности у него было несколько любовных увлечений. Согласно слухам, он был в близких отношениях с госпожой Буффлер, и у них даже родился сын. Однако не существует никаких документальных свидетельств, подкрепляющих это утверждение. Кроме того, сама молодость может служить оправданием таких «грехов», водившихся почти за каждым кавалером. Еще более сомнительно мнение о том, что кардинал состоял в любовниках французской королевы Анны Австрийской. Необходимо отметить, что на сегодняшний день все посмертные слухи о развратном поведении Ришелье тщательно изучены и отвергнуты.

Вообще кардинал был не очень высокого мнения о женщинах и характеризовал их следующим образом: «Эти божьи твари довольно странные создания. Кое-кто думает, что они не способны нанести большого вреда, ибо не могут сделать и ничего хорошего, но я не разделяю этого мнения и, по совести, должен признаться, что никто не способен лучше содействовать гибели государства, чем они».

И все же первого министра Франции нельзя было назвать аскетом – под его красной мантией отнюдь не скрывался монах. Он считался богатейшим человеком во Франции и внешне жил довольно расточительно. Кардинал покупал земли, возводил великолепные дома и собирал произведения искусства. Его резиденция Пале-Рояль по своему убранству была равна домам крупных аристократов. Иногда, когда он покидал ее, близлежащая улица была запружена каретами и случайные прохожие по ошибке кричали: «Да здравствует король!» Кардинал постоянно приумножал свое состояние и, не испытывая особых угрызений совести, использовал свои власть и влияние, чтобы содействовать карьере своих родственников.

Тем не менее Ришелье можно назвать скромным человеком. Его частная жизнь была проста. Его кабинет отличался строгим интерьером, да и пищу кардинал потреблял отнюдь не изысканную, чему в немалой степени способствовало состояние его желудка. Как духовное лицо, он не нарушал ни одного поста. Если Ришелье слышал откровенную лесть собеседника, то отворачивался от него и не выказывал ни малейшего интереса. Скорее всего, это объяснялось тем, что он просто терял к нему доверие.

Итак, все свидетельствует о том, что кардинал Ришелье являлся сложной фигурой, полной лукавства и явных

противоречий. Но последние – залог любого развития. Конечно, Ришелье не был совершенством и далеко не всегда жил в соответствии с достойными восхищения чувствами, высказанными в его писаниях. Добиваясь осуществления своих честолюбивых замыслов, он мог быть крайне подобострастным и исключительно расчетливым. Следуя своим политическим идеалам, он становился безжалостным. Таковым, но в гораздо более преувеличенной степени, видели и его политического наследника – кардинала Мазарини.

Легко объявить Мазарини продолжателем политики Ришелье. Однако преемнику кардинала на посту первого министра нужно было стать гением политических манипуляций, чтобы в еще более неблагоприятных условиях не только сохранить, но приумножить и разнообразить то, что оставил великий предшественник.

Великий кардинал прожил недолго, уступив дорогу другому кардиналу. Свою политику он проводил, по сути, в молодом и цветущем для мужчины возрасте. В этом же возрасте делал свою карьеру Джулио Мазарини.

Чрезвычайный нунций и Франция

Если дело не будет выходить,
надо сделать так, чтобы оно вышло.

Вудро Вильсон

В 1630—1635 годах Европа переживала третий, шведский период кровопролитной Тридцатилетней войны. Заключив в 1629 году при посредничестве французских, бранденбургских и английских дипломатов перемирие с Польшей на шесть лет, шведский король Густав II Адольф через полгода высадился в Померании и в июле 1630 года вступил в Штеттин – столицу Померанского герцогства. Несмотря на свою заявленную первоначальную цель овладеть только Померанией и Мекленбургом, он, стремительно продвигаясь на запад, начал свое триумфальное шествие по Империи. Вся антигабсбургская коалиция воспрянула духом. Шведы повсюду встречали радушный прием протестантских жителей, почитавших их за ангелов, спустившихся со скандинавских гор, дабы избавить Империю от тирании папистов. «Северного льва» Густава-Адольфа, талантливого полководца и государственного деятеля европейского масштаба, ожидали в протестантской Германии как мессию.

Но для развития своего наступления шведскому королю сначала необходимо было заручиться поддержкой Бранденбурга и Саксонии и установить контакт с Францией. Последний был достигнут довольно скоро. В январе 1631 года в Бервальде недалеко от Франкфурта-на-Майне было достигнуто франко-шведское соглашение об организации безопасности в северных морях и восстановлении «попранной имперской тиранией» имперской же конституции. Густав Адольф обещал продолжать военные действия при условии французских субсидий в четыреста тысяч рейхсталеров ежегодно. В соответствии со своей дипломатией по отношению к германским княжествам, кардинал Ришелье на переговорах добивался нейтралитета шведов по отношению к Баварии и Католической лиге. Густав-Адольф согласился не начинать военные действия, но при условии встречных гарантий от Максимилиана Баварского. Согласие Ришелье на ратификацию подобных условий было продиктовано, видимо, намерениями кардинала в будущем манипулировать финансовой помощью. Но в итоге в дипломатическом поединке с французским министром король Швеции оказался победителем.

Долго ожидать предлога к войне с Католической лигой не пришлось.

10 мая 1631 года главнокомандующий военными силами Католической лиги Тилли взял ночным штурмом Магдебург. Этот город, преданный огню, мечу и грабежу, был полностью уничтожен. Из тридцати тысяч его жителей лишь несколько сотен нашли прибежище в огромном соборе Девы Марии. «Магдебургский факел» потряс Германию. Георг Вильгельм Бранденбургский спешно заключил с Густавом-Адольфом оборонительный договор и шведские войска беспрепятственно устремились к Эльбе. В конце августа Тилли совершил бросок в Саксонию, и саксонский курфюрст Иоганн Георг I, спасая свои владения и репутацию, спешно соединился со шведским королем.

17 сентября 1631 года Густав-Адольф в решающей схватке одержал победу над Тилли близ местечка Брейтенфельд под Лейпцигом. По итогам этого сражения армия Лиги практически перестала существовать. Весной 1632 года успех был развит под Аугсбургом, а в мае того же года шведы заняли Мюнхен – столицу Баварии. Параллельно союзные шведам саксонцы вступили в Чехию и заняли Прагу. Власть императора Священной Римской империи над германскими княжествами была серьезно поколеблена. Более того, проводя довольно явную политику в пользу протестантов на завоеванных им землях, Густав-Адольф способствовал резкому падению морального духа католиков. 16 ноября 1632 года в битве при Лютцене (юго-западнее Лейпцига) шведы дали генеральное сражение и одержали победу над блестящим полководцем Валленштейном, которого вновь призвал на службу напуганный Фердинанд П. Но эта победа далась им нелегко и оказалась, как показало будущее, на самом деле пирровой – в сражении погиб сам король шведов Густав-Адольф. Он бился как простой солдат и поплатился собственной жизнью.

Поначалу Ришелье даже потихоньку радовался гибели шведского короля, отказавшегося следовать в фарватере французской политики. Но теперь события Тридцатилетней войны развивались по другому, более сложному и затянутому сценарию. В феврале 1634 года Валленштейн, ведший переговоры за спиной Фердинанда II с представителями антигабсбургской коалиции, был убит в замке Эгер преданными императору офицерами. Он выполнил свою миссию на земле. А 5—6 сентября 1634 года шведская армия, утратившая своего вождя и былую дисциплину, потерпела поражение от имперских войск при Нердлингене. Результаты этой битвы заставили протестантских князей Германии искать перемирия с императором. Общеполитическая обстановка в Европе стала вновь

благоприятной для Империи и Испании.

Зато она приняла угрожающий характер для Франции. Больше в тени находиться было нельзя. Тогда Ришелье заметил Людовику XIII: «…в создавшейся ситуации нельзя более иметь выгод от мира… Настало время появления Вашего Величества на полях сражений». Вскоре объединенный франко-голландский флот сосредоточился у Кале, а многочисленные французские войска – в Пикардии.

В начале ноября 1634 года к Парижу приближалась одинокая карета. Погода была солнечной для обычно ненастного месяца – возможно, это предвещало удачу. В экипаже, выглядевшем довольно представительно, находился подтянутый и элегантный молодой прелат в сопровождении нескольких слуг. И не только. Багаж путешественника составляли превосходнейшие картины итальянских художников, включая Тициана и Пьетро де Кортону, а также другие произведения искусства и ценные книги – дары римского кардинала Антонио Барберини кардиналу Ришелье. Эта богатая и щедрая «манна небесная» призвана была облегчить и ускорить действия монсеньора во французской столице. Молодой человек был полон надежд и радовался, как ребенок.

26 ноября того же года Джулио Мазарини (в экипаже был именно он) прибыл к французскому двору в качестве чрезвычайного нунция папы римского. Этим назначением он был во многом обязан кардиналу Антонио, и наградой за выполнение своей задачи должны были стать доходы с аббатств Вольтерра и Имола, доходы с неисполняемой Мазарини должности каноника в Латеранском соборе и несколько бенефициев в Лотарингии. Официально миссия была призвана помочь восстановлению в правах герцога Карла Лотарингского и признанию брака наследника престола Гастона Орлеанского с Маргаритой Лотарингской, на самом же деле – преследовала цель предотвратить объявление Францией войны Испании.

Чрезвычайный нунций папы римского был принят со всеми знаками уважения, указывавшими на заинтересованность французов в добрых отношениях со Святым престолом. К своей миссии Мазарини тщательно подготовился, был проинформирован обо всех последних событиях и встретился с несколькими важными персонами. Во Флоренции он имел нелегкий разговор с донельзя раздосадованным оккупацией своих земель Карлом Лотарингским, который предлагал Джулио немалые деньги в случае урегулирования конфликта в его пользу. Молодой человек выслушал его с должным вниманием, но взял ли задаток – история об этом умалчивает. В Турине он провел

несколько приятных дней в компании тетки Карла герцогини Кристины Тосканской. А в Авиньоне губернатор Лангедока старался внушить папскому нунцию, что создание Итальянской лиги поможет мирным переговорам.

В результате этих бесед и особенно после печальных для антигабсбургской коалиции событий под Нердлингеном Джулио пришел к выводу, что его миссия невыполнима, и это заставляло его быть крайне деликатным. «Вы можете мне поверить, – писал он Сервьену в то время, – что я не хотел связывать себя с переговорами, которые обречены на провал…» Но быть в Париже и общаться с человеком, которого он считал гением и олицетворением судьбы Франции, – одного этого уже было достаточно для оптимистического настроения папского нунция. Он открыто восхищался Францией, что частично просочилось и в письма Его Святейшеству. На это не преминули обратить внимание происпански настроенные недоброжелатели Мазарини в курии, недовольные стремительным взлетом недоучившегося священника. В то же время корреспонденция последнего показывала, что тридцатитрехлетний папский нунций пока верно следовал курсу политики Святого престола и защищал дело мира.

Эти обстоятельства не укрылись от зорких глаз Ришелье, который демонстративно выказывал дружелюбие папскому посланцу. Венецианский посол замечал, что «Его Светлость (то есть Мазарини) чаще всего можно увидеть на банкетах и в комедии». Сам же Джулио писал Антонио Барберини: «С кардиналом Ришелье разговаривать очень приятно. Он часто приглашает меня на обед, ни один праздник в его доме без меня не обходится…» В другом письме своему «падроне» посланник Рима замечал: «Как правило, обед у Его Преосвященства длится с двух до трех часов дня. Нередко он настаивает, чтобы я сопровождал его к королю. Он в разговоре со мной очень прост, а на публике – исключительно вежлив. Я чувствую себя обязанным постоянно составлять ему компанию». Кто тогда мог сказать, к чему это приведет в будущем?

После обедов и пиршеств беседы этих двух незаурядных людей с глазу на глаз приобретали более деловой характер.

– Если бы вы были министром короля, и к тому же кардиналом, вы не посоветовали бы ему восстановить Лотарингского герцога в правах. У Франции никогда не было более опасных врагов, чем государи этого дома. Вы можете воочию видеть, что они все время что-то предпринимают против короля.

Такие слова не раз повторял Ришелье папскому посланцу, и так передавал их в письме от 12 марта 1635 года своему

римскому покровителю кардиналу Барберини искавший достойного выхода из своего щекотливого положения находчивый Джулио. Хитрый итальянец прекрасно понимал, что он ничего не достиг в результате своей миссии, не смог найти доводы в пользу мира. Великий кардинал непреклонно готовился к войне против Габсбургов.

Одна задача была уже выполнена. Судьба Лотарингии решилась по плану Ришелье. Две французские армии, наступавшие с севера и юга, овладели большей частью ее территории. Карл IV отрекается от престола в пользу младшего брата Николя, бежит в Германию и поступает на имперскую службу. С герцогом Николя французское правительство также не было намерено считаться всерьез. Вскоре тот с молодой женой – своей кузиной Клод Лотарингской, ради которой отрекся от кардинальского сана, – бежит к тетке в Тоскану. Парижский парламент незамедлительно регистрирует королевский эдикт об аннексии Лотарингии.

В создавшейся ситуации Мазарини придумывает еще один проект, чтобы поддержать свое реноме и одновременно престиж чрезвычайного папского посла. От имени Урбана VIII он предлагает созвать два мирных конгресса: первый – с католическими противниками Франции, второй – с представителями обеих конфессий. Поразительно, что Джулио фактически предугадал будущую процедуру проведения вестфальских переговоров, венчавших в 1648 году окончание войны.

В принципе Ришелье на будущее был с ним согласен, еще раз убедившись в политической дальновидности итальянца. Но он уже предпринимал необходимые усилия по заключению союзов с Лондоном, Турином, Амстердамом, Стокгольмом, Берном и Мюнхеном. 8 февраля 1635 года первый министр признал Республику Соединенных провинций. Фактически этот шаг предусматривал союз двух государств против Габсбургов. В Италии с его подачи формировалась конфедерация североитальянских государств под эгидой мечущегося Урбана VIII против Австрийского дома. А что еще оставалось делать римскому понтифику? Он всей душой желал мирного урегулирования, но в случае войны предчувствовал, за кем будет победа. К тому же он вольно или невольно симпатизировал Франции и не желал постоянно и часто принудительно руководствоваться советами великого герцога Тосканского, племянника императора Фердинанда.

Швеция также была намерена продолжать войну. Густав-Адольф погиб, но остались его умный министр – канцлер

Оксеншерна и его хорошо обученные талантливые полководцы, к примеру маршал Банер. Вместе с тем Оксеншерна не спешил подписывать с Францией договор до того, пока Париж не определит точную дату вступления в войну, а еще лучше – пусть сам вступит первым. Шведы уже не хотели только воевать на французские деньги, а желали умирать бок о бок с самими французами.

Хуже всего дело обстояло с Англией, которую Ришелье желал втянуть в войну из-за столь необходимых стратегически проливов Ла-Манш и Па-де-Кале, во-первых, а во-вторых, из-за добротного английского флота. Но политическая и социальная ситуация в Англии никак не располагала к ее вступлению в конфликты на континенте. С начала XVII века она фактически находилась в процессе затяжного конституционно-правового кризиса, предвещавшего крупные политические потрясения. К тому же английский король Карл I Стюарт имел стойкий психологический синдром неудачной войны с Испанией, а затем с Францией из-за Ла-Рошели во второй половине 1620-х годов. В результате военных поражений в 1628—1629 годах политический кризис в Англии резко обострился, а взаимоотношения ее короля с парламентом и вовсе сошли на нет. Тридцатилетняя война, таким образом, послужила своеобразным катализатором этих процессов. В 1629 году Карл I разогнал непокорный парламент, твердо решив не собирать его вновь. Этим актом он затянул начало самой великой смуты в истории Англии на десять лет.

Но в итоге английский король остался без денег, так как именно парламент вотировал ему субсидии. Новые налоги и относительно жесткий абсолютистский режим (потом, во времена Оливера Кромвеля, это время будут называть «золотым веком» – все познается в сравнении!) накаляли ситуацию в стране. Любая смена обстановки могла послужить поводом к взрыву. Король этого не хотел. Параллельно Карл имел свои интересы на континенте – принадлежавший теперь временно Максимилиану Баварскому Пфальц. Английский монарх желал восстановить его как государство-сателлит в Европе, но исключительно путем переговоров с Испанией и Империей. Этого не получилось. Граф Оливарес только водил английских дипломатов за нос. Поэтому, когда Париж уже давно начал военные действия, Карл I наконец осмелился повернуть руль своей внешней политики, заявив во всеуслышание, что «невозможность восстановить Пфальц миром бросает нас в объятия Франции». Но и после этого затяжные переговоры между Англией и Францией, длившиеся до 1637 года, ни к чему не привели.

А Ришелье и Оливарес двигались по пути к неизбежному

конфликту. Испанский министр желал достичь былого могущества своего государства в XVI веке. Английский испанист Дж. Эллиот точно подметил, что «испанское вмешательство в имперские дела не может быть объяснено недостатком в деньгах, напротив – оно свершилась вопреки ему». Оба первых министра постоянно затевали каверзы друг против друга, но в то же время при случае часто выражали свое восхищение талантами противника.

Как раз в это время – весной 1635 года – Джулио обретает искорку надежды на пусть небольшой, но все же успех своей миссии. Ему не очень-то хотелось терять даже малую частичку благоволения Урбана VIII. Мазарини почувствовал колебания в дипломатической сфере: император был не прочь начать переговоры. Хотя между Фердинандом и Оливаресом существовали разногласия, в данной ситуации оба хотели оттянуть развязку нового витка войны. Оливарес через венских дипломатов давал понять, что предлагает решить спорные с Францией вопросы путем трехсторонних переговоров. Поэтому папский нунций снова начинает дипломатическую игру с Ришелье, которая нравилась им обоим и велась в весьма изящных выражениях. Джулио, как бы между прочим, замечал: «Его Святейшество… будет обожать долгожданный мир, как даму своего сердца».

Все же Ришелье отверг компромисс Мадрида и не воспринял всерьез предложения венского двора, который, как он знал, поет сейчас под дудку Оливареса. Испания золота не жалела и надеялась на успех переговоров. Еще 22 марта Мазарини писал в Рим: «Я не вижу сейчас кардинала каждый день, он весь в делах и заботах. Но мне кажется, он все более склоняется к идее мира. Говоря со мной, он выразил сожаление по поводу того, что он более храбр, чем разумен».

Напрасные ожидания! Четыре дня спустя все изменилось. Оливарес, видя дипломатическую активность Франции, пришел к выводу, что время работает против него. Он решил предварить действия Парижа в поиске удобного момента для нанесения первого удара. Без официального объявления войны 26 марта испанские войска вошли в Трир, взяли в плен союзника Франции трирского курфюрста и тем самым нарушили зыбкое политическое и религиозное равновесие в Германии. Так начался последний этап Тридцатилетней войны.

19 мая 1635 года Франция объявила войну Испании и стала теперь на деле главой антигабсбургской коалиции. Но записки Ришелье показывают, насколько сложно было ему принять решение о вступлении в войну. В принципе (и папа римский, и

Джулио Мазарини были осведомлены об этом) Франция не была готова к войне в должной степени. Записка кардинала королю от 5 июня 1635 года, в которой изложены все «за» и «против» начала военных действий, очень хорошо показывает, что Ришелье прежде всего предполагал вступление в войну с Испанией. К этому времени французы одержали победу под Авеном, а 3 июня войска маршалов Шатийона и Брезе объединились с войсками статхаудера Республики Соединенных провинций принца Оранского. Людовик XIII пребывал в состоянии меланхолии, причиной которой была болезнь, и не решался на открытые военные действия. Ришелье же настоятельно советовал королю преодолеть меланхолию, поскольку разум требует его решимости находиться во главе армии, что должно обеспечить победу.

Оливарес прекрасно понимал, что война, идущая на два фронта – против Нидерландов и Франции, – станет непосильным бременем для одной Испании и поэтому настойчиво требовал от Вены активного участия. Но до конца года Фердинанд II уклонялся от активной поддержки Мадрида. Поэтому чаша весов на театре военных действий пока оставалась незыблемой.

А что же Джулио? Как оценили его миссию? Объявив Мазарини предателем на службе Ришелье, Оливарес требовал от папы его срочного отзыва в Рим. Но на Урбана VIII не так-то легко было давить. И блестящий красавец монсеньор, сделавший себе особое реноме благодаря компромиссному и умелому обхождению с первым министром Франции, летом 1636 года вернулся только лишь в Авиньон.

Вернулся с множеством впечатлений за плечами и солидным политическим багажом. Часто бывая при французском дворе, он приобрел не только благоволение первого министра Франции, но и Людовика XIII, его жены и ближайшего окружения, а также «серого кардинала» – отца Жозефа, бывшего противником вступления Франции в войну. Забыть чрезвычайного нунция папы в Париже уже никак не могли.

Со своей стороны, Францию Джулио навсегда оставил в своей памяти. И не только. Именно с этого времени папский дипломат становится тайным агентом французского правительства в Риме. Собственно, римский понтифик об этом догадывался и даже знал.

Вместе с тем Джулио очень боялся потерять расположение Антонио Барберини – свою основную опору в Риме. В этом он даже признавался Ришелье, беседуя с ним в начале 1636 года. Он говорил, что наверняка потерял поддержку всего клана Барберини, а не только римского папы, и что «их расположение очень важно для меня, ненавидимого испанцами и австрийцами».

Далее хитрый итальянец замечал: «Могу ли я без чьей-либо поддержки быть хорошо принятым во Франции, где ситуация меняется день ото дня?»

Ришелье ответил утвердительно.

Именно кардинал Антонио приказал Мазарини в ноябре 1636 года вернуться в Рим. Перед своим прибытием в Вечный город Джулио рискнул посетить Антонио в Чивита-Век-киа, где кардинал находился вместе со своим флотом. И не прогадал. Барберини был рад вновь увидеть Джулио – давно его никто не развлекал умными и веселыми беседами. Мазарини был встречен со словами утешения. Он пробыл в Чивита-Веккиа целый месяц, в течение которого вместе с Антонио Барберини обсуждал планы на будущее.

Будущий правитель Франции никогда не забывал добрый нрав и поддержку своего заботливого «падроне» кардинала Антонио. Когда тот попал в опалу, Мазарини обеспечил ему доходы с ряда церковных земель во Франции. Джулио всегда помнил тех, кто делал ему добро, равно как и тех, кто причинял ему зло.

«Ищите женщину!» – нередко любят говорить французы. Как видно, не зря. Более всего помогла Джулио Мазарини достичь вершины карьеры его любовь.

Анна и Франция навсегда

Покорение сердец – это великая победа.

Балтазар Грасиан

Из покинутой страны Джулио Мазарини увез с собой образ женщины, которую полюбил. Пожалуй, настолько серьезно это произошло впервые. Он с ранней юности пользовался успехом у прекрасной половины человечества, любил многих женщин, но ни одна из них не достойна внимания историка-биографа. Настоящая любовь к нему пришла зрелой и самой блестящей – дамой сердца и владычицей его дум стала французская королева Анна Австрийская.

Впервые Джулио был представлен королеве Франции во время своей второй поездки в Париж в апреле 1632 года. Он пробыл во французской столице всего шесть недель и встречался с королевой лишь один раз. Этого оказалось достаточно для возникновения взаимной симпатии. Манеры и ум папского дипломата, а также умело им преподнесенные ее любимые перчатки и духи привлекли внимание Анны Австрийской. «Вам понравился Мазарини, – язвительно заметил ей тогда Ришелье, – он очень похож на Бекингема». Действительно, молодой Мазарини выглядел соблазнительным и элегантным кавалером. На изящном трехцветном карандашном рисунке Даниэля Дюмонтье 1632 года он запечатлен красивым человеком с длинными локонами, черными глазами с поволокой, по моде ухоженными усами и бородкой, при шпаге, одетым в дорогие сапоги, камзол и кружева. Безусловно, Джулио произвел должное впечатление не только на королеву, но и на Людовика XIII, его министров и весь французский двор.

Анна Австрийская с первого взгляда привела Джулио в восхищение, но тогда он увидел в ней прежде всего гордую королеву. Мазарини отвлекли дипломатические перипетии и необходимые знакомства, которые часто совмещались с приятным времяпрепровождением. Сервьен возил его на известную в определенных кругах «виллу Сен-Клод», где Джулио вовсю веселился в обществе легкомысленных дам. «Франция – страна красивых женщин. Каждая из них – совершенство», – поделился Мазарини своим мнением с Сервьеном. Но про себя отметил: «Лучше их всех – и гордых, и легкомысленных – королева».

Анна Австрийская… В европейской истории найдется немало женских имен, привлекающих к себе такое внимание. Как правило, эти женщины отличались незаурядным умом, изрядной долей авантюризма и значительной толикой личного мужества. Эти качества помогали им выделиться из своей женской среды, из того состояния личной полусвободы, в котором находилась европейская женщина вплоть до конца XIX века. Большинство из них были красивы, что также благоприятствовало их признанию. Красота была оружием и фоном их деятельности, создавала и разрушала мир, в котором они жили.

К этим женщинам на полном основании можно отнести французскую королеву Анну Австрийскую. Она не только была женой короля Людовика XIII, но – что выделяло ее среди других королев – являлась предметом любви двух первых министров Франции – кардиналов Ришелье и Мазарини, а также первого министра Англии герцога Бекингема. В художественной литературе образ Анны Австрийской несколько упрощен. Хрестоматийным примером тому являются романы А. Дюма «Три мушкетера» и «Двадцать лет спустя». Красивая, немного слабохарактерная, жертва интриг высокой политики и королевского двора – такой нарисовал Анну великий французский романист. Он не одинок в своем мнении. А вот в мемуарах современника королевы Франсуа де Ларошфуко ее образ имеет несколько иной оттенок. Принадлежа к оппозиции кардиналу Ришелье, Ларошфуко наделяет королеву подлинно аристократическим характером – гордым, независимым, склонным к интригам и заговорам, что было результатом ее нелюбви к супругу и ненависти к кардиналу.

Да, Анна была, по-видимому, именно такой: разноликой и одновременно цельной. Ведь она, как и Джулио, жила, действовала, любила и страдала в самой гуще бурных событий XVII столетия. И даже только поэтому не могла не повлиять на их ход.

Она родилась 22 сентября 1601 года в семье испанского короля Филиппа III Габсбурга. В это время Испания, владевшая огромными территориями в Америке, еще находилась в зените своего могущества, хотя первые признаки будущего упадка уже проявились в виде разгрома испанской Непобедимой армады англичанами в 1588 году и успешной войны за независимость в Нидерландах. Тем не менее Испания по-прежнему была средоточием католического мира Европы.

О детстве Анны мало что известно. Подобно другим принцессам, она родилась для того, чтобы спустя некоторое время быть выгодно проданной в качестве будущей королевы в

другое государство. Этим государством оказалась соседняя Франция, до 1610 года являвшаяся врагом Испании. После гибели Генриха IV Бурбона его вдова Мария Медичи, в целом настроенная происпански и прокатолически, задумала серию испанских браков. Ее дочь Елизавета Французская должна была стать женой наследника испанского престола, а инфанта Анна Австрийская – королевой Франции, женой Людовика XIII.

Характер будущей французской королевы соответствовал весьма распространенному мнению об испанцах. Выросшая под горячим кастильским солнцем, гордая, своевольная, страстная Анна с первых шагов не знала ни в чем отказа, хотя и получила строгое католическое воспитание. Она являлась любимицей родителей и двора и к тому же была богато одарена внешними данными, несколько расходящимися с представлениями о типичных испанских девушках. Ее многочисленные портреты, к сожалению, мало что могут сказать. В то время носили темные парики, да и черты лица ее не отличались правильностью. Свою внешность инфанта унаследовала не от угрюмого отца, а от матери – австрийской принцессы. Потому-то за ней и закрепилось на всю жизнь прозвище Анна Австрийская. Высокая, статная, она была обладательницей смягченного габсбургского профиля с характерным носом с легкой горбинкой и немного выпяченной нижней губой. Но родовые признаки ничуть не портили Анну, а придавали ее внешности лишь больше очарования.

Вот как описывала Анну в 1630 году ее фрейлина госпожа де Мотвиль: «Она была причесана по последней моде… с буклями. Волосы ее потемнели, они очень густые. Черты лица нельзя назвать изящными, нос был слишком крупным… и она злоупотребляла помадой; она была очень белокожа, ни у кого не было такого цвета лица, как у нее. Глаза ее были изумительно хороши… зеленоватый цвет делал взгляд необычайно живым. Маленький пунцовый рот… унаследованный от австрийских предков, придавал ей дополнительное обаяние. Руки и плечи были удивительно хороши: их снежной белизной восхищалась вся Европа. Она была высокой, гордой, но не высокомерной…» В первой половине XVII века Анна Австрийская считалась красивейшей женщиной континента.

В 1615 году приближался срок договоренностей, достигнутых с Мадридом и Веной. Создание двора будущей королевы и выбор для нее духовника заботили Марию Медичи и ее окружение больше, нежели наказы Генеральных штатов 1614 года, требовавших наведения порядка в стране, ослабленной междоусобицами. Накануне свадьбы принц Конде и его

сторонники выпустили манифест, где осуждалась деятельность Королевского совета и прогабсбургская ориентация французской внешней политики – заключение двойного династического союза. Конде к тому же стал заигрывать с гугенотами – и в результате возникла реальная угроза новой вспышки междоусобиц.

Все же в последних числах сентября 1615 года из Парижа на юг Франции к испанской границе двинулся внушительный кортеж – весь цвет французского двора во главе с Людовиком XIII, Марией Медичи и принцессой Елизаветой. Чтобы предотвратить возможность захвата столицы мятежниками за время ее отсутствия, Мария Медичи оставила там две тысячи швейцарских наемников, а маршалу де Буадофрену приказала контролировать возможное передвижение вооруженных солдат Конде.

Так или иначе, но 9 ноября в приграничном городке Бидассоа состоялась торжественная церемония обмена невестами: тринадцатилетнюю Елизавету Французскую меняли на четырнадцатилетнюю Анну Австрийскую. После переговоров, сопровождавшихся ежевечерними пиршествами, 25 ноября 1615 года четырнадцатилетние Людовик и Анна провели свою первую брачную ночь. На следующий день французский двор покинул Бидассоа и двинулся в обратный путь. По возвращении двора в Париж после нескольких месяцев переговоров с мятежниками 1 сентября 1616 года принц Конде был заключен в Бастилию, что, впрочем, никак не повлияло на прекращение аристократических заговоров.

Сложная внутренняя обстановка неизбежно должна была отразиться на жизни молодой французской королевы. Однако первые годы во Франции Анна провела достаточно спокойно, не примыкала ни к каким придворным группировкам, будучи полностью поглощенной своим неудавшимся браком. Обладавшая богатым воображением, она заранее наделила будущего супруга всевозможными достоинствами. Но уже первая встреча поселила в ее душе разочарование.

Людовик был старше Анны всего на пять дней, при волнении заикался и обладал хрупким здоровьем. Анна же была страстной от природы и довольно развитой физически. Вполне естественно предположить, что первая брачная ночь не привела юную королеву в восторг. Помимо этого, характеры и взгляды молодоженов диаметрально расходились. Вынужденно находясь под пятой матери и ее фаворита Кончини, молодой король был угрюм и выглядел постоянно озабоченным. Улыбку удовольствия на его лице вызывали лишь музыка, охота и изысканные яства. Людовик XIII неплохо играл на лютне и умел изготавливать пиротехнические устройства. В глубине души он был настроен

антииспански.

В Анне жизнь била ключом. Жизнерадостная, резвая, кокетливая, она любила шумное общество и танцы. Хотя французы пришлись молодой королеве по душе, она всю жизнь горячо любила родину и более всего желала, чтобы Франция и Испания были связаны узами дружбы и союза. Здесь же вполне уместно заметить, что в большой политике Анна разбиралась довольно посредственно. Она с самых ранних лет была олицетворением женщины, несомненно, умной, но у которой на первом месте всегда находились чувства.

До 1625 года отношения между коронованными супругами не прерывались, хотя и выглядели весьма натянутыми. В 1617 году во Франции произошел небольшой государственный переворот – была отстранена от власти Мария Медичи и убит Кончино Кончини, носивший звание маршала д'Анкра. Фаворитом Людовика XIII стал друг его отроческих лет сорокалетний Люинь. Жена, а с 1620 года вдова Люиня, стала лучшей подругой и наперсницей французской королевы. В марте 1622 года король выслал замешанную в интригах подругу Анны из Парижа. Но красивая молодая женщина пробыла в ссылке всего три месяца и сумела вернуться в столицу благодаря своему замужеству с герцогом де Шеврезом. Герцогиня де Шеврез вливала в очаровательные ушки Анны Австрийской сладчайший яд измены, постоянно напоминая о том, что быть верной супругу совсем не обязательно. «Я не любила и не люблю ни одного из своих мужей, Ваше Величество. Но посмотрите на меня – я счастлива и без них».

Перемены в жизни Анны совпали с началом министерства кардинала Ришелье. Как мы знаем, кардинал был закрытой личностью и практически не имел привязанностей. Но один раз в жизни он все же любил, и предметом его воздыханий стала именно Анна Австрийская. Полюбил он не девушку-подростка, а только ставшую королевой и уже расцветшую молодую женщину. Это случилось в 1623 году, когда Ришелье после опалы вместе с королевой-матерью Марией Медичи вернулся ко двору. Хотя кардинал имел довольно привлекательную внешность (особенно поражали собеседника его глаза, взгляд которых, казалось, проникал в душу собеседника), и из-за него даже состоялась нешуточная дуэль между двумя аристократками, сердце французской королевы осталось к нему равнодушно. Она видела в нем прежде всего зловещую фигуру в рясе и министра-выскочку, правда, не без успеха ставившего на место более именитых аристократов. Односторонняя любовь переросла во взаимную вражду, где причудливо переплетались личные и политические

мотивы.

После победы Католической лиги на первом этапе Тридцатилетней войны и реально возникшей угрозы окружения Франции владениями Империи и Испании Ришелье, еще не думая открыто выступить на стороне антигабсбургской коалиции, решил заключить союз с Англией. В феврале 1624 года Лондон объявил войну Мадриду. С целью более прочного союза между двумя государствами 1 мая 1625 года в Париже в соборе Нотр-Дам были обвенчаны сестра Людовика XIII Генриэтта-Мария и английский король Карл I Стюарт.

А спустя две недели во французскую столицу прибыл молодой и красивый фаворит Карла I Джордж Вилльерс, герцог Бекингем, фактический правитель Англии в 1625—1628 годах, проводивший жесткий абсолютистский курс. Герцог должен был сопровождать юную пятнадцатилетнюю королеву Англии на ее новую родину. Одновременно он намеревался провести переговоры с Ришелье относительно возможности заключения англо-французского военного союза против Испании. Бекингем был настроен решительно, чего нельзя было сказать о первом министре Франции. Фаворит Карла I был типичным максималистом, мечтавшим о славе полководца, но не имевшим в этой области никаких талантов, кроме своей собственной храбрости. Кардинал же не был готов к полному разрыву с Мадридом в условиях надвигавшейся войны с гугенотским «государством в государстве».

Зато Бекингем с первого взгляда приходит в восторг от двадцатичетырехлетней Анны Австрийской, шокирует французский двор откровенными и настойчивыми ухаживаниями за королевой и встречает ответную симпатию. Взаимные обмены взглядами, платками, записочками, постоянные приглашения на танец – это разворачивалось на глазах у всех. Казалось, влюбленные совсем потеряли остатки бдительности и разума. Анна действительно впервые полюбила и на первых порах не знала, как поступить.

Незаменимую поддержку в этом деле королеве оказала герцогиня де Шеврез. Одержимая жаждой мести за пережитое в прошлом унижение, она умело содействовала сближению и устраивала тайные встречи распутного герцога и воспитанной в строгом кастильском духе Анны Австрийской. Впрочем, в таких случаях любое воспитание оказывается излишним. Французский историк Г. Аното посвятил перипетиям романа герцога Бекингема и французской королевы целую главу своего многотомного труда о Ришелье. Но более всего эта история известна широкому читателю в описании Дюма-отца.

Тайное всегда становится явным. Любовь Анны больше раздражала даже не самого короля, а вездесущего кардинала Ришелье, разведывательная сеть которого превосходила подобные во многих странах Европы. Первый министр раньше всех узнал о любовной связи высокопоставленных «голубков» и представил королю необходимые доказательства. Супружеские отношения между Людовиком и Анной оказались на грани полного разрыва. Королеве пришлось давать унизительные объяснения и многое скрывать. Но к двенадцатилетнему разрыву между супругами привела именно политика.

Неограниченная власть кардинала Ришелье встретила растущее недовольство знати, не без оснований опасавшейся за свое влияние на короля и государственные дела. В 1626 году была предпринята первая из многочисленных попыток устранения первого министра его политическими противниками. Заговор против Ришелье был важнейшей частью более широкого замысла по низложению находившегося под влиянием кардинала Людовика XIII и возведению на трон его младшего брата Гастона, герцога Орлеанского.

В 1626 году восемнадцатилетний Гастон был объявлен дофином, поскольку у королевской четы не было детей. Участниками заговора были сам Гастон, сводные братья короля Вандомы, его кузены Конде и Суассон, герцогиня де Шеврез, воспитатель Гастона маршал д'Орнано, а также Анна Австрийская, ненавидевшая супруга и Ришелье. В связях с заговорщиками был замешан и Бекингем, которого отнюдь не смущало предполагавшееся заговорщиками в будущем бракосочетание нового короля Франции и его возлюбленной.

Ришелье скоро заподозрил неладное и 6 мая того же года приказал арестовать маршала д'Орнано. Началось следствие, однако маршал, к большому огорчению кардинала, скончался в тюрьме через несколько недель после заключения. В июне были арестованы Сезар и Александр Вандомы. Поэтому остальные заговорщики решили поспешить с убийством кардинала. Нашелся и исполнитель – двадцатисемилетний Анри де Талейран-Перигор, маркиз де Шале. Этот человек был одним из предков знаменитого Талейрана, министра иностранных дел Франции при Наполеоне Бонапарте.

Де Шале значительно отличался от своего прославленного потомка: был излишне болтлив и посвятил в заговор своего дядю командора де Балансе. Командор оказался человеком кардинала и сообщил обо всем первому министру. О готовящемся покушении кардинал знал и от еще одного своего тайного осведомителя при английском дворе – графини Карлейль,

отставной любовницы Бекингема. Графиня, кстати, послужила для Дюма-отца прообразом жестокой и умной красавицы-шпионки Миледи. 8 июля 1626 года Ришелье приказал арестовать де Шале. Он был отправлен в тюрьму Нанта, где тогда пребывал двор, и обвинен в оскорблении Величества. Специальный трибунал очень скоро вынес де Шале обвинительный приговор. Мать Анри умоляла сохранить жизнь сыну, напомнив Людовику XIII об услугах, оказанных ее семейством прежним французским королям (де Шале приходился внуком знаменитому маршалу XVI века Монлюку). Но Людовик и Ришелье были непреклонны. 19 августа состоялась ужасная казнь де Шале, о которой долго потом вспоминали. В отсутствие палача исполнить приговор доверили каторжнику. Не было найдено и подходящего для казни топора, поэтому его заменили мечом, с которым каторжник не умел обращаться. Очевидно, приняв немало горячительного для храбрости перед казнью, «палач» нанес по голове жертвы более пятнадцати ударов мечом. Поскольку осужденный после этого еще шевелился, его пришлось добивать двадцатью девятью ударами молота.

Остальным заговорщикам повезло гораздо больше – герцогине де Шеврез было предписано отправиться в ссылку в провинцию Пуату, а Гастона против его желания и желания целой группы аристократов обвенчали с мадемуазель де Монпансье.

И после всего этого 17 сентября того же года на заседании Королевского совета в узком составе Анна Австрийская была вынуждена дать показания о своей роли в «деле де Шале». Более того, опять была затронута ее связь с Бекингемом. Ей было очень больно. В этот день она пережила чуть ли не самые унизительные минуты в своей жизни.

Отдалившись от жены, Людовик XIII вновь сблизился с матерью. Чрезвычайно укрепились и позиции первого министра. В начале 1627 года французское правительство запретило въезд Бекингема, объявленного персоной нон-грата, во Францию. В мае того же года начались осада гугенотской столицы Ла-Рошели, а вместе с ней и англо-французская война. Герцог Бекингем бездарно и безуспешно пытался помочь осажденным войсками Ришелье ларошельцам. Во время подготовки одной из экспедиций 23 августа 1628 года он был убит морским лейтенантом пуританином Джоном Фелтоном. Многие не исключали здесь происков Ришелье. Как бы в насмешку в начале сентября 1628 года Анна, все еще оплакивавшая Бекингема, по настоянию мужа и кардинала участвовала в домашнем спектакле в Лувре.

Но любые раны заживают. Людовик XIII увлекся фрейлиной Маргаритой де Отфор, а Анна Австрийская вместе с Марией

Медичи с тех пор неизменно поддерживала интриги в пользу Испании и бесконечные заговоры против Ришелье. Ненависть к кардиналу объединила не любивших ранее друг друга королев. После Бекингема у Анны была еще одна любовная интрижка – с герцогом де Монморанси. Но по иронии судьбы в первой половине 1630-х годов герцог поднял вооруженный мятеж против кардинала и был казнен.

В 1632 году Анна впервые увидела итальянца Джулио Мазарини. Еще при первой встрече его черные глаза, казалось, пронзили ее насквозь. «Красота и ум Вашего Величества неизмеримо превосходят все ранее известные мне представления о Вас», – мягко заметил восхищенный папский посланник. Всегда в хорошем расположении духа, дипломатичный, красивый и к тому же умеющий вести беседы на любые темы, Джулио произвел самое благоприятное впечатление на Анну. Взаимной любви между ними тогда не возникло: королева, безусловно, не видела в нем человека, равного ей по происхождению или близкого по статусу. Мазарини являлся для нее чем-то вроде хорошего друга, с которым приятно провести время. Его отъезд из Парижа на фоне развернувшихся бурных политических событий прошел почти незамеченным.

1636 год был самым тяжелым для Франции за все время войны. В этом году союзникам – Испании и Империи – удалось наконец договориться. Оливарес вотировал в пользу императора рекордно огромную сумму – по данным одного из венских архивов, она составляла один миллион восемьсот тысяч дукатов. Эти деньги были уплачены за счет поступлений налогов из Неаполя и Сицилии, где из-за этого очень скоро вспыхнут восстания. В свою очередь, Фердинанд II согласился поддержать испанские войска во Фландрии, организовав кампанию на Рейне и перебросив вспомогательный корпус в Италию.

Кампания 1636 года открылась бешеным наступлением испано-имперских войск на Рейне и в Пикардии. Несмотря на союзы с Савойей, Мантуей, Пармой и Швецией, французы медленно сдавали свои позиции на востоке. Особенно тягостной неудачей стала капитуляция Филиппсбурга, ключа к Среднему Рейну. Испанцы заняли земли традиционно дружественного Франции архиепископа Трирского, обеспечив «мост» между Испанскими Нидерландами и Империей. Затем развернулось большое наступление в Эльзасе, а герцог Карл Лотарингский оружием поддержал новую попытку неуемного Гастона занять французский трон.

Пристально следивший за этими событиями в Риме, Джулио

замечал, что герцог Карл бросился в объятия Империи из-за необдуманности и самоуверенности Ришелье в вопросе Лотарингского наследства. Наверное, тогда Мазарини был несколько обижен на кардинала, не воспользовавшегося ни одним из его советов. Но он тоже переживал за Францию и тайно работал на нее, отправляя Ришелье сведения, которые ему удавалось раздобыть в римской курии.

Однако исход кампании решался не здесь, а в Пикардии. Оттуда весной 1636 года испано-имперские войска дошли почти до Парижа и заняли стратегически важную крепость Корби. С парижских стен были видны огни бивуаков вражеской армии. Ценой неслыханного напряжения сил, бессонных ночей Ришелье, мобилизации всего годного к бою состава французам удалось остановить движение неприятеля, а затем, наступая флангами с запада и востока, вынудить его отступить во Фландрию.

К началу 1637 года враг был вытеснен и из Эльзаса, чему во многом способствовали успехи талантливого полководца и владетеля одного из мелких немецких протестантских княжеств Бернхарда Саксен-Веймарского. Ришелье уже тогда обратил внимание на предприимчивость герцога и при помощи отца Жозефа заключил с ним формальное соглашение. За денежные субсидии поступившему на французскую службу немецкому полководцу было поручено тревожить императора на северо-востоке.

Перенапряжение Габсбургов в борьбе с Францией помогло шведскому канцлеру Оксеншерне успеть подкрепить провизией и снаряжением свои армии на севере Германии и решить кое-какие дипломатические вопросы. Главная проблема заключалась в том, что срок шведско-польского перемирия истекал как раз в 1636 году. В деле нейтрализации Речи Посполитой помогли французские дипломаты, которые успешно подготовили обе стороны к заключению окончательного мира. Польша, серьезно истощенная недавней войной с московским царем Михаилом Романовым за Смоленск, удовлетворилась территориальными уступками. По миру в Штумсдорфе Оксеншерна отказывается от Польской Пруссии, обильно пропитанной шведской кровью в минувшую войну, но зато получал свободу действий в Германии. Туда была переброшена прусская армия шведов, что впоследствии значительно помогло французским победам.

Но как раз в 1637 году Ришелье пережил очередной заговор, в центре которого оказалась Анна Австрийская, попытавшаяся на фоне военных неудач вбить клин между ненавистным кардиналом и нелюбимым мужем. Первому министру стало известно о тайной переписке королевы с ее родственниками в

Мадриде и Брюсселе. Содержание писем свидетельствовало, что Анна намеревалась склонить Людовика XIII к невыгодному для Франции миру с Габсбургами, предварительно добившись удаления Ришелье. Здесь королева решила использовать все свои чары, но не знала, что сейчас ее положение крайне непрочно. Она не имела сведений о том, что Людовик XIII без памяти влюблен в Луизу де Лафайет и серьезно намеревался развестись с ней.

Это вдвойне было невыгодно для Французского королевства. Собрав улики, Ришелье сообщил о предательстве Анны королю, который попросил канцлера Сегье допросить королеву. Первый допрос 14 августа 1637 года был проведен весьма неумело. Анна все начисто отрицала и решила лично встретиться с Ришелье, пригласив его к себе.

Кардинал в своих «Мемуарах» подробно описал эту встречу. Деятельность королевы была известна ему до малейших подробностей. Вопросы, один другого убийственнее, не оставляли Анне ни малейшей надежды. От первого министра она узнала и о намерениях Людовика развестись с ней. Это известие было последним ударом. Королева испытывает замешательство, падает на колени и пытается целовать руки кардинала, в слезах умоляя заступиться за нее перед мужем. Истерика была долгой, но первый министр заверил королеву в своем содействии, руководствуясь прежде всего государственными соображениями.

Объяснение супругов было крайне тягостным для обеих сторон, но Ришелье удалось заверить Людовика XIII, что интересы государства превыше всего, и что король поступит мудро, если простит раскаявшуюся королеву. Этим он уменьшит шансы на престол своего брата Гастона, поддерживаемого герцогом Лотарингии.

Следствием этих событий оказалось примирение супругов и последовавшее за ним рождение двух принцев. 5 сентября 1638 года Анна Австрийская в тяжелых муках (ведь ей уже было 37 лет) родила будущего «Короля-Солнце» Людовика XIV, а в 1640 году – его брата Филиппа Орлеанского. Но самым важным явилось то, что французская королева наконец научилась чтить интересы Франции. Это во многом объясняет ее поведение в будущем.

Впереди ее ожидали власть, кризисные годы и любовь – самая долгая и последняя в ее жизни. Приблизившись к сорокалетнему рубежу, Анна Австрийская не утратила своей красоты. Напротив, поздние роды сделали ее облик более мягким и женственным.

Тем временем ситуация на театре военных действий в Европе медленно, но верно менялась в пользу антигабсбургской

коалиции. В феврале 1637 года скончался император Фердинанд II. Последним успехом его дипломатии стало безболезненное для имперских чинов, да и для всего континента, избрание его сына, короля Венгрии, новым императором Фердинандом III. Смерть старого Фердинанда II – существенная веха в истории Габсбургского дома и Тридцатилетней войны. С ней, пожалуй, окончательно поблек преимущественно конфессиональный подход к решению государственных дел. Император, по отзывам современников и историков, «в первую очередь был не властителем своих восточных и наследственных земель, но главой Империи, боровшимся за веру и авторитет своего дома, защищая и оберегая его».

По прошествии столетий и сегодня историки склонны рисовать его деятельность более мягкими красками: Фердинанд II не слишком зависел от мнения иезуитов и своих любимцев, ему не был свойствен безудержный религиозный фанатизм. Все могло быть. Но его реальная политика говорит как раз об обратном. И он нам видится таким, каким предстает на гравюре Эгидия Зедлера: с копьем в руке ведущий в бой свои войска за веру и Империю.

Его наследник Фердинанд III не был столь горяч в религиозных вопросах, как отец. Он не состоял в личной дружбе с Максимилианом Баварским и другими вождями Католической лиги. Гораздо менее воинственный и более прагматичный, новый император во многом способствовал приближению долгожданного мира. Однако для этого требовался перелом в войне.

Осень 1637 года была самым тяжелым временем для шведов. Был момент, когда в их руках находилось лишь несколько крепостей в Померании. Талантливый генерал Банер сумел переломить ход событий. Получив подкрепление из Пруссии, он стремительно напал на Саксонию и почти полностью истребил армию саксонского курфюрста в горных теснинах близ Хемница. Затем он перенес операции в Чехию и доходил даже до Праги. Параллельно с успехами шведов в Саксонии Бернхард Саксен-Веймарский одержал ряд побед на Верхнем Рейне. В январе 1638 года он перешел через Рейн в нескольких милях к востоку от Базеля и разбил имперские войска герцога Савелли близ Рейнфельдена. В результате весь лесной Шварцвальд был очищен от неприятеля.

Бернхард получил возможность развить успех и весной 1639 года осадил последнюю твердыню императора на Рейне – крепость Брейзах. Овладеть ею означало перерезать испанские коммуникации через Эльзас. Но взять эту цитадель приступом не

было никакой возможности в силу почти полной неприступности высившихся на скалах укреплений. Крепость выглядела грозно: с одной стороны – Рейн, с другой – высокие отвесные холмы. Началась почти годичная осада, в течение которой герцогу трижды пришлось отражать деблокирующие удары императорских войск, причем все три раза – удачно. Особенно порадовала Бернхарда победа над Карлом Лотарингским, когда в плен к нему попали почти все высшие чины имперской армии. В конце концов в декабре того же года Брейзах капитулирует. Но храброму полководцу Бернхарду уже не довелось полностью насладиться долгожданным успехом и обладанием этой крепости – летом следующего года он скончался в разгар подготовки нового похода за Рейн.

Не довелось насладиться этой победой и ее главному закулисному виновнику – «серому кардиналу» отцу Жозефу. Именно ему принадлежала честь с таким трудом заманить герцога на французскую службу и воевать, в сущности, за французские интересы. «Второе я» кардинала Ришелье умирает буквально за несколько часов до капитуляции Брейзаха. Сидевший у смертного одра друга кардинал уже не сомневался в победе Бернхарда и, видя, что отец Жозеф отходит в мир иной, сказал ему, что крепость взята. Душа капуцина отлетела к небесам удовлетворенной.

А на земле осталась легенда о нем. «Странно, как мог демон быть столь близким ангелам?» – посмеивались недоброжелатели Жозефа, совсем не думая о том, кто вскоре его заменит.

Достигнутые победы сделали возможным развернуть согласованные действия шведов и французов. Морские успехи голландского флота окончательно закрепили перелом в европейской войне. Осенью 1640 года войска французского командующего Гебриана впервые соединились со шведами Банера под Эрфуртом. Воспользовавшись этим, шведский полководец предпринял отважное вторжение в Баварию. В дни, когда в Регенсбурге заседал имперский рейхстаг, его войска появились под стенами города, и лишь оттепель не позволила им начать штурм. Весной 1641 года Банер вернулся в Саксонию.

Увлекшись перипетиями европейских событий, мы, кажется, совсем забыли о главном герое. Нельзя сказать, что он совсем держался в стороне от всего происходящего. Мазарини вернулся в Вечный город с инструкциями от Ришелье, которые фактически делали его французским агентом при папском дворе. Джулио должен был убедить Урбана VIII, что Франция сейчас имеет единственную цель – заключить союзы с Англией и Баварией. Он

также представил на обозрение папы римского свой проект «священной войны» против Османской империи. Под номинальным руководством кардинала Антонио Барберини Мазарини одновременно работал в целях открытия мирного конгресса в Кёльне. Там его надежный друг и агент Зонго Ондедеи получал подробнейшие письма, полные практических советов, отражавших мирные намерения Джулио. Вообще Мазарини как дипломат всегда нес с собой предложения мира.

Мирный конгресс тогда так и не открылся, что явилось ударом для Ондедеи, мечтавшего сделать на этом политическую карьеру. А его патрон, казалось, нисколько не тужил.

Помимо этого, Мазарини имел в Париже другого преданного ему агента – аббата Карло, осуществлявшего связь с его французскими друзьями. Именно от Карло он получил известие, что Ришелье вновь хочет видеть его около себя.

Пребывая в Риме, Джулио постоянно внушал Урбану VIII идею освобождения Севера Италии от испанского присутствия. При этом Рим может отодвинуть свою северную границу, а французы укрепят влияние в Северной Италии. Все зависело, конечно, от способности франко-савойских армий одержать решительную победу на этом участке фронта. Усилия Джулио окончились тем, что в 1638 году Франция и Савойя подписали перемирие с императором в Северной Италии, а испанцы очистили ее территорию.

Вместе с тем Мазарини чувствовал, что, если ему сейчас не предпринять решительных шагов, его карьера остановится на достигнутом. Фактически Джулио три года «грыз удила», официально будучи домоправителем при дворце Барберини и руководя чиновниками и слугами. Он ослеплял Рим роскошью пиров и карнавалов и шокировал распутством. Дальновидному и честолюбивому без меры человеку этого, конечно, было ничтожно мало. Он лелеял замысел вернуться во Францию в качестве постоянного нунция (пост нунция освободился еще летом 1637 года) и добиться кардинальского сана. Ришелье и Людовик XIII поддерживали его в этом, особенно после того как умер ближайший кандидат в «кардиналы короны» отец Жозеф. Но происпанская партия в папской курии помешала осуществлению этих планов, найдя множество причин для официального отказа: Мазарини, мол, являлся римским подданным, а значит, король Франции не мог выставлять его кандидатуру. Более того, только папа имеет право выбирать очередного кандидата в кадиналы. А когда у Людовика родился долгожданный наследник и король попросил Урбана VIII быть крестным, чтобы восприемником стал Мазарини (в таком случае еще оставалась надежда получить

желанную кардинальскую шляпу), папа не на шутку рассердился. Аудиенция французского посла д'Эстре закончилась тем, что святой отец так стукнул о пол своим посохом, что тот сломался. Джулио остро ощущал, что надо срочно ехать в Париж.

Французский король и его первый министр отреагировали на поведение папы очень резко, прервали контакты с чрезвычайным нунцием Скопи и вообще всякие отношения с римской курией. В складывавшихся к тому времени международных отношениях на континенте для Рима это было недопустимо, и поэтому неудивительно, что в 1638 году Мазарини участвует в торжественном обряде крещения дофина и планирует свой отъезд из Италии. Наконец, получив формальное приглашение Людовика XIII в ноябре 1639 года, он уже 13 декабря покидает Рим. Добравшись до Чивита-Век-киа, где испанцы отказали ему в разрешении на проезд по своим владениям, наш беглец сел на первый попавшийся корабль, отплывавший в Марсель, и затем добрался до Парижа. Во французской столице Джулио припал к ногам короля, оказавшего ему самый радушный прием. Так пожелал Ришелье, хотевший возместить потерю друга и самого умного своего советника отца Жозефа. Наверное, именно в Мазарини он увидел ему замену.

Почему же Мазарини так бесповоротно изменил свою судьбу? И почему Урбан VIII «отпустил» его? Скорее всего, проницательный и излишне острый ум талантливого политика не укладывался в нормы Римской церкви. К тому же Джулио успел нажить много врагов в курии среди политических противников и просто посредственностей, не обладая достаточно благородным происхождением. И, по сути, он никогда не был настоящим священником – это чувствовали все окружающие.

Разумеется, поначалу новая креатура Ришелье вела себя скромно и выполняла только дипломатические обязанности. Но уже поздней осенью 1639 года первый министр Франции официально подает прошение в Рим о присвоении кардинальского сана его другу Мазарини.

На пути к победе

Чем больше набираешься ума-разума, тем больше необычных людей встречаешь. Обычный человек не видит различия между людьми.

Блез Паскаль

Шел 1641 год… Вот уже два года Джулио Мазарини постоянно жил во Франции. Надо сказать, в то время его ложе еще не было достаточно мягким. В Париж Джулио прибыл почти нищим по сравнению со своим предыдущим положением, но с надеждой смотрел в будущее. И все же, несмотря на благоволение к нему королевской четы и первого министра, все доходные места в королевстве были пока заняты. Положение новоприбывшего описывается в «Мемуарах капитан-лейтенанта первой роты мушкетеров короля месье д'Артаньяна» следующим образом:

«При своем прибытии ко двору Мазарини явился туда столь жалким, что ему требовалась чья-нибудь поддержка. Не имея ничего, кроме весьма скудного пенсиона, далеко не достаточного даже для скромного существования, он был слишком счастлив, когда месье де Шавиньи, который узнал его, воспользовавшись им в делах Италии, дал ему комнату у себя и место за столом своих служащих».

Не правда ли, описание это довольно неточное, насмешливое и саркастическое? Не стоит удивляться – ведь д'Артаньяна, как исторического персонажа, нельзя отнести к горячим сторонникам обоих кардиналов и, кроме того, подлинность его «Мемуаров» подвергается сомнению большинством историков.

Однако в самом деле Ришелье поручил государственному секретарю де Шавиньи заняться устройством Джулио Мазарини, поскольку уже тяжело больному кардиналу хватало более важных забот. В годы, предшествовавшие его министерству, Мазарини много работал, стараясь выставить себя в лучшем свете в глазах французского высшего света. Тогда, в 1639—1642 годах, стараясь следовать знаменитому принципу великого римского императора Августа «Поспешай медленно», он постепенно перевоплощался из папского дипломата в наследника Ришелье.

Джулио тщательнейшим образом выискивал себе патронов, друзей и сторонников, ездил в Италию, откуда привозил произведения искусства и редкие книги. Он старался следовать моде и быть в моде, регулярно посещал театр и слушал музыку.

Он блистал в обществе и периодически навещал королеву Анну и своего крестника, чем постепенно приучил их к своему постоянному присутствию. Кроме того, он старательно и с должным умением выполнял любые дипломатические поручения, чаще всего на франко-испано-итальянском фронте. Ришелье поручил своему протеже две миссии: одну в Савойе, другую – в Седане. Первое задание (сентябрь 1640-го – июнь 1641 года), длительное и деликатное, выглядело как испытание, но второе – сложное и вместе с тем быстро завершенное (сентябрь – октябрь 1642 года) – уже свидетельствовало о полном доверии великого кардинала. Во время осады Перпиньяна в декабре 1641 года Джулио Мазарини наконец получил обещанную ему Людовиком XIII и Ришелье еще два года назад кардинальскую шляпу.

Это было огромное достижение! Ведь хотя Джулио долгое время пребывал в должности папского дипломата и был посвящен в сан, священником по своей сути он не стал и всю жизнь ненавидел красную сутану. Пожалуй, это один из примечательных нонсенсов заканчившегося конфессионального века. Недаром ценивший Мазарини Урбан VIII долго противился настойчивым просьбам своего племянника Антонио и кардинала Ришелье. В свою очередь, Джулио не единожды напоминал последним о своих заслугах и своем желании стать кардиналом.

Он почему-то (наверное, здесь следует винить предсказания пармского прорицателя) был уверен, что достигнет этой цели. Действительно, чем он хуже кардиналов Антонио, Франческо или подобных им? Его заслуги перед кланом Барберини, Римом, Италией и Францией трудно переоценить. Все это прекрасно понимали как Барберини, полагавшие, что «большой» Мазарини сможет им понадобиться, так и Ришелье, готовивший во Франции почву для своего ухода. В условиях выхода Тридцатилетней войны на финишную прямую Урбан VIII не мог противостоять все возраставшему влиянию Франции в Европе. И сдался, подписав буллу о присвоении Джулио Мазарини кардинальского сана за особые заслуги перед Святым престолом.

Когда Джулио узнал о своем новом статусе (ему была принесена депеша прямо на бастион), он медленно опустился на землю и произнес следующую фразу: «Теперь я богат!» Воистину для многих это было ярчайшим подтверждением жадности Мазарини. Но учтем, что целых два года ему пришлось влачить худшее в финансовом отношении после Рима существование. Он даже заметно похудел за это время, но скорее из-за постоянно снедаемого его душу беспокойства о своем положении и своей карьере во Франции, нежели из-за недостатка в яствах. Вообще же плотно покушать Джулио всегда любил. Пока, разумеется,

позволяло здоровье.

И еще – мало кто знал, что параллельно Джулио получил грамоту о получении подданства, согласно французским законам дававшую иностранцу право владеть, приобретать и даже передавать по наследству имущество и доходы во Франции, в том числе бенефиции духовных лиц. Безусловно, документ этот приносил большую финансовую выгоду: очень скоро король пожаловал Мазарини его первое аббатство Сен-Медар-де-Суассон, затем богатейшее бенедиктинское аббатство Корби и многое другое.

Все же главное заключалось в ином. Имела место своеобразная «натурализация» весьма посредственно говорившего по-французски Мазарини. Несмотря на то что Джулио получил французское гражданство за восемь месяцев до своего отъезда из Рима, то есть в апреле 1639 года, папская администрация по месту рождения считала его римским подданным, имевшим право только на собственность, даруемую папой. Теперь он вполне мог считаться и французом, точнее французским итальянцем. Отношение самого Джулио к статусу гражданина того или иного государства: «Для обходительного человека (или, можно перевести, джентльмена) любая страна – родина». Мазарини всем сердцем чувствовал себя французом, и его политика будущего первого министра полностью подтвердит это.

И Ришелье, и его протеже больше всего порадовало то обстоятельство, что его преосвященство кардинал Мазарини получил от папы внушительное количество привилегий, освобождавших его от исполнения обязанностей по отношению к католической церкви, что позволяло ему полностью отдаться работе на светскую власть, приобретать и передавать по завещанию имущество, размеры и стоимость которого превосходили даже богатства первого министра Франции. Два следующих папы – Иннокентий X и Александр VII – подтвердили все полагавшиеся ему льготы, хотя и мало ценили его как духовное лицо. Но ни одному из этих пап не удалось заставить Джулио отслужить мессу.

Вскоре после этого по совету Ришелье новоиспеченного кардинала ввели в Королевский совет. Согласно «Мемуарам» того же д'Артаньяна, Ришелье, «кого он весьма заботливо обхаживал, вскоре начал употреблять его в делах большой важности. Король поручил овладеть ему городом Седаном, и, утвердив там Фабера (одного из французских военачальников), он вернулся ко двору, где почти сразу после его приезда последовала смерть первого министра».

Великому кардиналу не довелось болеть и умереть спокойно. Постоянная смена тревог и триумфов преследовала его всю жизнь. Незадолго до смерти Ришелье пришлось пережить немало неприятных минут.

Неизвестно, сколько лет жизни отняла у министра-кардинала борьба за монопольное влияние на Людовика XIII. Ведь король, как оказалось, не был безвольным глупцом, и он не любил своего первого министра. Однако, понимая государственные интересы и принимая во внимание свои желания, не совместимые с государственными делами, Людовик XIII просто не мог обойтись без Ришелье. Он как бы являлся союзником кардинала, хотя иногда хотел освободиться от тяжести кардинальской опеки, отличался непостоянством и часто подвергался всевозможным влияниям, что хорошо было известно при дворе, как, впрочем, и самому Ришелье, которому приходилось постоянно держать ухо востро. Ведь многочисленные авантюристы и авантюристки, зная характер короля, пользовались этим в своих корыстных целях.

Ранее уже упоминалось о том, что у Ришелье была хорошо налажена шпионская сеть. В борьбе против своих врагов кардинал не брезговал никакими средствами. Он прекрасно знал о слабостях и пороках Людовика XIII – сей король являлся скрытым бисексуалом и любил хорошеньких женщин и молодых мужчин. Именно юношей такого сорта вербовал кардинал в качестве шпионов при королевской особе, которые разделяли королевский досуг и регулярно сообщали Ришелье о настроениях Его Величества. Так предупреждались многие заговоры, особенно связанные с именем королевы-матери Марии Медичи.

Но однажды в характере одного из своих шпионов первый министр все же ошибся. В 1637 году его агентом при короле стал семнадцатилетний маркиз Анри де Сен-Мар, сын покойного сюринтенданта финансов д'Эффиа. Красавец Анри преданно и верно служил в гвардии кардинала, пока тот не обратил на него особое внимание и не сделал главным распорядителем королевского гардероба. Маркиз, от природы не в меру гордый и честолюбивый, был шокирован, когда первый министр год спустя после начала его службы изволил сообщить ему, что от него требуется, и поначалу отверг предложение кардинала. В конце концов Ришелье с помощью политики кнута и пряника уговорил его стать осведомителем при короле. Сен-Мар, скорее всего, одумался и параллельно решил действовать в своих интересах.

Случилось так, что Людовик XIII не на шутку увлекся маркизом: юноша обладал не только красотой и честолюбием, но и даром красноречия и остроумием. Король в нем души не чаял и не жалал расставаться ни на один день. Шавиньи замечал по

этому поводу, что «ни к кому и никогда король не испытывал более неистовой страсти».

К концу 1639 года не достигший еще и двадцати лет Сен-Мар сумел поставить Людовика XIII в полную зависимость от себя. Новый фаворит стал подумывать о политической карьере вполне серьезно: положение миньона во Франции всегда считалось ненадежным… Вскоре он добился назначения на очень престижный при дворе пост главного шталмейстера. С этого времени к нему обращались не иначе как «Месье Главный».

Между тем возросшее влияние Главного пробудило надежды всех недовольных Ришелье, еще остававшихся при дворе. Вначале они считали маркиза «человеком Ришелье», но затем обрадовались, узнав, что, по сути, он может стать их союзником. Еще в 1640 году герцоги Суассон и Бульон старались наладить тайные связи с Сен-Маром.

Поначалу тот был очень осторожен. Поворот событий, как это часто бывает, произошел по вине женщины. Сен-Мар «выгодно» влюбляется и собирается жениться на дочери покойного герцога Мантуанского де Невера принцессе Марии де Гонзага. Мария-Луиза была очень красива, хотя старше своего жениха на целых девять лет. Впоследствии ей предстояло стать польской королевой.

В известном романе Альфреда де Виньи любовь Анри и Марии-Луизы предстает перед читателем в восхитительнейших и страстных тонах. А как было на самом деле? По имеющимся историческим данным трудно сказать наверняка. Мария-Луиза, согласно одной точке зрения, готова была выйти за фаворита короля только при одном условии: освобождение Франции от тирана-кардинала. В недалеком прошлом она была любовницей Гастона Орлеанского и стояла неизмеримо выше Сен-Мара на социальной лестнице. По другой версии, которую излагает нам Ларошфуко, «Главный был охвачен пылкой любовью к мадемуазель де Шемро. Более того, он убеждал ее в своем намерении жениться на ней, и его письма изобилуют такими обещаниями, вызвавшими после его смерти непримиримую вражду между нею и принцессой Марией, свидетелем чего мне довелось быть». Так или иначе, но Сен-Мар конечно же женился бы на Марии-Луизе, если бы этого желал Ришелье. Но последний как раз сделал все от себя зависящее, чтобы расстроить намечавшийся брак, а также лишить уже ненравившегося ему Сен-Мара надежд на герцогство и пэрство.

Тогда обиженный Сен-Мар, зная о нелюбви короля к своему министру, твердо вознамерился занять место Ришелье. Тем более неожиданно для кардинала с 1641 года Людовик XIII стал

приглашать Месье Главного на заседания Королевского совета.

Такой успех ослепил молодого человека двадцати двух лет. Он окончательно примкнул к противникам кардинала. Лучший друг Главного девятнадцатилетний советник Парижского парламента Огюст де Ту стал его первым сообщником в деле устранения Ришелье. К тому же де Ту был горячим сторонником примирения с Испанией. В свою очередь, советник привлек к участию в заговоре знатного дворянина из Лангедока маркиза де Фонтре. Этот калека-горбун был обижен на Ришелье за то, что тот оскорбил его в присутствии иностранного посла: «Встаньте-ка в сторонку, господин де Фонтре, и не попадайтесь на глаза – посланник не любит уродов». Первый министр умел наживать врагов (как, заметим, и расправляться с ними), но главное заключалось в том, что Фонтре, как и де Ту, был сторонником разгромленной Ришелье испанской партии при дворе.

Осенью 1641 года заговор окончательно оформился. Чувства ненависти, обиды, да и просто неприязни, испытываемые к личности первого министра, свели воедино Сен-Мара, де Ту, Фонтре с такими высокопоставленными фигурами, как Гастон Орлеанский, герцог Бульонский и… Анна Австрийская.

Но сейчас в рядах заговорщиков она оказалась почти что случайно, сама не осознавая, к чему это все может привести.

Более чем двадцатилетнюю вражду трудно забыть. И восстановить, а в данном случае даже создать гармонию супружеских взаимоотношений было уже практически невозможно. Рождение двух принцев лишь на очень короткое время украсило жизнь королевы и восстановило спокойствие.

К старым обидам добавились новые. Ведь и Анна и король уже имели давно укоренившиеся привычки жизни друг без друга. Людовик XIII не отказался от своих фавориток и фаворитов, а поздно родившая Анна почти все свое свободное время проводила вместе с детьми.

Король часто жаловался Ришелье: «С большим сожалением должен сообщить Вам о глубоком отвращении, которое мой сын питает ко мне… едва увидев меня, уже кричит так, будто его режут. При одном упоминании моего имени он становится пунцовым и заливается плачем». Людовик XIII был убежден, что его жена целенаправленно настраивает дофина против отца. На самом же деле дофину было всего два года, а отец так редко его навещал, что казался ему чужим дядей.

Заглянем немного в будущее. Маленькому Людовику было суждено потерять отца в пять лет. Несмотря на это, он всю жизнь тщательно сохранял память о нем. Будучи полновластным правителем своего государства, Людовик XIV вознамерился

начать строительство самого роскошного дворцового комплекса в Версале, но не стал сносить построенный ранее на этом месте охотничий домик покойного короля. Он сделал его составной частью Версаля, и именно благодаря этому в моду европейских дворов вошло строительство зеркальных залов, в которых окна на улицу отражались в огромных зеркалах на противоположной стене.

Конечно, Людовик XIII не мог этого предвидеть и очень обижался. А тут еще и Джулио Мазарини, не жалевший своего свободного времени для того, чтобы навестить Анну. Маленький Людовик знал больше его, нежели собственного отца. Но не думайте, что король заподозрил жену в измене с Мазарини, иначе не видать бы тому кардинальской мантии. Людовик XIII просто ревновал жену к сыну, но сам, чтобы завоевать его расположение и любовь, ничего не делал. Мало того, король возвращается к мысли о заточении Анны Австрийской в монастырь и советуется в этом вопросе с Ришелье.

Кардинал советует королеве не задевать самолюбия мужа, добиться сближения отца и сына. Он понимает, что в случае устранения Анны и возможной смерти болезненного Людовика регентом Франции может стать Гастон Орлеанский вплоть до совершеннолетия дофина. Это может загубить все созданное до тех пор им, Ришелье.

Людовик XIII, как всегда, прислушался к мудрым советам кардинала. Его взаимоотношения с женой опять ненадолго улучшились. Но Анна, несмотря на все свое уважение к Ришелье, была очень обижена. Неужели королева, родившая французскому престолу двоих сыновей, ничего собой не представляет? Неужели ее судьбой можно свободно распоряжаться? Неужели она просто игрушка в руках мужа и кардинала? И она вновь взялась за старое, включившись в интриги против первого министра, явно не сознавая, в чем состоят ее собственные интересы.

Впрочем, не исключен и другой вариант мотивов ее поведения – ведь письменных свидетельств на сей счет нет. Можно предположить, что Анна, узнав о заговоре, решила примкнуть к противникам кардинала, чтобы потом вовремя сообщить ему о нежелательных событиях.

Первый министр давно заподозрил неладное. Еще в июле 1641 года он единоличным решением положил конец участию Сен-Мара в заседаниях Королевского совета. Но и без этого Месье Главный почти каждый божий день внушал своему королю мысль о том, чтобы предложить Мадриду и Вене мир на приемлемых условиях и тем положить конец страданиям подданных. Сен-Мар знал, что Людовик XIII устал ждать обещанного ему кардиналом

Ришелье «золотого века». Главным препятствием к миру, говорил Сен-Мар, является сама фигура кардинала. Заговорщики давно готовили тайный договор с Испанией.

Однажды раздраженный постоянными болями и упрямством кардинала Людовик XIII сказал в сердцах при своем любимце: «Хотел бы я, чтобы против него образовалась такая же враждебная партия, какая существовала против маршала д'Анкра». Сен-Мар воспринял эти слова как руководство к действию, несмотря на то, что король однажды заметил, грустно глядя в глаза своему фавориту:

– Если когда-либо он (то есть кардинал) решит выступить против Вас, то даже я не смогу Вас защитить.

В декабре 1641 года заговорщики окончательно составили проект тайного договора с Мадридом о прямой военной помощи в случае мятежа, если таковой поднимет Гастон Орлеанский. Экземпляр этого документа заговорщики передали Анне Австрийской, которая в конечном итоге и предала их. Не все это знали и по прошествии многих лет.

Вот как об этом повествует Франсуа де Ларошфуко: «Каким образом вскрылось, что он (договор) был заключен, до сих пор точно не установлено, я не стану здесь останавливаться на всевозможных подозрениях относительно несоблюдения верности или тайны теми, кто о нем знал, но предпочту присоединиться к мнению, никого не порочащему, и допустить, что текст этого договора был обнаружен в багаже гонца из Испании, всегда вскрываемом на пути в Париж». Возможно, герцог был просто дипломатичен.

Уже на пути к осуществлению своего замысла заговорщики стали отходить от Сен-Мара. Первым высказал сомнения в успехе герцог Бульон, который отбыл в Турин. А Сен-Мар, горячая голова, по-прежнему пытается получить от короля формальное согласие на устранение кардинала. Не получив его, заговорщики решили действовать на свой страх и риск. Убить Ришелье намечалось в Лионе, куда в феврале 1642 года прибыл королевский кортеж. В один прекрасный день Ришелье и капитан его гвардейцев дю Барра входят в кабинет, где Сен-Мар, забыв об осторожности, в полный голос говорит о необходимости срочного устранения первого министра. Случай был упущен, и навеки. С тех пор кардинал нигде не появлялся без охраны. Ему предстояло умереть в собственной постели.

Там же, под Перпиньяном, куда выехал весь королевский двор и где Мазарини получил радостную весть о том, что сделался кардиналом, между Людовиком XIII и его фаворитом произошло серьезное ухудшение отношений. Здесь Месье

Главный, очевидно забыв то, что произошло ранее, досаждал королю грубыми и непрерывными нападками на первого министра. Он явно осмелел, и было из-за чего.

14 марта 1642 года в Мадриде эмиссар заговорщиков Фонтре подписал с Оливаресом секретный договор, в котором говорилось, что новое правительство Франции во главе с Гастоном Орлеанским разорвет отношения с протестантскими странами и отдаст Испании все завоеванные территории. Испанский министр обещал Гастону военную помощь и возвращение захваченных Мадридом французских территорий. Фонтре даже имел аудиенцию у короля Филиппа IV. Ришелье знал о миссии Фонтре и пытался перехватить его на обратном пути с подписанным договором. Попытка окончилась неудачей. Впоследствии Сен-Мар отдал письмо Анне Австрийской.

Вскоре кардинал слег. Неуспех подкосил и без того больного человека. Как заметил очевидец всего происходящего д'Артаньян, «геморрой по-прежнему продолжал причинять ему тысячу мучений, и вскоре он не мог больше ни сидеть, ни даже оставаться в одном положении». 23 мая Ришелье уже диктует своим секретарям завещание.

Все же он тогда не умер. На короткое время его вернула к жизни Анна Австрийская, передавшая через своего доверенного человека кардиналу текст тайного договора с Испанией и сопроводительное письмо. В последнем говорилось о том, что королева отныне намерена «быть в его партии, зная, что Его Высокопреосвященство также поддержит ее и не оставит своей помощью».

Заговорщики один за другим были арестованы. А 21 июня «Газетт» поместила официальное сообщение о раскрытии заговора Сен-Мара. Под председательством канцлера Сегье в Лионе был проведен судебный процесс. 12 сентября 1642 года Сен-Мар и де Ту были публично казнены. Гастон Орлеанский, герцоги Бульон и Суассон отделались испугом. Бульон уступил королю Седан. Фонтре остался в Испании, где впоследствии и погиб.

Считается, что Анну Австрийскую побудило дать в руки кардинала убийственное для его врагов оружие исключительно чувство собственной безопасности. Возможно, так и было. Но не стоит забывать, сколько подобных уроков перенесла французская королева. А также то, что уже немалое время за ее спиной маячила тень нового кардинала. Не исключено, что Джулио помимо легкой светской болтовни вел с ней и беседы на политические темы. Ведь он был обо всем прекрасно осведомлен.

Мазарини с нескрываемым восхищением следил за

действиями почти немощного Ришелье во время заговора Сен-Мара.

– Наверное, нет политиков, равных Вашему Высокопреосвященству, – заметил в который раз Джулио.

– Почему же, Ваше Высокопреосвященство. Если нет сейчас, то скоро найдутся. Лично я в это верю. Иначе и умереть спокойно невозможно, – отвечал кардинал кардиналу.

Заметим, впрочем, что во время процесса Сен-Мара Мазарини осторожно пытался выступить в защиту де Ту. Джулио не любил публичные казни и в своей жизни очень редко пользовался этим средством для устрашения врагов.

Среди многочисленных посетителей первого министра, которых он обычно принимал между мессой и обедом, чаще других стали замечать кардинала Мазарини. Уже тогда было известно, что Ришелье считает его преемником. Что же касается самого Джулио, то он вынес из заговора Сен-Мара важные для себя уроки. Он окажется достойным учеником великого министра, превзойдя его в подавлении более серьезных внутренних смут.

Не стоит оставлять в стороне также и то, что на неуспех заговора Сен-Мара повлияли военные победы Франции и всей антигабсбургской коалиции. Новому императору Священной Римской империи не удалось использовать неудачу шведского похода на Регенсбург. Протестанты по-прежнему владели инициативой. На смену умершему весной 1641 года Банеру из Швеции прибыл человек, которому было суждено положить предел всяким иллюзиям Фердинанда на более благоприятный исход войны. То был граф Леннарт Торстенсон, воспитанник Густава Адольфа и продолжатель лучших традиций шведской военной мысли. Ф. Шиллер в своем историческом труде «История Тридцатилетней войны» так описывал Торстенсона: «Разбитый подагрой и прикованный к носилкам, он побеждал всех своих противников быстротою. Тело его было обременено тягчайшими из оков, но его планы обладали крыльями. При нем перемещается театр войны и устанавливаются новые принципы, предписанные необходимостью и оправданные успехом. Земли, из-за которых до сих пор сражались, обнищали окончательно, а Австрийский дом, чьи отдаленные владения остались нетронутыми, не чувствует бедствий войны, под гнетом которых истекает кровью вся Германия. Торстенсон первый… насыщает шведов всем, чем изобилует Австрия, и швыряет факел пожара к самому трону императора».

С прибытием нового полководца все усилия шведов были направлены на вывод из войны Саксонии – сейчас главного

внутриимперского союзника Фердинанда III. Чтобы спасти положение, император решился на отзыв своего полководца Пикколомини из Нидерландов. Но это не помогло: 2 ноября под Брейтенфельдом, на тех же полях, где Густав Адольф нашел великую славу, шведы вторично одержали победу над армией Пикколомини. Вслед за тем капитулировал Лейпциг, и Иоганн Георг Саксонский, не в силах более продолжать войну, пошел на перемирие со шведами. Затем Торстенсон огнем и мечом прошелся по Силезии и Моравии, что резко ухудшило положение Империи и побудило Фердинанда предпринять первые шаги к миру.

Еще раньше, на своем первом рейхстаге в Регенсбурге в 1641 году, император понял бесперспективность затягивания конфликта: никто уже не хотел воевать. Протестантов нейтрализовать не удалось, а католики не проявляли большой военной активности. Фердинанд II являлся политическим банкротом: Габсбурги были истощены. Это было ясно императору, но еще не ясно испанскому министру Оливаресу.

Французский полководец Гебриан в начале 1642 года совершил молниеносный рейд в Саксонию на помощь Торстенсону и, захватив на обратном пути Кёльн, вернулся в Эльзас и далее развивал успех на Рейне. В Испанию Фердинандом III был послан генерал Франческо Коретто – решительный и серьезный деятель, неподатливый на прессинг Оливареса. Он без прикрас обрисовал испанскому первому министру реальное положение вещей и потребовал новых денежных субсидий. Коретто прямо добивался корректировки внешнеполитического курса Мадрида. В конце концов, скоро он окажется в рядах придворной партии, потребовавшей отставки Оливареса, который не без его участия в 1643 году покинет королевский дворец.

Не добившись ничего от Мадрида, император послал своих людей в Гамбург для переговоров со шведами и французами. В итоге в декабре 1641 года была достигнута предварительная договоренность между Фердинандом III, Оксеншерной и Ришелье о начале в 1643 году многосторонних переговоров. Тогда по указанию больного Ришелье Джулио составил письменные инструкции графу д'Аво для будущих переговоров в Мюнстере. Однако явное нежелание Испании торопиться с миром в расчете на будущий военный успех затягивало открытие мирного конгресса.

И зря. 28 июня французская эскадра под командованием племянника Ришелье маркиза де Мейе-Брезе разбила в трехдневном морском сражении в Лионском заливе последние силы испанцев в Средиземном море, пытавшиеся пробиться с

десантом к осажденному Перпиньяну. Перпиньян был взят 9 сентября. Зять Ришелье герцог Энгиенский объявил этот город владением короля Франции. Спустя шесть дней французы овладели Сельсом – последней испанской крепостью в Руссильоне.

Несмотря на это, Оливарес по-прежнему не сдавался. Главная французская победа над Испанией была еще впереди.

За всеми этими бурными событиями начала 1640-х годов и связанными с ними хлопотами малозамеченным прошло известие о смерти 3 июля 1642 года в Кельне всеми забытой Марии Медичи. Говорили, что она мечтала об одном – умереть после Ришелье. Но даже в этом последнем утешении ей было отказано судьбой. Джулио Мазарини был одним из тех, кто отметил для себя новость о смерти королевы-матери как важную дату. Он, как и вскормленный ею Ришелье, не питал к Марии Медичи должного уважения. Джулио рассматривал эту особу исключительно в качестве государственного врага Франции. Возможно, он интуитивно предчувствовал, что в будущем ему предстоит встретиться с немалым количеством таких противников.

Бывший папский дипломат старался быть как можно более гибким и осторожным в это время. Но с самого начала пребывания во Франции Мазарини никак не рассматривал себя в качестве парвеню, единственная цель которого заключается в преследовании своих собственных интересов. Джулио Мазарини прежде всего видел в себе человека, который хочет достичь власти, уважения и процветания именно благодаря службе французской монархии.

Горько-сладкий вкус власти

Неужели я сделал в прошлом так много, чтобы заслужить подобный избыток почестей? Неужели я настолько опасен в будущем, чтобы вызывать подобный избыток бешенства?

Жорж Клемансо

Итальянцы эпохи Мазарини в глазах современников – это прежде всего торгаши, авантюристы и отравители. Пожалуй, еще блестящие дипломаты. Особенно не любили итальянцев французы, которым пришлось пережить правление двух итальянок из дома Медичи – Екатерины и Марии. Те времена были одними из самых тяжелых в истории Французского королевства: непрерывные внутренние смуты и народная нелюбовь к правителям-итальянцам.

По иронии судьбы прекрасной Франции предстояло пережить еще одно итальянское правление. Оно также было нелегким, но стало переломным и плодотворным для дальнейшего государственного развития Франции.

Середина XVII столетия стала временем тяжелым для всех европейских государств. Ощущение внутренней нестабильности начало появляться уже в начале последнего периода Тридцатилетней войны. На протяжении второй половины 1630-х годов Францию потрясали мощные антиналоговые крестьянские выступления, превратившиеся в настоящие внутренние войны. Ришелье умел побеждать и в этой обстановке.

Существует мнение, что в войнах абсолютных победителей не бывает. Тридцатилетняя война, поглотившая экономические и людские ресурсы, политическую и духовную энергию многих государств, способствовала в той или иной степени временному ослаблению как побежденных, так и победителей. Экономический и финансовый кризис, ускоренный и усиленный войной, непосильное, но вынужденное налогообложение, людские потери, ужесточение внутренней политики и неумелая дипломатия правительств ряда стран могли породить ощущение нестабильности и дисбаланса, необходимости перемен и реформ, приводящей к выступлению против существующих властей. Именно Тридцатилетняя война явилась одной из причин,

катализатором и проявлением в международной сфере европейского кризиса XVII века.

Люди, живущие в середине XVII века, вполне осознавали, что они живут во время кризиса. В Германии кризис связывали прежде всего со страшными опустошениями, нанесенными обеими воюющими сторонами. В сонете «Слезы отечества» (1636) замечательный немецкий поэт Андреас Грифиус писал:

> Огонь, чума и смерть… Вот-вот нас жизнь оставит.
> Здесь каждый божий день людская кровь течет.
> Три шестилетия. Ужасен этот счет.
> Скопленье мертвых тел остановило реки…

А венецианский посол в Мадриде так описывал состояние испанской монархии за последние несколько лет: Португалия и Каталония восстали, Восточная Индия с Бразилией потеряны вместе с Португалией, Вест-Индия захвачена голландцами, королевская казна опустошена, друзья стали врагами… В исторических мемуарах и памфлетах, вышедших в Италии, Франции, Голландии и Англии, падение Испании сравнивали с падением всей Европы. Сто лет спустя великий французский просветитель Вольтер в своих «Рассуждениях о природе и духе наций» расширил ареал кризисных явлений вплоть до Марокко, Турции, Индии и Китая.

В политической жизни европейский кризис отражал потрясение основ существующих государственных режимов, потребность в их трансформации или вовсе уничтожении. Уже в 1640 году начались восстания за независимость в Португалии и Каталонии, охотно поддержанные Францией. Это существенно ослабляло боеспособность испанской армии и расшатывало позиции Оливареса. А к концу Тридцатилетней войны антигосударственные движения в форме смут, восстаний и даже революции охватили Англию, Шотландию, Ирландию, Францию, значительную часть Германии, Чехию. Кризис распространился и на Восточную Европу – на Украине антипольское восстание поднял Богдан Хмельницкий, Россию и Османскую империю сотрясали народные выступления.

Это были крупные движения в масштабе всей страны. А мелких крестьянских и городских восстаний было неисчислимое количество. В Провансе во Франции на XVII век приходится четыреста крестьянских мятежей. Из этого количества шестьдесят шесть вспыхнули в пятилетие между 1648 и 1653 годом – во время пика французского кризиса. В Аквитании из пятисот волнений за столетие более половины происходило между 1653 и

1660 годами. Очень часто на восстания крестьян подстрекали сами сеньоры-землевладельцы. Так, в 1644 году интендант де Корберон, человек, преданный Мазарини, доносил из Лиможа, что господин и госпожа де Помпадур подстрекали своих подданных выступить против политики правительства. Такую картину можно обнаружить почти везде.

Современники этих событий терялись в догадках о причинах, вызвавших такое потрясение общественных основ. Чаще всего, конечно, ссылались на волю Божью. Но приводили и другие причины: к примеру, ученый-иезуит Джованни Баттиста Риччоли писал о влиянии на землю изменений числа солнечных пятен. По его мнению, так проявлялся промысел Господень. Последователи этой теории находятся и в наши дни. Они пытаются доказать зависимость уменьшения числа пятен на солнце и числа неурожайных лет, которые влекут за собой народные движения.

Причины ухудшения жизни пытались искать и в отдельных личностях, правителях, королях и их министрах – непосредственных исполнителях воли Божьей. Такой фигурой во Франции до 1642 года являлся кардинал Ришелье, после 1642 года – Джулио Мазарини. Его национальность и происхождение совсем не помогали ему на высоком, но таком шатком и нелегком посту.

Великий кардинал умер через два месяца и двадцать два дня после того, как послал на смерть Сен-Мара и де Ту. Ларошфуко описывал его кончину в таких тонах: «Завоевание Руссильона, падение Главного и всей его партии, непрерывная череда стольких успехов… сделали имя кардинала Ришелье одинаково грозным и для Испании, и для Франции. Он возвращался в Париж, как бы справляя триумф. Королева боялась проявлений его раздражения, и даже сам король не сохранил достаточно власти, чтобы защитить своих собственных ставленников… Здоровье короля с каждым днем ухудшалось, болезнь кардинала была безнадежной, и он умер 4 декабря 1642 года… Эта потеря нанесла существеннейший ущерб государству… Никто лучше его не постиг до того времени всей мощи королевства и никто не сумел объединить его полностью в руках самодержца… Такое величие в его замыслах, такая ловкость в осуществлении их должны взять верх над злопамятством частных лиц и превознести его память хвалою, которую она по справедливости заслужила». Так оценивал жизнь Ришелье один из активнейших участников аристократической оппозиции. А что же могли сказать его сторонники?

В XVII и XVIII столетиях в жизни видных особ ни одно

событие не бывало вполне приватным. Даже акт испражнения нередко совершался на людях, и тех, кого ранг наделял такой «привилегией», короли и принцы удостаивали приема и беседы, сидя на стульчаке. Болезни и самые деликатные формы лечения протекали столь же публично. Известно, что клизмы Людовика XIV обсуждал весь двор, а состояние его фистулы или анального свища влияло на решение государственных дел. Поколением раньше так же обстояло дело и с мучительной болезнью кардинала Ришелье – геморроем. В сочетании с другими немощами он отнимал у него все силы, а известия об этой болезни проникали в самые глухие уголки королевства. Кардиналу отовсюду слали соболезнования и предлагали самые немыслимые средства – изобретенный одним капуцином порошок, излечивающий также и от бесплодия, мощи ирландского отшельника VII века, другие средства. Ришелье боролся до конца и испробовал их все на себе, но в свои последние годы жил, скорее всего, благодаря железной воле.

Резкое ухудшение здоровья кардинала наступило 28 ноября. У него, помимо других мучений, открылся гнойный плеврит – болезнь, которую тогда было почти невозможно вылечить. Система постоянных кровопусканий, принятая тогда в среде врачей-костоправов, лишь до предела ослабила больного. Будучи в сознании, Ришелье все же пытается отдавать последние распоряжения.

Своего первого министра посещает Людовик XIII, затем его сменяют посланцы Анны Австрийской и Гастона Орлеанского. Кардинал их навеки приручил. Считается, что Ришелье рекомендует перед смертью оставить на своих постах государственных секретарей Шавиньи и Нуайе, а своим единственным преемником называет Джулио Мазарини. Слова умирающего звучали так: «У Вашего Величества есть кардинал Мазарини, я верю в его способности на службе королю».

Все же надо заметить, что Джулио, несмотря на то что достаточно выслужился перед монархом, кардиналом и своей новой родиной, не имел настолько прочных позиций, чтобы сразу по праву занять место Ришелье. Ему еще предстояло побороться.

Узнав о смерти кардинала-министра, папа Урбан VIII воскликнул: «Если существует Бог, Ришелье за все заплатит. Если Бога нет, ему повезло». Таким образом, Его Святейшество был недалек от позиций атеизма. Тогда казалось, что повезло многим – изгнанным аристократам-оппозиционерам, выступавшим против политики Ришелье, и всем остальным недовольным, кто желал занять его место подле короля, повезло державам, надеявшимся на изменение внешнеполитического курса Франции. Но это

только казалось.

Едва Джулио, сидя под Седаном, узнал о новой и затяжной болезни Ришелье, он сломя голову ринулся в столицу. Затянувшаяся осада порядком ему надоела, он ел и пил одну пищу с солдатами, изрядно исхудал и заскучал. Но приказ короля есть приказ. Теперь же Мазарини почувствовал всеми фибрами своей души, что он нужен в Париже, что смертный час его патрона и благодетеля пробил.

Уже в день смерти Ришелье Людовик XIII вызвал к себе Мазарини и объявил, что назначает его главой Королевского совета. В провинции и парламенты городов было отправлено королевское уведомление, в котором говорилось: «Богу угодно было призвать к себе кардинала де Ришелье. Я принял решение сохранять и поддерживать все установления его министерства, продолжать все проекты, выработанные при его участии, как во внешних, так и во внутренних делах, не внося в них никаких изменений. Я сохранил в моем совете тех же людей, которые мне там уже служили, и призвал к себе на службу кардинала Мазарини, в способностях и верности которого я имел возможность убедиться…»

Смерть настигла Ришелье в тот момент, когда у него после стольких лет напряженной работы забрезжила впереди надежда увидеть плоды своих усилий как во внутренней, так и во внешней политике. Фактически он продолжал править и из своей могилы. Ларошфуко, прибывший в Париж сразу же после кончины великого кардинала, застал двор в кипучем волнении и все еще во власти его влияния. «Его родственники и ставленники сохраняли все дарованные им преимущества, и король, который ненавидел кардинала, не осмеливался отступить от его предначертаний…»

Джулио Мазарини обуревала целая палитра чувств. В первую очередь он испытывал уважение и благодарность к его умершему последнему «падроне». Но не слишком сожалел о его кончине – он был уже давно готов к ней. И еще он испытывал невероятное чувство радости от достигнутого величия, прибавившегося к его солидному состоянию. Как замечал д'Артаньян, «его состояние было столь колоссально, что богатства многих государей никогда даже и не приближались к нему; также никогда не существовало человека, кто бы так кичился тем постом, куда был помещен. Однако достойно удивления, как он мог сопротивляться огромному числу врагов и завистников, каких он немедленно нажил своим высокомерным поведением; но еще более удивительно… как народ, всегда любивший свободу так, как наш,

мог терпеть, оказавшись жертвой его скупости».

Да, с тех пор как Джулио начал наживать состояние во Франции, он стал казаться невероятно скупым. А ведь ему только стукнуло сорок. Он был еще довольно молод, красив и любим прекрасной и величественной женщиной, а главное – обладал огромной властью.

Мазарини был очень горд всем, чего он достиг. Но он был также весьма проницателен, за плечами у него была уже до краев наполненная событиями жизнь, в которой он прекрасно разбирался. Новоиспеченный министр понимал, что его положение сейчас шатко, как и его состояние – деньги ведь имеют привычку течь сквозь пальцы. «Если я стану богатым и значительным человеком здесь, во Франции, и даже более того, я буду очень ценить это», – говорил он в свое время Шавиньи. И еще Мазарини видел, какое тяжелое наследство оставил ему покойный кардинал.

Между тем здоровье короля ухудшалось. В воздухе носились слухи, что предвиделись широкие гонения на родственников и ставленников кардинала Ришелье независимо от того, кому достанется регентство. Людовик XIII выпустил на свободу целый ряд заключенных, которых в свое время Ришелье приказал арестовать как врагов государства. Среди них были прекрасный дипломат маршал де Бассомпьер и граф де Кармен. Они сидели в Бастилии уже десять лет и вряд ли бы увидели свет, если бы Ришелье не умер. Некоторые оппозиционеры осмеливались возвращаться из заграничной ссылки. А те, кто еще испытывал страх, как госпожа де Шеврез, только подбирались поближе к Франции. Герцогиня уже выехала из Англии и поселилась в Брюсселе.

Все дела в королевстве между кончинами Ришелье и короля вершились Мазарини, Шавиньи и Нуайе, с которыми Джулио обходился пока крайне осторожно, ибо они тоже являлись ставленниками умершего кардинала. К тому же Шавиньи был сыном сюринтенданта финансов при Людовике XIII Клода де Бутилье. Любые перемены могли быть чреваты для всех троих опасностями, вплоть до ссылки или физического уничтожения. И каждый из этих троих стремился обезопасить себя от них.

Нуайе, например, внушал королеве мысль склонить находившегося на смертном одре супруга с помощью его духовника к утверждению ее единоличной регентшей. Мазарини и Шавиньи, не исключавшие внезапного выздоровления короля, приняли меры иного рода. Они предложили Людовику XIII подписать декларацию, согласно которой при королеве учреждался Непременный совет в целях ограничения ее власти

регентши и недопущения к государственным делам подозрительных лиц. Какая осторожность! Король, тоже надеясь на свое выздоровление, не хотел давать на это согласия. Он по-прежнему считал свою жену шпионкой и подозревал ее в связях с герцогиней де Шеврез, а через последнюю – с испанцами. Но на сей раз Людовик ошибался.

Надо заметить, что предложение Мазарини и Шавиньи шло вразрез с интересами королевы и было выдвинуто без ее ведома. Анна, узнав об этом, могла страшно разозлиться. Но у Джулио и государственного секретаря были различные позиции.

Анна Австрийская была сильно раздражена против тех, кто в свое время помогал Ришелье ее преследовать, и среди этих людей был Шавиньи. Тот безуспешно старался добиться после смерти кардинала ее расположения. Хитрый Мазарини не упускал случая подставить Шавиньи. Мало того, что государственный секретарь мог стать его политическим соперником. Джулио его не любил потому, что Шавиньи фактически был единственным человеком, предоставившим ему помощь, видевшим его в нужде и знавшим почти все его недостатки. Мазарини не мог выносить одного вида Шавиньи, после того как достиг благополучия, но долго и тщательно скрывал это под маской благодарности. Лишь впоследствии, уже став первым министром при Анне Австрийской и основательно укрепившись, он лишит его должности государственного секретаря под тем предлогом, что кардинал Ришелье назначил Шавиньи лишь после того, как несправедливо лишил этого поста графа де Бриенна.

Сам-то Джулио чувствовал – в этом он имел возможность убедиться, – что королева слишком широко распахнула перед ним душу и любит его. В это время последнее обстоятельство было уже несомненным фактом.

Никто до сих пор не располагает точными данными, когда конкретно Анна Австрийская стала возлюбленной Мазарини. Ряд историков предполагают, что это произошло еще в 1640 или 1641 году во время заговора Сен-Мара. Другие – после того, как королева стала регентшей: тогда же Мазарини и Анна якобы вступили в тайный брак. Об этом есть сведения в мемуарной литературе. А вот вездесущий д'Артаньян, наоборот, полагал, что у королевы с кардиналом кроме добрых взаимоотношений ничего не было: «…не было ничего такого, на что бы он не пошел, лишь бы завоевать расположение особ, близких к королеве, он даже притворился влюбленным в одну из ее камеристок по имени Бове… находившуюся в самых лучших отношениях с ней. Бове, настолько любившая всякую лесть… сделала подле своей государыни все, что он хотел. Она молила ее не только устранить

Шавиньи, но еще и содержать в секрете все обещания, данные ей кардиналом Мазарини».

Джулио действительно одно время притворялся влюбленным в хорошенькую и распутную Бове, но только чтобы возбудить ревность Анны и заставить ее простить ему все то, что, по его мнению, могло ей не понравиться. Несомненно, Мазарини и королева уже давно любили друг друга, независимо от того, когда они реально вступили в любовную связь. Дневников, где бы Джулио описывал свои чувства к Анне, он не оставил. Сохранилась только его переписка. В письме герцогу Пармскому в декабре 1642 года Мазарини бросает такую фразу: «Сейчас я летаю, как на крыльях. И виновата в этом прекраснейшая из женщин».

Джулио Мазарини был не только исключительно ловок и прозорлив, но также, несмотря на свой сан и пост, бесконечно услужлив. Он постоянно заверял Анну в своей любви и преданности, что чрезвычайно нравилось королеве. Подобно многим женщинам, она любила не только слепое подчинение, но еще и лесть.

Поэтому вышло так, что у Мазарини оказалось достаточно времени, чтобы оправдаться перед ней как при посредстве друзей, которых он уже сумел приобрести, так и во время тайных бесед. Об этих встречах Анна не ставила в известность даже своих давних приверженцев. Оскорбительную для нее декларацию Джулио изобразил как важную услугу и единственное средство, способное склонить короля согласиться предоставить ей регентство. Он также постарался убедить королеву в том, что, в сущности, ей должно быть безразлично, на каких условиях оно ей достанется, лишь бы это было с согласия короля. В будущем она не ощутит недостатка в способах упрочить свою власть и править единолично.

Болезнь Людовика XIII настолько усилилась, что его выздоровление уже никому не казалось возможным. Д'Артаньян, находившийся при его особе, так описывал своего монарха: «Его тело не было больше ничем иным, как настоящим скелетом, и хотя ему шел всего лишь сорок пятый год, он был доведен до такого беспомощного состояния, что истинный король, каким он и был, желал бы смерти всякий день, если бы это не было запрещено ему, как христианину».

Все произошло согласно плану Мазарини. Король мучился, а кардинал смелее прежнего предлагал принять его декларацию, чтобы лучше всего обеспечить спокойствие государства. «Ваше Величество всегда знали, кому надо доверяться», – непрерывно заверял его первый министр. Король, лишь бы избавиться от всего

земного, так мучившего его, наконец решился согласиться с навязываемым ему документом. Он лишь повелел добавить особый пункт, воспрещавший герцогине де Шеврез возвращаться во Францию. Не все зависело от одной доброй воли и завещания Людовика XIII. Длительное угасание короля умножило тайные происки тех, кто желал упрочить свое положение и власть.

Под конец жизни Людовик XIII уже плохо воспринимал реальный мир. Он день за днем давал свое согласие на возвращение в Париж бывших оппозиционеров: герцога Вандома с сыновьями, герцогов Эльбефа и Бельгарда, графа де Шатонефа и многих других. Вскоре весь двор заполнился теми, кто пострадал при кардинале Ришелье. Каждый из них верил, что займет достойное место при королеве после смерти супруга. Ведь она должна и в счастливые времена сохранить к ним те же чувства, что и в дни злоключений.

Самые большие надежды на это возлагали герцог де Бофор и епископ Бове. Герцог де Бофор был издавна связан с королевой прочными узами. Участник многих заговоров против Ришелье и к тому же обладавший великолепной внешностью и отвагой, он вполне мог рассчитывать если не на любовь Анны Австрийской, то на ее расположение. Епископ Бове не был удален от двора, но рассчитывал вместе с Бофором свалить Мазарини, который, выражаясь словами Ларошфуко, «со все возраставшим успехом завладевал душой государыни». Но Анна была уже не та и находилась во власти совсем иных чувств.

Хотя она доверила Бофору попечение о своих детях, под влиянием Мазарини отношение королевы к герцогу и епископу Бове постепенно ухудшалось. Но пока Джулио не мог ничего противопоставить, кроме самого себя и питаемых к нему со стороны Анны Австрийской чувств, желанию самых высокопоставленных людей Франции – Гастона Орлеанского и принца Генриха Конде – захватить власть. В свою очередь, те имели союзника в лице Парижского парламента.

Смерть короля, наступившая 14 мая 1643 года, взбудоражила французскую столицу. «Король умер, да здравствует король!» Новому французскому монарху Людовику XIV тогда еще не было и пяти лет. До его совершеннолетия страна должна была управляться регентом. Многие современники предрекали драматические события. Это неудивительно – ведь испокон веков подданные любой монархии боялись регентства при царствовании малолетних королей. Это могло привести к нестабильности политической ситуации, новым смутам и беспорядкам. На фоне европейского кризиса и обессиленной

налогами страны такие предчувствия были очень реальными.

На следующий день после смерти короля Анна Австрийская привезла своего сына в Париж. Тогда же была оглашена декларация – завещание покойного монарха. Согласно ему при регентше-королеве создавался совет. В него должны были войти Гастон Орлеанский, принц Конде, кардинал Мазарини, канцлер Сегье, господа де Нуайе и де Шавиньи. Декларацией предусматривалось, что королева не вправе принимать какие-либо решения без их ведома и одобрения.

Итак, настало время регентства Анны Австрийской с неизбежным ослаблением авторитета центральной власти. Права регента вообще всегда считались ограниченными, и всегда на него кто-то пытался влиять. В настоящее время Гастон Орлеанский и принц Конде желали сами, без мнения Совета с несносным Мазарини, влиять на королеву. Поэтому два дня спустя после смерти Людовика XIII с согласия и одобрения этих двух высокородных лиц парламент кассировал завещание покойного короля и провозгласил Анну Австрийскую регентшей с почти неограниченными правами. Теперь, полагали при дворе, королева может избавиться от итальянского выскочки. Однако вечером того же дня Анна назначила кардинала главой своего Совета и первым министром.

Можно предполагать, что королева, достигнув наконец реальной власти и величия, напрямую столкнулась с государственными проблемами, которые решить была не в силах. Она выдвинула кардинала-итальянца не только из-за сильного чувства любви к нему, но и потому, что Мазарини был единственным нейтральным человеком в стране с ослабленным после смерти Ришелье авторитетом власти и к тому же обладал умом европейского масштаба. И рука об руку вплоть до самой смерти первого министра королева и кардинал вместе переживали тяжелое время для Франции и вместе радовались ее успехам.

Описываемая современниками реакция на возвышение Джулио Мазарини была очень противоречивой. Ларошфуко отмечал: «…легко представить себе, как эта новость удивила и потрясла противную ему (то есть Мазарини. – *Л. И.)* партию». А вот мнение д'Артаньяна: «Выбор королевой Его Преосвященства на должность первого министра ничуть не огорчил ни герцога д'Орлеана, ни принца де Конде, с кем Ее Величество решила находиться в добрых отношениях, чтобы не подавать повода для омрачения счастливого начала правления ее сына. Кардинал утвердил ее в этой решимости и приспособился к ней сам из страха, как бы не посадить их обоих себе на шею».

Вообще при дворе ожидали, что наследник Ришелье быстро опустит руки. Он казался хотя и неглупым, но политически слабым, то есть наиболее изолированным от всяческих группировок членом старой администрации. Кардинал был человеком вне партий и, как многие думали, без сильной поддержки в самой Франции. Исключая королеву, конечно.

Так или иначе, наследство Ришелье оказалось очень тяжелым. На первых порах Джулио приходилось быть весьма осторожным. Он знал, что ему завидуют, знал, что люди перешептываются о том, что королева удостоила его такой чести в ущерб стольким французам. Поэтому он не стал выставлять напоказ и тщательно скрывал свое стремление к власти и богатству, притворяясь весьма непритязательным. Мазарини заявлял, что ему ничего не нужно и что, поскольку вся его родня осталась в Италии, ему хочется видеть во всех приверженцах и родственниках королевы своих родичей. Что он, мол, добивается для себя высокого положения лишь для того, чтобы осыпать их благами. Неудивительно поэтому, что оба принца (Гастон и Конде) первое время не имели ничего против Мазарини и даже оказывали ему покровительство.

Кардинала-министра явно недооценивали. Аристократы-оппозиционеры, такие как Ларошфуко, имели достаточно лестное, но не совсем правдивое мнение о нем: «Он не заглядывал вдаль даже в самых значительных планах, и в противоположность кардиналу Ришелье, у которого был смелый ум и робкое сердце, сердце кардинала Мазарини было более смелым, нежели ум». Но последовавшие события показали, что Джулио Мазарини был не менее дальновидным, чем Ришелье, ловко пользовался промахами врагов и умел обходить притязания тех, кто домогался его милостей, заставляя надеяться на еще большие.

Правда, очень скоро некоторые его проделки раскусили. Как уже говорилось, Шавиньи было предложено оставить пост государственного секретаря и передать его в руки Ломени де Бриенна. Через некоторое время Шавиньи, однако, пришлось вернуть. Одновременно и у господина де Бутилье отняли заведование финансами. Этот важный государственный пост Мазарини решил контролировать сам с помощью своих ставленников. И именно при нем впоследствии выделились такие незаурядные и известные всей Европе финансисты, как Николя Фуке и Жан-Батист Кольбер. Теперь же сюринтендантом финансов стал президент де Байель, а генеральным контролером – один из людей Мазарини д'Эмери. В 1647 году д'Эмери

становится сюринтендантом финансов. Должность государственного секретаря по иностранным делам получил другой верный человек кардинала – Мишель Летелье.

Перемещения в правительстве насторожили многих аристократов, старых служак-бюрократов и титулованных дворян, закаленных в бесчисленных заговорах против бывшего кардинала. Все они, считавшие себя друзьями королевы, сейчас надеялись получить награды и восстановить свои привилегии.

Вскоре при дворе стали все чаще замечать сходство покойного и нового первых министров Франции. Недаром в сентябре 1643 года в Париже появилось в свет сатирическое рондо «Перевоплотившийся Ришелье». Оно начиналось такими словами:

Не умер он, а лишь помолодел,
Наш кардинал, кого весь мир презрел.

Оппозиции сильной власти еще предстояло с немалым интересом в течение ряда лет наблюдать эту странную мимикрию. Столетие спустя в «Новом кратком хронологическом курсе Франции» будет дан небольшой сравнительный анализ основных черт характера обоих министров: «Кардинал Ришелье был более значительным, разносторонним, менее осторожным; кардинал Мазарини был более ловким, умеренным и последовательным; первого ненавидели, над вторым смеялись, но оба были хозяевами государства».

В этом описании не все можно назвать правдой. Джулио Мазарини был не менее разносторонним человеком, чем Ришелье. Впоследствии он вызывал не меньшую, если не большую, ненависть к своей особе во время великой французской смуты, называемой Фрондой.

А сейчас оппозиция начала концентрироваться вокруг фигуры герцога де Бофора, возмущенного тем, что на него не просыпался град всевозможных почестей. Он был явно обманут ласковым обхождением королевы и ее первого министра, в котором поначалу не видел серьезного соперника. На активные действия герцога де Бофора толкала его мнимая влиятельность, но еще больше – общее и малообоснованное представление о его заслугах и доблести. Большинство приближенных королевы примкнуло к герцогу, и с тех пор двор стал разделяться на его сторонников и сторонников Анны Австрийской.

В беседах с королевой герцог де Бофор стал все чаше намекать, что ей надо бы вернуть ко двору ее старинную подругу герцогиню де Шеврез. Многие ожидали, что возвращение

герцогини вследствие ее старой дружбы с Анной Австрийской склонит чашу весов окончательно либо в сторону де Бофора, либо в сторону первого министра. Имевшего беседу с королевой Ларошфуко очень поразило, что Анна отнеслась к идее возвращения подруги равнодушно и даже как-то с опаской. Французская королева уже давно целиком поддерживала действия и планы Мазарини. Любовь и жизненный опыт сделали свое дело.

– Я люблю герцогиню по-прежнему, но уже потеряла вкус к развлечениям, объединявшим нас в юные годы. Я боюсь показаться ей изменившейся и знаю по опыту, насколько госпожа де Шеврез питает страсть к интригам, способным нарушить спокойствие регентства. И полагаю, что она может быть раздражена доверием, которое я оказываю кардиналу Мазарини, – говорила Анна герцогу Ларошфуко, которому было поручено сопровождать герцогиню де Шеврез из Фландрии в Париж. Ему было также приказано научить ее уважению к особе первого министра и помочь ей понять, что многое изменилось с тех пор, как она покинула Францию.

И вот все еще красивая, но несколько увядшая, герцогиня прибывает в Париж. Она хорошо помнит отношения, в которых находилась с королевой до своей ссылки. Поэтому поначалу надеялась, что едва вернется, как получит большое влияние в правительстве. Естественно, благодаря королеве. Но по прибытии герцогини Анна Австрийская встретила ее не только довольно безразлично, но еще и с достаточным высокомерием. Де Шеврез разочаровалась во всех своих надеждах. Стало понятно, что королева более не приблизит ее к себе.

Государственные планы, вынашиваемые герцогиней, были отнюдь не малого масштаба. Она желала не более не менее сделать первым министром своего бывшего любовника и хранителя королевской печати де Шатонефа. В свое время с ним обошлись еще хуже, чем с ней. Ее сослали, а он десять лет безвыездно провел в Ангулемском замке почти как в тюрьме. Кроме того, мадам де Шеврез хотела повысить в должностях еще нескольких своих друзей.

Через некоторое время Анна несколько смягчилась по отношению к подруге, стала приглашать ее на вечерние трапезы и развлечения. А хитрый кардинал даже делал вид, что увлекся герцогиней. В результате госпожа де Шеврез стала рассматривать подольщения Мазарини как доказательства его слабости. Она вообразила, что наступил момент просить Анну о возвращении де Шатонефа. Все оказалось гораздо сложнее.

Королева благожелательно относилась к де Шатонефу. Во-

первых, он был высокородным – его мать происходила из дома де ла Шартров. Во-вторых, его здравый смысл и опыт в делах хорошо были известны: он претерпел суровое заключение, он был тверд, решителен и любил свою страну. Но это был человек прошлого – Шатонеф желал восстановить ту старинную форму правления, которая существовала до Ришелье, другими словами, стремился помешать укреплению абсолютной монархии. А королева уже многое поняла и всецело находилась под влиянием своего первого министра. Анна не отваживалась пока показать госпоже де Шеврез, что категорически отказывает ей, и вместе с тем не шла наперекор желаниям Мазарини. Со своей стороны, Джулио уже давно догадывался, чего можно ожидать от герцогини, но был терпелив. Он советовал быть также терпеливой и королеве.

Между тем сама де Шеврез первой стала терять терпение. Ни для нее, ни для ее друзей ничего не делалось, а власть кардинала возрастала день ото дня. А он тешил ее только изъявлениями своей покорности и всяческими любезностями, стараясь заставить ее поверить, что пылко в нее влюблен. Опытная герцогиня уже все понимала. Она быстренько сошлась с группой придворных под главенством герцога де Бофора, называвших себя Важными или Высокомерными. Этот тесный кружок называли так еще потому, что они свысока относились к кардиналу Мазарини и считали, что его легко свалить с поста первого министра. Сюда входили Сен-Ибар, Монтрезор, граф де Бетюн, герцог Вандом, епископ Бове, а главное – генерал-полковник швейцарской гвардии де ла Шартр, который мог послужить основным орудием по удалению первого министра со своего «незаслуженного» поста. В дружеских отношениях с ними состоял и Ларошфуко, метавшийся между обеими партиями.

Но положение дел складывалось отнюдь не в пользу Высокомерных. Во-первых, Джулио своим поведением сумел убедить эту партию, что от него легко можно отделаться. Он искусно пользовался дерзким поведением госпожи де Шеврез, чтобы исподволь убедить королеву, что герцогиня стремится ею руководить. Он часто в интимных беседах внушал Анне, что, поскольку герцогиню поддерживают Бофор и его клика, честолюбие которых общеизвестно, регентская власть в конце концов может сосредоточиться в их руках. Тогда королева окажется еще более зависимой и удаленной от дел, чем при жизни покойного короля. Первый министр также подчеркивал, какое неблагоприятное впечатление на союзников Франции в войне могут произвести перемены в государстве. Ведь ему уже доверяют, а Высокомерных и в грош не ставят.

Во-вторых, Высокомерным не повезло с поддержкой знати.

Гастон Орлеанский поддерживал кардинала, который обильно снабжал его денежными средствами для оплаты непомерных карточных проигрышей. Кроме того, любимец Гастона аббат Ларивьер был очень тщеславен, а Мазарини подавал ему надежду на обретение кардинальской шляпы. Гастон, по описанию Ларошфуко, «был малодушен, робок, легкомыслен, прост в обращении и одновременно кичлив».

Известный же политик и оппозиционер принц Конде был уже очень стар, теперь им руководила одна страсть – обогащаться. Его сын герцог Энгиенский успешно делал карьеру и только что (шел 1643 год) покрыл себя величайшей славой, какую может снискать двадцатилетнему принцу победа в битве при Рокруа, где наголову была разгромлена испанская армия. Он с триумфом возвратился в Париж, где его встречали на улицах толпы восхищенного его подвигами народа. Герцог Энгиенский был предан королеве и считал, что пока ему достаточно славы и власти. Он был юн, красив, умен и пока упоен славой и успехами. Вполне была довольна жизнью и его сестра герцогиня де Лонгвиль. Она была слишком занята самолюбованием и тем неотразимым впечатлением, которое производило ее остроумие на всякого, кто ее видел, чтобы вмещать в себя вдобавок и честолюбие.

В конце концов оппозиция Высокомерных и докучливость герцогини де Шеврез, которая стала казаться королеве просто занудой, изрядно надоели Анне и кардиналу. Более того, эта группа все же представляла опасность: никто не знал, чего от них можно ожидать завтра. Надо было вывести заговорщиков на чистую воду. Вскоре для этого представился удобный случай.

Герцог де Бофор, помимо других качеств, отличался безрассудством и непомерной влюбчивостью. Как раз в это время он был пылко влюблен в госпожу де Монбазон. Джулио с помощью своих людей решил столкнуть лоб в лоб Высокомерных и «высокородных». В один прекрасный день госпожа де Монбазон из-за нездоровья никуда не выезжала. Проведать ее явилось множество знатных особ и среди них Колиньи – потомок знаменитого гугенота адмирала Колиньи, героя Религиозных войн во Франции второй половины XVI века. Колиньи являлся сторонником и другом Мазарини и как бы нечаянно обронил два надушенных пылких письма, написанных красивым женским почерком.

Ни для кого не было секретом, что госпожа де Монбазон и герцогиня де Лонгвиль соперничали в свете. Каждая считала себя более красивой и окруженной наибольшим числом поклонников. Поэтому Монбазон, около которой упали эти письма, не упустила возможности подстроить пакость герцогине де Лонгвиль. Она и

герцог де Бофор стали распространять при дворе, что Колиньи потерял письма де Лонгвиль, а это доказывает их близость. Вскоре история получила огласку, и весь род Конде почувствовал себя задетым. И хотя истина была восстановлена – почерки сравнили, и госпожа де Лонгвиль в глазах света была полностью оправдана, ее соперница не принесла ей публичного извинения. По этому поводу возникли долгие препирательства, усиливавшие взаимное озлобление.

Более всех был озлоблен герцог Энгиенский, исполненный негодования по поводу нанесенного сестре оскорбления. Сестра героя не может быть запачканной. Страх перед всем кланом Конде, поддерживаемым королевой и первым министром, заставил госпожу де Монбазон пойти на попятную. В назначенный день и час она прибыла в особняк Конде, где собрались знатнейшие лица королевства, но не присутствовала сама герцогиня де Лонгвиль. Монбазон произнесла речь в оправдание своего поступка, попросив простить ее за содеянное. Анна Австрийская приказала ей некоторое время не являться ко двору.

Герцогиня де Шеврез, герцог де Бофор и их соратники сочли, что эта немилость распространяется и на них и что это – вызов их партии. Они действительно перестали появляться у королевы, решив ускорить устранение кардинала Мазарини и, если понадобится, дойти и до прямого убийства. Джулио давно через своих шпионов знал о заговоре, об этом также проговорился один из швейцарцев де ла Шартра. Одновременно Анне Австрийской была подброшена записка. В ней говорилось: «Мадам, если Вы не избавитесь от нового кардинала, Вас от него избавят». В Париже на каждом углу говорили о готовящемся заговоре. Но Мазарини не стал дожидаться его развязки.

Убедившись, какое теперь отношение в свете к Высокомерным, кардинал распространил слух, что герцог де Бофор изобличен в преступном замысле против его особы и что в различных местах столицы, где предстояло проезжать первому министру, его поджидали убийцы. Позднее, по воспоминаниям одного из участников предполагавшегося покушения Анри де Шамьона, заговорщики несколько раз были близки к осуществлению своего намерения, но так и не решились совершить убийство. Королева дала свое разрешение на арест заговорщиков.

2 сентября 1643 года глава заговорщиков Бофор был арестован и помещен в Венсеннский замок. Генерал-полковник де ла Шартр получил приказ сложить с себя должность, остальные Высокомерные отправились в ссылку. Герцогиня де Шеврез была

выслана в Тур, откуда впоследствии эмигрировала в Испанию.

Так прошел первый и казавшийся Джулио поначалу самым трудным год его министерства. Его противники, заключившие «союз на час», но преследовавшие различные интересы, были на какое-то время утихомирены. В результате подавления заговора Высокомерных кардинал оказался полновластным хозяином положения, а его близость с королевой уже ни у кого при дворе не вызывала сомнений. Пока он наслаждался своим могуществом и удовольствием видеть своих врагов униженными.

Между тем Джулио знал, что полностью успокаиваться нельзя. Оппозиция была отнюдь не сломлена, а лишь на время притихла. К тому же продолжала ухудшаться год от года экономическая ситуация в королевстве из-за огромных расходов на войну. Пополнять казну необходимо было постоянно.

Он понимал, что финансовое положение очень тяжелое, и мог предполагать, что его вынужденная политика повышения налогов не вызовет радостной реакции населения, и без того подозрительно относившегося к министру-итальянцу. Стороннему наблюдателю начинало казаться, что финансовая политика регентства выглядит крайне неуверенной.

Новые налоги вводились, а после протестов парламента отменялись. Правительство Мазарини пыталось повысить сборы с ввоза в столицу продовольствия, обложить налогами то домовладельцев (которые в ответ повышали плату за жилье), то вообще всех зажиточных людей, то купцов, то ремесленников. Но повсюду оно сталкивалось с протестами и волнениями, и все новые группы населения начинали видеть в парламентариях защитников своих интересов. В Парижском парламенте звучали речи о том, что всем бедам придет конец, если обложить ненавистных всем финансистов Мазарини, которые удачно воспользовались военным временем, чтобы набить себе карманы. Конечно, они делились с первым министром и тот знал, что в большинстве своем это нечестные деньги. Но Джулио без меры любил золото и предпочитал этого не замечать. Его постоянно увеличивавшееся богатство начинало многих очень сильно раздражать. «Владычество кардинала Мазарини становилось нестерпимым; были общеизвестны его бесчестность, малодушие и уловки; он обременял провинции податями, а города – налогами и довел до отчаяния горожан Парижа…» – уныло отмечал в своих «Мемуарах» уже почти что с симпатией относившийся к особе кардинала Ларошфуко.

Да, надо признать, в первые годы своего правления Джулио Мазарини не очень ловко умел управляться с экономикой и

финансами вверенного ему государства. Вскоре ему предстояло сильно поплатиться за это и выдержать бурю, которую даже в мыслях не мог представить себе покойный Ришелье. Но тогда все свое внимание и таланты первый министр Франции перенес на внешнюю политику, где проявил себя во всем блеске и достиг наилучших результатов. И подобно многим другим политикам, например Оливеру Кромвелю в Англии, его авторитет за границей был неизмеримо выше, чем у себя в стране.

Золотые рыбки в мутной воде

Дипломату следует проявлять сдержанность, казаться загадочным и быть себе на уме.

Симон Боливар

Переговоры между католическими державами и Францией проходили в здании городской ратуши в Мюнстере. В довольно большом помещении практически свободно могут разместиться до двухсот человек. Древние темные стены зала увешаны портретами тех государственных деятелей и дипломатов, которые представляли здесь свои державы, защищая или, наоборот, предавая их интересы.

Среди них – портрет кардинала Мазарини. Это художественное произведение отнюдь не являлось шедевром. Тем не менее на картине удалось отобразить самые главные и характерные черты первого министра Франции. Они сразу бросались в глаза, можно сказать, прямо «выпирали» из рамок портрета. На лице моложавого и тогда еще довольно стройного Джулио Мазарини были написаны благожелательная хитрость, бесстрашие, неуемная энергия, алчность и саркастическая усмешка. Обладатель этой в общем-то симпатичной физиономии как бы говорил присутствующим: «Я вас всех здесь заставлю склониться перед Францией, кого подачками, кого обманом, а кого и прямой угрозой». Алчность же, выраженная на лице Мазарини, была скорее не личная – государственная. Было заметно, что он стремился отхватить побольше не столько для себя, сколько для государства, которое представляет.

Действительно, в 1640-х годах первый министр Франции весь свой ум и силы направил на внешнеполитическое поприще. В литературе существует расхожее мнение, что Ришелье был прежде всего отличным военачальником, а Мазарини – дипломатом. Но не нужно противопоставлять кардиналов друг другу. И один и другой (правда, Мазарини до назначения его кардиналом) подставляли себя под мушкетные пули и пушечные ядра. Если восемнадцатилетняя власть Ришелье ознаменовалась двенадцатью годами войны, то из восемнадцати лет правления Мазарини на военные годы ушло не менее шестнадцати. Это при всем том, что по натуре Джулио был миролюбивым человеком: на всем протяжении своей дипломатической деятельности он прежде

всего являлся посланником мира.

В то время ближайшей дипломатической задачей Мазарини стало заключение мира с испанскими и австрийскими Габсбургами, а также их союзниками, на наиболее благоприятных для Франции условиях. В своей внешней политике он не отклонялся от главных задач, поставленных в свое время Ришелье, и частенько повторял мысль последнего о том, что «война в Германии – не столько война религиозная, сколько, главным образом, война против чрезмерных амбиций Австрийского дома». И все же, несмотря на победы антигабсбургской коалиции, к заключению мира Мазарини побуждали в первую очередь внутриполитические обстоятельства.

Признаки разраставшегося европейского кризиса, начинавшие уже проявляться и во Франции, Джулио заметил еще до того, как стал первым министром. Выполняя дипломатические поручения Ришелье, он делал все возможное, чтобы привлечь к Франции наибольшее число союзников и умиротворить новые военные конфликты. Ведь все это могло затянуть начало мирных переговоров. К примеру, среди его писем, датированных декабрем 1642 года, можно найти следующее: «Нейтралитет Генуи задевает наши интересы и радует Мадрид. Надо привлечь эту республику на свою сторону». А 26 декабря Мазарини лично направил письмо знавшему его герцогу Пармы, который на исходе войны развязал конфликт с папой Урбаном VIII. Все содержание письма говорило о том, что кардинал от имени своего короля пытался поскорее уладить это дело миром.

Спустя пять лет противники Мазарини внутри Франции будут обвинять его в том, что он намеренно все эти годы затягивал войну. Однако только обстоятельства, напрямую не зависящие от усилий и воли кардинала, могли помешать более быстрому завершению мирных переговоров. Трудности же возникли с самого начала.

В тот период Мадрид в лице Оливареса и слышать не желал о мире. Поэтому первый министр Франции решил ускорить развязку. Он нарушил прелиминарное соглашение с императором Фердинандом, заключенное еще при Ришелье, и послал армию в северо-восточном направлении. В 1643 году французы овладели Эльзасом, действуя согласованно с военными силами Республики Соединенных провинций, и одержали ряд побед над испанцами в Южных Нидерландах. Но самой радостной и результативной по своим последствиям для французов была победа над испанской армией при Рокруа 19 мая 1643 года. До этого сражения французская и испанская стороны как бы соревновались между собой, выступая друг против друга как не в меру драчливые

соперники. После военного успеха у Рокруа Франция кардинала Мазарини могла предъявлять серьезные претензии на господство в Европе.

События разворачивались следующим образом. Еще незадолго до смерти Людовика XIII командующий испанской армией Мело, давно угрожавший перейти границы Франции, форсировал реку Сомму и внезапно повернул в сторону Шампани. Там он осадил город Рокруа, «похожий на бульвар с той стороны, где Нидерланды прилегают к нему». Стратегически город был расположен очень выгодно. С одной стороны простирались почти непроходимые леса, с другой располагалось топкое болото. Его было бы сложно взять, если бы он был достаточно укреплен и снабжен продовольствием. Но ни того ни другого не было. Перед своей смертью кардиналу Ришелье некогда было думать об укреплении и усилении гарнизона небольшого затерянного в лесах города. Он был больше занят проблемой поддержки каталонского и португальского восстаний и укреплением крепостей в Артуа, полагая, что до Рокруа испанцы никак не доберутся. Оливарес нашел эту лазейку и сделал свою последнюю ставку на успех, послав к нидерландской границе хорошо вооруженную тридцатитысячную армию Мело. Когда испанцы прибыли к городу, один из земляных валов, долго не укреплявшийся, почти обрушился, а незначительный гарнизон Рокруа потерял всякую смелость при приближении врага.

Французам сейчас нельзя было проиграть ни одного сражения. Кардинал, Анна Австрийская и главнокомандующий французской армией маршал де Лопиталь подолгу совещались теплыми весенними вечерами. Но маршал, когда молодой и отчаянный герцог Энгиенский решил прийти осажденному гарнизону на помощь, воспротивился этой вылазке. Герцог не послушался и был прав. Он приказал одному из своих полководцев Гассьону пройти сквозь лес с небольшим количеством кавалеристов и проникнуть, если возможно, в город. После герцог и сам со своими людьми последовал за ним.

Гассьону удалось проникнуть в город, вступив в лишь небольшую стычку с итальянским полком Мело. Тем временем герцог с двадцатидвухтысячной армией маршировал по направлению к осажденному городу. Мело не верил, что герцог Энгиенский осмелится вступить с ним в бой (французская армия уступала испанской в количестве солдат и качестве обмундирования и снаряжения), и со дня на день ожидал подкрепления из Германии. Однако испанский полководец решил не дожидаться немцев, а самому снискать большую славу. В своей победе самонадеянный Мело не сомневался. Он покинул линию

осады, оставив там незначительное количество солдат, и двинулся навстречу герцогу.

Тем временем французы заняли более удобные позиции. Гассьон почти беспрепятственно вышел из города и еще до прихода герцога обосновался со своими солдатами на самом высоком месте равнины у Рокруа, где предполагалась битва. Вскоре туда подошла и армия герцога Энгиенского. С первыми лучами рассвета 19 мая французская и испанская стороны сцепились друг с другом. Бой был упорным, но солнце било не ожидавшим такой отваги от французов испанцам прямо в глаза и мешало видеть противника. Говорят, что герцог Энгиенский проявил здесь настоящие чудеса распорядительности и отваги: баталия проходила четко, почти без всяких неожиданностей и крутых поворотов. Вся испанская пехота была изрублена в куски, а герцог взял в сражении большое количество пушек, знамен и штандартов врага.

Эта победа была одержана через пять дней после смерти короля. Маршал Лопиталь потихоньку сердился и завидовал, но молчал. Вернувшийся же с триумфом герцог Энгиенский был обласкан Мазарини и Анной Австрийской.

Победа французов у Рокруа не только означала сокрушительное поражение испанской армии, но и повлекла за собой отставку Оливареса. Известный французский историк Фернан Бродель отмечал, что «наиболее блестящее столетие Испании подошло к концу после поражения у Рокруа…». Рокруа, ставший символом разгрома испанской армии, стал и началом главы, открывающей историю упадка испанской монархии.

Спустя некоторое время на протяжении жизни одного поколения, в правление последнего короля из династии Габсбургов Карла II (1665—1700) Испания стремительно теряет положение великой державы. Этот последний Габсбург на испанском престоле был умственно недоразвитым уродцем, болезненным и хилым. Он то погружался в тупое безразличие, оживлявшееся только при виде вкусной и обильной пищи, то был обуреваем дикими фантазиями. Испанский король как бы олицетворял упадок своего государства.

Очень красочно, хотя и не без преувеличения, описал Испанию второй половины XVII века английский либеральный историк Маколей. «Между тем, как другие нации перестали быть детьми, испанец все еще и думал, и понимал, как дитя. Посреди людей XVII столетия он был человеком XV столетия или еще более темного периода, с восторгом смотрел на аутодафе и готов был отправиться в крестовый поход». В конце правления Карла II Испания, все еще по-прежнему владевшая огромной

колониальной империей, но опустившаяся до статуса второразрядной державы в Европе, становится объектом борьбы других держав, и прежде всего Франции. После его смерти в 1701 году начинается вторая европейская война – война за испанское наследство.

Итак, после битвы у Рокруа «золотой век» Испании фактически подошел к концу, хотя она еще некоторое время, до Пиренейского мира 1559 года, конвульсивными усилиями пыталась восстановить свой былой военный престиж. Оливарес ушел в отставку, а многие банки Кастилии потерпели банкротство – ведь ежегодные суммы на содержание армии в Испанских Нидерландах исчислялись тремя миллионами дукатов. Оставшиеся боеспособные войска были заняты борьбой с требовавшими независимости восставшими в Португалии и Каталонии. Мадрид наконец согласился участвовать в мирном переговорном процессе.

Это тяжелое, но вынужденное согласие было несомненной удачей дипломатии Джулио Мазарини, подкрепленной успехами на полях сражений, и, безусловно, закономерным следствием всей предыдущей дипломатии Ришелье, обеспечившей помощь португальскому и каталонскому восстаниям. Новый первый министр Франции особое внимание уделял испанской дипломатии: с 1640-х годов Мадрид являлся главным врагом Парижа. Наряду с победами в Перпиньяне, Эльзасе и на франко-нидерландской границе Джулио не ленился ежедневно отправлять депеши в Мадрид и не жалел солидные суммы на оплату службы своих тайных агентов в испанской столице. После успеха при Рокруа и падения Оливареса он по-настоящему ликовал.

Судя по некоторым неофициальным источникам, после блестящей победы над испанцами Джулио в особом расположении духа посетил королеву. Они были одни и не помнили себя от радости. Кардинал пригласил королеву на танец, и в течение почти целого часа они танцевали куда в более быстром темпе, нежели это было принято на балах и приемах. При этом они непрерывно говорили и смеялись. Но, может быть, это тоже легенда.

Одновременно в Европе произошло еще одно не оставшееся незамеченным событие. В июле 1644 года умер папа римский Урбан VIII. Все семейство Барберини оделось в траур – с уходом в мир вечного блаженства Урбана VIII их влияние в римской курии резко упало. Кардинал Антонио горько пожаловался на это в одном из своих писем к Мазарини. Да и Джулио очень огорчился – в сущности, Урбан VIII был профранцузским папой и неплохо к

нему относился. С новым римским понтификом кардиналом Памфили, принявшим имя Иннокентия X, надо было держать ухо востро. Но несмотря на то что Иннокентий являлся выдвиженцем испанской фракции при курии, он придерживался мнения о том, что переговоры о завершении войны необходимо провести как можно скорее. Джулио Мазарини новый папа уважал, хотя и недолюбливал. Французский министр не замедлил послать ему письмо с поздравлениями, наилучшими пожеланиями и выражениями готовности прислушиваться к его советам. Среди своих приближенных Иннокентий X называл кардинала не иначе как «синьор Джулио».

Традиционно начало мирных переговоров в Вестфалии историки относят к 1644 году. Первоначально они начались в небольшом замке на воде между городами Мюнстером и Оснабрюком. Сначала объектом проведения мирного конгресса намечался Мюнстер. Но этому воспротивились протестантские государства, настаивая на своем варианте – Оснабрюке. Тогда и было решено выбрать золотую середину между двумя городами – живописное место в низине. Сам замок скорее напоминает ухоженный немецкий домик средних размеров. Воды там совсем немного, но она порождает обилие зелени. Недалеко лес и поля, на которых пасутся кони. Прелестная идиллия, которая, как ожидалось, заставит дипломатов быть добрее и снисходительнее друг к другу и быстрее заключить мир. К сожалению, замок не мог вместить всех представителей договаривающихся сторон. Поэтому здесь собрались всего девять человек, и по предложению Контарини, посла Мазарини, переговоры решено было проводить сразу в двух городах – католическом Мюнстере и протестантском Оснабрюке. Так был найден приемлемый для всех компромисс, а первый министр Франции засчитал себе лишнее очко.

В результате осенью 1644 года мирный конгресс торжественно открылся в Мюнстере, где имперские и испанские уполномоченные договаривались с французами. По этому поводу в огромном соборе на торговой площади города отслужили мессу. Пока это мало помогло – параллельные переговоры в Оснабрюке все не открывались. Виноваты в этом были два северных протестантских государства – Дания и Швеция, соперничавшие между собой в Балтийском регионе и Северном море. Датско-шведская война 1643—1645 годов стала одним из эпизодов Тридцатилетней войны и на несколько лет затянула заключение вестфальских договоренностей.

Впрочем, эта оттяжка уже ничего не могла дать ни Империи, ни Мадриду. Опасаясь утверждения полной шведской гегемонии в

Северной Европе, датский король Кристиан IV заключил союз с Фердинандом III. Осенью 1643 года Торстенсон, снявшись со своих моравских квартир и не обращая внимания на гнавшегося за ним по пятам имперского полководца Галласа, скорым маршем двинулся на север и прорвался в Ютландию. Там он молниеносно оккупировал принадлежавший Дании Голыптейн. А морская победа шведов, руководимых Густавом Врангелем, окончательно сломила волю Кристиана. От всех этих неудач датский король серьезно заболел. По миру в Брезембро Дания лишалась стратегически важных островов на Балтике – Готланда и Эзеля (ныне Сааремаа) – и становилась второразрядной державой.

Успех в войне с Данией перерос в новые победы шведов в Германии. Возвращаясь из Ютландского похода, Торстенсон в нескольких сражениях рассеял почти всю армию Галласа. Весной 1645 года он вновь вторгся в чешские земли и в марте того же года близ Янкова нанес тяжелое поражение новой армии императора. Эта трагедия исторгла у Фердинанда горестный вопль: «Теперь я остался без денег, людей и генералов!»

Датско-шведская война во многом срывала ранее запланированные цели и намерения первого министра Франции. В дело урегулирования этого конфликта активно вмешался Мазарини, ибо эта война во многом препятствовала исполнению ранее запланированных намерений французского правительства. Джулио понимал, что процесс мирных переговоров застопорился по крайней мере на два года. Это не страшно, но ведь шведы, одержав новые блестящие победы не только над Данией, но и над императором, могли потребовать себе гораздо больше, нежели ранее. Зимой 1645 года кардинал писал представителю императора в Мюнстере Траутмансдорфу: «Франция всеми силами пытается предотвратить срыв переговоров и гибельное развитие ситуации, прежде всего для Вас».

Мазарини первым предлагает свое посредничество между враждующими сторонами. Уже в начале 1644 года в Швецию и Данию выехали французские представители. В июле Джулио писал одному из них, Тиллери: «Вам и мне потребуется много усилий, чтобы примирить Данию и Швецию. Главная задача состоит в том, чтобы сделать это как можно скорее: северные народы очень упрямы». Время – деньги, это кардинал отлично понимал. Уже после заключения мира в Брезембро, на котором французы настойчиво, но ловко и незаметно пытались защищать интересы Кристиана IV, Мазарини отмечал в одном из посланий своему дипломату д'Аво: «После победы над Данией и императором шведы согласятся на мир, если будут полностью удовлетворены их непомерные амбиции». Письмо датировано

мартом 1646 года, и Джулио был прав – Оксеншерна не спешил с миром, желая, как и Мазарини, отхватить у Империи как можно больше.

В Вене не очень рассчитывали на католические симпатии французского первого министра. Многие советники Фердинанда III поддерживали императора в надеждах на помощь Бога, напоминая о его победе во главе имперских войск над шведами под Нердлингеном в 1634 году. Но надежды императора на помощь Господа оказались напрасными. Поражение у Янкова имперских войск 6 апреля 1645 года, нанесенное шведами, ускорило начало мирных переговоров в Оснабрюке. В этом протестантском и на вид более суровом, чем Мюнстер, городе император начал переговоры со шведами и немецкими протестантскими князьями. Во главе имперской делегации находился граф Максимилиан фон Траутмансдорф – воистину «золотая находка» Фердинанда, невозмутимый человек, обессмертивший свое имя талантами, проявленными именно на этом важнейшем для династии Габсбургов дипломатическом ристалище. В секретной инструкции своему представителю император писал, что он готов идти дальше условий Пражского мира 1635 года вплоть до возвращения к предвоенному состоянию, то есть к ситуации до 1618 года. Но в общем-то Фердинанд хитрил, ибо рассчитывал на продолжение войны Франции с Испанией. Испанцев же возглавлял граф Пеньяранда, в котором воплощалось политическое лицо Мадрида – религиозная ревность вместе с железной решимостью принудить к капитуляции заклятого соперника пиренейского королевства – Францию, безразлично чем – силой меча или уговора. Переговоры в Мюнстере и Оснабрюке разделили немецких князей на клиентов Франции и Швеции, тем самым окончательно открыв дорогу пестроте политической жизни Германии в десятилетия, последовавшие за заключением Вестфальского мира в 1648 году.

Теперь же для Мазарини самым важным на этих переговорах было решение проблемы взаимоотношений с Испанией, а если быть точнее, исключение Испании из списка опасных для Франции государств. Поскольку между самими участниками антигабсбургской коалиции неизбежно начинались споры и разногласия, то это давало определенные надежды как Вене, так и Мадриду на победу или по крайней мере на немалые уступки.

Джулио предпочитал лично не вступать в жаркие и бурные дебаты начавшегося мирного конгресса. Зачем портить себе нервы, когда можно умело действовать через своих тщательно подобранных и проинструктированных доверенных лиц в Мюнстере – д'Аво и Сервьена? Эти люди добросовестно

заслужили себе славу опытных политиков, но все, конечно, знали, кто реально стоит за их спинами и ежечасно руководит их действиями.

Особенно был послушен Мазарини Абель Сервьен, не имевший иного патрона, кроме кардинала. Его племянник Лионн тоже подвизался на дипломатическом поприще благодаря протекции первого министра. Инструкции Мазарини конгрессу были готовы заранее уже в конце сентября 1643 года. Их содержание свидетельствовало, что в начале переговоров он старался четко следовать внешнеполитической линии Ришелье. Основная цель французских дипломатов, как следовало из инструкций первого министра Франции, заключалась в ослаблении общего влияния императора и испанского короля в Европе путем значительных уступок с их стороны с помощью создания системы союзов со Швецией, Голландией и германскими князьями.

Ситуация внесла свои коррективы.

На конгрессе с первых дней работы вспыхнули острые разногласия между обоими габсбургскими дипломатами по кардинальным вопросам урегулирования конфликта. Пеньяранда и слышать не желал о намерениях Вены заключить сепаратный мир с Францией, зато требовал от императора незамедлительного мира со Швецией. Дипломат из Мадрида не скрывал своего безразличия к тому, какой ценой будет куплен для императора мир со Швецией – уступкой ли всей Померании (как требовал Оксеншерна) или отдельных гаваней. Главным для Пеньяранды было использовать освобождающуюся в таком случае имперскую мощь для комбинированного удара по Франции.

Траутмансдорф, напротив, четко следовал инструкциям Фердинанда III: полное умиротворение Империи вовне и внутри. Выдержке и рассудительности этого дипломата надо отдать должное. Вопреки бешеным наскокам Пеньяранды, интригам при венском дворе, наконец, недовольству других членов имперской делегации, обвинявших графа едва ли не в измене делу веры и Империи, Траутмансдорф упорно шел на достижение мира с Парижем. Но что он мог противопоставить дипломатии Мазарини, сильно подкрепленной победами французской армии?

Ведь главная задача первого министра была прямо противоположна намерениям испанской стороны. Мазарини желал заключить на выгоднейших для Франции условиях мир с Веной и способствовать как можно лучшему решению имперских дел в переговорах со Швецией. Чтобы оторвать побольше для Франции, необходимо было оставить императора в одиночестве, без поддержки имперских чинов, и постоянно нажимать на него.

Что и делалось весьма успешно.

В марте 1644 года Джулио лично посетил Мюнстер и оттуда писал Анне Австрийской, что «необходимо настроить князей Империи против императора, чтобы удобнее было решать дела нашего Короля…наш друг Сервьен договаривается с германскими владетелями, как католическими, так и протестантскими». Там же упоминается о посещении его шведскими послами с целью уговорить осуществлять посредничество на переговорах с Данией в пользу шведской короны.

По-прежнему большое внимание среди германских князей Мазарини уделял главе Католической лиги Максимилиану Баварскому. Именно в этом направлении кардинал в первую очередь заставил работать д'Аво и Сервьена. В апреле 1644 года Сервьен доносил первому министру: «Мы полагаем, что герцог Баварии и другие католические принцы заинтересованы как можно скорее заключить общий мир». Конечно, Максимилиан был в этом заинтересован: Париж уже давно признавал курфюршеское достоинство Баварца (так называли его в Европе) и поддерживал его притязания на Верхний Пфальц. Баварская дипломатия, которой следовали многие католические князья, была откровенно безразличной к делам Империи на конгрессе. Правда, в 1647 году Максимилиан, уязвленный успехами Франции и Швеции, а также восстановлением Нижнего Пфальца, отважился вновь выступить на стороне Фердинанда. Но императора это никак не спасло.

Немало времени посвятил Джулио и дипломатии по отношению к традиционным союзникам Франции протестантским князьям Германии. Здесь он дал особые инструкции уделять внимание пожеланиям бранденбургского курфюрста Фридриха-Вильгельма I. Фридрих-Вильгельм, или «самая хитрая лиса в Европе», как его прозвали впоследствии, стал курфюрстом в 1640 году и тогда же безоговорочно перешел на сторону Франции. До этого протестантский Бранденбург занимал неопределенную позицию по отношению к воюющим сторонам, от него можно было ждать чего угодно. Но в 1640 году уже ясно чувствовалось, откуда дует ветер. И новый курфюрст знал, что делать и чего требовать для себя и своего государства, которое так стремилось вырасти.

Джулио прекрасно понимал, что значит создать сильное немецкое государство в самом сердце Империи и иметь постоянно там своего союзника в противовес любому Габсбургу. Кардинал наставлял д'Аво и Сервьена: «Когда посетите епископа Оснабрюка, передайте ему мои пожелания о том, чтобы были лучше удовлетворены пожелания нашего друга курфюрста Бранденбурга. Его протестантские интересы мы обязаны

уважать…» Намерения Мазарини относительно Бранденбурга были осуществлены. В результате мирных договоренностей Фридрих-Вильгельм I получил Восточную Померанию, архиепископство Магдебург и два епископства – Гальберштадт и Минден. Влияние Бранденбурга – Пруссии в Германии после Вестфальского мира резко возросло. В 1701 году бранденбургские курфюрсты добились от императоров Священной Римской империи признания за ними королевского достоинства в Пруссии, а впоследствии, уже в XIX веке, Пруссия стала инициатором и центром объединения Германии. Но уже во второй половине XVII века это немалое по территории немецкое государство становилось главным союзником Франции и создавало противовес Империи и Швеции на севере Европы.

Дипломатические усилия Франции и антигабсбургской коалиции успешно и своевременно подкреплялись военными действиями французов и шведов. В Швабии и Вюртемберге войска маршала Тюренна после первоначальных неудач все же сумели одолеть противника под Фрайбургом в 1644 году. А герцог Энгиенский закрепил этот успех, одержав, пусть и с огромными потерями, победу у Аллергейма. Эту баталию, произошедшую в 1645 году, назвали «вторым Нердлингеном» – она развивалась по тому же сценарию, что и битва 1634 года. Шведы медленно, но верно переносили центр тяжести военных операций в наследственные земли Габсбургов.

В этих условиях Траутмансдорф поочередно передавал Франции пограничные территории: сперва лотарингские крепости, затем весь Эльзас и, наконец, Брейзах, с которым Фердинанд III дольше всего не хотел расставаться. Со второй утратой Брейзаха Империя больше не контролировала верховья Рейна – теперь это осуществляла Франция. Так не без трудностей французский министр ловил золотых рыбок в мутной и бурной реке переговоров.

Удовлетворяя территориальные аппетиты французской короны, Траутмансдорф пытался приобрести с согласия Франции более выгодные позиции в отношении шведов. Но здесь этому воспротивился Максимилиан Баварский, не желавший резкого усиления французского влияния и потихоньку от Мазарини поддерживавший шведов. Однако последние, как мы уже могли заметить, в особой поддержке, тем более Максимилиана, уже не нуждались.

Объединение армий нового шведского генерала Врангеля и французского маршала Тюренна существенно помогло побыстрее закончить войну. Две эти армии в 1646 году вторглись в Баварию и полгода опустошали ее, а затем вошли в Мюнхен, заставив

Максимилиана поклясться, что отныне он не станет помогать императору. Тюренн дошел бы и до Богемии, где мог относительно легко разбить слабую армию Фердинанда. Но Мазарини совершил ловкий маневр, чувствуя, что мир близок, и желая пощадить императора, и послал Тюренна в Испанские Нидерланды. Однако баварский курфюрст, забывший о своих обещаниях, вновь возобновил военные действия. Поэтому в сентябре 1647 года французы и шведы вновь отправились в путь на восток, заняли и разграбили Баварию, окончательно разгромив Максимилиана при Цусмаркхаузене. В таких условиях Траутмансдорф был вынужден постепенно уступать и требованиям протестантских сил.

Имперский посол, да и уполномоченные других немецких государств, не исключая и Максимилиана Баварского, были просто вынуждены не в меру своих желаний, а в силу необходимости завершать войну. На последнем ее этапе Германию охватил тяжелейший экономический кризис.

Тридцатилетняя война нанесла значительный по тем временам урон экономике и культуре в первую очередь немецких княжеств, земли которых были опустошены и разграблены. В драматической поэме «Валленштейн» Ф. Шиллер так обрисовал мрачную картину Германии середины 1630-х годов:

Нигде надежды не забрезжит луч.
Оружия не умолкает звон,
Добыча алчных полчищ города
И Магдебург цветущий – груда пепла;
Ремесла и торговля в запустенье,
Над бюргером глумится солдатня,
И дикие, разнузданные орды
Бесчинствуют в стране опустошенной…

С тех пор прошло уже десять лет. К концу войны население многих районов сократилось вдвое, а в ряде мест – в десять раз. Но к миру немцев подталкивали не только результаты военных действий и нарастающие трудности дальнейшего финансирования войны. В Германии приобретало широкий размах партизанское движение против насилий и мародерства армий обеих коалиций. Массовым явлением стали дезертирство, переход из одной веры в другую и почти одинаковое соотношение религиозных оттенков в армиях враждующих сторон. Конфессиональный век подходил к концу, наступала эра рационализма.

Тем не менее во второй половине 1647 года в Европе создалась настолько нервозная ситуация, что переговоры застопорились. Неопределенная позиция Максимилиана Баварского была здесь ни при чем. В первую очередь в этом были виноваты испанцы и союзник Франции в войне – Голландия. Пеньяранда, глядя на дипломатические демарши своего коллеги Траутмансдорфа и представителей Баварии, в гневе восклицал: «Никогда в жизни ни от кого я не видел подобной мягкотелости в вопросах веры и политики, как от этих немцев!» А сам тем временем сумел за спиной Мазарини договориться с Соединенными провинциями уже в начале 1647 года. К такому решению Мадрид стремился четыре года – после поражения у Рокруа и отставки Оливареса. Согласно этому сепаратному миру Испания перед всей Европой признавала независимость Республики Соединенных провинций. Как долго Мадрид не желал этого делать! Но все-таки пришлось.

Агенты первого министра Франции уже давно извещали своего шефа о ведущихся между этими странами переговорах. С самого начала мирного конгресса Джулио обратил внимание на эту проблему и стремился предотвратить заключение испано-голландского мира. По сути, между Испанией и Голландией военные действия уже прекратились, но Франции нужна была сильная дипломатическая поддержка. Долгое время кардиналу удавалось затягивать подписание мирных договоренностей между Испанией и Голландией.

В конце 1643 года д'Аво и Сервьен приезжали в Гаагу для консультаций с голландцами. Опытные французские дипломаты совершили немалую ошибку, разойдясь между собой во мнениях по конфессиональному вопросу. Разногласия между ними по этому и другим вопросам на конгрессе во многом определялись принадлежностью к различным партиям при французском дворе: Сервьен относился к клиенте-ле Мазарини, а граф д'Аво – нет. Даже прибывший в Мюнстер в 1646 году герцог де Лонгвиль не смог их примирить. Это показывает, насколько сложно было Джулио проводить свою дипломатию в условиях встречных трудностей не только со стороны внешних противников, но и со стороны оппозиционеров при дворе!

Д'Аво требовал от голландцев-кальвинистов веротерпимости в отношении католических подданных республики. Сервьен хотел избежать этой темы, чтобы не обострять ситуацию и не увести дело в сторону. Джулио пришлось лично вмешаться в ход переговоров, заметив, что между послами должно царить единогласие. Д'Аво был вынужден согласиться оставить в стороне религиозные проблемы, и голландская сторона не смогла найти

зацепку, чтобы прервать консультации. На протяжении четырех лет Мазарини много раз предлагал Генеральным штатам заключить отдельный договор против Испании и продолжить военные действия. «Если Вы продолжите войну, то сможете иметь территориальные притязания на часть Испанских Нидерландов», – соблазнял голландцев Мазарини в январе 1644 года.

Все же голландцы предпочли заключить мир с Испанией: признания своей независимости они ждали слишком долго – более полстолетия. Их главную цель Джулио очень хорошо понимал. Понимал он также и то, что в будущем бескорыстной дружбы между Францией и Голландией быть уже не может. В первую очередь из-за спорной земли – Испанских Нидерландов. Раз голландцы почти семьдесят лет боролись за независимость от католической Испании, могут ли они сейчас рассматривать католическую Францию в качестве своего лучшего соседа? Мазарини мыслил реалистически.

С его мнением не все были согласны. Сервьен продолжал верить в дружбу с Голландией и считал такие размышления своего патрона «сумасшедшими». Лионн же, напротив, был полностью согласен с первым министром.

Будущее показало, что Джулио был прав. В войнах Людовика XIV с европейскими коалициями во второй половине XVII века Республика Соединенных провинций стала главным противником Франции.

Если голландский статхаудер Фридрих-Генрих еще поддавался на уговоры Мазарини, то пришедший ему на смену в 1647 году Вильгельм II Оранский уже был занят другими проблемами. Он без промедления подписал мирный договор с испанским послом д'Эстрадой. Тогда же в Гааге угрожали линчевать каждого попавшегося на глаза француза. Джулио не очень удивился этому. С другой стороны, теперь у Франции в отношении Голландии были развязаны руки на будущее.

Собственно, Республика Соединенных провинций со времен Нидерландской революции в политическом отношении являла собой компромисс между республикой и монархией. Наличие статхаудера придавало ей похожесть на конституционную монархию. Между тем правящая династия Оранских-Нассау никогда не оставляла надежд официально восстановить в Голландии монархию и не скрывала своих монархических убеждений. Уже в начале своего правления Вильгельм II настроился осуществить политический переворот, опираясь на преданную династии партию оранжистов. Он очень разумно предполагал, что Европа занята войной и кризисом. Поэтому ему

никто не должен помешать, а все внешние дела к моменту монархического переворота должны быть решены.

Если же заглянуть немного вперед, то попытка сделаться монархом была предпринята Вильгельмом лишь в 1650 году. Это было слишком поздно. Все окончилось крайне неудачно для Вильгельма и его семьи – должность статхаудера в республике была ликвидирована на целых двадцать лет. В Голландии Генеральные штаты обладали значительным влиянием, слишком сильны были республиканские традиции, сформировавшиеся за семьдесят лет, да и сама партия республиканцев. К тому же рядышком, за проливами Ла-Манш и Па-де-Кале, делала крупные успехи Английская революция.

Джулио недолго огорчался по поводу ухода союзников с политической сцены переговоров. «Что ж, – говорил он Анне Австрийской, – голландцы не так уж и неправы, а Вильгельм II совсем неглуп. Я на их месте, возможно, поступил бы так же». Как видно, оптимизма и чувства юмора Мазарини было не занимать. Кардиналу было необходимо беречь и накапливать силы для дальнейшей борьбы.

Испано-голландское соглашение окончательно нарушило взаимное сотрудничество французских послов. Сервьен по собственной инициативе уехал в Гаагу, где пытался наладить франко-голландские связи, а д'Аво был послан Мазарини в Оснабрюк заниматься шведской проблемой. Теперь первого министра больше беспокоили шведы и их военные успехи.

С трудом уладив конфликт между Данией и Швецией, Мазарини опасался, что Оксеншерна на гребне успехов не захочет делиться с Францией гегемонией на континенте. Здесь же опять всплыли на поверхность религиозные проблемы. Шведы хотели вернуть конфессиональную ситуацию в Европе к 1618 году, французы – к 1635 году. Огонь жарких дебатов между французскими и шведскими уполномоченными разгорелся еще ярче, когда в Оснабрюк прибыл Сервьен. Он и д'Аво опять поспорили. Д'Аво не хотел упоминать религиозные вопросы в объединенных предложениях союзников конгрессу, тогда как Сервьен был не прочь включить статьи, поддерживавшие протестантские требования. Джулио пришлось снова вмешаться – он поддержал Сервьена, больше следовавшего инструкциям патрона. Мазарини боялся растерять на пути к миру всех протестантских союзников.

В своей дипломатии кардинал был как вежлив, так и крайне требователен. «Мы полагаем, что канцлер Оксеншерна не забудет свои обязательства перед Францией к выгоде шведской короны», –

говорилось в меморандуме Людовика XIV от 30 сентября 1645 года. Разумеется, этот документ составил пребывавший тогда в Фонтенбло первый министр. Мазарини не давал забывать Оксеншерне, на чьи, собственно, деньги воюет шведская армия. Многоопытный и умный шведский канцлер прекрасно помнил это и успокаивал французского министра.

В результате заключенных мирных соглашений Швеция получила немало. К ней отошли Западная Померания, Померанский залив, часть Восточной Померании, архиепископство Бремен, Ферзен, город Висмар. Балтийское море стало внутренним шведским морем. Швеция превратилась в великую европейскую державу и добилась своей главной цели – господства над Балтикой.

Но лишь вместе с Францией Швеция являлась после войны гарантом вестфальских соглашений, и именно Франция осуществляла гегемонию над большей частью Западной Европы. Главная заслуга в этом принадлежала прежде всего кардиналу Мазарини, который уже с середины 1640-х годов становится бесспорным лидером на переговорах в Вестфалии. Уже само по себе показательно то, что в «Актах Вестфальского мира» – многотомном издании, вобравшем в себя почти все дипломатические документы того времени, – корреспонденция Мазарини занимает чуть ли не самое большое место. На мирном конгрессе его мнение и его представители – д'Аво, Сервьен, Лионн и Лонгвиль – пользовались всеобщим вниманием и уважением. За исключением, понятно, испанского посла.

26 января 1648 года Лонгвиль представил испанской стороне составленные Мазарини предварительные статьи франко-испанского договора. Вскоре его сменил более тактичный д'Аво. Но бескомпромиссность Пеньяранды во французском вопросе не знала пределов – он просто не желал иметь дело с представителями Парижа. Граф предпочел заняться интригами против Траутмансдорфа, шаг за шагом шедшего на уступки Франции. Горячий испанец требовал прямого срыва работы конгресса и сам намеревался покинуть Мюнстер. Особенно раздражала Пеньяранду терпимость имперских представителей в вопросах веры. Траутмансдорф соглашался с требованиями французов и шведов гарантировать свободу вероисповедания в Империи и удовлетворить жалобы протестантских князей. В поступках Пеньяранды словно оживал старый дух Испании, в них угадывалось нечто величественное и гордое, но вместе с тем бесполезное. Сходя со сцены вершителей судеб европейской истории, Испания, будто в последний раз, бросала вызов новому, избавлявшемуся от мифа рациональному европейскому обществу.

Что касается Джулио, то поведение испанского посла он расценил так: «Видит Бог, договор с нами принес бы им очевидные выгоды. Они сами себя губят».

Усилия Пеньяранды уже не могли изменить ход событий. Близость полной военной катастрофы требовала от императора и Траутмансдорфа скорейших решений. Летом 1648 года шведские войска, руководимые пфальцграфом Цвайбрюккенским Карлом Густавом – будущим королем Швеции, осадили Прагу. Французская армия находилась тогда в Верхнем Пфальце на Рейне, и если бы им удалось соединиться, они могли угрожать непосредственно Вене. Последние небольшие сражения Тридцатилетней войны, несмотря на некоторые успехи имперских войск под командой Пикколомини по отвоеванию Баварии, показали, что император будет счастлив как можно скорее получить мир на приемлемых условиях. К этому времени Траутмансдорф уже выполнил свою миссию на конгрессе. А раздосадованный Пеньяранда еще раньше покинул Мюнстер, даже отказав в простом визите вежливости имперскому дипломату.

В это время позиции Мазарини во Франции сильно пошатнулись. Дело заключалось не только в резко ухудшившемся экономическом положении в государстве. Еще в конце ноября 1647 года Лионн передал Сервьену слухи «о большом заговоре». В него будто бы были вовлечены брат д'Аво президент Парижского парламента Мем, которого Джулио лично просил держать членов парламента в послушании, и герцог д'Эльбеф, являвшийся одним из фаворитов герцога Орлеанского. Лионн не был уверен в правдивости этих слухов, но кардиналу стало ясно, что главные противники Франции находятся теперь внутри ее самой.

В этих условиях Джулио все же удалось извлечь для Франции на конгрессе максимальные выгоды. На мир с Испанией без достижения сокрушительной победы над испанской монархией он сейчас идти не желал. Позже, в январе 1649 года, Мазарини писал маршалу де Лопиталю: «…Мы были накануне заключения мира с Испанией столь же выгодного, как и тот, какой завершил наши переговоры с Империей, возвратившей нашей короне ее древние границы на Рейне с важнейшими крепостями…» Так оценил итоги франко-имперских переговоров в Вестфалии первый министр Франции, осуществлявший руководство ее внешней политикой.

В конце октября 1648 года Европа наконец узнала о заключении долгожданного мира. Это событие вызвало целую бурю эмоций. Немецкий поэт Пауль Вергардт запечатлел это так:

Итак, сбылось! Свершилось!

Окончена война!
Несет Господня милость
Иные времена.
Труба, замри! Пусть лира
Ликует над толпой,
И песнь во славу мира,
Германия, запой!
Ужель все было даром?
Стенанья наших вдов,
Объятые пожаром
Руины городов.
Разрушенные башни
Святых монастырей,
И выжженные пашни,
И пепел пустырей.
Умолкни, глас гордыни!
Стремясь к иной судьбе,
Великий мир, отныне
Мы отданы – тебе!

Правда, еще продолжалась пропагандистская война. Пугая общественное мнение французской угрозой, испанская публицистика стала распространять идеи о перенятии Францией от Габсбургов претензий на создание своей универсальной монархии. Хотя такие взгляды и не имели тогда широкого распространения, они показывают, что имперская идея очень глубоко засела в европейском политическом мышлении. И если одни ее носители в течение более полутора столетий ослабли, то победитель должен был перенять эту идею. Так, испанцы, теряя свою гегемонию, вольно или невольно оказались удивительно прозорливыми. Дальнейшая история докажет их справедливость. Вместе с тем такая пропаганда была и показателем растущей военно-политической мощи Французского королевства.

Не был, конечно, доволен итогами мирного конгресса и Рим. Папа Иннокентий X резко порицал подписанные мирные договоры, устанавливавшие правовое регулирование взаимодействия различных конфессий в Германии и равенство двух религий – католицизма и протестантизма. Противники Мазарини в курии даже обвиняли его в союзе с еретиками, что, впрочем, было не ново. Им подпевали противники Джулио во Франции, так, например, характеризуя Оснабрюкский мирный договор: «Тот, кто прочтет в будущем трактат, заключенный при поддержке Франции в пользу шведов и германских протестантов

и в ущерб церкви, не сможет убедить себя, что этот договор проникнут другим духом и советами, чем те, которые могли быть даны каким-нибудь турком и сарацином, скрывающимся под мантией кардинала». Но Джулио почти не обращал внимания на эти уколы – теперь его беспокоили иные проблемы.

Можно предположить, что Мазарини еще на некоторое время затянул бы работу конгресса, изрядно поторговавшись и добившись еще уступок. Но и без них задачи французской дипломатии были в основном выполнены. Франция фактически получила территорию Эльзаса, а также стратегическую крепость Брейзах – ворота в Германию, что делало возможным военные походы французских войск на территорию Империи. Установив контроль над Эльзасом, Париж аннексировал его – в 1681 году, а уже при Людовике XIV Страсбург будет присоединен к Франции. Королевство также укрепило свои политические позиции в Империи, имея своего постоянного представителя с совещательным голосом в Регенсбурге на имперском рейхстаге. И наконец, благодаря заключению Мюнстерского мира Франция могла целиком сосредоточиться на войне с Испанией.

Приблизили всеобщий мир и отвлекли внимание первого министра Франции два события европейского значения. Оба они стали проявлениями европейского кризиса во Франции и Англии. И самыми мощными проявлениями. Конечно, одно из этих событий только сильно беспокоило Джулио Мазарини, а другое ему предстояло пережить, но они были между собой взаимосвязаны.

Кризис во Франции назывался Фрондой, а политические потрясения в Англии – революцией. В результате его в Европе обновленными появились две сильные державы, которым в дальнейшем предстояло соперничать между собой целое столетие. Только они были разными – одно в форме сильной и централизованной административной монархии, а другое – формирующееся правовое государство с бурно развивавшейся экономикой. Поначалу мы остановимся на одном из беспокоивших Мазарини событий – на Английской революции середины XVII века.

«Туманные дела» на туманном Альбионе

Очнись от сна, мой друг. Ты слышишь, бьет Набат войны в Европе и зовет Прервать досуг греховный. Иль меж нас Уж нет таких, кто в скверне не погряз? Он кличет тех, кому постыло гнить Без дела, кто хотел бы оживить Мужскую честь, почившую в гробу, Восстав на благородную борьбу.

Эти строки принадлежат перу замечательного английского поэта Эндрю Марвелла, которого по праву называют самым одаренным лириком середины XVII столетия. Они взяты из его «Горацианской оды на возвращение Кромвеля из Ирландии», где художник попытался переосмыслить события революции, очевидцем которой являлся, понять их значение и даже высказать прогнозы на будущее.

События Английской революции середины XVII века (1640—1660) пытались понять не только сами англичане и деятели культуры. Одни люди были вынуждены их переживать, другие – наблюдать и переосмысливать в силу своего интеллектуального развития и всепоглощающего интереса к грандиозным политическим потрясениям. Английскими делами очень интересовались и по ту сторону проливов Ла-Манш и Па-де-Кале, но мало кто в Европе осознавал, что на самом деле там происходит. Одним из тех, кому было дано понять сущность происходящего на Альбионе, являлся Джулио Мазарини.

Если говорить о начале самих политических потрясений на Британских островах, то Англия оказалась одним из первых европейских государств, в которых начался политический и социальный кризис, и в самой тяжелой форме – в виде революции. В представлении большинства современников суть происходящих событий состояла в решении коренных конституционно-правовых проблем. Англичане бунтуют, парламент хочет побольше власти – вот и вся проблема! Примерно так представляли себе свои цели участники выступлений против своих правительств в других государствах европейского континента. Поэтому, согласно простым законам логики, они не могли абсолютно враждебно относиться к действиям английского парламента.

По существу, Английская революция началась с войны – сначала с Тридцатилетней, благодаря участию в которой Англии в 1620-х годах разразился мощный политический кризис и король Карл I Стюарт стал управлять страной без парламента. Затем – с

англо-шотландской войны, вспыхнувшей в конце 1637 года из-за насильственного введения архиепископом Кентерберийским Лодом в пресвитерианской Шотландии англиканского богослужения. Для подавления шотландского восстания требовались деньги, и немалые. Король без парламента не обладал достаточными суммами – по английской традиции только палата общин могла вотировать ему субсидии. Королева Генриэтта-Мария даже пыталась продать драгоценности своих придворных дам, но этого было недостаточно. Между тем шотландцы уже стояли под стенами Лондона. В этих обстоятельствах Карл I был вынужден в апреле 1640 года созвать парламент, надеясь-таки добиться получения средств на подавление строптивых шотландцев. Но парламент решительно отказался вотировать субсидии без предварительного обсуждения конституционно-правовых и конфессиональных проблем. В итоге 5 мая он был распущен королем, получив название Краткого.

В английских придворных кругах по поводу создавшейся ситуации было проявлено сильное беспокойство. Лорд Лестер, например, опасался, что ни одно из государств Европы не будет искать дружбы с Англией и помогать ей в войне против Шотландии. Карл I надеялся прежде всего на поддержку Испании и Франции. Не лишенный определенной проницательности испанский король Филипп IV, убежденный в серьезности намерений английских пуритан свергнуть Карла I с престола, попытался что-то предпринять. В инструкциях своим посланникам в Лондоне Веладе и Мальвези он отмечал, что первейшей задачей для Испании является сохранение на троне английского монарха.

И вот 11 мая правая рука Карла I лорд Страффорд посетил Веладу. Получив от него заем в количестве трехсот тысяч фунтов стерлингов, он пообещал, что Англия после подавления шотландского восстания с помощью Испании обязуется начать войну с Голландией, защищать испанскую торговлю в проливах и переправить в Испанские Нидерланды свои войска. Конечно, эти обещания были блефом – Англия и в 1630-х годах попеременно вела переговоры то с Испанией, то с ее противником – Францией.

Вследствие разгоравшихся с новой силой португальского и каталонского восстаний финансовая помощь с Пиренейского полуострова резко сократилась. А в Англии политический кризис в верхах отразился на поведении многих подданных короны. Парламент активно поддержали лондонские горожане, попытавшись сжечь дворец архиепископа Лода и освободить из тюрьмы политических заключенных. В ноябре 1640 года Карлу I пришлось вновь созвать парламент. Этот парламент, в разных

составах участников работавший до 1653 года, вошел в историю под названием Долгого.

Так началась Английская революция. Но так будут считать много лет спустя. В начале же работы Долгого парламента большинство из его пятисот членов были убеждены, что они требуют лишь коррекции существующего государственного строя. А король в своей речи в парламенте не сомневался, что действует в целях наведения порядка в стране.

В наши дни меры, предпринимаемые для укрепления государственной власти и регулирования жизни общества, не всегда связывают с существованием деспотических режимов. Более того, во многих государствах эти меры ассоциируются с гарантией свободы. В XVII веке укрепление абсолютной власти в Англии отождествляли с нарушением божественного порядка, альтернативой которому мог быть только хаос. Но настоящий хаос только начинался.

В 1641 году был казнен ненавистный всем лорд Страффорд, тогда же большинством всего в одиннадцать голосов был принят главный документ революции – «Великая Ремонстрация». Парламентские меры и постановления фактически сделали политические процессы в Англии необратимыми. Столица и парламент перестали повиноваться королю. 10 января 1642 года Карл I покинул Лондон, не ведая, что через семь лет вернется сюда пленником парламента. В Англии началась гражданская война.

Не только терпевших поражение Испанию и Империю, но и участников антигабсбургской коалиции не могли не настораживать события, происходившие за проливами Ла-Манш и Па-де-Кале. Однако реакцию европейских государств на «английский мятеж» трудно оценить однозначно, можно лишь заметить всеобщее неодобрение действий парламента, узурпировавшего власть. Мог ли кто-нибудь оказать хоть мало-мальски солидную поддержку роялистам?

Может быть, Фердинанд III и германские князья? Исключено, ибо, как мы знаем, именно германские земли были основной ареной Тридцатилетней войны. Племянник Карла I пфальцский курфюрст Карл-Людвиг советовал английскому королю: «Правда заключается в том, чтобы Ваше Величество имело волю найти выход из положения, вступить со своими подданными в переговоры». А может быть, задыхающийся в горниле внутренних восстаний слабеющий Мадрид? Помощь Испании в гражданской войне между Карлом и его парламентом имела место, но была мизерной и носила скорее моральный характер. Скандинавские

государства? Но они воевали то между собой, то с императором. Правда, в 1645 году английский парламент предложил свое посредничество на переговорах между Данией и Швецией. Оксеншерна тогда согласился и послал своего представителя в Лондон уточнить эти предложения, на чем, собственно, дело и закончилось. Лучше всего об этом говорят «Акты Вестфальского мира»: примечательно, что в дипломатической корреспонденции за 1644 год на протяжении всего тома объемом в девятьсот страниц английский посол упоминается всего лишь один раз. В принципе политиков Европы тогда больше волновали переговоры в Мюнстере и Оснабрюке, нежели английские дела.

Но Англию никто не сбрасывал со счетов. До нее просто не могли дотянуться из-за войны и порожденного ею кризиса. Поволноваться, однако, пришлось, особенно тем, кто понимал суть происходивших на Альбионе событий. Поэтому корреспонденция первого министра Франции полна тревоги и беспокойства из-за английских дел. Несомненно, в эпоху Тридцатилетней войны и европейского кризиса самым показательным и характерным было отношение Франции в лице кардинала Мазарини к начавшейся Английской революции.

Все время, пока в Англии шла гражданская война между роялистами и парламентом, отношение официальной Франции к этой «смуте» почти не менялось. Французским современникам казалось, что английская политика как Ришелье, так и Мазарини заключалась в том, чтобы примирить короля и парламент и втянуть Англию в европейскую войну. Покойный кардинал, правда, был не прочь и вовсе усмирить британскую оппозицию. Но не успел.

Джулио Мазарини действительно во всех своих письмах королевской английской чете настаивал не на продолжении войны с парламентом, а на переговорах с ним. В сентябре 1643 года он пишет в ответ на просьбу Карла I о помощи, что «наши возможности (то есть французов. *– Л. И.)* непропорциональны Вашим желаниям (то есть англичан)», и советует заключить мир с парламентом, надеясь на союз двух корон на дипломатическом поприще. Джулио сразу понял, чем «пахнет» английская смута, и проводил с самого начала политику компромисса, пытался играть роль умиротворителя конфликта между Карлом Стюартом и парламентом. Между тем в литературе и по сей день чаще встречается мнение, что Франция была заинтересована в поддержке состояния внутренней войны в Англии. Это неверно. С одной стороны, постоянные внутренние конфликты на Альбионе не могли не повлиять своим примером на начинавшиеся волнения во Франции, не могли не вдохновлять оппозицию

первому министру. В письмах Джулио той поры часто звучали опасения, что «французский парламент может скопировать английский».

С другой стороны, компромисс между королем и оппозицией дал бы возможность Англии участвовать в военных действиях на континенте и влиять на ход вестфальских переговоров. На это Джулио обратил особое внимание, когда в Англии была создана боеспособная парламентская армия нового образца. В битве при Марстон-Муре в июле 1644 года солдаты истого пуританина Оливера Кромвеля сражались сплоченно, как один человек, за что были прозваны «железнобокими». На 1646—1648 годы, когда военные успехи армии «новой модели» стали слишком очевидными, приходится основной поток писем и инструкций французского министра своим послам и агентам в Лондоне.

Конечно, принципы монархизма и легитимизма играли значительную роль в ту эпоху, и «дурной пример» Англии не мог не отразиться на разгоравшейся Фронде в самой Франции. Но это не значит, что Джулио стремился видеть Англию такой, какой та была до политических потрясений. Проницательный и дальновидный политик не мог не понимать, что это невозможно. Наиболее подходящим ему представлялось совместное правление короля и парламента, то есть ограниченная монархия в Англии.

В целом основное желание французского правительства, как, возможно, и правительств других стран, заключалось в сохранении на английском престоле Карла I на любых условиях. Это помогло бы им несколько упрочить собственные внутренние позиции. А Мазарини не только чувствовал приближение кризиса, но уже и начинал действовать.

Несомненно, факт возбуждающего влияния английских событий на Европу неоспорим. «Франция заинтересована в сохранении королевской власти… но предпочитает договор с обеими сторонами с целью удержания на троне Карла I», – прямо отмечал французский министр в одной из своих многочисленных инструкций своему послу в Лондоне Бельевру.

Его послов было очень много на туманном Альбионе. Чем они занимались, для многих казалось тоже «туманным». Англию буквально наводнили французские дипломатические агенты, да и просто шпионы. Они постоянно курсировали между парламентским Лондоном и роялистским Оксфордом. Первым из них, прибывшим в Англию уже в 1642 году, был граф д'Аркур.

«Королева отправляла в эту страну посланников, чтобы наладить некоторые соглашения между Его Величеством Британским и его парламентом. Кардинал де Ришелье… не предвидел, что они могут зайти настолько далеко». Но «пролитая

кровь скорее ожесточила души, чем расположила их (англичан. – *Л. И.)* слушать разговоры о мире».

С самого начала посольство д'Аркура пустилось на поиски Карла I. Король со своей армией оказался в Эксетере, а его командующие – его собственные племянники немецкие принцы Руперт и Мориц – выглядели «вялыми и лишенными всякой решительности». Руперт уже упустил к этому моменту несколько благоприятных возможностей взять Лондон. Сам же король показался французским послам «робким». Предприимчивый д'Аркур пытался его приободрить, заметив, что есть единственная тактика, способная вернуть ему власть. Англичане должны быть возвращены в лоно послушания только мягкостью, и король должен появиться в Лондоне, чтобы попытаться сделать там больше своими советами, нежели вооруженным путем, каким бы прекрасным полководцем он ни был. Вообще же д'Аркур, видевший все своими глазами, считал, что «король никогда не преуспеет, если будет действовать таким образом».

Все было тщетно. Попытки уговорить Карла I согласиться на некоторые предложения парламента и пойти на компромисс пока не увенчались успехом. Упрямый рыцарь, Карл не желал даже в самом малом соглашаться со своими политическими противниками. В детстве лишенный строгого воспитания, он был упрям, неразговорчив и при этом очень правдив, не мог хитрить и лукавить. Карл I являлся аристократом с головы до пят, величайшим чистюлей по меркам XVII века (он принимал ванну два раза в неделю), по нескольку раз на день менял тончайшие батистовые рубашки и нередко весь свой костюм. Английский король обогатил Лондон и свой дворец Уайтхолл величайшими произведениями искусства кисти Питера Пауля Рубенса и Антониса ван Дейка. Он пристрастил к этому жену, детей и весь английский двор. Характерная для барокко пышность стала процветать в Англии именно с эпохи единоличного правления Карла I.

Король пока был уверен в военных способностях своей армии. Ведь она как-никак была обученной, управляемой полководцами, принимавшими участие в Тридцатилетней войне (принц Руперт, например), в отличие от парламентского ополчения из буржуа, ремесленников и деревенских богатеев. Правда, они исповедовали истинную веру в Бога и в свое правое дело. Пуритане стригли волосы в кружок и поэтому назывались «круглоголовыми». Напротив, роялисты были нарядными, изнеженными, носили длинные завитые волосы или парики согласно моде и назывались «кавалерами».

Не добившись ничего от Карла I, д'Аркур двинулся в

английскую столицу посовещаться с представителем парламента графом Бедфордом. В отличие от короля тот на многое соглашался, но не хотел уступать в принципиальных религиозных и правовых вопросах. Осторожный дипломат д'Аркур здесь не сдержался и предостерег его:

– Если Его Британское Величество найдет способ вновь завоевать доверие своих подданных, невозможно, чтобы он когда-нибудь простил Вам Ваше поведение.

– Говоря это, Вы, видимо, ставите на одну доску могущество королей Англии и королей Франции: англичане были слишком мудры, чтобы терпеть от государя месть по отношению к человеку, защищавшему их интересы, их нация обладает такими законами, с какими их правители должны считаться, если не хотят, чтобы они обернулись против них. Это происходило каждый раз, когда они хотели предпринять что-то, превышавшее их власть. То же произойдет и в будущем, потому что нет ни одного англичанина, кто бы не знал, что здесь залог его свободы и покоя, – такую дерзкую, но резонную тираду произнес Бедфорд в ответ.

Вскоре этот разговор стал известен каждому в столице. Очевидно, граф Бедфорд с удовольствием все это предал огласке. Д'Аркура невзлюбили, но не трогали. Лондонцы не оказывали должного рангу посла уважения. Тем не менее его неприкосновенность тщательно соблюдалась.

Карл I не начинал военных действий, пока ожидал ответа от графа д'Аркура. Наивно веря в святость своей особы, он все еще надеялся, что ответ парламента будет для него благоприятным. К тому же король побаивался графа Эссекса, командовавшего армией парламента. Французский посол огорчил его результатами переговоров, и Карл решился дать битву парламенту.

Тут произошло то, что впоследствии в весьма искаженном виде перешло на страницы романа «Двадцать лет спустя». В битве при Эджхилле, состоявшейся в начале 1643 года, мушкетеры участвовали, разумеется, на стороне роялистов. Бедному д'Аркуру пришлось давать серьезные объяснения перед разгневанным Эссексом и парламентом. Французскому послу удалось дистанцироваться от отчаянного д'Артаньяна, и тот все оставшееся время провел в Лондоне безвыездно. Сражение при Эджхилле закончилось победой роялистов, что вдохновило Карла I на дальнейшую борьбу, приведшую к ненужному обильному кровопролитию. А Дюма перенес дальнейшие действия своих героев-мушкетеров на более позднее время – на время окончания гражданской войны и казни Карла Стюарта. Таковы воля и право

романиста, в сущности, не так уж и сильно погрешившего против истины.

Д'Артаньян и восемь его человек благополучно пересекли проливы и добрались до Парижа в компании сына лорда Пемброка, который организовал этот вояж. Мушкетер имел еще и деликатное дипломатическое поручение: рассказать находившейся во Франции английской королеве Генриэтте-Марии о том, что произошло, и передать привет от супруга.

Действительно, все время, пока шла гражданская война в Англии, Генриэтта-Мария находилась в Париже, где впоследствии и осталась. Она лично попросила не Анну Австрийскую, а именно ее первого министра оказать ей гостеприимство. Известный историк Б. Ф. Поршнев считал, что пребывание Генриэтты-Марии во Франции привело к тому, что «с самого начала подавление Английской революции оказалось заботой не только английского абсолютизма, но и французского», поскольку «дела англичан были не просто иностранными делами, но и делами сестры французского короля». На первый взгляд это мнение кажется вполне оправданным. Но ведь французская королева Анна Австрийская была в девичестве испанской инфантой, но от этого испанские дела не стали «делами французского короля». Тогда уже правил бал чистой воды прагматизм, чаще всего, правда, завуалированный иными мотивами. «Государственный интерес», а не родственные и династические чувства, начинал явно преобладать в политике.

И тут уж во всей красе проявились государственная экономия и скупость Мазарини. Естественно, что Генриэтта-Мария прибыла во Францию почти без гроша и просила финансовой помощи. Но не тут-то было. Первый министр не оказывал теплого приема английской королеве и ее сыну принцу Уэльскому, который до 1645 года принимал участие в авантюрах отца, а после победы Кромвеля бежал на континент. Создавалось впечатление, что Джулио их просто терпел. Генриэтта-Мария жила в старом неотапливаемом дворце в Сен-Жермене, отсутствие у нее денег было хроническим. Она носила одно и то же платье, которое вынуждена была штопать, наследник престола Карл часто болел. Королева плакала и проклинала первого министра ее родины. Но куда было ей бежать, откуда ждать помощи? Здесь ей хоть что-то обещали, и искорка надежды по-прежнему тлела в сердце гордой женщины-католички.

Тогда и много позже будущий монарх Англии Карл II признавался, что Франция в лице кардинала Мазарини играла в дипломатическую игру, подобно «собаке на сене», и называл кардинала «скупердяем», намеревавшимся принять сторону

победителей-мятежников. Принц Уэльский был недалек от истины.

Париж поддерживал Карла I больше на словах, нежели на деле. Однако в 1646 году Мазарини в ответ на докучные просьбы Генриэтты-Марии и английского короля решился на высадку пяти тысяч французских солдат в Гастингсе (а не сорока тысяч, как просил Карл I). Английская королева, видя, как настроен первый министр Франции, просила и того меньше – двенадцать тысяч. Это ей, между прочим, обещали некоторые французские аристократы. Но все же до ставки роялистов добрались лишь единичные французы.

Джулио в то время часто спрашивали, в том числе и Анна Австрийская, действительно ли он намеревается помочь английскому королю. «У меня есть свои соображения по этому поводу», – отшучивался кардинал.

Французы были посланы на Альбион совсем с другими целями. Во-первых, опасения Мазарини вызвала вновь оживившаяся после потрясений начала 1640-х годов испанская дипломатия. Мадрид тогда вел за спиной Франции переговоры с Голландией. Вполне реально опасаясь влияния Мадрида на Карла I, французский министр решил под предлогом помощи предупредить высадку испанских солдат высадкой французских на английский берег.

Во-вторых, удивила своей кажущейся непредсказуемостью дипломатия английского парламента. На протяжении 1645 года парламентские послы вели активные переговоры с гугенотами, шведами, голландцами и рядом немецких протестантских государств. На фоне споров со Швецией на вестфальских переговорах французское правительство, претендовавшее на гегемонию Франции в Европе после заключения мира, опасалось усиления протестантского крыла в стане победителей.

Тем временем английские протестанты воевали не на жизнь, а на смерть. В 1644 году один из парламентских генералов граф Манчестер высказал мысль, что «если мы побьем короля или девять, или девяносто раз, он все равно будет королем, но если король побьет нас, мы будем уничтожены или станем рабами». Граф открыл важную причину, по которой в результате трех английских революций – середины XVII века, Славной революции 1688 года и войны североамериканских колоний за независимость в XVIII веке – один король потерял голову, второй – трон, а третий – империю.

Джулио не зря последовательно проводил дипломатию заключения компромисса между королем и парламентом. В Париже английские мятежники были исключительно популярны.

Еще в 1640 году во французской столице появилась брошюра о конфликте между Карлом I и парламентом, в 1641 году была переведена защитительная речь лорда Страффорда, а в 1642 году были изданы документы работы Долгого парламента и многое другое. Самой примечательной из всей этой литературы стала рукопись Сент-Амана под названием «Альбион», в 1644 году передаваемая в Париже из рук в руки. Автор рукописи сопровождал второй вояж графа д'Аркура в Англию, наблюдая по пути парламентский Лондон и роялистский Оксфорд. Рукопись была написана в полушутливых тонах и отражала лояльные настроения автора. Сент-Аман верил, что английский король придет к соглашению со своими подданными.

Кардинал забеспокоился, стал еще активнее проводить английскую дипломатию. В 1645 году Франция восстановила свой старый союз с Шотландией. Мазарини хотел заручиться поддержкой последней в английских делах. Он как будто предвидел, что летом 1646 года Карл Стюарт капитулирует и бежит к шотландцам.

Шотландцы-пресвитериане боялись усиления индепендентского крыла, которое представлял непобедимый Оливер Кромвель, в английской религиозной и политической жизни. К тому времени вождь революции стал абсолютно популярен, с ним фактически некому было соперничать. Его титаническая задача – разрушить старое и создать новое, «отлив» Англию, как расплавленный металл, в иную форму, – приближалась к цели. Вот как об этом писал Эндрю Марвелл:

Безумство – порицать иль клясть
Небес разгневанную власть,
И мы – к чему лукавить —
Должны теперь прославить
Того, кто из тиши садов,
Где жил он, замкнут и суров
(где высшая свобода —
Утехи садовода),
Восстал и доблестной рукой
Поверг порядок вековой,
В горниле плавки страшной,
Расплавив мир вчерашний.

В моменты ломки старого общества законы высшей справедливости перевешивают древние права и заставляют людей с более слабым духом уйти со сцены истории. Такова была судьба Карла I. Но Джулио до последнего момента хотел

скорректировать ее.

В Ньюкасл, где находился английский король, срочно выехал французский посол Бельевр с предложениями мирного посредничества в отношениях короля с парламентом. 14 июля 1646 года туда были посланы предложения обеих палат парламента, фактически ограничивающие власть монарха. В трех ответах из Ньюкасла Карл I шел лишь на незначительные уступки, не затрагивая вопросы верховной власти и религиозного характера. Несмотря на титанические усилия Мазарини и его посла, приемлемого соглашения так и не было достигнуто.

Джулио был весьма раздосадован и писал Бельевру в ноябре 1646 года о том, что «королю еще раз необходимо обдумать то, что от него требуют». Кардинал был удивлен, что «хотя у него (Карла I. – *Л. И.)* был приемлемый выбор, он не нашел общих точек соприкосновения с парламентом, в результате чего его власть подорвана в последний момент: он совсем проигнорировал мнение подданных, как сохранить королевство. Он отказал им даже в свободном исповедании пресвитерианства». В конце своей инструкции Бельевру Мазарини заключил, что «продолжение гражданской войны в Англии благоприятствует вмешательству Испании в ее дела».

– Видит Бог, я не поступал бы так на месте английского короля, – признавался в конце лета того же года первый министр своей королеве. В действительности, и ему скоро предстояло испытать нечто подобное. И кардинал, возможно, наученный горьким английским опытом, поступит иначе.

В конце концов любое терпение лопается. Джулио дошел до того, что стал давать прямые и нередко довольно резкие указания английскому королю, по-прежнему не желавшему сдаваться. 10 декабря 1646 года первый министр Франции приказывает Бельевру «четко сказать королю Англии, что наша цель – общий мир… Король незамедлительно должен прибыть в Лондон, чтобы вновь обрести свою страну…». 8 февраля 1647 года в мемуарах Бельевра отмечалось, что «парламент пошел на большие уступки королю, а Его Величество ничего не желает слушать».

Вместо переговоров при одобрении постоянно пребывавшего в ставке роялистов испанского посла де Карденьи и стоявшего за его спиной Филиппа IV Карл I решил привлечь шотландцев на свою сторону в войне с парламентом. С шотландской армией король собирался идти на Лондон, несмотря на дипломатическое противодействие Франции. Соглашение между королем и шотландцами было подписано 26 декабря 1647 года. Но шотландцы не только гордые, но и достаточно хитрые, не надеясь получить денежную контрибуцию от Карла I, выдали короля за

выкуп английскому парламенту. Впоследствии они пожалели об этом, но было уже поздно. Последние бастионы английских роялистов пали в марте 1647 года.

Узнав об этом, Джулио не на шутку огорчился и усилил нажим на своих дипломатов в Мюнстере. Как раз в это время он подхватил серьезную простуду и целых три дня провел в постели, тщательно обдумывая сложившуюся ситуацию. В английском вопросе он решил не сдаваться до последнего.

Французская тактика в отношении Альбиона несколько изменилась. Мазарини рекомендовал Бельевру поддерживать связи с правым крылом парламента – пресвитерианами, а также шотландцами, чтобы выработать приемлемое соглашение между ними и Карлом I. Английский король тогда находился под арестом во дворце Уайтхолл. «Отрадно, что ведутся переговоры Карла I и принца Уэльского с пресвитерианами», «необходимо хотя бы номинально восстановить его (то есть Карла I. – *Л. И.)* на троне», – писал кардинал в июне – июле 1647 года. Должного уважения к английской монаршей особе, как видно из писем Мазарини, уже не было.

Все же как тонко французский итальянец чувствовал обстановку в государстве, в котором никогда не бывал! И как плохо в ней разбирался тот, кто управлял этой страной, кто в ней родился и до кончиков ногтей являл собой тип истого англичанина! Но скажем в оправдание Карла I, что трудно бывает понять истинное положение дел, когда перед тобой лебезят, тебя прославляют, говорят тебе только хорошие новости, а плохие – сглаживают, когда тебя называют с поклоном «Ваше Величество» и постоянно льстят. Высокое положение и сопровождающая его лесть сильнее всякого вина и наркотиков дурманят голову и создают иллюзии. Таковых у английского монарха было очень много, и с ними он остался до конца.

Джулио Мазарини жил без особых иллюзий. Он имел постоянных врагов и, как опытный дипломат, прекрасно знал, что и вчерашний друг может сегодня оказаться в стане противников. Вот, например, Голландия.

Мало того что голландцы за спиной Франции вели переговоры и заключили сепаратный мир с Испанией. Статхаудер Фридрих-Генрих и его оранжистское окружение достаточно активно поддерживали роялистов во время английской смуты. В середине 1640-х годов по инициативе Фридриха-Генриха возникла идея создания совместной коалиции в составе Голландии, Франции и английских роялистов против парламента. Одновременно велись переговоры о браке между принцем

Уэльским Карлом и дочерью Фридриха-Генриха, хотя сам наследник английского трона не очень торопился вступать в брак – голландка была толста и некрасива. Активное участие в переговорах приняла Генриэтта-Мария, изрядно надоевшая Мазарини своими просьбами о денежном пособии. Предполагалось также заключить оборонительный и наступательный союз между Голландией, Францией и Карлом I против восставших.

Эти переговоры с самого начала были обречены на провал. Реально идея поддерживалась лишь голландским Статхаудером, его сыном Вильгельмом II, Карлом I и Генриэттой-Марией. Мазарини же имел относительно Англии другие соображения.

Ситуацией воспользовался постоянный враг Франции – герцог Лотарингский, связанный с оппозицией против первого министра. От имени Парижа он охотно ввязался в переговоры, выдвинув свои соображения:

– Франция должна высадить в Англии не менее тридцати тысяч человек;

– арестовать послов английского парламента во французской столице;

– пойти на уступки на вестфальских переговорах.

Видимо, предполагавшийся союз был направлен не только против парламента, но и против Мазарини, обвинявшегося со стороны оппозиции в предательстве французских интересов. Но уже после битвы при Несби в 1646 году, когда Кромвель наголову разбил войска роялистов, эта идея была оставлена. А сам Фридрих-Генрих, подобно Мазарини, советовал английскому королю пойти на уступки хотя бы консервативным лидерам парламента.

Далее события развивались следующим образом. После смерти Фридриха-Генриха новый статхаудер Республики Соединенных провинций Вильгельм II, еще более монархически настроенный, решил на деле помочь сидевшему в плену Карлу I. 24 июля 1648 года несколько голландских кораблей вместе с принцем Уэльским пришвартовались в Ярмуте. При помощи имеющихся сторонников среди пресвитериан и вновь повернувшихся к нему шотландцев королю удалось бежать из плена на север Англии. Началась вторая гражданская война.

Она была короткой и победы роялистам не принесла. 17 августа железный Кромвель разгромил шотландскую армию в сражении у Престона. Карл I был снова взят в плен, а наследный принц счел за благо вернуться в Голландию, где Вильгельм II предоставил ему более благоприятное убежище, нежели Мазарини. Там он все последующее время и пребывал, строя

козни против Кромвеля и Английской республики.

Параллельно с окончанием гражданских войн в Англии в Европе завершилась Тридцатилетняя война. Европейская война не только ускорила наступление кризиса, частью которого являлась Английская революция середины XVII века. Военные действия на континенте, заняв лучшие умы дипломатов и политиков воюющих государств, способствовали их слабому вмешательству в английские дела. В результате этого процесс борьбы между роялистами и парламентом определялся практически внутренними мотивами. И этому не могли помешать ни осторожная помощь Испании и Голландии, ни сильное дипломатическое вмешательство Франции.

Ясным морозным утром 30 января 1649 года при огромном стечении народа Карлу I Стюарту отрубили голову. Английский король, спустившись с балкона дворца Уайтхолл на помост в тончайшей белой батистовой рубашке прямо на голое тело, показал ярчайший пример мужества перед казнью для всех последующих поколений монархов и политиков. Даже прославлявший Кромвеля поэт Эндрю Марвелл не мог не восхититься:

Но венценосный лицедей
Был тверд в час гибели своей.
Не зря вкруг эшафота
Рукоплескали роты.
На тех мостках он ничего
Не сделал, что могло б его
Унизить, – лишь блистали
Глаза острее стали.
Он в гневе не пенял богам,
Что гибнет без вины, и сам,
Как на постель, без страха,
Возлег главой на плаху.
…И мир увидел наконец,
Что правит меч, а не венец.

Последние слова короля своим подданным были: «Помните!» Очевидно, Карл многое передумал перед смертью и многое понял. Перед казнью в письме своему наследнику Карлу король написал следующие строки: «В целях реставрации власти предпочитай мирный путь…»

На континенте новость о казни английского короля мало кого удивила. Первый министр Франции Мазарини от имени Людовика XIV выразил лишь сожаление по поводу «несчастной

судьбы английского монарха». Дипломатических отношений с Англией Джулио пока официально не прерывал и обратно в Париж Бельевра не отзывал. Французский посол должен был держать своего патрона в курсе всех дел Английской республики и ее руководителя – Оливера Кромвеля.

Большего для Англии Джулио Мазарини сделать уже не мог. Он не зря спешил, давил, лавировал… Незадолго до заключения Вестфальского мира в Европе кризис огромной волной докатился до Франции. Там вспыхнул великий, затянувшийся на целых пять лет гражданский мятеж, называемый в истории Фрондой. Его неизбежный приход французский министр остро предчувствовал и страшно этого боялся.

Ненавидимый всеми

Вести войну против своего короля и своего властелина всегда достойно сожаления.

Мадам де Мотвиль

От великого до смешного один шаг.

Наполеон

В ночь на 13 мая 1648 года Мазарини почти не спал. На каждое тринадцатое число он, как правило, ничего не планировал. Не был исключением и предстоящий день. Предчувствия не обманули Джулио. Уже в первой половине этого ясного майского дня члены Парижского парламента приняли «акт единства», в котором призывали все суверенные суды Парижа – парламент, Счетную палату, Палату косвенных сборов и Большой совет – направить делегации для проведения совместных заседаний в палате Людовика Святого во Дворце правосудия. Для спасения королевства предполагалось провести общую государственную реформу.

Так началась Фронда – политическое движение с разнородным социальным составом участников, которое точнее всего назвать широким антиабсолютистским движением разных слоев населения Франции. Название «Фронда» происходит от французского слова «La Fronde», означающего «праща» либо «камень от пращи». Это название было своеобразным символом протеста против властей.

Некоторые отечественные (Б. Ф. Поршнев) и зарубежные (Орест Ранум) историки считают Фронду неудавшейся буржуазной революцией. Многие современники событий тоже так полагали. Но это, конечно, преувеличение. Никаких коренных социальных изменений во французское общество Фронда не внесла. Тем не менее она была всепоглощающим, зачастую стихийным, протестом против войны, налогов, одним словом, кризиса, которого не избежала и Франция – страна-победительница. Кризиса, вызванного войной. И, как многие думали, захватившим власть в государстве итальянцем Джулио Мазарини.

Ведь чтобы скоординировать деятельность военно-

административных учреждений, контролировать вопросы набора в армию, фортификаций и обороны, наблюдать на местах за губернаторами провинций, которых война делала слишком независимыми, сначала Ришелье, затем Мазарини усиливает институт интендантов – королевских инспекторов. Понятно, это обходилось очень недешево и вызвало в конце концов сильную реакцию населения Франции.

Как поведал потомкам в своих «Мемуарах» маршал д'Эстре, до конца 1647 года «казалось, что дух кардинала де Ришелье, который так властно управлял всеми делами, продолжал жить как в делах военных, так и дворцовых. Но в 1648 году было все иначе; здесь мы можем наблюдать такие большие изменения и революции, что всякий, кто знал, как прошли пять лет регентства королевы, сможет лишь удивляться такому быстрому изменению обстановки, возникновению смуты и беспорядков, которые длились до конца 1652 года». Маршал не случайно упомянул имя Ришелье – он, безусловно, был прав, подчеркивая глубокую преемственность между двумя кардинальскими правлениями, не углубляясь в их не менее существенные различия. Именно эта преемственность во многом объясняет события Фронды. Когда Джулио Мазарини должен был противостоять – в 1643 году на равных, а с 1648 по 1652 год – в самых сложных условиях самым блестящим представителям французской аристократии и, более того, старой и закосневшей бюрократии, не являлся ли он тогда для восставших тем перевоплощенным Ришелье, которому отомстить было легче? Ведь противник с виду выглядел слабее, нежели великий министр Людовика XIII.

Знаете ли вы, какая разница
Существует между Его Преосвященством
И покойным господином кардиналом?
Ответ готов:
Один вел в поводу свое животное,
А другой сидит на нем верхом.

Такой пасквиль на Мазарини распространяло окружение претендента на трон Гастона Орлеанского еще до начала Фронды.

Внешняя война сменилась внутренней, гражданской. Фронда продолжалась целых пять лет и делилась на два этапа. Первый (1648—1649) назывался «парламентской Фрондой», потому что движение возглавлял Парижский парламент, получивший благодаря своим лозунгам популярность у измученных войной и поборами жителей королевства. Политическая позиция

парламента выражалась в борьбе с хозяйничаньем финансистов, упразднении интендантов и вообще в наведении порядка в управлении страной.

Парижский парламент не был столь значительным государственным органом, как английский, но являлся одним из важнейших судебных, административных и политических учреждений французской монархии. Как судебное учреждение парламент рассматривал в первой инстанции «королевские дела» (в которых лично был заинтересован король), «привилегированные дела» (дела дворян и высших чиновников), преступления, состоящие в оскорблении Величества, дела принцев крови, герцогов и пэров. Он также судил по различным апелляциям на другие судебные учреждения Франции. Область юрисдикции парламента распространялась примерно на треть территории королевства – центр вокруг Парижа и северо-восток. В остальных провинциях имелись свои парламенты.

Как административное учреждение Парижский парламент распространял свое влияние на все королевство: он контролировал администрацию, университеты, пути сообщения, здравоохранение и т. д. Он имел особые полномочия в делах церкви: наблюдал за дисциплиной клириков, монастырскими реформами, борьбой с ересью, рассматривал злоупотребления церковной юстиции, имел право регистрировать папские буллы. Без этого во Франции постановления папы римского считались недействительными.

Парламент играл значительную роль в жизни столицы, что придавало ему дополнительный политический вес. Парижский муниципалитет находился под его неустанным контролем и являлся подотчетным ему органом. Парламент радел о городском благоустройстве, городских имуществах и финансах, боролся с преступностью, наводнениями, эпидемиями, вникал в проблемы продовольственного снабжения, водоснабжения, канализации, борьбы с нищенством.

Наконец, Парижский парламент обладал важным влиянием в сфере законодательства: издавал собственные указы, давал имеющие силу закона комментарии по спорным вопросам королевского законодательства и обычного права. Особенно важным было его право утверждать королевские эдикты. Ведь в случае их незаконности парламент отказывался их регистрировать, представляя королю письменные протесты – ремонстрации. Парламент считал себя хранителем законов королевства, и столкновения его с правительством, особенно с XV века, были постоянными.

Вне всякого сомнения, король и правительство также имели

средства воздействия на парламент. Любое неповиновение было чревато навлечь королевский гнев на лидеров парламентской оппозиции. Иногда королю приходилось лично являться в парламент, и его слово было решающим.

Но поскольку авторитет парламента был очень высок, чиновничество на местах часто саботировало спорные между королем и парламентом указы. Твердое правительство не раз и не без успеха запрещало парламенту письменные протесты или хотя бы ограничивало право ремонстрации. Но каждый раз это рассматривалось лишь как крайняя мера военного времени, и в конечном счете парламент восстанавливался в своих правах. Так было во времена Людовика XIV, прошедшего хорошую выучку у своего опытного наставника – кардинала Мазарини. В будущем король в совершенстве овладел искусством покорять Парижский парламент уступками кастовым интересам магистратов, угрозами, ссылками и прямым подкупом.

Вот с каким органом пришлось бороться Мазарини на первом этапе Фронды. Кардинал готовился, создавая свой лагерь. Его составляли Верховный совет, интенданты и финансисты. Члены Верховного совета назывались министрами. Сюда входили король, королева (или королева-мать), иногда, в периоды смут, некоторые принцы крови, но главным образом – канцлер, первый министр, сюринтендант финансов и государственные секретари. Сторонники Мазарини были проводниками и приверженцами политики чрезвычайных мер. Но как было поступать иначе в годы войны?

Тогда многие желали прекращения войны и поговаривали о том, что Мазарини ее специально затягивает. Успехи французского оружия приписывались исключительно доблести генералов, поражения объясняли бездарным общим руководством. Джулио Мазарини понимал, что ему надо привлечь в свой лагерь военные силы.

У армии были свои любимцы – например, герцог Энгиенский, ставший после смерти отца в 1646 году именоваться принцем Конде. Первый министр стал ласково относиться к королевским мушкетерам, которых, в отличие от своих гвардейцев, раньше не очень жаловал. Это обстоятельство сразу подметил д'Артаньян: «Я увидел, как его удача шаталась и как он начинал верить, что вскоре ему понадобятся все на свете, он постарался нас подкупить… Этот министр нажил себе бесконечное число врагов гнусной скупостью, что он проявлял в тысяче обстоятельств. Едва освобождалась должность, будь то на войне или где-то еще, не следовало и думать, будто он посчитается со службой либо с

достоинствами, чтобы ее отдать. Тот, кто предлагал ему больше, всегда предпочитался остальным… Что же касается народа, то… он был обременен его эдиктами о новых поборах, и было это правдой или нет, заявляли, якобы он отправлял часть денег, собранных благодаря этим эдиктам, в Италию. Ропот начал подниматься с 1645 года, и, может быть, с этого времени был бы способен привести к весьма нежелательным эффектам, если бы месье принц де Конде не помешал этому своим благоразумием…»

Никаких денег в Италию Джулио не отправлял. Финансы шли на войну, необходимые государственные расходы и, конечно, собственное обогащение. Старый Конде действительно поддерживал первого министра. А вот новый после своих блестящих военных успехов не проявлял к кардиналу того же уважения, как отец. Он возомнил себя великим (он на самом деле будет именоваться Великим Конде) и на этом основании хотел больше власти и почестей, чем реально имел. Принц Конде считал себя вправе жаловаться на первого министра и обвинял его в том, что через год после удачной осады Дюнкерка (1646) кардинал отправил его в Каталонию, не дав никакой передышки. Якобы с целью очернить его славу, Мазарини коварно втянул его в осаду Лериды, где заставил его лично и его армию нуждаться во всем необходимом. Кардинал обошел принца должностью генерал-адмирала, освободившейся в результате смерти павшего в бою герцога де Брезе.

Слава Конде в самом деле беспокоила Мазарини, но ссориться с ним в преддверии предстоящей битвы с парламентом он не хотел. Да и Анна Австрийская симпатизировала молодому принцу. Джулио подавал надежды честолюбцу, обещая ему жезл маршала Франции в случае удачного окончания кампании 1648 года. Пока же Конде был полностью поглощен войной с испанцами.

«Мир – наибольшее из благ. Война – худшее на свете зло», – писал известный французский философ того времени Блез Паскаль. Джулио Мазарини не сходил с финишной прямой Тридцатилетней войны. И поплатился за это. Он всегда исходил из того, что идет война и победа в ней зависит не в меньшей степени от финансовых усилий, чем от военных. Первый министр отстаивал полномочия интендантов, понимая, что только они могут обеспечить регулярное поступление налогов. Покровитель финансистов и соучастник их махинаций д'Эмери пользовался особой поддержкой Мазарини.

Парламент придерживался другой точки зрения. Его председатель Барийон уже в 1643 году намекал на то, что финансовое положение можно улучшить, заставив раскошелиться

финансистов, по его мнению, незаконно наживших состояния. Барийон лишь немного забежал вперед… Вопрос о том, кто будет платить за войну, на протяжении 1640-х годов приобретал все большую остроту.

Конечно, Джулио мог бы наказать несколько особенно зарвавшихся финансистов, но понимал, что на место старого финансиста придет новый и будет грабить с еще большим рвением, чем прежний. Между тем многие старые финансисты были преданы кардиналу.

Традиционно соображения собственной безопасности вынуждали королевскую администрацию не обременять налогами население Парижа, соблюдать все свободы и привилегии столицы. Но летом 1644 года тяжелейший финансовый кризис вынудил генерального контролера финансов д'Эмери обложить налогом всех владельцев домов в пригородах Парижа. В парламент посыпались жалобы, на улицах стали собираться возмущенные толпы. И затея была оставлена.

В августе того же года д'Эмери предложил обложить налогом наиболее богатых и уважаемых горожан. Парламент дал санкцию лишь на обложение финансистов. В ответ денежные воротилы на аудиенции у королевы дали понять, что если правительство отступится от них, они остановят выплату ренты и прекратят финансовые операции. Одновременно было указано на то, чего так опасался Мазарини в своих инструкциях Бельевру: один из финансистов Ла Ральер призвал задуматься о примере Англии. Выступление было слишком дерзким – Анна Австрийская не на шутку разгневалась. Джулио был осторожен и пошел на попятную: закон пришлось утопить в юридической казуистике.

Зимой 1647/48 года в связи со значительным ухудшением военно-политической ситуации потребовалось вновь увеличить расходы на войну. Это происходило в обстановке, когда Парижский парламент и другие верховные суды блокировали финансовую политику правительства, а финансисты теряли доверие к казне и самому Мазарини: все неохотнее предоставляли займы, все выше поднимали ссудный процент. Многие толстосумы вложили свои капиталы в землю для приобретения статуса дворянина и боялись разориться. Даже преданный ранее кардиналу д'Эмери вызвал к себе недоверие первого министра, устроив без его ведома аудиенцию у королевы для государственных кредиторов.

Джулио по-настоящему испугался, но и сама Анна Австрийская испугалась раньше его. Им обоим предстояло перенести еще очень много трудностей. Последние же нарастали как снежный ком с каждым днем. Внутригосударственные

конфликты приводили к усилению корпоративной солидарности магистратов Парижского парламента. Параллельно в Верховном совете, этом преданном короне органе, нарастали трения. Все искали выход из непрерывно усложнявшейся обстановки.

В конце 1647 года истек срок договора на аренду должностей магистратов суверенных судов Парижа, в том числе и парламента. Обычно чиновник, занимающий определенную должность, продолжал занимать ее и дальше, уплатив полетту – сбор, гарантировавший наследственность должностей. Этим воспользовались первый министр и сюринтендант финансов, чтобы сломить сопротивление парламента. Они решили отменить полетту и этим надавить на магистратов. Одновременно Мазарини посчитал необходимым провести королевское заседание и на нем утвердить шесть эдиктов об обеспечении поступления дополнительных средств в казну. Джулио предложил обложить налогом имущества отчужденного королевского домена, продавать новые должности в ведомстве канцлера, ввести повышенный тариф на ввоз продовольствия в Париж, пустить в продажу новые полицейские должности в провинции, создать двенадцать дополнительных должностей докладчиков Государственного совета.

Такова была монаршая воля. Формально магистраты не смели ей противиться. 15 января 1648 года состоялось королевское заседание по вопросам, поднятым первым министром, на котором была высказана резкая критика политики правительства. Присутствующие спорили очень долго, и десятилетний Людовик XIV, желая сходить в туалет, беспомощно ерзал на троне. В это время генеральный адвокат Омер Талон говорил королю: «Мы должны признаться Вашему Величеству, что одержанные в войне победы ничуть не уменьшают нищеты Ваших подданных, что имеются целые провинции, в которых людям нечего есть, кроме хлеба, овса и отрубей… Все провинции обеднели и истощились… ради того, чтобы Париж, а точнее, горстка избранных купалась в роскоши. Обложили налогами все, что можно себе представить. Сир, Вашим подданным остались только их души, но и души, если б они продавались, давно были бы уже пущены с молотка… Подобное деспотическое управление подошло бы варварам, тем народам, у которых и человеческого разве что лица, но только не Франции, которая всегда была самой цивилизованной страной в мире, а ее жители всегда считались свободными людьми». Эти слова, как стрелы, были пущены прямо в Мазарини.

Текст речи Талона стал широко известен, он предвосхитил появление впоследствии так называемых «мазаринад» –

памфлетов и песенок, публиковавшихся в больших количествах против кардинала и его сторонников. Речь была издана большим тиражом и стала распространяться по всей Франции «с целью возмущения умов». Так с негодованием сообщил Талону Мазарини, специально вызывавший его по этому поводу.

После этого отношения между Верховным советом и Парижским парламентом, и так далеко не гладкие, стали стремительно ухудшаться. Чиновники осмелились нарушить установленный порядок и вновь стали рассматривать уже утвержденные во время королевского заседания эдикты.

При дворе заговорили о нанесении ущерба могуществу и власти короля. Безусловно, ни о каком могуществе десятилетнего Людовика не могло пока идти и речи. Речь шла о могуществе прежде всего самой королевской власти как символа. Мазарини, не стесняясь присутствия немного растерянной Анны Австрийской, нервно и в течение долгого времени мерил шагами свой кабинет, выговаривая целые тирады в адрес непослушного парламента.

Немного испугавшись собственной смелости, магистраты выпустили несколько деклараций о верности королю. Мы не знаем, были ли эти декларации искренними, ибо Анна прямо поставила в письменном виде вопрос парламентариям, имеют ли те право противиться королевской воле. Ответа так и не поступило. Протестуя, магистраты не могли ответить, в силу того что парламент был инструментом и порождением королевской власти. Власть и особа короля для парламента должны были быть священны и не подвергаться сомнению. Время революции во Франции еще не наступило, и обсуждать подобного рода вопрос казалось святотатством.

Конфликт развивался. Парламент обвинял именно Его Преосвященство в разжигании беспорядков в государстве ради его личных интересов. Магистраты обвиняли сторонников кардинала в многочисленных взятках, для искоренения которых настоятельно требовали уголовного процесса против них вплоть до окончательного обвинительного приговора.

И вот наступил роковой день – 13 мая. Испуганный первый министр решил во многом отступить. Вообще его политика по отношению к оппозиции казалась колеблющейся и непоследовательной. Карательно-запретительные меры тут же блокировались нежеланием начинать гражданскую войну накануне заключения Вестфальского мира. Ведь осталось так немного времени…

Медлить с миром было опасно. Тогда же, 13 мая, парламент издал и другой документ: приглашение европейским суверенам

объединиться с целью помочь в реформировании их собственного государства. Это уже попахивало явным предательством интересов Франции. Двумя месяцами позже, 3 августа 1648 года, Сервьен писал, что он твердо уверен в связях между врагами Мазарини во Франции и врагами Франции в Европе. Посланник кардинала на конгрессе никак не мог понять, кто из дипломатов оказался способен информировать противника за шесть месяцев до начала французской смуты о том, что она произойдет. Под противником в первую очередь подразумевалась Испания, с которой фрондеры в будущем охотно станут сотрудничать.

Поначалу по инициативе первого министра решено было в отношении парламентариев действовать запугивающе. Канцлер Сегье выступил с протестом, заявив, что создание суверенного от власти органа без согласия самой законной власти представляет собой опасность и носит предосудительный характер в отношении общественного порядка и управления королевством.

Такая тактика не подействовала, и Мазарини перешел к репрессивным мерам. 18 мая полетта была отменена для всех без исключения верховных судов. Несколько незначительных парламентариев были даже арестованы. Но желаемого эффекта это не произвело. Обстановка в Париже накалялась. Все более смелела чернь, требовавшая «пожалеть бедный угнетенный народ», а на тесных улочках столицы частенько можно было услышать, как возчики ругали прозвищем «мазарини» заупрямившуюся лошадь.

Тогда Джулио пришлось временно сдаться. Он ушел в тень, вплотную занявшись дипломатическими проблемами. С его согласия герцог Орлеанский разрешил восстановить полетту для всех высших судов, освободить арестованных и разрешил другие поблажки, означавшие восстановление статус-кво.

Но подобное отступление лишь усилило натиск парламента. В принципе обе стороны уже перешагнули грань, отделявшую мир от войны. И если одна из них хотела сделать шаг назад, два шага вперед, то другая решительно шагала только вперед. 10 июня на заседании Королевского совета Людовик XIV кассировал «акт единства» от 13 мая. В ответ парламент провел его повторное утверждение. Правительство было вынуждено окончательно капитулировать, дав разрешение на проведение совместных заседаний делегаций от всех суверенных судов Парижа.

16 июня 1648 года начались заседания в палате Святого Людовика. Депутация парламента, торжественно шествовавшая в этот день на первое заседание, была окружена ореолом победителей. Ее с восторгом приветствовала и сопровождала толпа парижан.

С 30 июня по 10 июля палата выработала и представила на рассмотрение королевы декларацию из двадцати семи пунктов, содержавшую предложение государственной реформы. В этом документе провозглашались неприкосновенность личности и имущества; заключение без следствия ограничивалось сутками; выдвигались требования отзыва из провинций всех интендантов, отмены системы откупа налогов; предлагалось на четверть уменьшить самый тяжелый налог – талью; освободить всех заключенных в тюрьму за неуплату долгов; создать палату правосудия для расследования незаконной деятельности финансистов; запрещалось также без согласия парламента учреждать новые должности и вводить новые налоги. 9 июля получил отставку человек Мазарини – сюринтендант финансов д 'Эмери. 11 июля было объявлено об отзыве из округа Парижского парламента почти всех интендантов, о сокращении тальи на *1/%* и отмене недоимок по всем налогам. 13 июля парламентом было обещано создание палат правосудия для суда над финансистами; 18 июля решение об отзыве интендантов было распространено на все королевство; 20 июля магистраты взяли в свои руки утверждение эдиктов короля о налогообложении.

Все происходило исключительно быстро. Уже 31 июля королевской декларацией были утверждены все предложения и действия палаты Людовика Святого. Исключение составлял только пункт о запрете «Lettre de cachet» (запечатанных писем) – чрезвычайных указов короля, в том числе и об аресте того или иного лица. Эти письма не подлежали обычной процедуре регистрации в парламенте. Но в качестве своего условия декларация Людовика XIV (над этим пунктом очень тщательно и долго размышлял Мазарини) выдвигала требование роспуска палаты и возвращения парламента в свое обычное рабочее состояние. 1 августа парламент приступил к обсуждению королевской декларации.

В этой обстановке в Париж пришло известие о блестящей победе французской армии под командованием принца Конде над испанцами при Лансе 20 августа 1648 года. «Ну, теперь я задам этим болтунам хорошую трепку», – злорадно и радостно подумал Джулио, едва услышав об этом. Он явно переоценил силы. Как пишет об этом Ларошфуко, «кардинал, окрыленный столь крупным успехом, задумал использовать его не столько против врагов государства, сколько против самого государства, и, вместо того чтобы извлечь выгоды из этой победы тут же во Фландрии, он обратил все свои помыслы только на то, как бы отомстить парламенту».

Ларошфуко, конечно, был резок. Но, надо признаться,

кардинал очень рассчитывал на поддержку молодого принца Конде, с которым незадолго до проведения этой военной кампании помирился. Они взаимно пообещали не ссориться в будущем и скрепили это обещание большим застольем, данным в их честь маршалом де Граммоном, общим другом как одного, так и другого. Все знают цену обещаниям, но даже самые хитрые и дальновидные люди нередко обманываются на сей счет. Ведь так хочется верить в собственную победу!

Вера Мазарини в успех своего предприятия реально опиралась на имеющиеся у него ум, деньги, авторитет в Королевском совете, любовь и поддержку королевы и блистательные дипломатические успехи за границей. Ведь для всей Европы Франция – это прежде всего ее первый министр, которого уважали, ценили и боялись. Кардинал полагал, что успехи французского оружия – это успехи «его оружия» и они удержат народ и парламент в повиновении и страхе. Поддерживаемый во всем Анной Австрийской, первый министр решил открыто перейти в контрнаступление. 26 августа 1648 года должен был состояться торжественный благодарственный молебен в соборе Нотр-Дам в честь одержанной французами победы. Накануне этого дня Мазарини отдал приказ об аресте президентов парламента Бланмениля и Шартона, а также советника Большой палаты семидесятитрехлетнего Брусселя.

Удар был достаточно дерзок, поскольку означал нанесение оскорбления не только населению Парижа, считавшего Брусселя своим покровителем, но еще и парламенту. Чиновники могли усмотреть в этом покушение на собственную свободу. Старый советник пользовался большой популярностью у парижан. Считалось, что он вел скромный образ жизни, жил с семьей на небольшую ренту на улице Сен-Ландри, нередко покровительствовал обиженным. Но существовало и другое мнение: «Он скрывал громадную амбицию под фальшивым рвением к общественному благу. Так как он не мог похвастаться своей удачей… он задумал исправить ее, заставив себя бояться. Ради этой цели он демонстрировал при всех обстоятельствах горячую любовь к народу. Он разговаривал с одними и с другими запанибрата и заявлял, будто кардинал, дабы помешать ему взять их под свое покровительство, вскоре передаст ему словечко на ухо». Впрочем, обе характеристики не так уж и разнятся – возможно, Брюссель был типичнейшим популистом.

Торжественная служба шла своим ходом… Однако лейтенант охраны королевы Комменж не последовал, как обычно, за ней в церковь, а остался на паперти. Члены парламента заметили это и заподозрили неладное, уже давно чувствуя скрытую угрозу.

Шартон поспешил покинуть мессу и таким образом избежал ареста. Был схвачен только Бланмениль. Бруссель в этот день не участвовал в торжествах, и его пришлось арестовывать на дому.

Незаметно старика взять не удалось: преданная служанка советника и его лакей подняли крик. На колокольне ближайшей от дома Брусселя церкви неизвестные люди ударили в набат. Народ попытался отбить арестованного, но ему это не удалось. С огромным трудом Комменж вывез Брусселя из Парижа.

Французская столица стала стихийно и быстро покрываться баррикадами. Горожане взялись за оружие. В течение короткого времени восставшие соорудили более тысячи двухсот баррикад и перегородили ими многие улицы. Канцлер Сегье, спасаясь от их ярости, укрылся в особняке де Люиня. Маршал Ламейре, посланный восстановить порядок ради спасения канцлера, был вместе с несколькими ротами королевских гвардейцев окружен толпой и с трудом вернулся во дворец. Улицы перегородили цепями, баррикады выросли на всем протяжении от собора Нотр-Дам до дворца Пале-Рояль. Джулио приказал усилить охрану Пале-Рояля, поскольку ни он, ни Людовик, ни Анна не ощущали себя в безопасности.

Взялась за оружие и милиция – где из сочувствия к восстанию, где из опасений, как бы народ не стал громить дома состоятельных людей, а иногда и под прямым давлением горожан. Чтобы не потерять контроль над восставшими, муниципалитет Парижа призвал их к оружию.

А парламент послал депутацию во дворец требовать освобождения арестованных в день торжественной мессы. Магистраты величественно шествовали через весь город под восторженные возгласы восставших и просто любопытных зевак. Услышав о приближающемся шествии, Джулио поначалу растерялся, в то время как Анна сохраняла удивительное хладнокровие. Что ж, они прекрасно дополняли друг друга. Аудиенция у королевы была очень краткой. Она даже не дослушала речь о положении в Париже, прервав выступавшего на полуслове:

– Я знаю, что в городе шум, и вы мне за это ответите. Вы, господа члены парламента, ваши жены и ваши дети.

А на просьбу парламентариев освободить Брусселя регентша не задумываясь воскликнула:

– Я скорее задушу его, чем выпущу!

Удаляясь, Анна Австрийская хлопнула дверью. Такое неповиновение гордая женщина видела впервые.

Забегая на сто пятьдесят лет вперед, заметим, что во времена Французской революции тоже была такая женщина – королева-

австриячка Мария-Антуанетта. Ее голубая кровь и высокое происхождение, очевидно, не выносили подобных вещей. Она тоже многого не понимала и за это жестоко поплатилась. С потерей головы на гильотине ею и ее мужем Людовиком XVI рухнул Старый порядок, который так трудно, кропотливо и долго создавался двумя кардиналами – Ришелье и Мазарини.

Более простой Джулио все понимал. Оправившись от растерянности, он поспешил несколько сгладить резкость королевы и предложил освободить Брусселя и его коллег в обмен на обязательство парламента прекратить заседания. Президент парламента Матье Моле не спешил соглашаться и сказал, что необходимо обсудить это предложение в более спокойной обстановке. Затем делегация двинулась обратно к Дворцу правосудия.

Тут выявилось то, что впоследствии спасло и Мазарини, и французскую монархию в целом – несогласованность действий и желаний восставших фрондеров. Возвращавшиеся ни с чем депутаты были освистаны народом, их останавливали на каждом шагу. Один подручный торговца мясом даже приставил алебарду к животу Моле и сказал президенту парламента: «Возвращайся, предатель! Если не хочешь, чтобы с тобой разделались, возврати Брусселя или хотя бы отдай нам в заложники Мазарини и канцлера». Тут же чья-то рука схватила президента за шиворот, началась всеобщая свалка. Сильно не пострадав, магистраты разбежались врассыпную.

Моле двинулся обратно в Пале-Рояль и доложил обо всем происшедшем первому министру и герцогу Орлеанскому. Те поняли, что арестованных надо выпустить немедленно. Затем Джулио с трудом уломал все еще возмущавшуюся Анну Австрийскую, и королева была вынуждена распорядиться освободить арестованных. Но волнения не прекратились, и в городе стали разбирать баррикады лишь тогда, когда Брюссель вновь занял свое место на парламентской скамье. Это было 28 августа. Правда, вечером того же дня пошел слух, будто в Пале-Рояль привезли огромный запас пороха – наверняка проигравшая королева распорядится стрелять в народ. Вооруженная толпа опять окружила дворец. С большим трудом восставших удалось убедить, что они ошибаются. И только тогда восстание окончательно прекратилось, хотя бунтовщические настроения не рассеялись.

Интересно, что уже во время этого первого восстания среди горожан не был популярен лозунг «Да здравствует король!», его заменил другой – «Да здравствует Брюссель!». Самого же первого министра несколько человек серьезно намеревались убить. Но

шпионы кардинала и люди его охраны без устали бродили по баррикадам, слушали разговоры, ели и пили с восставшими, узнавая очень много. Все убийцы были вовремя разоблачены.

Именно после «Дня баррикад» в Париже появились первые настоящие «мазаринады» – оскорбительные для королевского достоинства листовки и пасквили. Повсюду в городе плебс распевал скабрезные песенки про любовь дамы Анны к кавалеру Мазарини. В них первого министра обвиняли во всех смертных грехах: он нарушает старинные свободы, транжирит казенные деньги, покровительствует ненавистным финансистам…

Но не только песенки докучали двум высокопоставленным любовникам. День ото дня на всем протяжении Фронды как грибы после дождя появлялись сатиры и даже целые политические пьесы. В них высмеивались не только Анна и Джулио, но и Гастон Орлеанский, принц Конде, коадъютор Парижа де Рец… Настоящие остроумцы, среди которых находились Сирано де Бержерак и Поль Скаррон, зло и искусно обыгрывали в них итальянский акцент первого министра, нищету народа, проклятия, адресованные Мазарини, угрозы его финансистам и приспешникам. Нередко эти «произведения» создавались их авторами с целью приобретения особой популярности. Многие «мазаринады» Поля Скаррона были скорее неприличными, чем остроумными:

Козел вонюч, козел смердящ,
Козел и мерзок, и ледащ,
Козел косматый, козел зобат,
Козел хитер и вороват,
Козел – бесстыжие глаза,
Ему что мальчик, что коза,
Козел и этой, и тому,
И всей стране забьет в корму.
Беги его, богат и нищ —
Козел козлее всех козлищ…

Подобные вещи приветствовались противниками Мазарини. В ряде стихов кардиналу приписывалась бисексуальность (якобы он обожал мальчиков), хотя сегодня большинством историков этот факт отрицается. На какой только вымысел порой не идут политические враги! Очень многие поплатились за это после Фронды не только падением своей популярности: Скаррон, например, лишился пенсии и был вынужден доживать оставшиеся несколько лет в провинции. Тем не менее нет худа без добра – его весьма привлекательная вдова, Франсуаза Скаррон, претерпев

лишения и практически оставшись без средств к существованию, вынуждена была по протекции стать воспитательницей незаконных детей Людовика XIV от его фаворитки Атенаис де Монтеспан. Изрядно устав от буйного нрава своей любовницы, Людовик настолько сблизился с красивой и умной воспитательницей, что она довольно скоро заменила ему Монтеспан, а после смерти его официальной супруги стала некоронованной королевой Франции. То была знаменитая мадам де Ментенон.

А в Париже толпы разносчиков с утра до позднего вечера выкрикивали названия анонимных сатирических листков, которые можно было купить в лавке аптекаря, в театре, даже у церковных ворот и конечно же возле Нового моста. Число листков достигало шести тысяч, а их издание, предпринятое в XIX веке, заняло пять томов.

Мазарини не оставался в долгу. Вообще для него при всей осторожности и зачастую показной трусости было характерно стремление бороться до конца, даже идти на политический риск. Как многие политики всех времен, первый министр не остался равнодушен к всевозможным писаниям против него, его сторонников и королевы. Он не жалел солидных сумм из государственной казны для Теофраста Ренодо, выпускавшего официозную государственную «Газетт», основанную еще при Ришелье. Библиотекарь Мазарини Габриэль Ноде получил задание написать опровержение на антиправительственные пасквили.

Но только к концу парламентской Фронды одного парижского типографа приговорили к смертной казни через повешение за памфлет под названием «Полог кровати королевы, который рассказал все…». Любое терпение когда-нибудь лопается… В день казни на Гревской площади собралась немалая толпа. Типограф не растерялся, стал взывать о помощи и кричать, что его хотят повесить за стихи против Мазарини. Благодаря этой своей находчивости он вновь обрел свободу – парижане буквально вырвали его из рук палача.

Джулио Мазарини не оставил мемуаров, как его предшественник. Но у него была записная книжка, о существовании которой никто толком не знал. До настоящего времени сохранились лишь ее фрагменты. В нее кардинал заносил самое сокровенное: характеризовал различных людей, набрасывал планы своих дальнейших действий. В конце августа 1648 года он записал следующее: «Необходимо во что бы то ни стало вернуть власть и вознести ее выше, чем она была… В противном случае остается только ожидать полного краха,

смириться с тем, что мы станем столь же смертными и презренными, сколь до сих пор были уважаемыми и внушавшими страх».

Первый министр считал, что главные его враги на пути к укреплению власти – отнюдь не простонародье и состоятельные горожане, несмотря на все их бунты и проявления непокорности. Как бы ни бушевало вокруг народное пламя, он знал ему истинную цену. Он словно смотрел в будущее. Кардинал всегда выискивал в любом антиправительственном акте козни вельмож и государственных сановников, прекрасно сознавая, что они завидуют его положению и презирают его происхождение.

События 26—27 августа показались кардиналу делом рук государственного секретаря Шавиньи, восстановленного на своем посту, но не забывшего старых обид, и бывшего хранителя печати Шатонефа. Мазарини видел своими глазами, как Шавиньи убеждал членов Верховного совета в необходимости жестких мер по отношению к парламенту. Более того, при помощи герцога Орлеанского он наводил Анну Австрийскую на мысль о необходимости ареста наиболее оппозиционных чиновников. Анна выслушивала Гастона и часто соглашалась. Женское сердце мягкое – ведь когда-то они вместе участвовали в заговорах против Ришелье, и он в случае успеха одного из этих заговоров мог стать ее мужем…

Но прежде всего следовало расправиться с Парижским парламентом, лишить его поддержки горожан – уже было заметно, что народ может быстро отворачиваться от своих вожаков. Задача не представлялась Мазарини сложной – «нет ничего более ненадежного, чем привязанность этого многоголового зверя». Кардинал рассуждал, что народ уповает на освобождение от налогов и поэтому защищает Брусселя и парламент. Но если парижане узнают, что король собирается наказать их за поддержку парламента, то могут отвернуться от прежних кумиров. Первым ударом станет отъезд Людовика XIV из Парижа.

Записано – сделано. Уже 20 сентября Мазарини, юный король и Анна Австрийская отсутствовали в столице. Они поодиночке переехали в Рюэль, бывшую резиденцию Ришелье. Там Анна и Джулио приступили к решительным действиям. Намозоливший глаза Шавиньи был заключен в Венсеннский замок, Шатонеф отправлен в изгнание. Одновременно агенты Мазарини распустили слухи о том, что двор собирается переехать в Тур, а Париж будет осажден. Энергию кардинала подогревало также известие о бегстве из заключения герцога де Бофора.

Сначала отъезд королевской семьи вызвал в столице растерянность, но затем в парламенте впервые раздались открытые выступления против Мазарини. На свет божий вытянули историю о правлении любимца королевы Марии Медичи Кончино Кончини, в связи с чем вспомнили о постановлении 1617 года, запрещавшем иностранцам занимать пост министра во Франции. Особенно это касалось выходцев из Италии. Однако выступления против кардинала лишь сотрясали воздух. На прямую конфронтацию с правительством парламент идти не желал.

В результате парламентарии выразили покорнейшую просьбу к регентше вернуться вместе с королем в Париж и продемонстрировать народу свое расположение. Здесь же высказывалось пожелание об участии в заседаниях парламента герцога Орлеанского и принцев Конде и Конти.

Волновавшаяся за себя, своего сына и Джулио, Анна была в ярости. Постановление парламента было кассировано королем, а вернувшемуся с театра военных действий принцу Конде королева предложила при помощи четырехтысячной армии просто захватить Париж. Мазарини опять ушел в тень.

С военной точки зрения предложение Анны Австрийской о захвате столицы было нереальным. Верховный совет, Конде и Мазарини предпочли переговоры. Началось обсуждение декларации палаты Людовика Святого. Анна упорствовала и особенно возражала против пункта о тактическом запрещении превентивных арестов и ограничения двадцатью четырьмя часами заключения без суда. Такие требования, по мнению королевы, низводили бы власть монарха до нуля. По-видимому, дело шло к срыву переговоров.

Сколько часов провел тогда Джулио в покоях королевы, сколько его нежных ласк и уговоров испытала на себе Анна! Несколько дней кардинал вообще не показывался на людях, прекратил приемы. Как истинный дипломат, он убеждал Анну пойти на утверждение декларации. Ведь ее, в сущности, можно вовсе не выполнять.

В итоге в обстановке постоянных волнений все пункты декларации – «27 статей» – были подписаны королевой и обрели силу закона. Были запрещены произвольные аресты, хотя это положение уже не касалось всех французских подданных, а только чиновников. Талью сократили на 20 процентов, что составило 10 миллионов ливров, а косвенные налоги были уменьшены на 5 миллионов. Декларация отменяла все данные частным лицам торговые привилегии.

Означало ли принятие декларации победу парламента и

поражение Мазарини? Ни то ни другое. Парламентарии остались довольны достигнутым новым порядком, теперь его надо было охранять. Это оказалось не совсем просто. Фактически чиновники уже выдохлись, их силы и способность бунтовать были на исходе. Палата Людовика Святого была распущена еще в конце лета. Парламентарии желали отдохнуть и не хотели слишком подогревать чаяния народа – их сила и богатство все же заключались в короле.

В борьбе Мазарини с парламентом можно найти поразительный парадокс. Ни та ни другая сторона, несмотря на всепоглощающую ненависть друг к другу, не была абсолютно консервативной в борьбе. Первый министр защищал то, что было необходимо Франции в тот момент для ее дальнейшего развития, – государственную целостность, централизацию власти и абсолютную монархию. Кроме того, Мазарини защищал институт интендантов как прообраз чиновничества современного типа, хотя это и не совсем точно. А парламент своими требованиями готовил почву для будущих идей Просвещения XVIII века, идей разделения властей и подотчетности исполнительной власти. Фактически это были ранне-буржуазные правовые взгляды.

Так или иначе, но Джулио Мазарини не собирался мириться с условиями декларации 22 октября и при первой же возможности стремился разгромить парламентскую Фронду. Но сейчас кардиналу нужна была передышка для завершения важнейшего дела – только от него зависело формальное окончание Тридцатилетней войны. В Мюнстере его решений с нетерпением ждали. Первому министру Франции нужен был сейчас временный мир для мира всеобщего.

Мир, война и Сен-Жермен

Опытом люди называют свои ошибки.

Оскар Уайльд

Джулио Мазарини по праву гордился тем, что он человек многоопытный. Он умел верно оценить ситуацию и найти наиболее приемлемый выход. Вся его жизнь показывает, что Мазарини был прежде всего выдающимся дипломатом своего времени. Но опыт первого министра Франции обозначился не только успехами, но и ошибками. Парадоксы Фронды состояли в том, что было безусловно трудно предугадать развитие событий во Французском королевстве.

Но прежде необходимо было обеспечить стабильность международного положения. Джулио очень надеялся, что заключение долгожданного мира стабилизирует внутреннюю обстановку и придаст ему хоть часть того авторитета, который он имел за рубежом. Ларошфуко писал: «Кардинал до сих пор получал удовольствие от поддержания войны и, дабы легче добиться такой цели, просто не предпринимал необходимых усилий для ее завершения; теперь он изменил политику. Едва он увидел баррикады Парижа, как оценил, насколько был ненавидим и какой опасностью могло бы ему грозить возбуждение нового бунта… Заинтересованность – это яд, что обычно коррумпирует большинство министров… аппетит приходил к нему по мере того, как он становился хозяином великого королевства; он не думал больше ни о чем, кроме как ловить рыбку в мутной воде, дабы возвыситься не только над своим положением, но еще и над всеми своими надеждами. Для этого, пока он громогласно трубил о своих добрых устремлениях к миру и для доказательства таковых ссылался на отправку полномочных министров, он посылал одному из них секретные приказы порождать там непреодолимые препятствия… Но, наконец, грозившая ему опасность заставила его увидеть необходимость договориться о мире с иностранцами, чтобы получить возможность защищаться от внутренних врагов… Кардинал… утешался сознанием того, что каждый узнает, сколько им приложено стараний, чтобы сделать мир всеобщим».

Вестфальский мир с французской стороны был подписан Абелем Сервьеном 24 октября 1648 года. Но это событие радикально не изменило общественного мнения во Франции.

Когда начали появляться первые «мазаринады», одним из самых популярных и читаемых изданий стал «Курьер времени». Его автором был Антуан де Фуке-Круасси, правая рука одного из способнейших дипломатов Мазарини – д'Аво. Важной темой «Курьера» была детальная критика решений кардинала Мазарини, «чтобы сделать войну бесконечной». Это издание поддерживал Шавиньи, который не брезговал любым случаем, чтобы уколоть первого министра. После заключения мира в Вестфалии Шавиньи с сарказмом заметил: «Если кардинал не хотел заключать мир, он был хитер, а если желал его заключить, то был некомпетентным». Величайшей дипломатической ошибкой Мазарини Шавиньи считал позицию и просчеты в голландском и испанском вопросах.

Но решить эти проблемы сейчас кардинал просто не успевал. Поспешное заключение мира мучило и его самого. Мучило всю жизнь – ведь Джулио так стремился хорошо выглядеть в глазах потомков. Еще в 1646 году он предполагал непременно заставить Мадрид пойти на заключение мира и отхватить у Испании Каталонию и ряд других областей – то есть все то, что не вошло в состав французской территории по Пиренейскому миру 1559 года. Наверное, именно поэтому во Франции не отмечают юбилейную дату со дня заключения Вестфальского мира столь торжественно, как в Германии.

И все-таки Мазарини было сделано в тех условиях все возможное, чтобы обеспечить на долгие годы политическую гегемонию Франции в Европе. Мог ли он тогда сделать больше?

Как оказалось, мирные договоры в Мюнстере и Оснабрюке не разрешили абсолютно всех политических, конфессиональных и чисто финансовых проблем. Военные действия на континенте фактически продолжались еще в течение двух лет. Имперские войска продолжали осаду Майнца, находившегося на землях Максимилиана Баварского, переметнувшегося в самом конце войны на сторону французов и обещавшего поддерживать Мазарини в борьбе против мятежников-фрондеров. Многие делегаты Вестфальского конгресса вновь собрались в конце 1648 года в Нюрнберге по вопросам оплаты военной службы наемников всех армий, а также финансовой компенсации за произведенные этими армиями на землях других государств разрушения. В основном, конечно, немецких. Конгресс в Нюрнберге продолжался до июля 1651 года, испанские гарнизоны оставались в Германии до 1653 года, а шведские войска – вплоть до 1654 года.

Но главным внешним беспокойством для Франции, и прежде всего для Мазарини, было то, что война с Испанией продолжалась, под другими небесами и с меньшим успехом. Конца ей видно не было. На 1650 год Филипп IV запланировал

отобрать у Франции стратегически важный прибрежный город-порт Дюнкерк. Недаром разъяренный граф Пеньяранда улизнул с Вестфальского конгресса – Мадрид совсем не желал признавать себя побежденным. И хотя его слабые потуги во многом были блефом, подобной ситуацией могли вполне воспользоваться внутренние враги кардинала. Они не преминули это сделать.

Для претворения в жизнь нового порядка, выдвинутого лидерами парламента, тоже прежде всего необходим был мир. Однако вопросы войны и мира во Французском королевстве никогда не входили в компетенцию парламента. Тем временем французские армии сконцентрировались на границах владений испанских Габсбургов: в Испанских Нидерландах, испанской территории в Италии, и даже на каталонских землях, где французы продолжали оказывать помощь жаждущим независимости восставшим каталонцам. Но в отличие от Португалии они не получили независимости и по сей день. Возможно, глядя на мир сейчас, это было к лучшему. Тогда же Париж, поддерживая каталонцев, преследовал, конечно, свои цели, невзирая на хроническое отсутствие денег для их осуществления.

Поскольку наладить регулярное снабжение этих армий представлялось невозможным, их командирам пришлось по большей части рассчитывать на самоснабжение. Это старый проверенный способ ведения войны, широко использовавшийся еще Альбрехтом Валленштейном, – откровенный грабеж населения в тех местностях, где эти армии были расквартированы. Крестьянам нечем было особо делиться. Поэтому применялись изощренные пытки и насилия, а попытки сопротивления беспощадно подавлялись. Вплоть до окончания Фронды эта практика стала основным методом снабжения всех армий. Запрещавшие ее постановления Парижского парламента оставались гласом вопиющего в пустыне и только демонстрировали неэффективность парламентского «правления». Подобные постановления принимались уже с декабря 1648 года.

Все это тут же принимал к своему сведению первый министр. Он давно имел личную позицию: враги его государства – его враги. Верх искусной политики состоит в том, чтобы распознать и использовать решающий момент. Джулио Мазарини решил, что приближается час разгрома парламентской Фронды. Он отнюдь не собирался мириться с условиями декларации от 22 октября. Теперь, когда международная обстановка прояснилась, хотя и не так, как хотелось бы, он мог пойти и на прямой гражданский конфликт. Конечно, кардинал рассчитывал, что этот конфликт будет коротким и как раз займет армию во время зимнего

перерыва в военных действиях. А пока он, слишком уверенный в своей победе, использовал солдатские деньги для выплаты процентов своему банкиру и банкиру принца Конде. Мазарини понимал, кто может оказаться его главным союзником в разгроме парламентского сопротивления.

Союзник кардинала был очень ненадежным. Еще во время «Дня баррикад» Конде высказался: «Мазарини… если не принять мер, погубит государство. Парламент слишком торопится… Он несется очертя голову, и, вздумай я броситься вслед за ним, я мог бы устроить свои дела лучше, нежели он свои, однако меня зовут Луи де Бурбон и я не намерен расшатывать устои трона. Неужто оголтелые судейские колпаки поклялись вынудить меня начать гражданскую войну или придушить их самих, навязав себе и им на голову нищего сицилианца, который в конце концов перевешает нас всех?»

Парламентские лидеры уже давно подбирались к победителю испанской армии. Но тот верно тогда оценил обстановку и способности самого Мазарини. Великий Конде прежде всего придерживался принципов легитимной монархии и, как истый аристократ, свысока смотрел на «новых дворян» – чиновников-выскочек. Он просто еще не мог привыкнуть к мысли о союзе с ними и рассчитывал перехитрить как парламент, так и первого министра, заняв затем ведущую роль во Французском королевстве.

Тем временем 16 декабря парламент решительно высказался против нарушения финансовой дисциплины со стороны правительства и вызванных этим беспорядков. Лишенные средств к существованию, наемники стали заниматься грабежами и вымогательствами прямо в парижских предместьях.

Но на этот раз парламент задевали не только выходки Мазарини, но и самого Конде. Осознающий свое величие полководец и так с трудом выносил высокомерие «людей мантии», а уж терпеть указания, как и сколько платить собственному войску, вообще не мог. Его молодой возраст, характер и одержанные военные успехи не позволяли ему соединить с бьющей через край энергией терпение. В результате Конде резко ухудшил отношения с парламентскими деятелями и поэтому автоматически сблизился с партией кардинала. Собственно, такова будет позиция Конде и других принцев крови на протяжении всего периода Фронды. Борьба клик вокруг королевского трона превратит трагедию в фарс, в непрерывное сплетение заговоров и мятежей.

В январе 1649 года к партии фрондеров присоединились

принц Конти и когорта старых заговорщиков, активно действовавших еще при покойном кардинале: герцоги Бульон, Бофор, Ларошфуко, Монтрезор, Люинь, Лонгвиль, герцогини де Лонгвиль и де Бульон. Скреплял эту разношерстную коалицию своей неутомимой энергией и безмерным властолюбием заместитель парижского архиепископа коадъютор Поль де Гонди, в будущем кардинал де Рец.

Принц Конти был младшим братом Конде. И, как это часто бывает, безмерно завидовал его успехам. История знает немало примеров, когда личные чувства зависти или неприязни бросали близких родственников по разные стороны баррикад. Принц Конти был очень молод, недалек умом и только вступал в большой свет. «Внешнее благообразие, в котором ему отказала природа, он хотел возместить впечатлением, производимым его остроумием и образом мыслей. Он был слабохарактерным и легкомысленным, но всецело подчинялся госпоже де Лонгвиль…» – так отзывался об этом аристократе Ларошфуко. Арман де Бурбон, принц Конти, родился в 1629 году. Он отличался слабым здоровьем и был от природы горбатым. Тем не менее на протяжении всей своей жизни он пытался догнать старшего брата, обожая при этом свою сестру мадам де Лонгвиль.

Самым же главным лицом в оппозиции кардиналу был коадъютор Гонди. Надо заметить, он был ярчайшей личностью своего времени и имел нечто общее с Мазарини – в его жилах текла итальянская кровь.

Потомок обосновавшихся во Франции еще в XVI веке итальянцев, Поль де Гонди, как младший сын в семье, был предназначен церкви. Но молодому человеку были присущи все земные страсти: он являлся непомерным честолюбцем и большим любителем женщин. Поэтому Поль приложил все свои силы, чтобы избежать сутаны. Когда же эти попытки сорвались, он решил сделать карьеру на духовном поприще. В результате он получил коадъюторство, то есть стал заместителем парижского архиепископа. На этой должности Гонди снискал огромную популярность в народе и затем в Парижском парламенте. Он умел льстить и угрожать: все священники беспрекословно выполняли его приказания, и при дворе у него имелись друзья и единомышленники. Гонди был гордым и надменным, но вместе с тем отличался проницательностью и остроумием, умел быть общительным и казаться бескорыстным. Он часто скрывал от друзей свои мысли и умел изображать добродетели, которых у него не было. Иначе говоря, он был достойным противником Джулио.

Все эти качества коадъютора весьма пригодились, когда

Фронда вернула его к мирским делам. В «День баррикад» он предложил королеве и Мазарини взять на себя посредничество между властью и народом. Пренебрежение, высказанное ему в ответ, смертельно уязвило Гонди. Инстинктивно недолюбливая Мазарини и до этого, теперь он стал в ряды его врагов.

Тем не менее в годы Фронды Гонди попеременно состоял в обоих противоборствующих лагерях, везде проявляя себя дипломатом и интриганом, политиком и авантюристом, демагогом и смельчаком. Впоследствии бурная жизнь привела его в Ватикан и ввергла в борьбу за избрание папы, в которой он потерпел поражение. После долгих лет изгнания ему было разрешено возвратиться во Францию. Но жить ему пришлось в опале, вдали от королевского двора. В политике этот человек оказался побежденным, но зато навсегда внес свое имя в литературу. Пребывая в уединении, он, подобно Ларошфуко, создал свои знаменитые «Мемуары». Но в отличие от герцога парижский коадъютор более подробно описывает события тех дней (в центре этих событий, конечно, предстает фигура самого Гонди) и дает ярчайшие сравнительные характеристики своих современников.

Герцога Ларошфуко Гонди изображает умным интриганом, мягким и уступчивым человеком. С его слов герцог кажется нерешительным, но отличается основательностью суждений. Его «Мемуары» и «Максимы» Гонди преподносит как своеобразный способ оправдаться за свои поступки.

Несмотря на свои разногласия с принцем Конде, коадъютор отозвался о нем в хвалебных тонах. «Принц Конде был рожден полководцем, что можно сказать лишь о нем, о Цезаре и о Спиноле. Он стал вровень с первым и превзошел второго. Бесстрашие – еще не самая главная черта его характера. Природа наделила его великим умом, не уступающим его мужеству». Но, отмечает Гонди, «принцу не внушили с ранних лет те важные начала, какие образуют и развивают то, что зовется последовательностью. Самостоятельно он не успел их вывести, ибо уже в юности опережен был стремительным развитием великих событий и навыком к успеху. Недостаток этот был причиной того, что, обладая от природы душой незлобною, он совершал несправедливости; обладая отвагою Александра[3], подобно ему не был чужд слабости; обладая замечательным умом, действовал неосмотрительно… Он не сумел возвыситься до своих дарований, и это уже недостаток, но все равно он велик, он прекрасен». Гонди, конечно, не замечал собственной непоследовательности и того, что и он не сумел возвыситься до своих дарований. Но мы увидим дальше, прав или не прав был

парижский коадъютор относительно Конде.

Гонди ненавидел Анну Австрийскую не только за ее происхождение, но и потому, что королева любила ненавистного ему кардинала Мазарини. «Королева обладала… умом такого рода, какой был необходим для того, чтобы не казаться глупой людям, ее не знавшим. Желчности в ней было больше, чем высокомерия, высокомерия более, нежели величия, наружных приемов более, нежели истинных чувств…» Но более всего Гонди старался подчеркнуть в этой весьма нелестной характеристике одну черту – бездарность.

Однако больше всех в своих «Мемуарах» Гонди честит Мазарини. Коадъютор парижский не любил и Ришелье, но многое прощал первому кардиналу за его благородное происхождение. Происхождение же Мазарини, по его мнению, было безвестным, а детство постыдным. У стен Колизея он выучился шулерничать, в армии успел прослыть мошенником.

Особенно в «Мемуарах» подчеркивается весьма нелестное для Мазарини сравнение с предшественником. «Пурпурная мантия не мешала ему оставаться лакеем при кардинале де Ришелье… Успех ослепил его и всех окружающих, и он вообразил, да и другие вообразили тоже, будто он – кардинал де Ришелье, но он остался лишь бессовестным его подражателем. Он навлек на себя позор повсюду, где первый стяжал почести. Он пренебрегал верой. Он обещал все, ибо не имел намерения исполнять обещанное… Он слишком любил самого себя, что свойственно душам низким, и слишком мало себя остерегался, что присуще тем, кто не заботится о своей репутации. Он часто предвидел зло, потому что испытывал страх, но не умел вовремя его исправить, потому что трусость брала верх в нем над осмотрительностью. Он был наделен умом, вкрадчивостью, веселостью, умением себя вести, но из-за всех этих достоинств выглядывала низкая его душонка… Он остался мошенником и в должности министра, чего не случалось прежде ни с кем, и от этого мошенничества власть, хотя он начал править удачливо и самовластно, оказалась ему не к лицу; к нему стали проникаться презрением, а эта болезнь самая опасная для государства…»

Несомненно, эта характеристика дана кардиналу Мазарини явным противником, противником умным, но все же оказавшимся в будущем в проигрыше. Оттого-то «Мемуары» Гонди приобрели еще большую остроту. Приведем из них еще одно высказывание – взгляд современника, противника укрепления абсолютной власти, на деятельность Ришелье и Мазарини.

«Попрание старинных законов, уничтожение того равновесия, какое они установили между подданными и королями,

утверждение власти совершенно и безусловно деспотической, были причинами, ввергнувшими первоначально Францию в судорожные конвульсии, в каких застали ее наши отцы. Кардинал де Ришелье, уподобившись знахарю, вздумал врачевать ее сильнодействующими средствами, которые вызвали в ней прилив сил, но сил возбуждения, изнуривших тело и все его части. Кардинал Мазарини, лекарь совершенно неопытный, не понял, в каком она изнеможении. Он не стал поддерживать ее тайными снадобьями своего предшественника, а продолжал ослаблять кровопусканиями; она впала в летаргию, а он оказался столь несведущ, что ложный этот покой принял за истинное выздоровление».

Как видно, несмотря на весь свой ум и способности, Поль де Гонди не понимал сути событий у себя в стране и за границей. Он не смог окинуть единым взглядом всю Западную Европу, разобраться в бурных политических событиях на континенте. А ведь другие его современники это смогли и все понимали. Ришелье, Оливер Кромвель… И конечно же Джулио Мазарини. Потому он и выиграл в конечном итоге.

Первый министр Франции не остался в долгу. Он создал краткий юмористический антипортрет Гонди: «Он набожный, признательный, умеренных взглядов, добрый, скромный, правдивый, любящий спокойствие государства, которого он добьется с легкостью и выгодой, знающий, как надо вести переговоры с испанцами, враг интриг и много усердствующий для возвеличивания государства и восстановления королевской власти». Находясь в постоянной опасности, кардинал умел отвлечься и посмеяться над противниками.

Итак, парламент, его высокопоставленные и родовитые союзники, с одной стороны, и королевская администрация, с другой, готовились к решительному столкновению. Анне Австрийской не терпелось прекратить диктат парламента. Ситуация казалась невыносимой. В окружении королевы все чаще говорили о необходимости отправить магистратов в ссылку. Парламент предполагалось перевести в Монтаржи, Счетную палату – в Орлеан, Палату косвенных сборов – в Реймс, Большой совет – в Нант. Маршал де ла Мейе и принц Конде выступили с предложением к королевской семье выехать в крепость Арсенал и арестовать мятежных членов парламента. Тем более что к тому времени Конде был сильно разгневан на Гонди, уличившего его в приватном разговоре, что он пособничает Мазарини в его мошеннических делах. При этом Гонди заметил, что подъема горожан бояться не нужно. Аристократ Конде терпеть не мог указаний, плебеев и защищавшего их на людях коадъютора.

Тогда эти два человека страшно разругались. Гонди остался более спокойным и дипломатичным. А принц… Он несколько раз гневно обмолвился, что, если судейские и дальше будут действовать так, как они взяли себе за правило, ему ничего не стоит их образумить. Все же первые попытки «образумить» парламент и его союзников не увенчались успехом.

Первые дни начинавшегося 1649 года оказались очень неспокойными. Королева, Конде и даже всегда осторожный Джулио более не желали вести дискуссии с фрондерами. Отступать было некуда и терять уже было нечего. По королевскому приказу Конде отозвал свою армию из Фландрии и сосредоточил ее близ Парижа. Одновременно другой французский полководец Тюренн, которому еще предстояло проявить себя в полную силу в войнах Людовика XIV, из Германии подтянул свои войска к берегам Рейна. В ночь с 5 на 6 января весь двор втайне бежал из столицы в Сен-Жермен-ан-Лэ – замок, расположенный на вершине горы, омываемой у подножия водами Сены. Осада этой крепости представлялась долгой и трудной.

Обстановку нового местопребывания нельзя было назвать приятной. В Сен-Жермене находились пустые, без мебели, комнаты, а вместо постелей – тюфяки, набитые соломой. Придворным пришлось вкушать прелести бивуачной жизни. Многие недовольно постанывали. На неудобства не обращали внимания лишь два человека – Анна и Джулио, радовавшиеся вновь обретенной свободе и возможности действовать. Королева и кардинал ни о чем более не говорили, кроме как об осаде ненавистных бунтовщиков.

Мазарини считал правильной тактику сразу напасть на противника, не дав ему опомниться. Уже в шесть часов утра 6 января посланник кардинала поднял с постели президента парламента Матье Моле, для того чтобы всего лишь сообщить о бегстве королевской семьи. Старик Моле был огорошен известием и, качая головой, ответил слуге Мазарини: «Трудно подыскать соответствующее наказание для людей, подсказавших это решение». Стрелы были пущены прежде всего в первого министра. Моле, в отличие от Гонди, много сил отдал примирению враждовавших клик. Президент парламента понял, что его политика провалилась.

Новый удар кардинала не заставил себя ждать. Вскоре из Сен-Жермена пришел королевский приказ всем высшим судебным палатам немедленно выехать из Парижа. Однако стремление магистратов избежать войны не доходило до согласия на полную капитуляцию. Они отказались покинуть столицу.

Мазарини и Анна Австрийская лихорадочно искали новые пути выбить почву из-под ног парламента. Было принято решение запретить торговцам пригорода Пасси продавать скот парижанам, а жителям окрестных деревень – доставлять в Париж какие бы то ни было продукты и зерно. Голод должен был лишить парламент народной поддержки. Тогда же Конде выставил на дорогах к столице заградительные заслоны.

Поль де Гонди попытался урезонить принца. Зная об отношении Конде к первому министру, он все еще не терял надежды перетянуть его на свою сторону. Он сказал принцу, что кардинал может ошибиться в своих расчетах и Париж окажется твердым орешком.

– Его возьмут не как Дюнкерк, с помощью подкопов и приступов, а измором, оставив на неделю без гонесского хлеба, – гневно ответил Конде.

– Но намерение преградить путь хлебу из Гонесса может натолкнуться на препятствия, – возразил Гонди.

– На какие? Неужто горожане вздумают дать нам сражение?

– Их было бы нетрудно одолеть, будь они одни, принц.

– Шутки в сторону. Неужели у Вас достанет безумства связать себя с этими людьми? – недоуменно возразил Конде.

– Достанет, и с лихвою. Вашему Высочеству это известно, как известно и то, что я коадъютор Парижа, и, стало быть, честь моя и выгода побуждают меня его охранять. Но до конца моих дней я готов служить Вашему Высочеству во всем, что не противоречит этому соображению, – дипломатично поставил точку в бесполезном споре Гонди.

Принц по достоинству оценил собеседника, как следует из «Мемуаров» последнего. Он предложил помирить его с двором. Разумеется, парижский коадъютор ушел от ответа. Все осталось на своих местах.

В ответ на объявление голодной осады парламент выставил Мазарини «виновником всех беспорядков, возмутителем общественного спокойствия, врагом короля и государства», предписал первому министру в течение недели покинуть Францию и наложил секвестр на его имущество. В случае неповиновения кардинала все подданные королевства призывались к расправе над ним. Война была объявлена.

Нетрудно себе представить возмущение Джулио поведением парламента. В пустой комнате Сен-Жермена он рвал на себе дорогую одежду и волосы, метался из угла в угол, как загнанный зверь. Подобного сопротивления он не ожидал. Джулио заметно похудел, как будто он сидел без хлеба, а не парижане, но не позволял королеве видеть свое отчаяние. Они вместе

размышляли, как найти выход из положения.

Между тем соотношение сил складывалось следующим образом. Королевских войск было явно недостаточно для штурма города – согласно свидетельствам нескольких современников, количество солдат у Конде исчислялось цифрой десять – двенадцать тысяч человек. Однако армия короля день ото дня укреплялась – прибывали новые войска, снятые с границ Франции. Им надо было платить, но Джулио заранее обо всем позаботился. В Сен-Жермен была вывезена большая часть королевской казны. Конде перекрыл наиболее важные дороги в Париж, чтобы отрезать пути сообщения с сельской местностью, и нисколько не сомневался, что столица будет вскоре доведена до последней крайности. Вся надежда была на наступление голода. Ничего иного ни королева, ни Мазарини, ни другие министры придумать не могли.

В деревнях близ Парижа наемники Конде, которым не спешили платить, вели себя как в завоеванной стране: разоряли церкви, насиловали девочек девяти-десяти лет, жгли и разрушали дома, убивали мужчин и женщин, воровали и уносили все, что могли, и портили то, что не могли унести с собой. Свидетельства этих ужасов оставили парижские священники. Аббатиса Пор-Рояля де Шам мать Анжелика писала аббатисе Пор-Рояля в Париже: «Ужасную картину представляет собой эта несчастная страна… солдаты врываются на фермы, забирают зерно, не оставляя бедным труженикам даже крох, которые они просят как подаяния. Нет никакой возможности послать Вам хлеба и достать его для самих себя. Крестьяне вынуждены скрываться в лесах, и они счастливы, если хоть там сумеют избежать смерти…»

Мазарини не мог не пойти на крайние меры – только так можно было удержать близ Парижа наемников Конде. Кто думал тогда о бедном народе! По сути, каждый думал о собственном положении, выживании и состоянии. Вместе с тем первый министр если не четко видел, то интуитивно чувствовал путь, по которому должна идти Франция, и он вместе с ней, пусть даже испытывая тяжкие трудности и мучения. Ведь не они одни переживали такое – мучилась вся Европа, а в Лондоне к тому же только что был обезглавлен законный король.

Не лучшим, если не худшим, было положение в стане фрондеров. Парламент и его союзники готовились к гражданской войне с тем большей горячностью, что она была для них внове. После отъезда королевской семьи в Сен-Жермен состоялось совместное заседание парламента и других судебных учреждений Парижа, на котором присутствовали губернатор столицы герцог де Монбазон, прево торговцев и представители шести самых

могущественных цехов. Они постановили набрать войско из четырех тысяч всадников и десяти тысяч пехотинцев для оказания отпора королевским войскам.

Но чтобы покрыть расходы, парламент был вынужден ввести новый налог, прибегнув, правда, и к самообложению. От этого парижанам стало не легче. Были изъяты и оставшиеся средства из королевской казны, которые не удалось вывезти. Обязательному обложению подлежали также лица, заподозренные в симпатиях к Мазарини. А скрыться из Парижа и спасти собственность было очень сложно. В результате ощущавшаяся в столице необходимость срочно набрать войска привела к тому, что они оказались плохими: не было возможности тщательно отбирать и офицеров и солдат по степени их пригодности. Приходилось принимать в армию первых попавшихся.

Между тем кардинал через своих агентов не останавливался ни перед чем, чтобы создать в парламенте враждующие между собой группировки и посеять рознь среди генералов-аристократов, ставших во главе армии парижских ополченцев. Главнокомандующим этой армией был назначен принц Конти. Брат Конде оказался совершенно бездарным полководцем. До этого назначения он являлся аббатом Сен-Дени и с большим удовольствием согласился променять крест на шпагу. Тайная подрывная деятельность кардинала, различия взглядов и интересов генералов армии фрондеров, полководческая бездарность Конти наряду с другими возникшими обстоятельствами вскоре принесли свои плоды.

Принц Конде одержал несколько побед над фрондерами. С моральной точки зрения эти военные успехи были сомнительного свойства – принц воевал у себя в стране. Парижане еще ранее завладели Шарантоном, где держали две тысячи человек во главе с Кланле. Этот город был нужен фрондерам, чтобы сохранить за собой позицию на реках Сене и Марне. Принц захватил Шарантон, почти не встретив сопротивления. Это произошло, как описывает Ларошфуко, среди бела дня, на виду у войск фрондеров и более пятидесяти тысяч вооруженных горожан. В сражении был убит генерал-лейтенант королевской армии герцог де Шатильон, но Кланле и его гарнизон были разбиты наголову. Эта неудача вызвала в Париже большое уныние. Цены на продукты поднялись, и зародилось опасение, что в них скоро возникнет крайняя нужда.

Но все же, несмотря на осаду, в столицу часто прорывались обозы. Как-то раз один значительный обоз попытались остановить королевские войска под началом Нерлье. У деревни Витри завязался упорный бой, в котором Нерлье был убит. Обоз прошел,

Париж воспрянул духом. Более ста тысяч горожан вышли встретить победителей во главе с герцогом де Бофором. Герцога, словно триумфатора, проводили до ратуши под приветственные крики толпы.

Несмотря на тяготы блокады, эти маленькие и редкие победы приводили к тому, что капитулянтских настроений в среде парижан не обнаруживалось. Виновником своих бедствий они считали не парламент, а Мазарини. Народные волнения происходили неоднократно, но народ требовал не мира, а решительной войны. Жители столицы хотели, чтобы генералы вели их на Сен-Жермен, раздавались и призывы громить дома финансистов.

Масла в огонь подливали и аристократы. Вообще фантазии и пропагандистских методов для одурманивания городского плебса и мелких буржуа у обеих враждующих сторон во время Фронды было не занимать. Только Мазарини об этом меньше заботился, поскольку знал, что его и так не любили. Особенно постарались воодушевить парижский люд две герцогини – герцогиня де Лонгвиль и герцогиня де Бульон.

Вот как описывает эту сцену Гонди: «Хоть ветряная оспа и умалила красоту герцогини де Лонгвиль, однако сохранила ей весь ее блеск, а красота герцогини Бульонской, хотя и несколько поблекшая, все еще оставалась ослепительной. Представьте же себе на крыльце ратуши этих двух красавиц, еще более прекрасных оттого, что они казались неубранными, хотя на самом деле туалет их был тщательно обдуман.

Каждая держала на руках одного из своих детей, таких же прекрасных, как их матери. Гревская площадь была запружена народом, взобравшимся даже на крыши. Мужчины кричали от восторга, женщины плакали от умиления». Такие сцены были частыми в январе 1649 года.

Между тем положение неуклонно ухудшалось: торговые связи внутри страны были нарушены, ремесленное производство в Париже замерло. Процветали лишь оружейники да типографы, без конца печатавшие пасквили на Мазарини. Мятеж охватывал все новые области Франции. В Гиени и Провансе в жестокую борьбу вступили остававшиеся верными королю губернаторы провинций и местные парламенты. Конфронтация усиливалась, исхода ее никто предугадать не мог. Но разрешение проблемы иногда может прийти само по себе. Вдруг обозначилась ясная перспектива выхода из ситуации.

Во-первых, обе стороны заставили призадуматься казнь английского короля и объявление Англии республикой. Впрочем,

преувеличивать влияние этого события на ход Фронды не следует. Парламентских лидеров известие с Альбиона скорее не вдохновило на дальнейшую борьбу, а, наоборот, остановило. Нельзя сравнивать смелость английских пуритан середины XVII века и одворянившегося французского чиновника. Чиновник – сам по себе трус, а уж во Франции вплоть до конца XVIII века чиновничество было очень трусливым. Лишь деятели Просвещения тогда его порядком вдохновили, и терпеть уже не было сил – все катилось в пропасть. А сейчас парижских магистратов испугало намерение первого министра наладить дружественные отношения с лидером Английской республики Оливером Кромвелем.

Разумеется, с этим Джулио пока не спешил. Но четко дал понять о своих намерениях в Париже, отправив в Англию французских агентов. И очень многие восхищались тогда фигурой Кромвеля на фоне событий в самой Франции.

Вот мнение одного из современников, приписываемое иногда д'Артаньяну: «Это человек, ставший одним из самых великих политиков, когда-либо существовавших в Европе… заставил их (англичан) уничтожить звание Короля, под чьим правлением они всегда жили, дабы заявить, якобы у них отныне Республика. Он настолько их обольстил, что они чуть ли не целовали следы его шагов и не раздирали его одеяния на куски, чтобы наделать из них себе столько же реликвий… Он сделал еще гораздо больше в их пользу. Так как простой народ, освободившись из-под королевской власти, рассматривал как своего рода рабство влияние Высшей палаты в Парламенте, он устранил ее, как уже сделал с Королевством. Невозможно передать, какими благословениями осыпало его население… Его Преосвященство счел его способным с этих пор преуспевать во всем, что он пожелает предпринять». Это – попадание в самую точку: Мазарини уже тогда знал, что Кромвеля победить невозможно.

Миссия из Франции была тайной и ставила своей целью не столько заключение договора, сколько привлечение английского правителя и его людей – «трех полковников» – к партии кардинала. Этими полковниками были Харрисон, Мэлми и Ламберт.

Заметим, что и у Англии, и у Франции был в то время один и тот же внешний враг – Испания. Этого ни одна сторона не упускала из виду. Но пока английский правитель не спешил завязывать тесные отношения с правительством, которое держится на волоске, и дипломатично ушел от прямого ответа. Да и внутренних забот у него хватало. Кромвель посоветовал французам не доверяться слову кардинала. По его мнению, «этот

министр явился из страны, где не устраивают себе закона из того, что обещают… быть итальянцем и государственным министром великого королевства, каким была Франция, и в то же время исполненным искренности… две вещи почти несовместимые…».

Вернувшись во Францию, посланные признались Мазарини, что им нещадно мешал испанский посол де Карденья. В то время испанец сворачивал свою деятельность в Англии и заодно ставил препятствия попыткам французов привлечь Лондон на свою сторону. Таким образом, еще во времена непризнанной всеми континентальными государствами Английской республики начиналась ожесточенная дипломатическая борьба между Францией и Испанией за расположение Оливера Кромвеля.

Джулио был раздосадован результатами миссии, но скрыл это, заметив, что «наша корона всегда побеждала остальные» и что надо пробовать еще завязать дружественные отношения с Англией, когда представится удобный случай. Что он впоследствии и сделал.

Тем временем во французской столице на заседании парламента 11 февраля советник Брийяк призвал коллег подумать о мире. Это произошло впервые после отъезда королевской семьи в Сен-Жермен. Брийяк заметил, что парижские буржуа более не в состоянии обеспечивать снабжение войск, рано или поздно именно парламенту придется за все расплачиваться, а при дворе, как ему известно, к предложениям о мире отнесутся благосклонно. Принятие решения было отложено. Воспрепятствовал этому не кто иной, как коадъютор Гонди. Хотя он чувствовал, что проигрывает игру, но еще питал некоторые надежды.

На следующее утро заседание парламента оказалось прерванным прибытием королевского герольда с посланиями парламенту, принцу Конти и прево парижских торговцев. Гонди с превеликим трудом удалось убедить магистратов не принимать королевского гонца.

Парижский коадъютор был сейчас поглощен мыслями о союзниках извне. Этим союзником могла быть только Испания. Гонди и аристократы-оппозиционеры предпочитали скомпрометировать парламент, обманом заставив его вступить в переговоры с испанцами и заключить с ними соглашение о помощи. И тогда лишенный свободы маневра парламент, Мадрид и генералы Фронды добились бы победы. Еще ранее Гонди говорил об испанских планах с генералами Нуармутье и Легом, которые выехали во Фландрию, чтобы привести испанскую армию на помощь Парижу. Уже в марте испанцы вторглись в пределы Франции.

Первый министр почти сразу же оценил ситуацию. Он еще до нового года посылал своим агентам инструкции в Мадрид, чтобы они дали понять испанскому правительству, что поддержка «мятежников» во Франции спровоцирует новую волну оказания помощи восставшим каталонцам. И еще неизвестно, какая сторона окажется в выигрыше. Кроме того, в своих инструкциях кардинал якобы нечаянно указал, какие из фрондеров-генералов им подкуплены. Соответственно, их словам не следует верить. В конечном итоге Мадрид в лице своих послов Фуэнсальданьи и Писарро пока отказался от союза с фрондерами, без конца менявшими свои позиции.

Между тем парижский коадъютор неожиданно получил тайное известие, что командующий французской армией в Германии генерал Тюренн готов перейти на сторону Фронды. В марте армия Тюренна стояла у берегов Рейна, и он не спешил заявлять окончательно о своем решении лишь потому, что предварительно желал заручиться полной поддержкой своих командиров. Но армия не последовала за генералом. Тюренн был вынужден бежать в ландграфство Гессен-Кас-сель и пересидеть там бурю, разразившуюся над его головой.

В итоге, как заметил Ларошфуко, «и парламент, и народ, истощенные непомерными и малооправданными издержками и не доверяя почти в равной мере как способностям, так и благонадежности большинства своих генералов, вскоре после этого получили прощение короля».

В конце марта парламент вступил в переговоры с испанским послом Писарро, но только для того, чтобы передать предложение о мире королеве и правительству. Мадрид догадывался, чего еще можно ждать от Мазарини и кто сейчас выигрывает. Президенты парламента Моле и де Мем лично отправились с испанскими предложениями в Сен-Жермен.

Анна Австрийская приняла послов, однако не с тем, чтобы обсудить предложения Испании, а чтобы договориться об условиях примирения с парламентом. Именно на этом настаивал находившийся тогда в соседней комнате Мазарини. Парламентарии были обескуражены. Не раз переговоры оказывались на грани срыва. Но королева и первый министр твердо стояли на своем. Старик Моле даже потребовал прекращения переговоров…

Все же стороны договорились – деваться было некуда. Было решено собраться в Рюэле для решения всех проблем. Парламент направил туда депутатов, а от имени двора туда лично поехал Мазарини. Кардиналу уж очень хотелось почувствовать себя триумфатором. В жизни так мало бывает подобных моментов! А

некоторые люди их вообще лишены. Джулио, таким образом, можно назвать счастливчиком – на его счету подобных минут в жизни было немало. Своим присутствием конференцию в Рюэле почтил и герцог Орлеанский.

Наконец, 1 апреля 1649 года долгожданный мир был заключен. При этом каждая из сторон не чувствовала себя побежденной. Джулио Мазарини – оттого, что парламенту пришлось отказаться от своего требования отставки первого министра и в течение восьми месяцев он не имел права собираться на совместные заседания. Парижский парламент – оттого, что была практически восстановлена довоенная ситуация и Мазарини пришлось примириться с невозможностью силой взять обратно уступки, вырванные у правительства в 1648 году. А в сущности, ни королева, ни парламент, ни группировка фрондеров во главе с Гонди не были удовлетворены условиями заключенного соглашения. В результате из политиков на тот момент выиграл по-настоящему лишь один человек – принц Конде.

Триумф длился недолго – всего лишь несколько минут. Затем пришло отрезвление. Кардинал Мазарини уже на следующий день после заключения мира отчетливо представлял себе, что в скором времени гражданская война может разгореться столь сильно, что все пережитое им до сих пор покажется ничем по сравнению с предстоящими трудностями.

Сомнительная передышка

«Один из величайших пороков человеческих состоит в том, что в несчастьях, постигших их по их же собственной вине, люди, прежде нежели искать средства от бед, ищут, как бы оправдаться; зачастую они потому-то и находят эти средства слишком поздно, что не ищут их вовремя», – писал Поль де Гонди после заключения злосчастного, по его мнению, мира. Он писал о себе самом и своей партии. В те дни парижский коадъютор также заметил: «Те, кто думает, что вождь партии является ее господином, не понимают, что такое партия».

Воистину он был прав, ибо тогда ему мало что удавалось сделать. После 1 марта группировка Гонди, не имея реальной военной силы и лишившись поддержки парламента, занимала выжидательную позицию. В этой клике только ее вождь предвидел результаты мирного соглашения. Когда герцогиня де Бульон спросила у посетившего ее с визитом коадъютора:

– Кто мог это предвидеть? Разве подобная мысль хоть однажды приходила Вам в голову?

– Нет, сударыня, я не предполагал, что парламент заключит мир нынче, но я предполагал, что если мы предоставим ему свободу действий, он заключит его на дурных основаниях; я ошибся только в сроке, – ответит тот.

Тем не менее Гонди не считал заключение мира концом борьбы. Ему и другим оппозиционерам еще было на что рассчитывать. Война сразу никогда не утихает, тем более при таком компромиссе. Передышка наступила, но весьма сомнительного свойства.

В литературе общепризнано, что еще вся вторая половина 1649 года относится к этапу парламентской Фронды. Во время относительного спокойствия на небосклоне Франции стали вновь собираться тучи, предвещавшие новую грозу. Постепенно возникали обстоятельства, приведшие к еще более ожесточенному этапу борьбы против укрепления абсолютной власти монарха и его министерства – Фронде принцев. Но принцы еще не создали своей прочной партии, не разобиделись на королевскую власть и Мазарини окончательно, что могло стать поводом для новой драки.

Пока что парижский коадъютор старательно посещал всех именитых людей Франции. В беседах с ними он не казался побежденным и замечал, что и теперь «парламент нетрудно подстрекнуть и воспламенить». Но что реально чиновники могут еще сделать?

Несмотря на заключенное соглашение, ни сам Париж, ни его разношерстный люд не были окончательно усмирены. Голодные дни осады только усилили ненависть к первому министру, который все еще надеялся на лучший исход дела. «Мазарини хотел уморить Париж голодом» – эта мысль была прочно усвоена столичным плебсом и лавочниками. Не способствовал голод и улучшению отношения к Анне Австрийской, принцу Конде и другим аристократам. Только малолетнего Людовика XIV считали жертвой и не трогали.

В Париже по-прежнему в огромном количестве продолжали распространяться «мазаринады», приобретавшие еще более едкий привкус. В них доставалось уже не только Джулио, но и самым знатным людям королевства. Последние возмущались, а Мазарини, уже достаточно привыкший к своему положению, старался не обращать внимания на это. Он только избегал без охраны показываться на улицах столицы. Но аристократы злились, и виновником своих бед считали первого министра, подставившего их под удар.

Для дальнейшей политической борьбы эти ослаблявшие позиции Мазарини обстоятельства приобрели немалое значение. Но в новых схватках Парижский парламент уже не был способен играть роль лидера. Не из-за якобы понесенного им поражения, а потому, что его социальная программа и его половинчатое поведение обнаружили свою неэффективность. Перейти от контроля за властью к взятию власти в свои руки неразрывно связанный с существованием монархии и трусоватый парламент был не в состоянии.

Теперь политическая борьба между властью и парламентом, утихшая в столице, продолжалась в провинциях. Затяжные вооруженные конфликты возникали там, где после упразднения интендантов развернулась борьба за власть между местными парламентами и губернаторами – в Гиени и Провансе. Парламенты столиц этих провинций – Бордо и Экса – рассчитывали на сочувствие горожан, части мелкого дворянства и крестьян. На стороне губернаторов выступали большинство дворян и крупные дельцы, настроения которых выражали соперничавшие с парламентами муниципалитеты. Провинциальные магистраты во многом копировали своих парижских собратьев. Они также приобрели популярность своими выступлениями за снижение налогов. Но все же эти движения проигрывали по сравнению с конфликтами в столице. Борьба имела вялотекущий, спонтанный характер.

Джулио Мазарини после перенесенных тревог и в ожидании новых потрясений относился к движению в провинции достаточно

спокойно, понимая, что эхо парламентской Фронды надо просто пережить. В провансальских и гиеньских событиях его правительство занимало позицию посредника и не вполне доверяло своевольным действиям губернаторов-аристократов.

В конце концов депутация от парламента Бордо явилась в Париж урегулировать возникшие проблемы непосредственно с королевой и ее правительством. Тут проявились еще долго владевший умами всех без исключения французов традиционализм и легитимизм. Вместе с тем тираноборческие идеи уже появились, ведь монархомахи во Франции существовали со времен Религиозных войн второй половины XVI века. Но они имели большей частью привкус религиозного сектантства.

На заседании Королевского совета Конде, втайне готовившийся к схватке с Мазарини и заботившийся о своей популярности в народе, заступился за жителей Бордо. Анна Австрийская и кардинал приняли сторону губернатора. Конфликт потихоньку разрастался. В среде парижских магистратов вновь стали раздаваться голоса о необходимости проведения совместного заседания всех палат парламента.

Тогда Джулио пришлось более решительно взяться за урегулирование конфликта в провинциях. В августе 1649 года ему удалось с помощью некоторых уступок, в основном финансового характера, на время восстановить мир в Провансе. Он не позволил губернатору довести до сдачи блокированный им Экс.

В Гиени Мазарини, напротив, открыто встал на сторону губернатора, поскольку твердо знал, что губернатор – его сторонник с июля 1649 года. Правительство с подачи кардинала отдало распоряжение о роспуске бордоского парламента. В результате здесь военные действия затянулись. Поэтому по прованскому образцу 26 декабря того же года Мазарини, тогда готовившийся к борьбе за власть с принцем Конде, предпочел пойти на выгодные для парламента условия мира.

А Париж потихоньку продолжал волноваться. Не только в парламенте и Дворце правосудия, но и на улицах столицы слышался смутный, но устрашающий ропот: «Долой мир! Долой Мазарини! Приведем в Париж из Сен-Жермена нашего доброго короля! В реку мазаринистов!» Неудивительно поэтому, что Анна Австрийская и кардинал под различными предлогами оттягивали свое возвращение в столицу и после заключения мира. Тем не менее нужно было принимать решение, если довериться врагам кардиналу представлялось опасным. Не менее опасным было и выказать перед ними свой страх. Хитрые Гонди и Конде пристально следили за любыми действиями Мазарини и даже, если это было возможно, за мимикой его лица при разговоре. На

глазах первого министра принц находился почти постоянно.

Но когда Джулио на некоторое время расслабился и пребывал в нерешительности и Анна не могла подать ему какой-либо совет, Конде рассудил, что для доведения до конца взятого им на себя дела и в целях повышения своей популярности ему одному нужно поехать в столицу. Он ничего не боялся, ибо за его спиной стояла армия, и надеялся, что, если ему удастся склонить двор вернуться в столицу, именно он окажется в роли лучшего советника и спасителя.

Ларошфуко писал, что «в Париже ему (то есть Конде. – *Л. И.)* был оказан совершенно такой же прием, какой он привык находить по возвращении из своих наиболее славных походов». Так это было или нет, мы не знаем, ибо мемуары других современников, в частности кардинала де Реца, говорят если не об обратном, то о довольно прохладном приеме принца в столице. Это более или менее спокойное отношение парижского люда к Конде Мазарини посчитал благоприятным знаком и не колеблясь посоветовал Анне и Людовику вернуться в Париж.

18 августа 1649 года состоялся торжественный въезд королевской семьи в столицу. При этом короля сопровождал принц, а королеву – первый министр. Въезд казался почти триумфальным. Все такая же легитимная столица радостно и тепло встречала своего короля. Все перипетии Фронды лишь очень незначительно поколебали монархическое мышление народа. Король-мальчик, красивый, как ангел, являлся предметом любви и поклонения, хотя сам страшно боялся своих подданных, что впоследствии проявилось в его политике. Уже тогда многие французы возлагали надежды на юного Людовика XIV. Простолюдины приветствовали его громкими криками, а торговки больших рынков плакали в голос, глядя на ангельский лик своего монарха. Однако личная привязанность и любовь народа к королю вовсе не свидетельствовали о его готовности беспрекословно подчиняться королевской администрации.

Сторонники Мазарини тоже не дремали. Кардинал за годы своего министерства тщательно заботился и не жалел денег на создание собственной преданной ему партии и собственного имиджа. Но в конечном итоге, несмотря на все эти старания, до покорения Парижа и Франции ему было еще очень и очень далеко. Сейчас же преданный первому министру королевский прокурор из Шатле нанял несколько десятков женщин, которые у ворот предместья кричали при въезде королевского кортежа: «Да здравствует Его Высокопреосвященство!» Джулио даже на некоторое время вообразил себя хозяином Парижа. Однако через четыре дня он понял, что жестоко ошибся.

Пасквили на кардинала и королеву продолжали размножаться в геометрической прогрессии. Мариньи с удвоенной энергией взялся за сочинение антимазаринистских песенок. Фрондеры еще выше подняли головы. Гонди и герцог де Бофор, тогда еще сторонник парижского коадъютора, иногда появлялись на улицах в сопровождении одного лишь пажа на запятках кареты, чего не мог себе позволить первый министр. Иногда же они это проделывали в сопровождении пятидесяти лакеев и сотни дворян. Выходы «на сцену» были разнообразными в зависимости от того, что могло понравиться зрителям – парижским зевакам.

Вспоминая об этих днях, Гонди писал: «Придворные, которые поносили нас с утра до вечера, старались, однако, подражать нам на свой лад, и не было среди них ни одного, кто бы не обратил себе на пользу „оплеушины“ – это словечко пустил в ход президент де Бельевр, – которыми мы награждали министра; принц Конде, который в отношении кардинала был на них слишком скуп либо слишком щедр, продолжал выказывать Мазарини презрение, на мой взгляд, чрезмерное, когда речь идет о человеке, которого собираешься оставить в должности первого министра».

В августовские – сентябрьские дни 1649 года Конде еще надеялся, что его заслуги будут оценены по достоинству – ведь королева по прибытии в Пале-Рояль во всеуслышание сказала ему, что его заслуги невозможно в полной мере вознаградить, поскольку принц блестяще сдержал слово, которым поручился перед ней: восстановил власть короля и поддержал кардинала. Но жизнь вскоре превратила эти слова в совершенно противоположные им деяния.

Париж продолжал шуметь. 22 сентября в столице вновь начались волнения. В XVII веке Французское королевство не имело единого бюджета. Налоги отдавались на откуп компаниям финансистов и отдельным лицам, которые их не только собирали, но также из полученных сумм покрывали определенные долги государства. И, конечно, не забывали самих себя, либо произвольно увеличивая налоги, либо откладывая их выдачу государству. Солидные деньги в королевскую казну давал соляной налог – габель. Его откупщики традиционно рассчитывались с парижскими держателями того вида государственной ренты, которая называлась в то время рентой парижского муниципалитета. Выдача ренты многократно откладывалась.

Мазарини приказал издать специальный королевский указ о том, что выплата ренты возобновится с 19 сентября. Но к моменту

выплаты все суммы, полученные в счет табели, оказались потраченными. У государства имелись более неотложные статьи расхода, например армия. Тогда откупщики габели заявили о своем банкротстве.

В результате 22 сентября толпа буржуа-держателей ренты собралась у здания муниципалитета. Их возмущению не было границ – разъяренные банкроты чуть не убили парижского прево. Лишь угроза посадить в тюрьму бунтовщиков и держать их там, пока не начнется выплата ренты, внесла некоторое успокоение в горячие головы.

Этими событиями быстренько воспользовались Гонди и Бофор. Не исключено, что они сами организовали всю эту провокацию. По словам коадъютора, они «усердно постарались, так сказать, сочленились с народом». С их помощью возмущенные рантье выбрали из своей среды двенадцать представителей защищать их интересы и добиться проведения совместного заседания всех палат Парижского парламента.

Казалось, пламя парламентской Фронды вновь разгоралось. Но нетерпеливые сторонники Гонди решили ускорить ход событий, подготовив провокацию против одного из рантье-представителей по имени Жоли. Коадъютор безуспешно пытался отговорить их от этой авантюры. В один прекрасный день дворянин из партии Гонди выстрелил в Жоли. Хотя тот получил только царапину, ассамблея парламента постановила произвести дознание о покушении по всем правилам.

Это дело произвело обратный эффект. Рантье испугались, а купеческий старшина заверял королеву в преданности парижан ее правительству. Со своей стороны, в Пале-Рояле Мазарини постарался предать гласности, что фрондеры, мол, снова хотели взбунтовать народ, но у них ничего не вышло.

Это были всего лишь цветочки для Гонди, Бофора и их сторонников. Джулио хотел добить их тем же оружием. Он долго совещался с Сервьеном в серой опочивальне королевы и после этого явился к принцу Конде сообщить, что на того замышляется покушение. А с утра на площади Дофина был выставлен усиленный караул. Конде пожелал тут же отправиться на площадь, но Анна Австрийская его удержала. Вместо этого решено было послать туда карету принца в сопровождении еще одной кареты, чтобы посмотреть, не будет ли на нее нападения.

На Новом мосту карету встретило много людей: горожане, едва услышав шум, тут же взялись за оружие. На карету принца, однако, никто не посягнул. Зато выстрелом из пистолета ранили лакея, ехавшего на запятках другой кареты. Этого было вполне достаточно.

Как и нужно было Джулио, все подозрения (он уж очень постарался!) пали на Гонди и Бофора. Обоим пришлось предстать перед Парижским парламентом в качестве обвиняемых, материалы следствия были грубо сфабрикованы – надо было спешить, – и в основе их лежали показания подкупленных свидетелей, только выпущенных из тюрьмы.

Один из советников парламента генеральный адвокат Риньон сообщил обо всем Гонди. Поэтому коадъютор сумел блестяще оправдаться. В своей речи он заметил, что «потомки наши не только не одобрят, но даже не поверят, что можно было согласиться хотя бы выслушать подобные толки из уст самых подлых негодяев, когда-либо выпущенных из стен тюрьмы. Канто, господа, был приговорен к повешению в По, Питон – к колесованию в Ле-Мане, Сосиандо все не значится у вас в списках преступников…». Все же парламентская Фронда, на которую делал ставку парижский коадъютор, окончательно завершилась.

Принц Конде в результате этой затеи оказался в нелепой ситуации. Его гордость и, главное, честь были сильно задеты, а виновники были очевидны. Обиженный полководец обратил свой столь долго накапливавшийся гнев на первого министра и Анну Австрийскую. Предугадать этот поворот было несложно – кардинал давно догадывался об истинных чувствах к нему со стороны Конде. Сейчас же он ошибся. Впрочем, кто из политиков не ошибается?

По возвращении в Париж Конде, недовольный, что на него не пролился дождь наград и привилегий власти, не только самым дружеским образом обходился с заклятым врагом Мазарини Шавиньи, но даже сменил гнев на милость в отношении фрондеров. Он быстро пришел к согласию с генералами Фронды: ведь никакие принципиальные разногласия их не разделяли. Принц даже поладил со своим братом и сестрой. Его клан воссоединился. Вновь Конде, Конти и их сестра герцогиня Анна-Женевьева де Лонгвиль выступали заодно.

Чтобы скрепить не только духовным началом сей семейный союз, Конде побывал у Анны Австрийской на личной аудиенции и добился от королевы назначения Конти губернатором Шампани и передачи под командование любовника Анны-Женевьевы Ларошфуко крепости Данженвилье. Принц приблизил к себе ярого фрондера аббата Ларивьера и добился от брата уступки аббату кардинальской шапки, хлопотать о которой в Рим был отправлен рыцарь Мальтийского ордена д'Эльбен. С Полем де Гонди, которого Конде считал человеком сверхумным и сверххитрым, он держался куда более дружески и доверительно, чем ранее. Казалось, могуществу и удаче Конде не было пределов.

Но это только казалось.

Королеве и ее другу-министру непомерные желания и высокомерие принца стали явно надоедать. Принимая какое-либо важное решение, Анна Австрийская должна была обязательно учитывать мнение Конде. Последний к тому же своими колкими шутками и ежедневным оспариванием справедливости действий кардинала явно давал понять, что находит того недостойным занимаемого места и даже раскаивается, что он лично поддерживал его. Принц прекрасно помнил об отчаянии и унынии первого министра при последних беспорядках. Он был убежден, что достаточно держать Мазарини в страхе и относиться к нему с показным пренебрежением, чтобы навлечь на него новые трудности и вынудить его, таким образом, искать помощи у принца и его партии.

«Надо потихоньку низвести на нет влияние этого чванливого и высокомерного молодца», – не раз намекал Джулио Анне Австрийской. По мнению министра и королевы, следовало лишить Конде того исключительного положения, какого он добился своими военными успехами. Пока таланты и армия принца нужны были королеве и министру в борьбе с парижанами, они его не трогали. Тем не менее медленная и осторожная подготовка войны против «спасителя монархии» уже началась.

Еще накануне провокации, устроенной против Гонди и Бофора, а также в некоторой степени и против самого Конде, вражда между принцем и властью вновь возобновилась. Как и любой поднявшийся «наверх» политический деятель, Джулио имел кучу «бедных родственников» из Италии. Все они, узнав о его высоком положении во Франции, так или иначе попытались сесть ему на шею. От всех первому министру отделаться не удалось. Да и он сам не хотел.

В силу своей бродячей и беспокойной жизни до утверждения во Франции и затем карьеры и духовного сана, Джулио не мог иметь официальных детей. И неизвестно, были ли у него незаконные отпрыски. Но он любил детей, особенно трех своих племянниц из рода Манчини. Все они были чрезвычайно красивы, недаром в одну из них впоследствии влюбится юный король Франции. Сейчас старшая из них, Анна Манчини, выдавалась замуж за герцога Меркера, старшего сына герцога де Вандома. Меркер согласился на этот брак еще до осады Парижа. Прелести Анны его явно соблазняли, невзирая на ее родство с кардиналом. Но госпожа де Лонгвиль, враг семейства Вандомов, опасалась, как бы возвышение Меркера не стало помехой честолюбивым притязаниям герцога де Лонгвиля и всего их семейства.

Герцогиня воспользовалась своим примирением с принцем,

чтобы убедить его, что этот брак идет вразрез с их общими интересами. Она язвительно намекала, что Мазарини, устав носить ярмо, которое сам на себя недавно возложил, хочет поискать себе новую опору, чтобы больше не зависеть от Конде. Более того, в результате готовящегося брака он получит возможность безнаказанно пренебрегать взятыми на себя обязательствами по отношению к ее брату.

Конде легко поддался убеждениям сестры, поскольку они как нельзя более соответствовали его собственным интересам. Он пообещал герцогине и принцу Конти действовать заодно с ними, хотя ранее сообщил Анне Австрийской о своей поддержке брака Анны Манчини и Меркера. Принц не хотел пока открыто противиться желаниям королевы и первого министра. Но Джулио быстро раскусил его. Дело в том, что Луи де Конде не умел хорошо скрывать то, что написано у него на лице.

– Посмотрите, Ваше Величество, какая недовольная мина у нашего знаменитого полководца и спасителя, когда я говорю о предстоящем союзе моей любимой Анны. Он явно не желает, чтобы он состоялся.

– Зато я желаю, и Вы, несомненно, тоже. Да и кто в Пале-Рояле самый главный? – резонно замечала Анна Австрийская, морщась от внезапно возникшей боли в груди. Начавшая тогда развиваться болезнь явится причиной ее смерти спустя пятнадцать лет.

Наконец, всему двору стало известно, что Конде не желает одобрить предстоящий брачный союз и намеревается всеми силами противиться его осуществлению. Тогда-то кардинал и королева и решили поторопиться рассорить принца с фрондерами, спровоцировав покушение на него. Эта спешка совершенно случайно совпала со спешкой самих же фрондеров во главе с Гонди.

После неудавшегося «покушения» на принца казалось, что все складывалось согласно намерениям Мазарини. Чтобы окончательно обезопасить себя, первый министр решил, что крайне необходимо привлечь к осуществлению своего замысла герцога Орлеанского и заставить его сменить дружеское расположение к Конде на желание способствовать его гибели. Поэтому следовало немедленно, в самые короткие сроки уничтожить доверие, которое герцог Орлеанский питал к аббату Ларивьеру, заинтересованному в сохранении за принцем его положения.

Госпожа де Шеврез, теперь сторонница кардинала, взялась за это дело. Она пожаловалась герцогу Орлеанскому, что поддерживать отношения с аббатом стало небезопасно, так как

все сказанное ему тут же докладывалось клану Конде. Бывшая наперсница королевы не забыла упомянуть и о других неприятных для ушей герцога вещах. В результате она с успехом сумела восстановить герцога против честолюбивого аббата.

Со своей стороны Мазарини возобновил начатый им ранее разговор с герцогом Роганом о том, чтобы тот склонил Конде ходатайствовать о предоставлении ему должности коннетабля. На эту должность претендовал и сам герцог Орлеанский. Принц об этом знал и поэтому отклонил предложение Рогана. Но кардинал уже успел придать видимость тайных переговоров своим беседам с Роганом и беседам Рогана с Конде.

Герцог Орлеанский попался на удочку. Он усмотрел в поведении принца неискренность и непочтительность, счел себя свободным от соблюдения всех данных Конде обещаний и не колеблясь одобрил намерение Мазарини подвергнуть принца заключению.

Джулио всегда пользовался тем обстоятельством, что враг его врага – его потенциальный союзник. Поэтому, готовясь к схватке с кликой Конде, он не побрезговал вступить в союз со своим злейшим врагом – парижским коадъютором.

Конфликт уже зашел слишком далеко, а суд Парижского парламента поставил непреодолимые преграды между Гонди и Конде. Джулио даже постарался обелить Гонди перед аристократией и королевскими приближенными. В разговоре с маршалом д'Эстре кардинал заметил: «В глубине души этот молодой человек (то есть Гонди. – *Л. И.)* желает блага для государства». Более того, первый министр был не прочь даже породниться с коадъютором – у него возникла скоропалительная мысль о браке между его племянником из рода Буффалини, еще проживавшим в Италии, и племянницей Гонди. Но последний дал учтивый отказ, а в «Мемуарах» заметил по этому поводу: «Я… горячо этому воспротивился: во-первых, я не мог допустить, чтобы имя моих предков затерялось в роду Мазарини; во-вторых, я никогда не ценил почести столь высоко, чтобы купить их ценой общественной ненависти». Однако стоит учесть, что эти слова были записаны много лет спустя, а в настоящий момент оба политика были на пути к кратковременному союзу.

Анна Австрийская тоже в немалой степени внесла свою лепту в «вербовку» парижского коадъютора. Королева была лично оскорблена принцем Конде, осмелившимся быть с нею непочтительным. В октябре 1649 года он уговорил одного из своих людей, капитана гвардейцев Жарзе, заявить во всеуслышание о своей любви к регентше и начать настойчиво ухаживать за ней. Сначала Анна посмеялась, но затем прилюдно

высмеяла воздыхателя и запретила являться ко двору. Конде воспринял это на свой счет и в грубой форме потребовал, чтобы «влюбленного» снова приглашали на вечера королевы.

В результате Анна сблизилась с Гонди при посредстве старой подруги де Шеврез, дочь которой украшала его ночи, впрочем, как и ряда других придворных. Королева тайно встретилась с ним в монастыре и дала понять, что он может надеяться на кардинальскую мантию, если перейдет в ряды ее сторонников. Коадъютор остался полон восхищения этой женщиной: сейчас ее действия, как и вся ее предыдущая жизнь, напоминали роман.

Вечером 17 января 1650 года три человека – Мазарини, Анна Австрийская и герцог Орлеанский – допоздна мирно играли в карты в покоях королевы. Далеко за полночь в Пале-Рояле погас свет. Хотя план проведения завтрашней акции был уже давно готов, игроки до мельчайших деталей вновь обсудили каждый свой шаг.

Битва титанов

Порою в обществе совершаются такие перевороты, которые меняют и его судьбы, и вкусы людей.

Ф. де Ларошфуко

А теперь следует остановиться на событиях, следствием которых явилась настоящая битва титанов – и военная и дипломатическая, – титанов по имени Мазарини и Конде…

Арест принца Конде был тщательно подготовлен и назначен на ближайший Королевский совет. Первый министр, королева и присоединившийся к ним герцог Орлеанский решили одновременно арестовать принца Конти и герцога Лонгвиля, рассчитывая этой мерой предупредить возможные беспорядки, которые могли возбудить предпринимаемые ими шаги. Все эти господа по настоянию госпожи де Лонгвиль и ее возлюбленного Ларошфуко с некоторых пор избегали находиться в Пале-Рояле одновременно. Правда, они не были убеждены, что такой образ действий и в самом деле необходим для их безопасности – скорее они не появлялись вместе, идя навстречу пожеланиям друзей. А бесстрашный на войне и прямолинейный в политике Конде вообще мало придавал значения чьим-либо советам и уже видимым тучам, сгущавшимся над его головой.

Между тем Мазарини, уже изрядно исколотого насмешками принца, так и подмывало напоследок поиздеваться над ним. Накануне 18 января 1650 года кардинал сообщил Конде, что хочет после Совета арестовать де Кутюра, возглавлявшего людей, которые готовили против принца заговор. Более того, первый министр попросил принца взять на себя труд приказать жандармам и легкой кавалерии короля сопровождать арестованного в Венсеннский замок во избежание беспорядков. Конде отнесся к словам Мазарини с полным доверием, дав себя обмануть. По иронии судьбы принц принял все необходимые меры предосторожности, чтобы его самого беспрепятственно отвезли в тюрьму. Для находившегося тогда в Шайо герцога де Лонгвиля Джулио тоже нашел достойное его особы поручение. Принц Конти не выезжал из Пале-Рояля вообще.

Утром 18 января у Анны Австрийской от напряжения сдали нервы. Она объявила себя нездоровой и не вставала с постели. В покоях королевы сидела мать Конде, что вконец расстраивало Анну. Сам принц тоже зашел к королеве осведомиться о ее

самочувствии, а затем присоединился к брату и герцогу де Лонгвилю.

В такой ситуации лишь Джулио сохранял полное самообладание. Герцог Орлеанский с утра тоже нигде не показывался и перед заседанием Совета тихо занял свое место. Мазарини передал королеве, что все готово и она может пожаловать в Совет. Для его людей это был условный сигнал.

Так вечером этого январского дня принцы Конде, Конти и герцог де Лонгвиль, едва войдя в галерею у покоев Анны Австрийской, были арестованы капитаном ее гвардейцев Гито. Изумленные принцы не оказали сопротивления. Немного спустя их усадили в карету короля, поджидавшую у Малых ворот дворцового сада. Конвой оказался слабее, чем можно было предположить. Возможно, так и было рассчитано, чтобы не возбуждать ненужные толки. Никогда еще особы столь высокого положения не препровождались в тюрьму столь малым числом людей: всего насчитывалось шестнадцать всадников да еще помещавшиеся вместе с арестованными в карете стражники. По пути в Венсенн карета опрокинулась, но никто не сделал попытки освободить арестованных.

Операция прошла почти бесшумно. Джулио мог ликовать, но, помня предыдущие события, не торопился. И был прав. Принцы отнюдь не печалились, не проливали слезы, вели себя с достоинством и всем своим поведением выказывали презрение к их тюремщикам. Они чувствовали, что Мазарини еще не одержал победы. В замке не оказалось постелей, и первую ночь арестованные провели за игрой в карты. Конде, демонстрируя отличное настроение, беседовал с офицером охраны об астрологии. Ведь не все было потеряно. За стенами замка оставались верные союзники. В тот же день должны были арестовать еще герцогиню де Лонгвиль, Ларошфуко, Тюренна, Бульона и других членов и сторонников клана Конде. Но большинству из них удалось скрыться.

После дня ареста высокородных особ первый министр вел себя тихо и осторожно. Ссора с Гонди о браке не зашла далеко: коадъютор все же утаил от герцога де Бофора намерение королевы и Мазарини арестовать принцев. Бофор на это обиделся, но хитрый Гонди объяснился с ним при свидетеле – герцогине де Монбазон – и извлек из кармана патент на звание адмирала. Эта подачка была заранее им оговорена с первым министром. Более того, кардинал подружился с госпожой де Монбазон, зная, каким влиянием она пользуется в свете. Он поведал ей, в каком был отчаянии, когда, попавшись на уговоры де Шеврез и коадъютора, был вынужден утаить от нее арест

принцев.

Подобной тактикой Джулио хотел нарушить аристократические связи и прочность отношений в клане Конде: от этого во многом зависело дальнейшее развитие событий. Перед первым министром стояла проблема: удастся ли оставшимся на свободе мобилизовать для сопротивления власти всех зависимых от Конде людей или в критический момент выявится эфемерность клановых связей? И что важнее – сохранят ли они верность дому Конде или подтвердят свою лояльность короне? Именно перед таким выбором оказались многие дворяне провинций, где была особенно значительной клиентела Конде – Нормандии, Бургундии, Берри.

Парижский парламент, видевший под влиянием Гонди в принце своего врага, вначале отнесся к аресту Конде, Конти и Лонгвиля с одобрением. И двор на первых порах с легкостью подавлял отдельные очаги сопротивления приверженцев Конде.

Герцогиня де Лонгвиль и Тюренн, тайно покинув Париж, отправились в Нормандию с целью взбунтовать провинцию. Губернатором Нормандии был арестованный Лонгвиль. Однако клиентская привязанность здесь уступила верноподданническим чувствам, и попытка Анны-Женевьевы не увенчалась успехом. Агенты Мазарини хорошо поработали в Нормандии. В результате герцогиня, Тюренн, Ларошфуко и мадам де Конде оказались в столь затруднительном положении, что вынуждены были просить помощи у испанцев. Особенно тогда отличился Ларошфуко: без устали созывал всех друзей и единомышленников, формировал полки, собирал деньги, где только мог. Герцог даже нанял на службу немецкого полковника Бенца с его наемниками.

У значительной части дворян еще сохранялось традициональное мышление, средневековый кодекс чести, который включал в себя соблюдение верности вассала своему непосредственному сеньору. Дело доходило до парадоксов. Чуть позже осаду одной из бургундских крепостей приехал посмотреть сам юный Людовик XIV. Сторонники принцев как должно приветствовали его с высоты крепостных стен и затем сразу же начали стрелять. Король подвергся серьезной опасности – в двух шагах от него был убит офицер его свиты.

Дело принимало серьезный оборот. На севере разворачивалось наступление испанской армии и Тюренна, а на юге Франции войска короля теснили кондеянцев. Гражданская война в королевстве вспыхнула вновь – началась Фронда принцев (1650—1653). Непосредственная угроза нависла и над Парижем.

В начале мая отряд сторонников принцев, одним из командиров которого был Ларошфуко, прорвался к Бордо,

намереваясь там закрепиться. К этому времени ситуация в столице Гиени кардинально изменилась по сравнению с периодом парламентской Фронды. Бордоский парламент был удовлетворен условиями мира, чувствовал себя хозяином положения и не желал лишний раз ссориться с правительством. Но своекорыстная финансовая политика парламента способствовала неуклонному разрастанию конфликта между ним и жителями города, поддерживаемыми губернатором. Поэтому именно в Бордо Ларошфуко, герцог де Бульон и принцесса де Конде нашли убежище и поддержку. Без помощи Бордо весь конфликт принял бы оборот заурядного предательства клики аристократов, перешедших на сторону испанцев в разгар войны с ними.

Восстав, городской плебс Бордо открыл ворота армии кондеянцев. Парламент и городские власти не пришли приветствовать сторонников принцев, но и не сопротивлялись. Только один раз, когда испанский офицер привез от имени своего короля двадцать пять тысяч экю принцессе де Конде, парламент предписал ему немедленно покинуть город. 22 июня горожане окончательно заставили парламент заключить союз с кондеянцами.

В столь жестких условиях первый министр и королева отчаянно боролись. В столице было неспокойно: парламент вновь усилил нападки на кардинала и его политику. Раздавались голоса о необходимости освобождения принцев и изгнания Мазарини из Франции.

Заседание палат Парижского парламента, на котором обсуждался вопрос о Бордо, проходило при огромном стечении народа. Дворец правосудия был со всех сторон окружен толпами. Раздавались крики: «Долой Мазарини! Да здравствуют принцы!» Народ подстрекали к бунту переодетые офицеры Конде. Охрана герцога Орлеанского взвела курки в мушкетах и предупредила, что будет стрелять. Но не сделала этого. В ответ прозвучал призыв: «К оружию!» Герцог поспешил ретироваться, перед толпой один на один остался Гонди. Храбрый коадъютор не обратился в бегство, хотя ему проткнули кинжалом стихарь. Впоследствии о событиях этого дня он напишет только такую фразу: «В мелкой потасовке убили двух людей из охраны Месье». В итоге манифестантов с помощью людей де Бофора и охраны герцога Орлеанского удалось оттеснить.

Тем временем королевская армия осаждала Бордо в присутствии кардинала, королевы и Людовика XIV, который появился в Гиени в первых числах июля. После парижских событий герцог Орлеанский лично отправил посланца к Мазарини с просьбой как можно быстрее заключить мир с Бордо и

возвращаться в Париж. Но это не так легко было сделать.

Армия короля столкнулась со стойким сопротивлением мятежников. Командовал королевскими войсками маршал де ла Мейер, но фактически всем распоряжался Мазарини. Кардинал проявил недюжинную стойкость и наличие полководческих способностей. Но один раз он все же сорвался. Когда де ла Мейер взял крепость Бэр, которой командовал Ришон во главе трехсот кондеянцев, Мазарини приказал повесить Ришона в трехстах метрах от резиденции короля. У Джулио от бессонных ночей и долгой осады уже лопалось терпение. На юного Людовика XIV вид повешенного произвел неизгладимое впечатление, возможно, в будущем породив в нем жестокость.

Около Бордо развернулась настоящая резня. Кардинал лично присутствовал на военных позициях. Армия короля состояла из восьми тысяч пехоты и трех тысяч конницы. После длительного боя маршалу де ла Мейеру удалось, наконец, взять предместье Сен-Сюрен. С обеих сторон вели сильный огонь – в стане кондеянцев насчитывалось сто двадцать убитых, в королевском лагере – около пятисот. Мазарини не жалел человеческих жизней ради победы. Перевес в конце концов оказался на стороне более сильного.

Казалось, пушечные выстрелы, произведенные в Бордо, были слышны и в Париже. Люди постепенно теряли интерес к политическим событиям. Хотелось тишины и мира. Любой ценой. Беспорядки лишь готовили почву для будущего торжества абсолютной власти. Самый тонкий из политиков того времени, Мазарини это интуитивно ощущал. Спустя год, находясь в изгнании, он имел немало времени, чтобы переосмыслить происшедшее. Тогда он четко сформулирует мысль, подходящую не только для Фронды: «Беспорядки, когда они доходят до крайности, неизбежно ведут к укреплению любой власти».

Парламент и народ Бордо сопротивлялись, пока надеялись на помощь Испании. Однако Филипп IV не спешил ее оказывать – беспорядки во Франции были ему на руку, поскольку сильно ослабляли противника в военном и финансовом отношении. Поэтому восставшие решили капитулировать, а точнее, заключить мир, ибо король в Бордо так и не вошел. Посланцы парламента выдвинули следующие условия: предоставить полную амнистию мятежникам, распустить армии с обеих сторон, кроме королевской гвардии, принцессе де Конде и герцогу Энгиенскому разрешить пребывание в одном из их замков, назначать губернатора в Гиени только с согласия народа.

Джулио Мазарини любил власть и умел ею пользоваться. Но его властолюбие никогда не доходило до мании – власть всегда

служила ему, а не он ей. Кардинал понимал, что заключение мира с Бордо на продиктованных его жителями условиях будет означать лишь временную передышку. Положение в Париже принуждало его к уступчивости. Со дня на день можно было ждать известия о том, что парламент столицы под давлением очередного бунта потребует освобождения принцев. Кроме того, Мазарини имел встречу с герцогами де Бульоном и Ларошфуко, на которой те пытались склонить первого министра к решению освободить Конде, Конти и Лонгвиля. Как заметил в своих «Мемуарах» де Рец, «кардинал лишь потому не настаивал на полном усмирении бордосцев, что он… нетерпеливо стремился возвратиться в Париж». Лучше полупобеда-полупоражение, чем полная катастрофа.

Мазарини удовлетворил все основные пожелания парламента Бордо. 1 октября 1650 года временный мир был заключен. Кондеянцы оставили Бордо, но не разоружились, сохранив свои укрепленные замки и возможность в любой момент возобновить войну под лозунгом освобождения принцев. По требованию народа платежи Гиени по талье были снижены более чем вдвое.

Очередной передышкой воспользовались обе стороны. Фрондеры стали искать новые способы избавиться от кардинала. Произошла очередная перегруппировка сил: стан Мазарини покинул парижский коадъютор. Первый министр нарушил обещание дать Гонди кардинальское звание, не оставив своему противнику выбора. Поэтому будущий кардинал де Рец вступил в переговоры с принцессой Пфальцской Анной де Гонзага, без устали интриговавшей в пользу клана Конде. Там же находился и герцог Ларошфуко, не выходивший из покоев этой принцессы. Анне де Гонзага удалось затмить даже герцогиню де Лонгвиль на поприще политических интриг. Принцесса пообещала Гонди, что тот получит вожделенную шляпу кардинала с помощью ее сестры польской королевы Марии де Гонзага. Ранее на эту шляпу претендовал принц Конти, который после своего освобождения из тюрьмы должен был жениться на любовнице Гонди мадемуазель де Шеврез. Таким образом, коадъютор менял любовницу на кардинальское звание и освобождал принца, заключению которого сам же способствовал.

В столице вокруг освобождения принцев развернулась крупная торговля. Складывалась разношерстная коалиция, которую можно было назвать коалицией на час. Не имевший силы для проведения собственной политики, Парижский парламент был вынужден подчиниться прямому и косвенному давлению этой коалиции. В нее входили все бывшие фрондеры, а возглавляли Поль де Гонди и герцог Орлеанский, разочаровавшийся в

Мазарини. Первого министра Франции «новые фрондеры» и вовсе уничтожили:

«Жюль Мазарини за то, что он, прибегая к различным ухищрениям, сорвал заключение Всеобщего мира;

за то, что совершил множество убийств, чему есть достаточно доказательств;

за то, что похитил и вывез за пределы Франции деньги короля;

за то, что открыто продал бенефиции, вакантные со времен регентства;

за то, что хотел уморить голодом город Париж и из-за ненависти решил пожертвовать горожанами;

за то, что тайно собрал хлеб королевства и продал врагам государства;

за то, что чарами и колдовством пагубно влиял на разум королевы;

за то, что нарушил обычаи Франции и преступил все божеские и человеческие законы;

за то, что признан виновником гражданских войн, длившихся два года;

за то, что обложил налогами подданных короля и тиранически выбивал из них огромные суммы денег.

Все это было установлено, доказано и проверено всеми парламентами Франции и квалифицировано как преступление против Его и Ее Величеств. Виновник был приговорен к повешению и удушению руками палача, а поскольку пока не был пойман и задержан, его портрет привязали к виселице и выставили на двадцать четыре часа в общественных местах и на площадях, где казнят преступников, а именно на Гревской площади, у Парижских ворот, у Центрального рынка, на площади Мобер, там, где кончается Новый мост. Настоящий указ был прочитан и развешан в Париже третьего ноября тысяча шестьсот пятидесятого года».

Кто знает, что случилось бы, но между фрондерами не было единства. Так, герцог Ларошфуко, который до недавнего времени являлся врагом коадъютора, госпожи де Шеврез, герцога де Бофора и госпожи де Монбазон, не торопился поставить свою подпись под договором с фрондерами. Он считал, что если они будут действовать слишком активно, то принцам не выйти из заключения без «подлинной революции», как он сам выразился. Герцог надеялся, что первый министр во избежание грозящих ему опасностей, возможно, выпустит Конде, Конти и Лонгвиля на

свободу без особого принуждения.

Прослышав об этом, Мазарини решил воспользоваться возможностью расколоть лагерь фрондеров и отделить от них Ларошфуко. Кардинал заявил о своем желании увидеться с герцогом в ночное время. Встреча состоялась, но к положительным результатам не привела. Ларошфуко был настроен очень решительно, он предоставил Мазарини в течение двадцати четырех часов подумать, объединиться ли ему с принцем, чтобы наверняка осилить фрондеров или увидеть, как принц объединяется с фрондерами, чтобы осилить его самого.

Не может быть решения там, где встречаются дипломат и горячая голова. Кардинал отложил сообщение о своем окончательном ответе на сутки. Время тянулось, и в конце концов Ларошфуко присоединился к фрондерам. Первый министр показался тогда будущему автору «Мемуаров» и «Максим» слабым и нерешительным, и он не захотел делать на него ставку.

Тем временем парламент ежедневно обращался к королеве с требованием освободить из заключения принцев. Анна Австрийская тянула время и, чтобы обмануть всех, послала в Гавр маршала де Граммона для отвлечения принцев притворными переговорами. Вскоре всем стало ясно, что это затеяно для того, чтобы выиграть время.

В конце января 1651 года генеральный наместник королевства герцог Гастон Орлеанский распорядился, чтобы все командующие воинскими частями подчинялись только его приказам. Распоряжение было тут же зарегистрировано Парижским парламентом. В результате кардинал Мазарини оказался лишенным важнейшей прерогативы исполнительной власти.

Джулио понял, что эта битва им проиграна. Но не сомневался, что временно. Что было делать? Первый министр не имел поддержки среди французского дворянства, которое на своих ассамблеях осудило его политику, и был ненавидим парижанами до такой степени, что боялся показываться на улицах. Его постоянно преследовали фрондеры. Поэтому Мазарини договорился с Анной Австрийской, что уедет из столицы, а впоследствии королева с сыном присоединятся к нему и будут свободны от всех обязательств. В ночь на 6 февраля 1651 года в сопровождении небольшого эскорта преданных людей он покинул Париж.

Первый министр двинулся в направлении Гавра, чтобы самолично объявить принцам о их освобождении. Он до последнего момента надеялся вновь заключить союз с Конде. Мазарини разговаривал с принцем в присутствии Конти,

Лонгвиля и маршала де Граммона. Он начал с оправдания своего образа действия, перечислил причины, которые подтолкнули его к аресту принцев, и в конце концов попросил Конде подарить ему вечную дружбу. Как только Джулио выдержал подобное унижение?!

Принц же не видел смысла в союзе с противником, потерпевшим сокрушительное, по его мнению, поражение. Тем не менее он и кардинал плотно и вкусно отобедали вместе, не скупясь на взаимные уверения, что мир между ними полностью восстановлен.

Оставшиеся в Париже Анна и Людовик сделали безуспешную попытку присоединиться к Мазарини. Но навязанный королеве фрондерами вместо верного Сегье в качестве хранителя королевской печати Шатонеф предупредил герцога Орлеанского о побеге. Гастон поднял на ноги парижского коадъютора, и тот начал незамедлительно действовать.

Барабанный бой, поднятые по тревоге конные патрули и отряды городской милиции создали невообразимый шум. Анна догадалась, что ее замыслы раскрыты, и поспешила уложить сына в постель.

Перед Пале-Роялем собралась огромная толпа, желавшая видеть своего монарха. Королеве ничего не оставалось, как открыть двери дворца и впустить разбушевавшийся народ. Она сама повела людей в комнату сына. Власть надо было сохранять – она не сомневалась, что Джулио вернется. Двенадцатилетний король умело притворялся спящим, и ранее кричащая толпа умилилась и притихла при виде красивого спящего мальчика. Люди покинули дворец, а двоих вожаков Анна сама попросила остаться и в беседе с ними провела всю ночь у кровати Людовика.

С этой ночи ворота столицы строжайшим образом охранялись. Мазарини пришлось одному отправляться в изгнание. А Конде вскоре с триумфом въехал в Париж.

Одна из аксиом высокой политики гласит: народ почти всегда проникается глубоким сочувствием к гонимым политическим деятелям. Тот же народ, который за год перед тем зажег праздничные огни в знак своей радости по случаю заточения принца, теперь держал взаперти двор в Пале-Рояле. Заточение принца придало новое сияние его славе и мужеству: он въезжал в столицу среди всеобщего ликования, вызванного столь успешным освобождением. Постигшая Конде опала привела к смене всеобщей неприязни таким же всеобщим сочувствием. Все парижане в одинаковой мере надеялись, что его возвращение восстановит порядок и общественное спокойствие.

Принца Конде почтительно встречали герцог Орлеанский, герцог де Бофор и парижский коадъютор. После этого все трое препроводили в Пале-Рояль принца, сопровождаемого приветственными криками народа. Дом Конде достиг тогда пика своего могущества. Со всех сторон раздавались советы заключить Анну Австрийскую в монастырь, а самому принцу объявить себя регентом… Однако двор отнюдь не спешил оказывать ему знаки внимания. Людовик XIV, королева и герцог Анжуйский оставались в Пале-Рояле с чинами своего придворного штата. Принца там приняли как человека, которому скорее под стать даровать прощение, чем молить о нем.

Некоторые сочувствовавшие фрондерам современники считали, что герцог Орлеанский и принц Конде допустили значительную ошибку, позволив королеве сохранить власть. Тогда ее нетрудно было у нее отобрать простым парламентским постановлением, поручив регентство и опеку над королем герцогу Орлеанскому. Считалось также, что бегство кардинала повергло в смятение его сторонников. Но сам Конде желал лишь быть полновластным первым министром, посягать на права королевы не входило в его планы. Он, принц крови, считал для себя невозможным нарушить определенные законы аристократической этики. Да и времени для раздумий на этические темы не было. Положение фрондеров было непрочным, ситуация все время менялась.

Как известно, лагерь фрондеров не был никогда единым. Теперь, после победы принцев, столкнулись политические амбиции аристократии, то есть дворян шпаги, и чиновников – дворян мантии. Первые хотели диктовать, как это было раньше, свою волю в королевстве, используя Генеральные штаты. Вторые стремились к утверждению прочных позиций суверенных судов и парламентов в системе государственной власти. Сейчас аристократия особенно настойчиво требовала созыва Генеральных штатов.

15 марта лозунг созыва Генеральных штатов поддержала Ассамблея французской церкви, раздраженная требованиями парламента об исключении из Королевского совета кардиналов. Духовенство обвиняло парламентариев в том, что они, сделав сами себя высшим сословием, разрушают традиционный трехсословный строй. Особенно здесь постарался Поль де Гонди, уже успевший позаботиться о своих интересах в Риме. Он добивался кардинальской мантии, и дело было уже на мази.

Гонди получил аудиенцию у папы Иннокентия, который затаил против Мазарини неприязнь со времени убийства одного из своих племянников. Римский понтифик подозревал в первом

министре Франции соумышленника врага нынешнего папы кардинала Антонио Барберини. Иннокентий немало тогда порассказал Гонди о жизни Мазарини в Риме. Папа прямо обвинил последнего в предательстве, когда Джулио служил у папского нунция Панцироли, имевшего чрезвычайные полномочия при заключении мира в Италии. Тогда Мазарини был уличен в том, что докладывал о содержании его депеш правителю Милана. Теперь Панцироли являлся кардиналом и государственным секретарем Папской области и немало посодействовал Гонди в получении кардинальской шляпы. Естественно, коадъютор всеми силами поддерживал интересы духовенства.

В ответ на требование аристократии и духовенства Парижский парламент принял постановление о роспуске дворянских ассамблей и мобилизовал королевскую милицию. Конфликт грозил вылиться в вооруженное столкновение. Лишь вмешательство герцога Орлеанского предотвратило его. Идея немедленного созыва Генеральных штатов провалилась.

Руководимая из-за границы кардиналом Анна Австрийская умело использовала раздоры среди противников. Королева в принципе согласилась с созывом Генеральных штатов, но их открытие было назначено на 8 сентября 1651 года, то есть вскоре после достижения Людовиком совершеннолетия. День рождения короля приходился на 5 сентября, французские монархи в то время считались совершеннолетними с тринадцати лет. Обещание Анны Австрийской было равносильно отказу, поскольку совершеннолетний Людовик мог отменить все решения, принятые в годы регентства. После этого дворянам в конце марта пришлось разойтись под угрозой разгона их ассамблеи вооруженной силой. Ассамблея церкви также смирилась с поражением и вскоре самораспустилась.

«Мне крупно повезет, если среди всех этих интриг и предательств я не сойду с ума… Я теряюсь среди бесконечного числа лиц, ведущих переговоры», – писал Джулио королеве из-за границы в том же марте 1651 года. В письме прорывались ноты усталости. Но иного выхода не было. Отказаться от борьбы кардинал не мог: вне политики, вне наслаждения властью и вне наслаждения борьбой за власть его ждала пустота доживания отпущенного срока.

Первый министр и в изгнании держал в руках все нити управления государством. Кардинал вновь обретал свою силу и власть в живописном замке Брюль в Рейнской Германии. Теперь там находился один из важнейших нервных центров

Французского королевства. Конечно, медленная победа давалась напряженным усилием ума, духовных и физических возможностей. Но иначе быть не могло.

Главной его заботой была Анна Австрийская, которая не могла жить и управлять королевством без своего друга и министра. Согласно уговору с Мазарини, королева пожелала вступить с принцем Конде в переговоры, рассчитывая либо добиться его полного и окончательного перехода на ее сторону и тем самым обеспечить возвращение кардинала, либо снова навлечь на него подозрения всех его друзей и приверженцев. В этом же направлении работали и люди Мазарини – Сервьен и Лионн. К переговорам с Конде Анна привлекла также и принцессу Пфальцскую, подав ей надежду на удовлетворение всех пожеланий клана. Принц согласился на переговоры, но пожелал, чтобы на них присутствовали герцог Ларошфуко, принц Конти и госпожа де Лонгвиль.

Представленный принцессой Пфальцской первый проект соглашения предусматривал, что принцу будет отдана Гиень, а должность генерального наместника в этой провинции – тому, кого он сам назовет. Губернаторство Прованса отдавалось под управление принца Конти. Предполагалось также, что будут розданы денежные награды всем сторонникам принца в войне. А от Конде требовалось только одно: выехать с охраной в свое губернаторство. Пребывая там, он не обязан содействовать возвращению кардинала Мазарини, но не должен и препятствовать этому.

Условия соглашения были подтверждены и дополнены Сервьеном и Лионном: должность генерального наместника Гиени предлагалась Ларошфуко. Принц ни от чего не отказывался, и создавалось впечатление, что соглашение между ним и королевой – дело решенное.

Видимость соглашения оказалась обманчивой. Конде притязал ни больше ни меньше как на руководство правительством, а не одной только Гиенью. Зачем ему был нужен Мазарини в Париже? Между тем постепенно всеобщая любовь к принцу, возникшая после его освобождения, стала сменяться неприязнью и недоверием к нему со стороны всех слоев населения столицы. Тому были веские причины.

Конде не поддержал идею созыва Генеральных штатов и тем самым заслужил неодобрение со стороны дворянского сословия. Затягивалось и заключение брака между принцем Конти и мадемуазель де Шеврез, хотя оба желали этого. Конде, метивший очень высоко, не хотел связывать себя столь близкими узами с фрондерами и коадъютором. С подачи принца ставленника

фрондеров Шатонефа отстранили от должности хранителя королевской печати, назначив на его место президента парламента Моле.

Это событие привело в ярость фрондеров, а коадъютор, личный враг Моле, поспешил в Люксембургский дворец сообщить о случившемся герцогу Орлеанскому и принцу. Конде не пытался ничего скрывать и совершенно равнодушно отреагировал на бурные разглагольствования Гонди и даже подшутил над ним. Поэтому фрондеры укрепились во мнении, что принц поддерживает тайные сношения с двором и, более того, с изгнанным первым министром. Они были убеждены, что пертурбации в правительстве были согласованы с принцем – тот и в самом деле был к этому немного причастен. Примерно в то же время королева вернула Шавиньи его прежнее место в Совете. Шавиньи, одновременно враг и фрондеров и Мазарини, объединился с Конде и стал пользоваться его полным доверием.

Но более всего раздражали значительную часть дворянства, парламент и народ тайные сношения Конде с испанцами. Вернувшись в Париж и не достигнув желаемых целей, принц отправил во Фландрию своего человека маркиза Силлери с приказанием связаться с испанским послом графом Фуэнсальданья и выяснить, какую бы помощь мог предоставить ему Филипп IV, если бы пришлось вести войну с французскими властями. Фуэнсальданья ответил дипломатично: посулил Конде больше того, что можно было у них попросить, при этом не упустив ничего, чтобы склонить принца поднять оружие.

Герцоги Ларошфуко и Бульон прилюдно осудили поведение принца и высказали своим соратникам мысль, насколько им безразлично, станет ли хозяином положения Конде или Мазарини. Ведь единственное, чего они добиваются, – это усугубить разлад между ними, чтобы использовать внутренние распри во Франции для достижения своих целей. Собственно, такие настроения поддерживались уже всеми.

До завершения войны с Испанией было еще далеко, и поэтому сношения с Мадридом могли расцениваться не иначе как предательство. Антииспанские чувства, как известно, были традиционными для французов. Особенно же они были сильны среди чиновных кругов, культурных сообществ и салонов, а также в среде крестьян Северной Франции. Несомненно, Конде совершил ошибку, завязав отношения с Испанией. Расчет принца на то, что всеобщая ненависть к Мазарини может оправдать его действия, оказался напрасным. В этих условиях Анна Австрийская заключила новый союз с Гонди с целью ниспровержения предателя Конде.

7 сентября 1651 года политическая ситуация во Франции существенно изменилась. 5 сентября Людовику XIV исполнилось тринадцать лет – время регентства считалось законченным. Спустя два дня состоялась официальная церемония, возвещавшая о начале его номинально самостоятельного царствования. Но сколько лет еще пришлось ждать, чтобы этот уже много переживший мальчик стал самым могущественным монархом Европы!

Париж уже с утра ликовал. С первыми лучами солнца огромная толпа заполнила все улицы, по которым должен был проехать королевский кортеж. За день до этого события были воздвигнуты трибуны до высоты второго этажа – утомленные распрями и гражданской войной жители города и окрестностей хотели увидеть настоящий праздник.

Они его получили. Объявление короля совершеннолетним должно было произойти в парламенте в 9 часов утра. Королевский кортеж направился ко Дворцу правосудия. Процессию открывали два трубача, за ними в церемониальном марше шествовали отряд королевской охраны, рота легкой кавалерии, восемьсот дворян, отряды швейцарцев, прево парижских торговцев с отрядом городской милиции. В своих лучших нарядах шли придворные, губернаторы провинций, комендантты крепостей, маршалы Франции. За ними показались королевские пажи, привратники, телохранители. Наконец в окружении оруженосцев появился сам король – невысокий, хрупкий, обаятельный мальчик.

Людовик прослушал в церкви Сен-Шапель торжественную мессу, а затем заседание всех палат парламента открылось. Это был большой церемониал с большими последствиями. На высоких креслах по правую руку короля располагались королева-мать, герцоги Анжуйский и Орлеанский, принц де Конти, другие герцоги и пэры, маршалы Франции, архиепископ Парижа и два епископа. На высоких креслах по левую руку восседали пэры от духовенства, советники палат парламента, папский нунций, послы Португалии, Голландии, Венеции, Мальты и другие привилегированные лица. Остальные знатные особы сидели на скамьях партера.

В центре зала в королевском кресле находился Людовик XIV. У ног короля располагались главный камергер герцог де Жуайез, носитель королевской шпаги граф д'Аркур, прево Парижа, канцлер Сегье, президенты Большой палаты, государственные секретари, королевские адвокаты Талон и Биньон, королевский прокурор Николя Фуке. На церемонии также присутствовали вдова Карла I Стюарта Генриэтта-Мария и ее сын Карл П. Им

были отведены места в ложе.

В отличие от болтливых судейских чинов юный король был очень краток в своей речи. Вообще, когда король занимает свое кресло во время заседаний парламента, его лаконизм считается первой королевской добродетелью. Людовик произнес: «Господа, я пришел в свой парламент, чтобы вам сообщить, что, следуя законам моего государства, я хочу отныне взять в свои руки государственную и административную власть. Я надеюсь, что с Божьей милостью это управление будет милосердным и справедливым».

Став полновластным хозяином своего королевства в 1661 году, Людовик почти до самой смерти считал, что был благочестив, милосерден и справедлив по отношению к своим подданным. Действительно, он относился к своему высокому положению монарха как к профессии. Королевские обязанности были главной и неотъемлемой частью его жизни, необходимым ритуалом, который должны были соблюдать все, кто приближался к нему. Людовик XIV любил свою «профессию» и кроме этого почти ничего не умел.

Король воистину был благочестив, даже слишком, особенно во второй половине своего царствования. Свое благочестие он силой распространял за пределы своего королевства, вообразив себя главой католического мира и проводя экспансию в Европе. Совмещалось ли его благочестие с милосердием и справедливостью? Однозначно – нет. В 1685 году, прикрываясь благочестивыми побуждениями, он отменил Нантский эдикт 1598 года, предоставлявший свободу вероисповедания гугенотам, и начал жестокие гонения на последних. В результате король сделал только хуже себе и своему государству. Гугеноты в основном были вынуждены массами бежать за границу. В глазах всех европейских государств, объединявшихся против исключительного роста французской гегемонии, Людовик XIV являл собой образ короля-тирана. Кроме того, исход гугенотов-буржуа из Франции в немалой степени ослабил экономику страны.

Сейчас же Людовик выглядел спокойным и даже казался немного беспомощным. Большую часть королевской декларации зачитал от его имени канцлер Сегье. После оглашения декларации встала Анна Австрийская и поклонилась сыну. Затем поднялся Людовик, подошел к матери и поцеловал ее. Возвратившись на свое место, он сказал ей в ответ: «Мадам, я благодарю Вас за заботы о моем воспитании и образовании и за управление королевством. Я прошу Вас продолжать давать мне добрые советы. Я желаю, чтобы после меня Вы были главой моего

Совета». Затем принцы крови, герцоги, пэры, маршалы Франции и священнослужители высшего ранга подходили к королю, целовали ему руку и клялись в верности. Президент Матье Моле произнес торжественную речь от имени Парижского парламента, после чего были представлены для регистрации многие важные королевские акты.

А в Париже царило буйное веселье. Фонтаны били вином. Салютовали пушки Бастилии, городских стен и маленького форта Пале-Рояля. Не умолкая звонили церковные колокола. Повсеместно раздавались крики: «Да здравствует король!» Люди танцевали на площадях и улицах. С наступлением темноты столица засверкала праздничными огнями, в небе полыхал фейерверк.

Любой пышный официальный праздник – повод для больших иллюзий. В зависимости от настроения людей иллюзии эти бывают различными. После совершеннолетия короля окончательно оформился хрупкий альянс мазаринистов и фрондеров, который скрепляла лишь общая вражда к Конде.

Несмотря на то что на церемонии в одной из деклараций парламента было объявлено о прощении Конде, сам принц не присутствовал на совершеннолетии своего монарха. Он понимал, что эта дата наделит Людовика абсолютной властью, знал, что восстановил против себя королеву, и явственно видел, что, усматривая в нем единственное препятствие к возвращению кардинала, она не остановится ни перед чем, чтобы погубить его или выслать. Дружба герцога Орлеанского представлялась ему ненадежной опорой, поскольку тот всегда находился под сильным влиянием парижского коадъютора.

Правда, Конде послал королеве письмо, в котором поздравлял ее с совершеннолетием сына и во вполне куртуазных фразах объяснял мотивы своего отсутствия. Одновременно он вступил в переговоры с герцогом де Бульоном и с помощью больших уступок, привилегий и денежных наград привлек его на свою сторону. В отношении герцога де Лонгвиля этого пока сделать не удалось. Ларошфуко колебался.

Анна Австрийская отнеслась к отсутствию принца как к демаршу и фактическому объявлению войны. В его уклончивом письме она усмотрела очередное личное оскорбление. Посовещавшись с Мазарини, королева предприняла несколько решительных шагов. Уже 8 октября Людовик XIV подписывает декларацию против принцев Конде и Конти, герцогини де Лонгвиль, герцога де Немура и герцога де Ларошфуко. Королева приказывает маршалу де Граммону распустить сосредоточенные в Шампани войска принца, что привело к вооруженному

столкновению.

31 октября Людовик и Анна Австрийская написали кардиналу из Пуатье, что ждут его возвращения. Междоусобная война вступала в новую фазу, и победить в ней надеялись оба титана – Мазарини и Конде.

Битва титанов *(продолжение)*

Чаша политических весов вновь склонилась в сторону министра-кардинала. Одновременно возвращалось и богатство. К концу 1651 года финансовое положение Мазарини заметно улучшилось, чем кардинал был во многом обязан стараниям молодого интенданта финансов Жана-Батиста Кольбера. Джулио уже тогда почувствовал в немногословном, но импульсивном выходце из кругов буржуа будущего финансового гения Франции.

Жан-Батист родился 29 августа 1619 года в семье Николя Кольбера, одного из владельцев фирмы, торговавшей традиционными предметами лионской торговли и производившей некоторые банковские операции. Он получил неплохое по тем временам образование в реймсском иезуитском коллеже.

В 1634 году молодой Кольбер поступает на службу к лионскому банкиру Маскарани, затем переезжает в Париж, где меняет несколько мест, связанных с протекциями его многочисленных родственников и знакомых. Сначала финансовые таланты способного юноши нигде не находили должного применения и признания. Только в 1643 году произошло очень важное для его карьеры событие. Государственным секретарем военных дел при новом первом министре становится Мишель Летелье, который являлся шурином Сен-Пу-анжа, кузена Жана-Батиста. С 1645 года Кольбер стал служащим «министерства» Летелье и быстро приобрел особое доверие последнего.

Доверие Летелье, человека Мазарини, молодой финансист полностью оправдал. В 1648 году он выгодно женился на дочери крупного буржуа-воротилы, связанного с военными поставками, и солидно обогатился. Причастность к военному ведомству и сторонникам Мазарини окупалась неплохо. К тому же и брак его оказался удачным.

Жан-Батист часто имел возможность видеть кардинала по делам Летелье. В 1650 году эти контакты стали постоянными – Мазарини и двор часто выезжали из Парижа. Летелье был вынужден оставаться в столице, но хотел иметь при кардинале своего представителя. Надо отдать должное Джулио – он мгновенно распознал в молодом человеке его и свое будущее. При этом Кольбер отнюдь не пел славословия в адрес Мазарини. Наоборот, они даже ссорились.

Поддерживая кардинала в трудное для него время, Летелье

хотел иметь от этого определенные выгоды. Однажды он попросил своего подчиненного испросить у Мазарини для него аббатство. Жан-Батист уважал Летелье и, столкнувшись с отказом первого министра удовлетворить просьбу шефа, наговорил немало грубостей. Немного позже кардинал жаловался Летелье, что его агент «употреблял слова, столь мало сообразные с тем, кто такой он и кто такой я, что я поневоле рассердился и ответил ему сотой долей того, что он мне сказал». В то же время Кольбер писал в Париж, как ему трудно переносить обращение «человека, к которому я не испытываю никакого уважения». Но смелость, как известно, города берет. Мазарини оказался незлопамятным – он был политиком и сумел оценить преданность молодого человека своему патрону и его высокие деловые качества. Со своей стороны смог оценить кардинала и Кольбер.

«Человеком» Мазарини Жан-Батист становится в тяжелый для первого министра 1651 год. Когда кардинал удалился в изгнание, во Франции у него осталось большое имущество, для которого требовался хороший и преданный управляющий. Обоюдный выбор Джулио и Летелье, немало рассуждавших на эту тему, пал на Кольбера. В литературе по поводу согласия молодого финансиста исполнять эту должность существуют различные мнения. Одни историки (Ж. Монгредьен, например) видят здесь проницательность и героические свойства характера Кольбера; другие (В. Н. Малов) полагают, что новая роль исполнялась им по приказу Летелье.

Жан-Батист согласился. Прямых указаний на истинные причины прямого перехода Кольбера в стан мазаринистов нет. Существует лишь письмо Летелье к Мазарини от 7 марта 1651 года, в котором говорится: «Куда бы ни удалилось Ваше Преосвященство, господин Кольбер будет иметь честь отправиться к Вам и делать все, что Вы прикажете».

Кольбер был человеком бескорыстным и независимым, но прекрасно понимал, какие люди нравятся первому министру. При официальном оформлении договоренности о новой службе Жан-Батист поставил свои условия: Мазарини должен был обратиться к Летелье с просьбой позволить его клиенту заниматься делами кардинала, а Кольбер продолжал бы в прежнем объеме работать при старом патроне. Новый управитель первого министра также заявил, что «не хочет служить из корысти», и отказался получать от кардинала жалованье. Собственно, денег у него и так хватало – теперь надо было делать карьеру, благо возможности для этого имелись. К тому же поначалу, вплоть до 1652 года, когда в победе Мазарини перестали сомневаться, роль Жана-Батиста была двусмысленной – он постоянно извещал своего старого патрона и

двор о намерениях и перемещениях Джулио.

Корысть все же существовала. Благодаря посредничеству Мазарини Жан-Батист, не получавший от него жалованья во время Фронды, устраивал судьбу своих братьев. Зато управляющий проявил чудеса ловкости и трудолюбия, собирая по крупицам, казалось бы, безнадежно погибшее состояние своего господина. Кольбер оспаривал сомнительные претензии заимодавцев, выкупал отданные в залог ценные вещи, вел утомительные переговоры с враждебно настроенными магистратами. Современники обвиняли Жана-Батиста в получении вместе с Мазарини взяток от откупщиков, в замаскированном участии в их операциях, в скупке обесценившихся казначейских билетов и реализации их за полную стоимость и т. д. Но в этом отношении Кольбер поступал в соответствии с нормами тогдашней этики отношений между патроном и клиентом.

Впоследствии стараниями своего управителя кардинал стал обладателем самого крупного во Франции состояния в сорок миллионов ливров. В ноябре 1651 года Мазарини писал о своем финансисте: «Я уверен в том, что Кольбер – за меня, в том, что он утопит любого человека из тех, кого он любит, ради моих интересов. Это для него дело чести… Кольбер исходит из того, что, продвигая мои дела, тем самым он делает свои». Джулио, конечно, несколько заблуждался в отношении своего подчиненного – что было бы, если бы он проиграл? Но усилия Кольбера в конечном итоге оказались не напрасными.

Тем временем военные действия против Конде развивались при явном перевесе правительственных войск. Сторонники принца укрепились в Монроне, Бурже, Ла-Рошели. Оставив Каталонию испанцам, к нему на помощь двинулся генерал Марсен. В самом Париже агенты Конде старательно настраивали прессу против Мазарини и двора – количество «мазаринад» явно не сокращалось вплоть до конца 1651 года.

Как и в прошлом году, главной опорой кондеянцев стал Бордо, где принц мог утвердиться на легальных основаниях – ведь после освобождения из тюрьмы ему удалось получить пост губернатора Гиени. Силы мятежников были значительными, к тому же они рассчитывали на традиционную ксенофобию французов по отношению к итальянцам. Ушедший в сторону от борьбы Гастон Орлеанский и тот заявлял: «Как вы понимаете, я последовательный противник флорентийцев (то есть итальянцев вообще. – *Л. И.)».* Все-таки и Конде и Конти были французами, а Мазарини – итальянцем. Однако в конечном итоге ксенофобия по отношению к Испании оказалась у французов сильнее.

Анна Австрийская и Мазарини были отнюдь не беззащитны. Кардинал, находясь в ссылке, переманил на сторону королевы Тюренна и герцога де Бульона, который шел туда, где пахнет большими деньгами и пожалованиями. Стал Мазаринистом и уставший от бесплодного бунта и вечных измен жены герцог де Лонгвиль. Поэтому подвластная ему Нормандия сохранила спокойствие. Важнейшие провинции Прованс и Бретань тоже остались в сфере влияния правительства.

Но главным было то, что полной победы Конде никто, кроме его ближайших сподвижников, не хотел. Для дворянства мантии французских городов Конде был лишь силой, опираясь на которую можно было отстаивать свои вольности и привилегии. Поэтому южные города при подходе королевских войск тут же сдавались без боя. Местные парламенты и губернаторы не желали соглашаться размещать испанские гарнизоны в случае победы принца. Поэтому к зиме 1651/52 года в руках мятежников оставались только провинция Гиень и все еще не сдававшаяся осажденная крепость Монрон.

Очередной кризис подходил к концу. Появилось много предложений и посредников для примирения. Казалось, война заканчивалась. После долгих совещаний с Анной Австрийской герцог де Бульон поручил своим людям предложить принцу все, что он пожелает для себя и своих друзей. Взамен Конде не должен был препятствовать возвращению первого министра.

Вместе с тем при дворе укреплял свои позиции ловкий Шатонеф, временно пребывавший на посту первого министра. Конечно, он страшно не хотел возвращения кардинала и намеревался предложить другие условия примирения, препятствующие появлению Мазарини при дворе, но не смог их противопоставить предложениям Анны Австрийской. Поэтому пройдоха изъявил готовность безраздельно объединиться с принцем и предоставить ему в руководстве государственными делами столько участия, сколько тот пожелает, лишь бы Мазарини не вернулся. Казалось, ситуация могла дойти до такой степени, что скоро во Франции не нашлось бы места только для одного человека – Джулио Мазарини.

Анна Австрийская, конечно, узнала об инсинуациях Шатонефа, да и Конде оставался глух к столь разноречивым предложениям. И вот 23 декабря 1651 года произошло событие, резко осложнившее ситуацию: по приглашению королевы-матери Мазарини вторгся с армией во Францию. Уже 29 декабря он, одновременно радуясь и тревожась, пересек границу своей второй родины и отужинал в Седане. Джулио не хотел и не умел проигрывать.

По этому поводу в Парижском парламенте разбушевались страсти: всем городам строго-настрого запрещалось давать проезд кардиналу. Мазарини и его сторонники обвинялись в оскорблении королевского достоинства, более того, за поимку первого министра была обещана награда сто пятьдесят тысяч ливров. Хотя это была по тем временам очень солидная сумма, никто кардинала живым или мертвым в Париж не доставил. Вскоре Джулио воссоединился с любимой королевой и Людовиком.

А столица была пуста. Поскольку выехавший на войну с кондеянцами двор находился в провинции, возвращение в Париж вместе с кардиналом оказалось для него проблематичным. Положение становилось донельзя запутанным и могло привести к развязыванию новой драки.

Обстоятельства толкали парламент к коалиции с Конде, и в то же время парламентарии не хотели открытого союза с мятежниками и их главой-предателем. В силу этого парламент был вынужден поручить герцогу Орлеанскому набрать армию для борьбы с Мазарини. Но в январе 1652 года герцог Орлеанский и Конде заключили союз, а войско Гастона фактически перешло под командование принца. Заключить соглашение с принцем герцогу препятствовал лишь один человек – коадъютор парижский, который в данной ситуации желал остаться нейтральным. У него сейчас была только одна цель – сделаться кардиналом. Конде даже попытался похитить Гонди и увезти его в одну из своих крепостей. Замысел принца не увенчался успехом. Гонди вовремя ретировался.

Из Фландрии герцог де Немур привел испанскую армию, а Бофор, вновь перешедший на сторону Конде, стал во главе войск герцога Орлеанского. Объединенную армию возглавил сам принц. Кондеянцам противостояла королевская армия под командованием Тюренна. Двор Людовика XIV находился тогда в Бурже. Но вплоть до июля ни одной из сторон не удавалось достичь существенного перевеса.

Герцог Орлеанский собирал армию на собственные средства – парламент не хотел тратиться на ведение войны. Парижские магистраты решительно не желали открывать городские ворота перед отрядами кондеянцев. Против принца их настроил Гонди, которого папа римский назначил кардиналом 19 февраля того же года. Но чтобы стать кардиналом во Франции, коадъютору нужно было дождаться момента, когда король собственноручно возложит на его голову вожделенную шапочку. Поэтому Гонди решительно не желал ссориться с официальными властями.

И все же в апреле 1652 года главные военные действия были

перенесены в окрестности столицы. Возможности лавирования для парламента резко сузились. Судьба государства зависела теперь не только от перипетий военных действий.

Вся политическая программа парламента сводилась к антимазаринистским лозунгам и политике, и ненавидевший кардинала парижский плебс на них горячо откликался. Сейчас же народ не понимал нерешительности парламента. Парижане видели, что войска кардинала стояли в двадцати – тридцати лье от города, что начались перебои с поставками хлеба, что столице, как три года назад, грозит блокада. А городские власти почему-то не хотят открыто вступить в союз со своими французскими принцами против угнетающего всех министра-иностранца. Членам парламента кричали в лицо: «Долой Мазарини! Даешь войну!» Но еще громче раздавались голоса, требовавшие «мира и хлеба».

В то же время Конде проводил свою политику по отношению к плебсу. Теряя поддержку среди высших слоев общества, принц и его сторонники были вынуждены все чаще обращаться к простонародью, как бы это им ни претило.

Все начиналось с провинции. В Бордо герцогиня де Лонгвиль и принц Конти довольно успешно попытались завоевать симпатии Ормэ – органа власти, созданного неименитыми буржуа и ремесленным людом. Название «Ормэ» происходило от слова «орм», то есть «вяз» – ормисты собирались на поляне под вязами, в чем видели показатель демократичности своего движения. Любопытно, что их демократичность доходила до того, что Конти назначили возглавлять управление городом. Правда, во многом это было формальностью, поскольку принц во всех вопросах внутригородской политики должен был исполнять волю горожан. Хотя идеология Ормэ действительно, исходя из их памфлетов, казалась плебейской и опора на городские низы была основой и источником движения, все же ни одного простолюдина, стоявшего на социальной лестнице ниже мастера-ремесленника, среди видных ормистов не имелось. Иначе в те времена и быть не могло.

В Париже Конде через своих агентов старался управлять действиями наиболее обездоленных жителей столицы. В этом его поддерживал герцог Орлеанский. Бунты народа доходили даже до прямых погромов, но кондеянцев это ничуть не смущало. Когда страдавший от дороговизны плебс разгромил таможню у Сент-Антуанских ворот, Гастон Орлеанский лишь заметил:

– Я рассержен, но все же неплохо, что народ время от времени просыпается. Никто не убит, остальное не важно.

Это замечание вскоре стало известно всему Парижу.

Неосторожные слова Гастона развязали руки плебсу. И спустя несколько дней герцогу пришлось бороться с хлебным бунтом.

В этих условиях прибывший в Париж 11 апреля Конде был с восторгом встречен народом. От него ждали чуда или по крайней мере решительных действий. Обстановка в столице была крайне напряженной. С конца апреля чуть ли не ежедневно происходили волнения горожан. В то время как магистраты колебались, плебс страдал от голода и искал виновников. Повсюду видели происки «мазаренов», народ склонялся к самочинной расправе с ними. Громили бюро налоговых сборов, лавки хлеботорговцев. Имели место вооруженные нападения на членов муниципалитета и сторонников кардинала. Тогда чуть не пострадали президенты парламента де Мем и де Новьон. 20 мая толпа напала на Сен-Круа, сына первого президента парламента Моле. В июне нападениям подверглись советник парламента Вассан, президенты Торе и де Лонге. Когда же на улицах начали распространять афишу, извещавшую, что парламент предоставил герцогу Орлеанскому полную власть над городом, магистраты запретили продавать и перепечатывать ее.

Кондеянцы широко использовали столь благоприятные условия для развертывания своей демагогии, стремясь захватить полную власть над столицей. Особенно отличился герцог де Бофор, взявший на себя командование отрядом нищих и выступавший с откровенно подстрекательскими призывами к избиению и грабежу «мазаренов».

Долго так продолжаться не могло. И большинство магистратов, и народ стремились к прекращению войны, желали возвращения короля и двора в Париж. Но еще существовал предел их миролюбию – они не хотели возвращения Мазарини. Пока не хотели, поскольку оно означало бы полное поражение парламента, всей его политики с 1648 года. Однако война становилась все более невыносимой.

Джулио тоже понимал, что эту свалку надо прекращать. Кардинал уже почти наверняка знал, что победа будет за ним, и не прекращал своей кропотливой работы. За это время ему удалось лишить Конде поддержки еще одного возможного иностранного союзника – Англии. Помощи этого республиканского государства искали обе стороны.

Международные позиции любой партии, взявшей власть силой, поначалу всегда очень сложные. Гражданские войны в Англии нарушили ее регулярные дипломатические связи с континентом, а спустя некоторое время после казни Карла I дипломатическая служба и вовсе была временно прервана.

Молодой республике помогало только то, что европейские государства, находясь в кризисном положении после Тридцатилетней войны, занимали выжидательную позицию по отношению к новой Англии.

Долго не желало ждать лишь одно высокопоставленное лицо за границей – наследник английского престола принц Уэльский. Казнь его отца вызвала серьезные восстания в пользу роялистов в Шотландии и Ирландии. Инициатором этих восстаний был именно Карл II, называвший себя после смерти отца «бедным королем, который не имеет ничего, кроме имени». Но он имел, пожалуй, самое главное – оптимистический характер, позволивший ему стойко вытерпеть годы лишений и унижений за границей и вновь обрести английский трон в 1660 году.

Желая заручиться иностранной поддержкой, Карл II поначалу обратился к немецким князьям. Но те, истощенные прошедшей войной, не смогли предоставить ни денег, ни солдат. Поэтому Карл решил действовать на свой страх и риск. В конце 1649 года он приехал на остров Джерси руководить ирландским восстанием. У некоронованного короля имелись определенные надежды на Францию – его мать Генриэтта-Мария, воспользовавшись передышкой после парламентской Фронды, своими постоянными хождениями и жалобами вырвала-таки обещание у Мазарини высадить французские контингенты в Ирландии. Хотя это была лишь отговорка кардинала, Кромвель через своих агентов узнал о ней, уже готовясь к вторжению в Ирландию. В течение следующих нескольких месяцев Ирландия была завоевана, а три ее провинции из четырех конфискованы в пользу завоевателя. После этого английского правителя стали серьезно бояться в Европе.

Свою поддержку Карлу II кардинал на словах обещал и во время шотландского восстания в следующем году. Но ничего не предпринял – внутренних забот было выше головы. С шотландцами произошло то же, что и с ирландцами. В битве при Вустен Кромвель нанес им страшное поражение и заставил молодого короля бежать во Францию. А сам приобрел на континенте статус непобедимого полководца.

Оливер Кромвель тоже никогда не брезговал двойной игрой и в своих интересах старался использовать сложную ситуацию во Франции. Фрондеры в своей борьбе с Мазарини были вынуждены пользоваться любыми возможностями и любыми союзниками. Мазарини представлял в своем лице официальное правительство, с которым имели сношения и от которого старались получить помощь Карл II и Генриэтта-Мария. Поэтому Конде сравнивал свое положение с положением Кромвеля во время гражданских

войн в Англии и, отвлекаясь от истинных политических и конфессиональных мотивов, в сущности, желал быть таким же победителем, как Кромвель. Принц, как и Джулио Мазарини, втайне восхищался главой Английской республики.

Развязав войну, Конде тут же наладил дипломатические связи с Кромвелем, пытаясь получить от него реальную помощь. Его ничуть не смущало, что фрондеров поддерживала Испания – враг Английской республики. Активные связи с Альбионом имелись и у ормистов – сторонников Конде. И все время, пока принц «был на коне», английский лидер поддерживал с ним довольно тесные сношения. Он ссужал фрондерам деньги, а также разрешил агентам принца импортировать французские вина в Англию по низким ввозным тарифам. Но реальной военной помощи кондеянцы от Кромвеля так и не дождались.

Что же касается Мазарини, то во время Фронды он старался не только «перейти дорогу» Конде, но и действовал в интересах французской внешней политики в целом. Для будущего кардинал ясно выразил свою позицию по отношению к Англии в записке «Об Английской республике», представленной Анне Австрийской и Королевскому совету в январе 1651 года.

В этом документе говорилось, что «если действовать по законам чести и справедливости, то отнюдь не следует признавать Английской республики», но «никогда не нужно делать то, что противно правилам благоразумия… какие бы мы ни сделали демонстрации в пользу английского короля, они отнюдь не восстановят его престола… дальнейший отказ принять республику, на деле пользующуюся уже верховной властью, нисколько не послужит к усилению или утверждению прав короля… Настоящее положение дел во Франции не позволяет дать ему никакой помощи… Франция, ведя теперь большую войну и волнуемая внутри различными партиями, может подвергнуться крайней опасности, если англичане соединятся с одной из этих партий…».

Безусловно, здесь имелись в виду прежде всего Конде и его сторонники. Кардинал вынужден был признать, что «следует ныне же войти в переговоры с Английской республикой и признать за ней титул, который она желает». Несмотря на то что посол Англии в Испании был недавно убит, Мазарини все же опасался, что на фоне обострявшихся англо-голландских противоречий Кромвель сможет найти общий язык с Мадридом, что будет крайне невыгодно для Франции и самого первого министра. Мнение кардинала подтвердил его посол в Гааге Брассе. Он высказал мысль о том, что Филипп IV не против признать Английскую республику и Франции необходимо

опередить его.

Как видно, международные позиции Кромвеля постепенно укреплялись. В отношении Фронды он занимал выжидательную тактику, фактически не вмешиваясь в войну между правительством и оппозицией. Ему, в сущности, нужна была стабильная Франция – этой стране он отводил одно из важнейших мест в своей внешней политике. Нужна для борьбы с общим врагом – Испанией и для стабилизации в целом общеполитической ситуации в Европе после Тридцатилетней войны.

А в Париже Джулио, Анна и Людовик, чтобы спасти ситуацию, были вынуждены пойти на хитрость. 16 июня король дал понять депутации парламента, что Мазарини будет уволен с поста первого министра при условии полного разоружения принцев-фрондеров. Обсуждение этого предложения в парламенте 21 и 25 июня сопровождалось манифестациями у Дворца правосудия. Народ по-прежнему не хотел Мазарини, но уже твердо жаждал мира. Требования мира во что бы то ни стало звучали весьма внушительно.

25 июня парламенту предстояло обсудить условия соглашения, которые выдвинул двор в ответ на настоятельное требование изгнать кардинала. Согласно этому документу принц Конде и герцог Орлеанский должны были:

отказаться от союзов с иностранными державами;

не предъявлять более никаких требований королю;

находиться при королевском дворе;

вывести с территории Франции всех иностранных солдат;

распустить свои войска;

прекратить противозаконные действия своих сторонников в Гиени;

демонтировать все крепости Конде.

Условия были вполне приемлемыми для парламента, но означали полную капитуляцию фрондеров. На откровенный разрыв с двором принц Конде пока не пошел. Он проиграл битву во Дворце правосудия, но улица осталась за ним.

После того как он и герцог Орлеанский вышли из здания парламента, начались беспорядки. В задержавшихся магистратов полетели булыжники и поленья, раздались выстрелы из пистолетов и аркебуз. Несколько человек охраны были убиты. В этот и последовавшие дни сотнями публиковались памфлеты, критиковавшие принцев, политику правительства Людовика XIV и особенно парламент – магистратов обвиняли в том, что они пекутся только о своих интересах, что именно из-за них началась

междоусобная война и король покинул столицу… Это уже что-то значило – народ вспомнил, с чего же начиналась Фронда…

Парламент попытался предпринять ответные меры, открыв следствие по делу о беспорядках и запретив печатать и распространять возмутительные памфлеты и другие печатные издания. Но беспорядки продолжались, и у парламента не было сил их прекратить. Когда свобода достигает апогея, она вырождается в анархию. Покончить же с анархией можно только насильственными мерами. Рамки свободы уже вышли за пределы осознанной необходимости.

Тем временем успешная дипломатия первого министра и умелые военные маневры Тюренна принудили союзника Конде герцога Лотарингского покинуть пределы Франции. Этот успех обеспечил военный перевес правительственных сил: армия принца насчитывала всего пять тысяч человек, а у Тюренна было двенадцать тысяч и гораздо больше артиллерии. Опасаясь, что время работает против него, Конде прибег к решительной мере.

Важнейшее событие последнего года Фронды произошло в одном из парижских предместий. 2 июля 1652 года у самых стен Бастилии в Сент-Антуанском предместье началось сражение между войсками принца и Тюренна. Кондеянцы сражались отчаянно: им удалось отразить две атаки колонн Тюренна, нанеся большой урон противнику. Но численное превосходство королевских войск дало о себе знать. Армия Конде была бы полностью уничтожена, если бы парижане не открыли Сент-Антуанские ворота и не впустили оставшихся солдат в город. Пушки Бастилии прикрыли их отход.

Сделав на Конде последнюю ставку, парижане пожалели его. Принц был спасен от полного разгрома. Но что делать дальше? Просить милости у короля или продолжать борьбу, мобилизовав для этого все силы столицы? Унижаться великий Конде не мог и выбрал борьбу.

Эта борьба дошла, как и Фронда, до крайностей. Принц решил преподать урок не только магистратам, но и всей верхушке столицы, которая, по сути, его совсем недавно спасла. 4 июля было произведено вооруженное нападение на собравшийся в ратуше Большой городской совет. Сотни людей погибли в тот день. Губернатор Парижа маршал Лопиталь бежал из города, прево Лефевр объявил об отставке, многие последовали его примеру или заплатили выкуп.

Так с помощью террора Конде достиг полного подчинения Парижа. Но то была пиррова победа, поскольку принц оттолкнул от себя население города. Резню 4 июля трудно назвать восстанием или бунтом. В ней слишком активное участие

принимали переодетые солдаты Конде и люмпены Бофора. А в действиях толпы, собравшейся в тот день перед ратушей, проявилась извечная вражда плебейства к городской олигархии – чиновничьей верхушке. Советников и парламентариев избивали всех подряд, не разбирая, мазаринисты они или кондеянцы. Поэтому теперь состоятельные люди стремились покинуть столицу, пока не поздно. Народ голодал и зверел, а солдаты Конде занимались грабежами, насиловали женщин и потихоньку от своего командующего дезертировали.

Авторитет принца стремительно падал – ничто уже не могло помочь одинокому хозяину Парижа. Конде фактически оказался в политическом вакууме. После 4 июля старый муниципалитет был распушен. Новым купеческим старшиной был назначен популярный в среде парижан Бруссель. Но народ это не успокоило – им овладела явная апатия и неверие в необходимость бунтовать. Люди наконец начали понимать, что принцы ничем не лучше Мазарини, а может быть, и хуже. А напуганные погромами буржуа уже поняли, что Фронду в любом ее виде надо побыстрее заканчивать.

Конде запретил делегатам шести крупнейших цехов столицы отправиться к королю, чтобы засвидетельствовать свое почтение. В августе представители городской верхушки собрались в Пале-Рояле, где обсуждали этот отказ и свою дальнейшую тактику. Их поддержало много людей, столпившихся у стен дворца. Их шляпы были украшены листком белой бумаги – впервые белый цвет, символ верности королю, вытеснил желтую символику мятежа.

Слабели позиции принца и в провинции, даже в послушном ему Бордо. В этом городе и народ и парламент были сильно разъединены. Одни являлись противниками двора, другие, а таковых становилось все больше даже среди ормистов, – его сторонниками. В парламенте Бордо среди противников двора существовали две группы. Одна из них именовалась Большой Фрондой, другая – Малой. Каждая из групп мешала другой, стремясь самой закрепиться около принца.

Такая ситуация ослабляла позиции Конти и госпожи де Лонгвиль, уже не ладивших между собой. Разлад между ними умело подогревался агентами кардинала, как сообщает в своих «Мемуарах» герцог де Ларошфуко. Борьба между группировками, анархия, разлад в правящих верхах оттолкнули ормистов, малых и больших фрондеров и весь народ Бордо от сторонников Конде. В провинциальном центре, как и в столице, вспыхнули беспорядки и волнения. Все это привело принца Конти и госпожу де Лонгвиль к необходимости оставить Конде и принять все условия, какие первому министру было угодно им навязать.

В рядах активных сторонников правительства в Париже проявился и Поль де Гонди. «Роль противника принца Конде делала мне честь», – напишет он впоследствии. Гонди довольно активно взаимодействовал с людьми Мазарини, особенно с бывшим послом в Англии Бельевром. Но все-таки парижский коадъютор, готовящийся к вступлению в кардинальскую должность во Франции, был сейчас растерян, как и многие другие представители правящих кругов королевства.

– Куда мы идем? Ради кого усердствуем? Я знаю, что мы принуждены делать то, что делаем, и делаем это наилучшим образом, но пристало ли нам радоваться необходимости, толкающей нас к этому лучшему, когда она вскоре неизбежно приведет нас к худшему? – спросил в августе 1652 года не веривший уже ни во что Гонди Бельевра.

– Понимаю Вашу мысль, но позволю себе возразить словами, которые однажды слышал от Кромвеля. Как-то Кромвель сказал мне, что всех выше поднимается тот, кто не знает, куда держит путь, – ответил его собеседник.

На это Гонди возразил:

– Вам известно, что Кромвель мне отвратителен, а если он придерживается подобного мнения, я еще и презираю его, хотя нам и пытаются внушить, будто он человек великий, ибо подобное мнение достойно повредившегося в уме.

Стрелы были пущены как в Конде, так и в Мазарини, считавших английского властителя великим. Кардинал и сам претендовал на величие, в сущности, являясь таковым, хотя и был совсем непохож на Оливера Кромвеля. Гонди же не желал признавать величия ни за кем. Но подчинился обстоятельствам.

Впоследствии слова Гонди были переданы Кромвелю, тогда уже ставшему лордом-протектором Англии. Кромвель сказал французскому послу в Лондоне де Бордо: «Мне известен лишь один человек на свете, который меня презирает, – это кардинал де Рец». Как видно, протектор тоже имел о себе высокое мнение.

В конце августа Королевский совет обнародовал указ об амнистии – за исключением руководителей, всем участникам гражданской войны гарантировалось прощение в случае их возвращения под власть короля в трехдневный срок.

В Париже обрадовались этому известию. Оставшиеся представители чиновничества и буржуа настолько осмелели, что пригрозили Конде, что они отправятся ко двору Людовику XIV в Бурже просить помощи для изгнания армии принца из столицы. Конде ничего не мог им противопоставить.

В начале сентября Париж веселился, предчувствуя мир. Веселье это совпало с днем рождения короля. В городе пускали

фейерверк и жгли потешные огни. А Великий Конде был мрачен и не выходил на улицы. В эти дни в Бурже веселился и Джулио Мазарини, хотя сейчас и не собирался возвращаться в столицу. Зато он знал, как лишить принца последнего козыря в игре.

11 сентября Людовик XIV торжественно возложил на голову Гонди кардинальскую шляпу. Тот произнес перед королем и королевой-матерью прочувствованную речь, проклиная несчастья, принесенные войной, и требуя немедленного установления мира. 12 сентября король ловким маневром дал почетную отставку Мазарини, объявив, что отпускает «своего верного слугу». Эти события окончательно изменили настроение парижан. Джулио вновь отправился в изгнание, но уже с легким сердцем. В том, что он скоро вернется, в высшем свете и в парламенте никто не сомневался.

Все еще цепляясь за последние остатки власти, Гастон Орлеанский как-то сказал Гонди, что решился прибегнуть к народу, чтобы оживить бдительность парламента на случай возвращения Мазарини. «На словах, Месье, парламент всегда будет неусыпно бдить, чтобы не допустить возвращения кардинала, а на деле будет спать глубоким сном», – ответил новый кардинал. Гастон принял его слова за шутку, но тот и не думал шутить. Он просто знал, что говорит.

23 сентября в Париже была распространена королевская прокламация, в которой парижанам разрешалось взяться за оружие, чтобы восстановить низвергнутый 4 июля старый муниципалитет. 24 сентября престарелый Бруссель подал в отставку.

Последним оплотом Фронды оставалась Гиень. В Бордо еще сидел вновь вернувшийся к брату Конти. 13 октября Конде выехал из Парижа и еще раз попытался привлечь на свою сторону герцога Лотарингского. Но это была уже агония. В конечном счете герцог предал его, а 3 августа 1653 года в капитулировавший Бордо вступила королевская армия.

Но фактически Фронда закончилась раньше. 21 октября 1652 года Людовик XIV – олицетворение мира – въехал в Париж. Можно себе представить, сколько радости было по этому поводу. «Почти все население Парижа пришло его встречать в Сен-Клу», – свидетельствовал Мишель Летелье. На следующий день, 22 октября, на торжественном заседании парламента в Большой галерее Лувра в присутствии короля была оглашена декларация о запрещении магистратам впредь заниматься государственными делами и вопросами финансовой политики. Таким образом, фактически было покончено с притязаниями высших судебных палат участвовать в управлении страной иначе, чем

традиционным путем представления ремонстраций. Декларация была зарегистрирована парламентом без возражений.

Одновременно парламент безропотно зарегистрировал и эдикт, отменявший большинство фрондерских постановлений и провозглашавший амнистию. Не были помилованы некоторые аристократы (среди них Бофор и Ларошфуко) и несколько судей, в том числе старый Бруссель и его сын, успевшие, впрочем, скрыться до этого из Парижа. Госпожу де Монбазон, госпожу де Шатийон и других ярых фрондерок отправили в ссылку. 12 ноября вышла в свет новая королевская декларация против последних фрондеров – Конде, Конти, герцогини де Лонгвиль и других.

25 октября герцог Орлеанский подписывает документ о повиновении королю и признании своей вины. Ему было предписано уехать в его замок в Блуа, что он и сделал. 26-го Людовик XIV пишет Мазарини: «Мой кузен, пора положить конец страданиям, которые Вы добровольно претерпеваете из-за любви ко мне». А 19 декабря король по совету переписывавшегося с ним Мазарини приказывает заключить в тюрьму кардинала де Реца, «от которого исходило все зло или по крайней мере большая его часть».

Надо сказать, это событие наделало немало шума. Людовик отдал приказ капитану своей гвардии арестовать де Реца после совершенно безобидного разговора. Это происходило на глазах духовника короля отца Полена, совершенно ошеломленного происходящим. Де Реца увезли в Венсенн, где сидели самые знатные узники и где он проведет пятнадцать месяцев и тяжело заболеет. Смелый шаг и самообладание короля произвели должное впечатление на двор. Джулио был в восторге от поведения своего крестника, но еще больше его восхитило избавление от человека, приносившего столько хлопот.

Кровавая Фронда закончилась впустую для оппозиции – власть монарха вышла из кризиса только укрепившейся. Но кризис надо было пережить – таковы законы истории и человеческого сознания.

3 февраля 1653 года в Париж, как неоспоримый хозяин положения, вернулся Джулио Мазарини. Для въезда в столицу он специально подобрал себе белого коня, вспомнив, как въезжал кардинал Ришелье в покоренную им Ла-Ро-шель. Джулио возвращался в город, который освистывал, осуждал, проклинал, грабил, на который клеветал бесконечное число раз. Поскольку сам Людовик выехал навстречу своему крестному отцу, народ встретил кардинала по-новому, демонстрируя, хотя бы внешне, глубокую преданность. У ворот Сен-Дени собралась огромная

толпа. Она скандировала: «Да здравствует король!» Люди были почти готовы закричать: «Да здравствует Его Преосвященство!» Карета Его Величества проводила Мазарини до Лувра, где было уже все готово, чтобы его принять. Все-таки Франция не смогла обойтись в тяжелое время без своего проницательного политика, хотя и не любила его.

Более сильный титан победил. А другому титану еще целых семь лет предстояло воевать против родины в рядах испанской армии.

Позднее современник событий Фронды Блез Паскаль в своих «Мыслях» отметит «несправедливость Фронды, которая выставляет свою мнимую справедливость против силы». Наблюдения над различными слоями социальной пирамиды во время французской смуты, начиная от короля и кончая низами народа, привели Паскаля к размышлениям о природе государства и об отношении к нему. Справедливость мыслитель называет мнимой потому, что, набрав достаточно силы, она превращается в свою собственную противоположность. Пролитая в гражданских войнах безвинная и всегда бесполезная кровь соотечественников ничего не меняет по существу, перевороты в обществе бессмысленны, и мир – «самое большое из благ».

Так ли бессмысленна была Фронда? Неужели все вернулось на круги своя? Джулио Мазарини так не считал, в отличие от мыслителей своего времени. Он знал, каких результатов достиг и что он будет делать дальше.

Государственные заботы

Талант – это длительное терпение.

Гюстав Флобер

Терпение для любого политика – непременное условие. В противном случае в те времена ему пришлось бы распрощаться с политикой вообще. При всем том, что Джулио Мазарини был исключительно подвижным, он еще оказался и бесконечно терпеливым. Только благодаря этому он два раза выдержал изгнание, а в последний раз даже не торопился возвратиться в Париж; только благодаря своему терпению он победил Фронду. И именно поэтому кардинал в последовавшие за смутой годы с успехом делал то, что считал необходимым для себя самого и для государства, которое его приютило и возвысило.

Мазарини, как и Ришелье, по сути являлся политическим консерватором. Он прежде всего апеллировал к традиции и исходил в своей деятельности из неписаной конституции Франции. Кардинал никогда не говорил о необходимости ликвидации какого-либо из старых государственных учреждений. Но традиционалистами и консерваторами в период Фронды в конечном итоге оказались и парламенты, и аристократы, и народ. Так чем же отличался первый министр Франции от них, за что боролся и что делал?

На самом деле Джулио являлся еще и новатором. Новатором в пределах всеобщего консерватизма, границы которого в первой половине XVII века удалось нарушить лишь Голландии и Англии. Но там эти границы уже размывались и до политических потрясений. А во Франции они еще были крепкими и существовали возможности для дальнейшего развития государственности в их пределах.

Джулио Мазарини создавал крышу государственного здания, которое назовут Старым порядком. Его крестнику королю Людовику XIV оставалось лишь украсить то, что он сделал, нанести позолоту.

Особенностью государственного развития Французского королевства во время Старого порядка являлось то, что устаревшие государственные институты не ликвидировались или реорганизовывались, а тихо и незаметно оттеснялись на второй план. Они не исчезали, а только постепенно утрачивали статус государственной важности. Это выражалось в укреплении

центральной власти и института назначенных ею чиновников. Одновременно падало значение сословно-представительных учреждений, таких как Генеральные штаты, в которых чаще всего совместно с духовенством доминировало дворянство. Оттеснялись на задний план и местные парламенты, и губернаторы, обычно прочно связанные с дворянством своих провинций.

Борьба между новаторством, представленным правительством Мазарини, и старыми учреждениями была особенно острой в период Фронды на фоне сильнейшего экономического кризиса. С 1653 года политические волнения во Франции стали понемногу затихать, хотя рецидивы сопротивления деятельности кардинала – так называемые «хвосты Фронды» – существовали и в последующие годы.

Исследователи истории Франции этого времени нередко писали о том, что после триумфального возвращения короля и Мазарини в столицу во Французском королевстве воцарились спокойствие и порядок. Мол, парламент сразу же подчинился, успокоились провинции, началась регулярная выплата налогов, а французские армии успешно противостояли войскам испанцев и Конде, и вообще впереди государство ожидали одни удачи. Между тем победа первому министру далась нелегко.

Вернувшись в Париж, первый министр прежде всего подумал об организации традиционного и столь необходимого для сплочения подданных королевства вокруг трона после потрясений Фронды торжества – коронации Людовика XIV. Из истории он знал, что такие события запечатлеваются в душах людей на века. Во Франции так было с крещением Хлодвига, коронацией Карла VII и коронацией Генриха IV. Почему бы коронации «его» Людовика не оставить свой след в душах французов?

Пятнадцатилетний король вместе с Анной Австрийской, своим братом герцогом Анжуйским и кардиналом Мазарини находился в стенах Реймса, где по традиции всегда происходит таинство коронации французских королей, с 3 по 10 июня 1653 года. Совершив все необходимые обряды – получив ключи от города, отстояв молебны и посетив святые реликвии, 7 июня Людовик, наконец, пережил церемониал миропомазания. Впоследствии король в своих мемуарах признавался, что боялся и одновременно радовался этому событию. Впервые в своей жизни по совету крестного отца он, положив руку на Евангелие и давая торжественную королевскую клятву, громко произносил ее слова. Людовик поклялся перед Богом даровать своим народам мир, справедливость и милосердие – другими словами, привести

французские законы в соответствие с заповедями Господа Бога и естественным правом. С тех пор король Франции всегда будет громко и четко произносить любые фразы в своей жизни. Даже на смертном одре. Затем епископ Суассона взял святой елей и семь раз совершил миропомазание, а в этот момент клир произносил: «Пусть король обуздает горделивых, пусть станет примером для богатых и сильных, добрым по отношению к униженным и милостивым к бедным, пусть будет справедливым по отношению ко всем своим подданным и пусть трудится во благо мира между народами». И только после этого Людовик получил кольцо, скипетр, руку правосудия и корону. Джулио Мазарини облегченно вздохнул: свершилось! Именно с события, имевшего символическое значение для Франции, многое нужно начинать заново и продолжать уже начатое.

После коронации кардинал вплотную занялся администрацией королевства. При нем важнейшие государственные дела обсуждались и проводились через Большой совет, который иногда все еще называли старым именем – Деловой или Тайный совет. Высокопоставленные лица, регулярно заседавшие здесь, назывались государственными министрами и являлись ближайшими советниками короля. Они имели право лично приветствовать монарха при встрече. Король присутствовал на всех сессиях своего совета. Но во время малолетства Людовика XIV и даже много позднее именно Мазарини вел заседания. Юный король начал посещать некоторые из сессий с одиннадцати лет, а когда ему исполнилось шестнадцать, его присутствие стало почти регулярным. В то время Людовик больше учился у своего первого министра.

Другие ответвления совета были более специализированными. Реорганизованный кардиналом Совет депеш наблюдал за администрацией королевства. Помимо членов Большого совета он включал канцлера, четырех государственных секретарей, а также несколько других советников короны. Он взял на себя некоторые функции старого Государственного совета и Совета финансов. Последние стали менее эффективными после того, как в их ряды были введены принцы крови, маршалы Франции, герцоги и пэры. В Финансовом совете король, канцлер и государственные секретари встречались с финансовыми экспертами короны, регулирующими доходы и расходы. Все они были тщательно подобраны первым министром. Другие ответвления совета, такие как Военный совет, собирались, когда в том была нужда.

В аристократических и парламентских кругах Франции росло понимание того, что контролировать Королевский совет – значит

управлять всей государственной машиной. Поэтому высшая знать и после Фронды старалась «завоевать» совет. Главный козырь они видели в борьбе за созыв Генеральных штатов. Эта проблема продолжала будоражить умы многих и даже иногда грозила серьезными осложнениями для правительства. Но разве для первого министра это могло идти в сравнение с событиями Фронды?

Ряды противников Джулио в 1650-х годах значительно поредели. Покидая Париж, Конде основательно промок под дождем и подхватил воспаление легких. Несмотря на долгое выздоровление и потерю своих союзников, упрямый принц решил еще побороться с Мазарини, но вдали от родины вместе с ее закоренелыми врагами – испанцами.

Однако болезнь принца, хотя и была тяжелой, не привела к роковому исходу. Иначе случилось с Шавиньи, который с подачи кардинала стал козлом отпущения. Его обвиняли в том, что он за спиной принца выслушал предложения, сделанные ему двором через посредничество аббата Фуке (брата генерального прокурора и будущего сюринтенданта финансов Николя Фуке), и пообещал склонить Конде пойти на уступки в тех пунктах, от которых тот не хотел и не должен был отступаться. Атакуемый со всех сторон, Шавиньи умер в Париже в 1654 году. В том же году в Понтуазе скончался герцог де Бульон. Его смерть стала чувствительной потерей для обеих партий, поскольку он был человеком незлым и его можно было уговорить склониться на любую сторону.

Мадрид покарал долгим и суровым заключением посягательство потенциального сторонника Конде герцога де Гиза на Неаполитанское королевство. Испанский король оставался глух ко всем настоятельным просьбам отпустить его на свободу. Генрих де Гиз четыре года являлся пленником в Сеговии за поддержку восставшего против испанского владычества Неаполя. Заключив договор с испанцами, Конде способствовал его освобождению, за что де Гиз дал обещание принять сторону принца. Тем не менее, едва оправившись от заключения, недавний пленник перешел в лагерь короля.

Так как старый архиепископ Парижа умер в марте 1654 года, Мазарини решил в целях предосторожности перевести в Нант племянника и наследника покойного прелата кардинала де Реца, все еще находившегося под стражей в Венсенне. Но Гонди 8 августа оттуда сбежал. Новый архиепископ нашел убежище в Риме под покровительством пап Иннокентия X и затем Александра VII. Людовик XIV и кардинал не желали признавать архиепископскую власть этого неуемного бунтаря и поссорили его с папой Александром VII. С 1656 года де Рец был приговорен

к вечному скитанию без уверенности, что останется на свободе – в 1657 году шпионы Мазарини даже пытались похитить его в Кёльне. Де Рец просил Людовика помиловать его, но вместе с тем противился требованию короля подать в отставку с поста архиепископа Парижского. Поэтому парижская кафедра оставалась свободной с 1654 по 1662 год. Людовик простил де Реца только в 1662 году, когда первого министра уже не было в живых. Для Джулио же он навсегда остался опасным и достойным его особы противником.

Итак, одни противники кардинала сделали ставку на Мадрид и Рим, другие же тихонечко возились внутри королевства. В провинциях Франции продолжалась борьба за созыв Генеральных штатов. Более серьезный оборот она приняла в Анжу, Пуату и особенно в Нормандии, где провинциальные штаты были ликвидированы по прямому указу первого министра в 1655 году. Ситуацию попытались смягчить обещанием Людовика XIV созвать их в подходящий момент, но королю мало кто тогда верил. Непокорное и возмущенное дворянство провинций продолжало собираться на свои ассамблеи. И в августе 1658 года Королевский совет постановил, что дворяне Нормандии под страхом смертной казни не должны проводить ассамблеи без специального разрешения монарха.

Мазарини и после Фронды продолжал соблюдать осторожность в политике. Теперь он последовательно действовал через Людовика XIV и своих возвысившихся ставленников. Новый сильный человек королевства Жан-Батист Кольбер писал патрону в июле 1658 года: «Вы, Ваше Преосвященство, совершенно справедливо отметили, что следует употребить сильнодействующее лекарство, чтобы предотвратить болезненный зуд устраивать собрания, который охватил сейчас дворянство во всех провинциях… Точно известно о том дурном расположении духа, в котором находятся провинции Нормандия, Пуату, Анжу. Вам необходимо прибегнуть к показательным наказаниям, чтобы сознание долга восторжествовало в этих провинциях». Кольбер советовал беспощадно расправиться с непокорными дворянами, к которым к тому же чувствовал личную неприязнь.

Расправа не заставила себя ждать. Руководители мятежных дворян во главе с их лидером по имени Боннесон были схвачены и преданы суду. Парижский парламент как судебное учреждение уже не казался первому министру достойным доверия. Суд над дворянами доверили Большому совету.

Процесс длился несколько месяцев. Боннесон и его ближайшие сподвижники, даже те, кто сумел скрыться, были приговорены к смертной казни. Недвижимость осужденных

сровняли с землей, их леса вырубили. Сам Боннесон был казнен 13 января 1658 года. До последнего момента этот человек был уверен в правоте своего дела.

Казнь Боннесона способствовала окончательному подчинению дворянства бюрократическому государству. С тех пор оно смирилось со своим положением, проявляя себя лишь во время войн – правда, довольно частых и продолжительных в эпоху Короля-Солнце. Этот паразитизм служил украшением Французского государства во время царствования Людовика XIV, ему активно подражали за границей. Потомственные дворяне шпаги уступили силе, но уступили во многом потому, что сами уже были бессильны. Дальнейшей борьбе за власть они предпочли приближение к ее эпицентру – королевскому двору.

Недолго сопротивлялось политике Мазарини и «старое чиновничество» – дворянство мантии, в ряде случаев выступая совместно с дворянством шпаги. Построенная еще при Ришелье административная система формирующегося централизованного и монополизирующего власть государства во время Фронды была частично разрушена. Правительству Мазарини предстояло ее восстанавливать, преодолевая сопротивление парламентов и прочего «старого» чиновничества.

В 1653 году первый министр восстановил былую практику посылки интендантов в провинции. Борьба центральной власти с волнениями в Бордо и Гиени, Марселе и Провансе продолжалась, и поэтому комиссаров прямо не называли интендантами. Эти люди не жили постоянно в подконтрольных им местностях, потому что рисковали жизнью почти каждый божий день. Обязанности их поначалу были различными, как бы замаскированными. Некоторые посланцы центра отвечали не за одну, а за две или даже три провинции.

Конфликтные ситуации возникали и в столице. Здесь с ними умело и дипломатично справлялся сам кардинал. За всю свою жизнь Джулио привык быть там, где горела почва под ногами. Своим острым чутьем среди выросших новых сильных политиков он ощущал: чем дольше тлеют конфликты, тем больше в нем сохраняется необходимость.

Весной 1655 года правительство Людовика XIV предложило для регистрации Парижскому парламенту несколько финансовых эдиктов, которые вызвали критику и противодействие магистратов. В дело решил вмешаться юный король: разряженные в охотничьи костюмы, люди его свиты явились в парламент. И во главе их красовался сам Людовик. Там монарх пробыл всего несколько минут, раздосадованный тем, что его отвлекают от любимых занятий и не слушаются, как подобает подданным. Он

объявил, что запрещает проводить совместные заседания всех палат парламента и тут же покинул Дворец правосудия.

Парламентарии были оскорблены таким неуважением к себе и решили не подчиняться. Людовик тут же побежал к своему учителю и крестному отцу, а первый министр своим дипломатическим искусством «утопил» парламентский конфликт в долгих и запутанных переговорах.

Мазарини знал, что делает, несмотря на имевшиеся еще трудности. «Сейчас я, как никогда раньше, уверен в будущем», – говорил он королеве. Кардинал не спешил, поскольку имелись его выдвиженцы, которые продолжат дело, пусть даже несколько иными способами.

За спиной мудрого и осторожного первого министра все более становилась заметной фигура его личного интенданта Кольбера, представлявшего интересы нового государственного чиновничества, добивавшегося более жестких мер по отношению к любым формам оппозиции власти. После выходки Людовика XIV в парламенте Кольбер заметил Мазарини: «Все добропорядочные люди в ужасе от зловредных умыслов членов парламента, слышатся справедливые жалобы, что Ваше Преосвященство не желает преодолеть свою доброту и действовать так, чтобы в сознании магистратов отпечатался страх, в то время как это единственный путь к тому, чтобы удерживать их в рамках должного. Существует мнение, что следует в ближайшее воскресенье вызвать старейшин палат парламента, со всей строгостью сказать им о неудовольствии короля деятельностью парламента и в выражениях твердых и энергичных объяснить им, что у них нет никакой надежды на проведение совместных заседаний».

Джулио Мазарини многим уже казался добрым, чего не бывало раньше. Кардинал с большим вниманием относился к советам своего энергичного протеже, но продолжал поступать в соответствии со своей давно выработанной и проверенной тактикой поведения. Но он понимал, что за силовыми методами в будущем дело не станет.

Магистраты потихоньку продолжали настаивать на проведении совместного заседания всех палат. Спустя год, в августе 1656 года, парламентом был поднят вопрос об участившейся практике передачи важных судебных дел, ранее рассматривавшихся в парламенте, в Государственный совет. Было принято постановление о подотчетности парламенту докладчиков Государственного совета.

Это постановление вызвало бурное негодование

правительства. Лишь один Мазарини сохранял полное спокойствие, понимая, что все выльется в пустую говорильню. Кольбер же предложил первому министру составить мемуар о незаконности претензий парламента. Одновременно докладчики Государственного совета отправили к Людовику XIV свою делегацию. Глава делегации государственный советник Ж. Гомен заявил, что Франция до тех пор не обретет спокойствия, пока все гранды не будут лишены власти, пока у всех гугенотов не будут отобраны занимаемые ими места и пока парламенты не принудят к молчанию.

Король принял их ласково. Фактически это была программа, которую он в будущем претворит в жизнь с помощью тех людей, которых оставит ему Мазарини. Но некоторых из них он уничтожит в самом начале своего настоящего правления. Пока же король был молод, уважал первого министра, привык ему подчиняться и не желал ничего предпринимать против его политики.

При Людовике XIV выживет и фактически будет осуществлять управление Францией главный выдвиженец и своеобразный «серый кардинал» Мазарини – Жан-Батист Кольбер. Однако в 1650-е годы после Фронды на первом плане внутренней политики первого министра работали два человека. Когда кардинал вернулся в Париж, он назначил сразу двух сюринтендантов финансов: Фуке и Сервьена. Последний уже изрядно послужил ему, был уставшим и больным, и поэтому для него это была своего рода синекура, хотя она и ограничивала власть другого, главного и более талантливого сюринтенданта – Николя Фуке.

Понесшие убытки во время Фронды, испытавшие страх перед возможными судебными преследованиями, финансисты после возвращения кардинала вновь осознали себя хозяевами положения. Никогда еще они так не ощущали свою государственную значительность, никогда так не афишировали своего богатства. Самым богатым, даже супербогатым должен был выглядеть ярчайший представитель делового мира тогдашней Франции – Фуке, несший ответственность за доходы государства и пользовавшийся большим доверием у банкиров своего королевства и всей Европы. Этим доверием он был обязан своей ловкости, обходительности, смелости, прекрасному имиджу и, как отмечали современники, опасному обаянию, но прежде всего тем, что являлся выдвиженцем Джулио Мазарини – непререкаемого европейского авторитета.

Таланты достались Фуке по наследству. Николя Фуке был сыном государственного советника Франсуа Фуке, который в свое

время являлся ближайшим помощником кардинала Ришелье в вопросах морской торговли и флота. Поэтому Николя без особых хлопот были обеспечены безбедное существование и неплохая карьера. Но помимо приятной внешности он обладал еще немалым умом.

Юный Николя дважды заключал очень выгодные браки. Первый раз он женился в Нанте в 1640 году, когда ему было только двадцать пять лет, на одной из самых богатых наследниц Бретани. Скоро она умерла, оставив ему все свое состояние и дочь. Второй брак был заключен в Париже в 1651 году с молоденькой девушкой пятнадцати лет Мари-Мадлен де Кастиль, за спиной которой стояли двадцать высокородных персонажей, занимавших важные посты в финансовом и юридическом ведомствах, в парламенте и Государственном совете. Семья второй жены «стоила» Фуке двадцать миллионов ливров.

С самого начала Фронды Фуке сумел угадать, кто есть кто, и выдвинуться, став с ноября 1650 года королевским прокурором в Парижском парламенте. На этой должности Николя оказал немалые услуги Мазарини и двору. Когда первый министр был вынужден бежать из Парижа, ему в большей степени помог именно Фуке. Поэтому в феврале 1653 года кардинал о нем вспомнил и в награду (правда, не без колебаний и за наличные деньги) назначил одним из сюринтендантов финансов. В декабре 1654 года были распределены основные обязанности между Фуке и Сервьеном.

Николя было поручено взять на себя самую ответственную и трудоемкую часть работы, на что он и претендовал. А после смерти Сервьена в феврале 1659 года он стал единоличным сюринтендантом финансов.

Не исключено, что внушительное состояние Николя – от трех до четырех миллионов ливров – сыграло решающую роль в выборе кардинала. Изнуренному войной и Фрондой королевству требовались прежде всего финансы. Восемь лет Фуке совершал тяжкую работу «по доставанию» денег. Основной стержень его политики – это кредит, кредит без меры и совести. Поскольку война с Испанией продолжалась, кредит был необходим, и первый министр принимал эти принципы его незыблемости. Фуке любил повторять: «Никогда не угрожать банкротством, не говорить о банкротстве 1648 года иначе как с отвращением, как о причине беспорядков в государстве, дабы никто не мог и подумать, что мы способны его повторить; никогда не урезать ни рент, ни жалованья… не говорить об обложении финансистов, угождать им и вместо того, чтобы оспаривать законность их процентов и прибылей, раздавать им вознаграждения и

возмещения… Одним словом, главный секрет состоит в том, чтобы дать им получать прибыль».

Формально Фуке был подотчетен только королю, фактически – первому министру. Он всегда был готов снабдить Мазарини деньгами, в которых тот постоянно нуждался. Джулио с помощью сюринтенданта нажил многомиллионное состояние и ко времени своей смерти обладал фантастической суммой в пятьдесят миллионов ливров. Были богаты не только Николя и его патрон. Все подчиненные Фуке являлись состоятельными людьми королевства. Он гордился этим и позже говорил: «Я был заинтересован в том, чтобы их считали скорее богатыми, чем бедными, потому что пользовался их кредитом».

Принципы святости кредита, проповедуемые сюринтендантом, вовсе не гарантировали интересов всех кредиторов государства. Правительство не могло аккуратно расплачиваться по своим обязательствам, и его невмешательство в кредитную систему оборачивалось постоянным ограблением мелких кредиторов крупными. Рядовые рантье, лишенные связей, теряли надежду получить свои деньги и продавали купленные облигации за бесценок. А влиятельные финансисты были способны добиться их реализации по нарицательной стоимости. Этим пользовались и сам сюринтендант, и Мазарини, и даже «честный» Кольбер. Казначейские билеты скупались, конечно, через подставных лиц. Прибыли были огромными.

В 1659 году Кольбер писал кардиналу о том, что старые билеты скупаются всего за 3—4 процента своей стоимости.

В 1650-е годы королевская казна постоянно пополнялась. Но источники того времени не дают ясного представления о финансах королевства. В бумагах Фуке царил хаос, отчетность велась на отдельных листках, которые он не хранил. Сводки дают представление о суммах, полученных центральным казначейством. А расходы?

Фактически Николя Фуке являлся непревзойденным взяточником, беззастенчиво грабил казну, но так, чтобы она не была пустой и постоянно пополнялась. Это был настоящий талант! Сюринтендант грабил всех, кого только мог. Его огромные доходы можно сравнить разве что с его не менее огромными расходами.

Примечательно, что, если ни один заимодавец или откупщик не мог удовлетворить его просьбу о кредите, он брал суммы из собственных средств. Так, в ноябре 1657 года, когда Мазарини оказался в серьезном положении из-за того, что солдатам французской армии давно не платили денег, Фуке дал государству в долг одиннадцать миллионов восемьсот тысяч

ливров. В 1659 году долг французской монархии со стороны Николя Фуке достиг уже пяти миллионов. Вместе с Фуке и через него многие финансисты предоставили королю займы и авансы, помогая добиться военных побед и поддерживать блеск и славу двора. Могло ли это в конечном итоге нравиться Мазарини и особенно Людовику?

Стремясь создать себе влиятельную клиентелу, Фуке щедро раздавал пенсии и субсидии придворным, военным, должностным лицам, литераторам, деятелям искусства. Он строил себе великолепные резиденции, превосходящие по красоте и оснащенности удобствами королевские дворцы. По-настоящему Николя обуревали две страсти: дворцы и женщины, на которых он тратился без счета. Разве такой человек не мог не вызывать зависти?

Жизнь Фуке казалась постоянным праздником и чередой блестящих успехов. Да и сам он являл совершенный человеческий тип, запечатленный для потомков одним из его ближайших друзей – знаменитым художником Шарлем Лебреном. Лицо Николя было очень своеобразным. Большой лоб, прямой, немного длинноватый галльский нос. Под изогнутыми бровями выделяются красивые глаза. Их испытующий, острый взгляд буквально вонзается в собеседника и не выпускает его из поля зрения. На фоне бледных щек под тонкими усами с опущенными вниз концами вырисовываются сочные и яркие губы. С них не сходит улыбка, выражающая пресыщенность и разочарование.

Весь облик Фуке являл подлинную аристократичность. На портрете он строго, но по моде одет в черные одежды из дорогой ткани. На праздниках, конечно, он одевался более пышно и менее строго, предпочитая итальянские костюмы, что весьма импонировало Мазарини. Руки у сюринтенданта финансов были тонкими и гибкими, как у музыканта, постоянно касавшегося нежных струн скрипки или виолончели. Но, возможно, то были руки опытного любовника, знающего толк в ласках. Женщины это чувствовали и любили его не только за красивую внешность и богатство. Однако существовало исключение – Луиза де Лавальер, первая настоящая любовница Людовика XIV, любила всю свою жизнь только одного короля и отвергала настойчивые ухаживания Фуке.

Своим «недобропорядочным богатством» сюринтендант создал себе столько же врагов, сколько и друзей. Его амбиции постоянно сталкивались с амбициями других людей. Фуке отличался непомерным самомнением и необузданной гордыней. «Разве есть что-то недоступное для меня?» – таков был девиз этого самонадеянного человека. Казалось, он мог купить все на

свете и построить резиденцию, которой завидовали бы богатейшие властители Европы.

Именно таким он построил в своем владении Воле-Виконт дворец, способный поразить воображение самых тонких ценителей прекрасного и поднявший престиж хозяина на недосягаемую высоту. Для строительства были разрушены три деревни и приглашена самая блестящая «команда» деятелей искусства того времени. Все детали меблировки, внутренней отделки дворца, архитектурного замысла в целом были детищем архитектора Луи Лево, художника Шарля Лебрена, скульпторов Франсуа Жирардона и Франсуа Ангье, садовника Андре Ленотра. Работы начались в 1656 году и продолжались около трех лет. На строительстве трудились восемнадцать тысяч человек, а расходы превысили восемнадцать миллионов ливров. Богатство, власть и популярность сюринтенданта финансов представлялись современникам фантастическими.

Это еще не все. В одной из эксцентричных выходок Фуке был замешан и первый министр. В 1658 году Сервьен предложил кардиналу приобрести остров Бель-Иль в Атлантическом океане. На острове находилась маленькая крепость, окруженная несколькими километрами укреплений. Эта бывшая монашеская обитель принадлежала семье Поля де Гонди, кардинала де Реца, ныне пребывавшего в Риме. Мазарини не хотел терять контроль над важным стратегическим пунктом, служившим рейдом для кораблей, следовавших из Америки. Но сам не желал пускаться в авантюру – крупная сделка с семьей де Реца могла показаться окружению короля подозрительной. Поэтому первый министр фактически подставил Фуке: сюринтендант купил этот остров за один миллион триста тысяч ливров «по приказу короля».

Возможности талантливого финансиста и блестящего придворного казались неисчерпаемыми. Он был генеральным прокурором Парижского парламента, он затыкал одну дыру в бюджете королевства за другой, он же по приказу Мазарини проводил дипломатические переговоры. Именно Фуке достиг соглашения о женитьбе вступившего на английский престол в 1660 году Карла II Стюарта на португальской принцессе Изабелле Катарине. Умело используя деньги и искусство обращения с женщинами, он добился того, что польский король Ян Казимир назвал своим преемником племянника Анны Австрийской герцога Энгиенского. Цель была достигнута с помощью жены Яна Казимира Марии де Гонзага. Тем не менее, как показала история, подобные договоры с Речью Посполитой являлись чаще всего безрезультатными. Польша не была наследственным королевством, а представляла собой шляхетскую республику с

выборным королем и архаическим правом «либерум вето». Любой захудалый шляхтич на сейме мог сорвать своим голосом «против» выборы короля, до этого долго и нудно готовившиеся польскими и иностранными политиками.

Сюринтендант финансов также продлил франко-шведский союз и подписал торговый договор с Голландией. Но еще задолго до смерти первого министра над головой Фуке начали сгущаться черные тучи.

То, что его изначально не любил Людовик, было понятным. Сверхкоролевское богатство сюринтенданта, его претензии на власть и умение влюблять в себя самых блестящих женщин двора, в том числе и женщин короля, не могли понравиться молодому монарху, в душе которого уже зародились и зрели мировые амбиции. Монарху, который кроме профессии короля ничего не знал и не умел и довел свое дело впоследствии до абсурдного совершенства.

Но то, что Фуке недолюбливал и даже побаивался сам его патрон, было, пожалуй, даже интересным. Ведь первый министр сам выдвинул его на широкую арену власти, сам с его помощью делал деньги, сам осыпал его непомерными похвалами. Но уже с середины 1650-х годов кардинал вел двойную игру. Как-то, сидя вечером за картами с Мазарини и Кольбером, Анна Австрийская заметила:

– А не пригласить ли нам четвертым Фуке?

– Нет, Ваше Величество, мы полагаем, что это будет излишним, – почти в один голос ответили первый министр и Жан-Батист.

Джулио Мазарини не любил своего сюринтенданта финансов больше, чем известного своей подлостью канцлера Сегье; больше, чем лицемерного государственного секретаря по военным делам Летелье и изощренного и погрязшего в интригах государственного секретаря Ломени де Бриенна. Дело в том, что никто из этих людей не мог так реально претендовать на власть, как Николя Фуке.

В 1657 году Джулио как-то высказался по поводу своего зарвавшегося подчиненного: «Он (то есть Фуке) говорит и действует, как если бы настоящее время является для него коротким антрактом между двумя министерскими постами, как будто не сегодня завтра он станет первым министром». В беседах с доверенными людьми кардинал стал часто критиковать Фуке, настроил против него и королеву, которой, как женщине, нравился импозантный министр. Хитрый Мазарини пустил слух, что Анна за что-то стала недолюбливать сюринтенданта финансов. И Николя совершил ошибку, осмелившись намекнуть

королеве, что получал сведения интимного характера о ее жизни от ее же придворных. Анна Австрийская была оскорблена до глубины души – Фуке знал не только ее долги, но и осмелился вторгнуться в сферу личных отношений. Это было уже слишком!

Но Мазарини не спешил трогать Николя, даже сделал его после смерти Сервьена единоличным сюринтендантом. Во-первых, Фуке еще был ему нужен; во-вторых, кардинал догадывался, что король, а главное, его доверенное лицо Кольбер не замедлят в скором времени свалить сюринтенданта.

В отличие от многих современников первому министру давно было ясно, что самым главным противником Фуке являлся Кольбер, занимавшийся при Мазарини помимо его личных дел вопросами промышленности, торговли и флота.

Природа не поскупилась на контрасты, столкнув этих двух людей. Оба они, как и их патрон, умели и любили работать. Но Кольбер делал это с помощью феноменальной работоспособности, умения усваивать массу информации, унылой педантичности. Фуке же больше полагался на интуицию и позволял себе время от времени расслабляться. Кольбера невозможно было обвинить в том, что за него многое делали заместители, а про Фуке такое говорили на каждом углу. Буржуа Кольбер казался грубоватым тугодумом, а дворянин в третьем поколении Фуке был блестящим и галантным, обладал безукоризненно светскими манерами.

Различались у них и жизненные установки. Французский историк П. Моран метко назвал Фуке «персонажем Стендаля», а Кольбера – «персонажем Бальзака». Кольбер видел залог успеха в служении патрону, в умении завоевать его абсолютное доверие и право распоряжаться от его имени. Его подъем к вершинам власти был сменой патронов: Летелье – Мазарини – король. Фуке был впечатлителен, эмоционален, часто переоценивал свои возможности, что, собственно, его и погубило. Он надеялся, что его способности, деньги, обаяние, заставят вышестоящих особ считаться с ним как с независимой и даже способной оказать сопротивление личностью. Но наступали не те времена.

Как политик, Кольбер показал себя более сильным и ловким, чем Фуке. Наблюдательный Жан-Батист изо дня в день подбирал компрометирующие Фуке материалы, ждал своего звездного часа, чтобы нанести смертельный удар противнику. Он тщательно изучал кипучую деятельность финансового бога, сам мечтая быть на его месте. После смерти Сервьена Кольбер советовал Мазарини занять место покойного. Но первый министр не желал гарантировать государственный долг своим имуществом.

Взгляды Кольбера ярко выявляет его обстоятельная записка для Мазарини от 1 октября 1659 года, составленная с тайной целью заинтересовать кардинала своим собственным планом послевоенной политики в пику Фуке. Здесь Кольбер последовательно обличает все злоупотребления сюринтенданта: запутанность в ведении дел, спекулятивную скупку казначейских билетов и т. д. Жан-Батист отмечает падение чистого дохода, то, что казна живет в кредит, а поступления от тальи уже полностью израсходованы. Он объявляет ложной доктриной стремление обеспечить финансистам большие прибыли, чтобы приобрести у них большой кредит. Нельзя быть в долгу и полностью зависеть от финансистов. Надо построить новую финансовую систему и создать Палату правосудия, преследующую финансистов вплоть до виселицы. Основания для этого есть – они превысили установленную законом норму процента. Кроме того, Кольбер предлагает выкупить ренты у рантье на самых невыгодных для них условиях при помощи специального королевского приказа.

В своей записке Кольбер не ограничивался только финансовой политикой и критикой Фуке. Он выступил за корректировку социальной структуры французского общества.

В королевстве, по его мнению, должен вырасти удельный вес полезных профессий – торговцев, мануфактуристов, людей, занятых в сельском хозяйстве и военном деле. «Это единственные профессии, делающие королевство процветающим», – считал Жан-Батист. В результате государство сможет содержать большую армию, обновить крепости, построить мощный флот, восстановить торговлю. Будет взят курс на сокращение раздутого судейского аппарата. Таким образом, в 1659 году Кольбер сформулировал программу, которую будет осуществлять, придя к власти. Но сейчас необходимо было избавиться от опасного конкурента – сюринтенданта финансов Фуке.

Записка была отправлена первому министру по почте, так как в то время Мазарини вел мирные переговоры с Мадридом на испанской границе. Однако сюринтендантом почты был ставленник Фуке, и записка была перлюстрирована. Фуке не был застигнут врасплох и отвел удар излюбленным доводом о том, что малейший признак падения его влияния подорвет кредит.

Кардинал поступил осторожно – ведь Фуке являлся генеральным прокурором, что обеспечивало его личную неприкосновенность. Джулио отказался от ранее планировавшегося намерения запретить сюринтенданту заключать какие-либо откупы без его предварительного разрешения. Мазарини заставил противников примириться.

Тем не менее политическая дуэль с Кольбером закончилась

поражением Фуке. После смерти первого министра Жан-Батист представил королю информацию о состоянии финансов его страны в нужном для него свете. Николя из разных источников поступали сведения о том, что Людовик XIV намерен расправиться с ним. Но, авантюрист по природе и игрок во всем, он не обращал внимания на эти предостережения. И сам лишил себя правовой защиты.

Высокий пост генерального прокурора Парижского парламента делал сюринтенданта финансов «неприкасаемым». Людовик XIV, перенявший у своего учителя способность хитрить, которая впоследствии часто поглощалась открытой прямолинейностью, посоветовал Фуке посвятить себя полностью государственным делам. Король непомерно хвалил сюринтенданта, и лесть сделала свое черное дело. Ослепленный возможностью и дальше делать карьеру, Фуке продал должность генерального прокурора за один миллион четыреста тысяч ливров. Из щедрости он подарил королю миллион, что еще больше разозлило монарха. В последовавшей после этого беседе с Кольбером Людовик, успокоившись, бросил: «Все идет хорошо, согласно нашим намерениям. Он запутывает сам себя».

Неоднократно предупреждаемый о кознях Кольбера, Фуке все-таки угодил в ловушки, расставленные его противником. Сюринтенданта финансов угораздило устроить роскошный праздник в своем дворце Воле-Виконт, пригласить на него короля и принять его так, будто король – он, Фуке, а Людовик – бедный родственник. На празднике присутствовал весь двор и была представлена комедия Мольера «Докучные». Описать словами это пиршество и пышное великолепие невозможно – представить этот летний прием 1661 года хотя бы приблизительно можно только разве по историческим фильмам из эпохи Людовика XIV. Лишь затраты на гастрономические деликатесы обошлись в непостижимую сумму – сто двадцать тысяч ливров, а что уж говорить о фейерверках, убранстве и многом другом… Все вокруг пело, плясало и сверкало. Лишь сердце монарха Франции, замышлявшего недоброе, готово было выпрыгнуть из груди от зависти и злости.

Арест сюринтенданта финансов непосредственно свершился в Нанте, куда король выехал 27 августа 1661 года. За несколько дней до этого Фуке получил анонимное предупреждение. Многие придворные и прихлебатели не хотели исчезновения министра финансов – он щедро разбрасывал деньги, раздавал должности, устраивал праздники, на которых каждый мог вволю поесть и повеселиться, и чувствовал себя свободно. В отличие от более поздних и более пышных праздников самого Людовика XIV, на

которых за любым придворным тщательно следили. Среди друзей Фуке был государственный секретарь по иностранным делам Ломени де Бриенн, не раз говоривший своему упрямому и самонадеянному другу: «Вас обманывают. Ваши друзья очень боятся за вас». Но сюринтендант почему-то считал, что должны арестовать не его, а Кольбера.

Вплоть до последнего момента Фуке мог бежать. Отель де Руж, в котором министр проживал в Нанте, подземным ходом сообщался с рекой Луарой. У берега стояло готовое к отплытию судно. Но финансист не желал унижаться.

Подобные случаи с похожими по характеру людьми происходили раньше. Ведь можно было опереться на исторический опыт, сопоставить события. В 1617 году английский король Яков I Стюарт подобным же образом арестовал знаменитого в те времена английского пирата, путешественника, философа, писателя, губернатора Ямайки и острова Джерси сэра Уолтера Рэли. Тот тоже знал об аресте – ему предлагалась иностранная помощь со стороны Франции. Свободолюбивый и гордый англичанин этого не сделал и жестоко поплатился. Истинные аристократы не могут поворачиваться спиной к врагу – таковы уж особенности их миропонимания.

5 сентября 1661 года после утреннего заседания Королевского совета арест состоялся.

На суде Фуке умело и стойко защищался, приводя в свое оправдание многочисленные документы. Его недруги по-прежнему боялись, что финансист выйдет на свободу. Маршал Тюренн тогда обмолвился: «Я думал, что Кольбер больше всего хочет, чтобы он был повешен, а Летелье больше всего боится, как бы его казнь не сорвалась».

Людовик XIV, Кольбер, другие противники сюринтенданта финансов желали, чтобы его приговорили к смертной казни. Этого сделать не удалось. За спиной арестованного стояла грозная тень Мазарини, с согласия которого действовал Фуке, обогащая кардинала и себя самого. Николя ловко пользовался этим, приводя на суде неоспоримые цифры, бросавшие тень также на Анну Австрийскую и косвенно на самого короля. Делать нечего! Фигуры Мазарини и королевы-матери были святыми для Людовика.

В результате Фуке было уготовано пожизненное заключение в суровой крепости Пинероль в Северной Италии, где он впоследствии и скончался. Его заключение стало одним из поводов возникновения легенды о знаменитой Железной Маске. Ни историки, ни представители других профессий, интересующиеся этой загадкой, не могут до сих пор точно

сказать, кто же действительно скрывался за ней. Но то, что это был не Фуке, уже доказано.

Суд над главой их ведомства вызвал глухое недовольство среди финансистов, администраторов, некоторых аристократов. «Абсолютизма страшились. Многие не хотели допустить бесчестия обладателя должности, его разорения и даже смерти, потому что он кому-то не понравился. Сам не ведая того, Фуке стал рупором подпольной, но сильной оппозиции» – так оценил французский историк Ж. Бордонов те процессы, которые происходили в 60-х годах XVII века во Франции. Мазарини уже не было, а отголоски Фронды еще имелись. Расправа с сюринтендантом раскрыла значение политического наследия Ришелье и Мазарини для укрепления не ограниченной представительными органами королевской власти. Именно их идеи послужили фундаментом здания абсолютной монархии, которое Людовик XIV перестроил по своему образу и подобию.

Джулио Мазарини не очень раздражали существовавшие в 1650-х годах рецидивы фрондерства. Он терпеливо и несколько лениво боролся с ними. Ибо уже ничего не боялся. Первый министр мог позволить себе быть добрым и на многое закрывать глаза. Став победителем Фронды, покончив с кризисом, он воспарил и над своими политическими противниками, и над своими сторонниками и выдвиженцами столь высоко, что его невозможно было ничем достать. Он слишком знал всех и вся. «Находясь при дворе, никогда нельзя сделать и шагу, о каком тотчас же не донесут министру», – отмечали современники. По-прежнему пристально наблюдая со своей недосягаемой высоты за всем, что творится в королевстве, Мазарини возложил все ответственные государственные поручения на своих ставленников.

Было ли это хитростью, для того чтобы создать впоследствии «козлов отпущения» или героев, им лично выдвинутых, или просто внутренней ленью? Кто знает. Однако действительной и подлинной его страстью и после Фронды оставалась внешняя политика.

Миротворец

Я вернул мир Европе.

Мазарини

Мир для меня – это надежда, цель, слава и награда. Разве есть на земле большая ценность, чем мир?

Симон Боливар

Январь 1661 года. Уже довольно осунувшийся Джулио Мазарини просматривал, лежа в своей постели, иностранную корреспонденцию. От высокой температуры рябило в глазах, строчки прыгали вверх и вниз, все застилал густой и болезненный, вплоть до рези в глазах туман. Хотелось прикрыть тяжелые веки и вновь откинуться на подушки. Сон не шел, и кардинала одолевали беспокойные мысли. «Я вернул мир Европе и благополучие Франции. Но что будет без меня?»

Первый министр не лукавил с самим собой. Он действительно имел все основания так думать. Пожалуй, не было во Французском королевстве на всем протяжении XVII века политика, который достиг бы того состояния стабильности, в котором пребывала Франция первые годы после смерти Мазарини.

Если бросить взгляд на карту Европы XX столетия, то перед нашими глазами предстанет довольно пестрая, разноцветная картина. Если же карта более детальная, то нельзя не обратить внимания на извилистые границы между отдельными государствами. В сущности, любые границы – это всего лишь линии на карте. Можно вообразить человека, стоящего на такой линии: одна половина его тела окажется в одном государстве, а другая – в соседнем.

Но такое неопределенное положение человека, оказавшегося на границе, может существовать только в воображении. А каково было положение дел в XVII столетии? Линии границ, еще часто неопределенных, были тогда редкими. В полном соответствии с системой ленного землевладения, различные варианты которого еще существовали в то время, целые куски территорий могли принадлежать нескольким суверенам. Переходя пограничную зону, контролировавшуюся двумя или несколькими суверенами,

путешественник беспрепятственно попадал из одной страны в другую. Ни службы паспортного контроля, ни обычных барьеров, информировавших его о том моменте, когда он пересекает территорию другого государства. Такое положение было напрямую связано с политикой центральных органов того или иного государства, которые часто шли на уступки некоторым местным землевладельцам или сообществам (коммунам).

Расплывчатость границ отражала несовершенство распространения власти суверена на всей подвластной ему территории. Однако в случае войны в целях безопасности государство раннего Нового времени старалось усилить контроль на землях около своих границ. И когда центральное правительство организовывало защиту своей страны от иностранного вторжения, оно стремилось контролировать и районы, расположенные за условной границей, то есть фактически вне юрисдикции государства. На границы и в эти районы посылалась армия. В результате обострялась проблема территориального единства. Но было и так, что соседи-союзники соглашались на эту меру и территория контролировалась двумя суверенами.

Самое большое централизованное государство Европы XVII века – Францию – проблема территориального единства и границ волновала с давних пор. Французское королевство имело обширную сухопутную границу с соседними, нередко весьма враждебными государствами, например Испанией и Империей. Не лучше было и на море. Здесь издавна тянулись ожесточенные споры королей французской династии Валуа и английских Плантагенетов, вылившиеся в Столетнюю войну (1337—1453) и последовавшие за ней рецидивы интервенции англичан на французскую территорию. В XVII столетии эти страсти, казалось, основательно поутихли. Но каждое государство – и Франция, и Англия – продолжали с опаской смотреть друг на друга.

Значительную роль в формировании французской территории играл испанский фактор. Испания фактически противостояла Франции по всей сухопутной границе. Даже на выбор французской столицы повлияло наличие такого агрессивного соседа. Политический центр королевства сформировался не в центре его территории, а далеко на севере. Подальше от Мадрида.

Конечно, в этом случае главным считается то, что в IX и X столетиях графы Парижские наиболее успешно отражали норманнское вторжение и их политический статус превосходил статус остальных властелинов земель на территории древней Галлии. Появление королевства и административная

необходимость и привели к выбору столицы – Парижа, главного города Капетингов. История распорядилась так, что Париж не являлся естественным географическим центром королевства, а больше военной крепостью и базой организации защиты критических границ.

Испанской угрозы с южных границ – по Пиренеям – хватало с избытком. Но присутствие испанцев на северовосточных рубежах – в Испанских Нидерландах – вело уже прямо к «испанскому окружению». Более того, раздробленная на мелкие княжества и республики Италия была лакомым кусочком как для Франции, которая издавна блюла там свои интересы, так и для испанских и австрийских Габсбургов. На протяжении конца XV – первой половины XVI века итальянский конфликт был одним из самых жгучих в Европе. Относительное равновесие сил в этом регионе контролировалось и римскими папами, и мелкими итальянскими государствами, желавшими ради своей безопасности найти себе сильного покровителя. Испанские позиции в Италии не были прочными до тех пор, пока она не укрепилась в северном бастионе Апеннинского полуострова – в Милане. Это столкнуло интересы Франции и Испании даже больше, чем вооруженные споры на нидерландской границе.

Вполне естественно, что испанская проблема выросла в гасбургскую в связи с универсалистскими претензиями императоров династии Габсбургов на европейское господство. Эта проблема отнюдь не исчезла после раздела империи Габсбургов во второй половине XVI века на две части – испанскую и австрийскую и обострилась во время Тридцатилетней войны. Вот почему Франция в лице ее наиболее способных королей и министров всегда искала себе потенциальных союзников, отметая в сторону идеологические и религиозные мотивы. Вот почему Французское королевство поддерживало восставшие Нидерланды во второй половине XVI века равно как и немецких протестантов.

Одновременно и католические князья Германии искали возможности освободиться от габсбургского диктата. Ярчайший пример такой политики – линия поведения Максимилиана I Баварского во время Тридцатилетней войны. Они находили союзника прежде всего в лице Франции, выступавшей за сохранение принципов Аугсбургского религиозного мира 1555 года. Поэтому Франция имела широкое поле для дипломатической игры, проводимой способными государственными деятелями, имеющими воображение для того, чтобы играть в нее достаточно эффективно. Франция нашла их в двух кардиналах – Ришелье и Мазарини.

Наиболее характерной и вместе с тем своеобразной чертой

французской внешней политики было то, что почти повсюду, кроме Италии, она вынуждена была поддерживать протестантские державы. Это была не очень приятная позиция для короля, который был призван быть старшим сыном Римской церкви и носил титул «наихристианнейшего» монарха. Несмотря на это, большинство французских королей со времен Франциска I Валуа, всеми силами препятствуя распространению протестантизма у себя в королевстве, в целом поощряли протестантских государей и протестантские партии на землях соседей.

Подобная политика была исключительной прерогативой французов: мадридский двор в XVII веке, особенно в лице графа Оливареса, считал неудобным помогать французским гугенотам во время осады Ла-Рошели. Политика Парижа была неприемлемой для тех, кто не мог развести государственные интересы с конфессиональными. Но в самой Франции она привела к расколу французского католицизма, который одно время был очень серьезным.

Отношения с Османской империей были не менее, нередко даже более, чувствительной проблемой для Франции, нежели отношения с протестантскими государствами. «Наихристианнейший» король не мог быть открытым союзником «неверных», ведших войны против Габсбургов в Средиземноморье и в Центральной Европе. Тем не менее французские монархи все же осмеливались идти по пути военного коллаборационизма с турками, получая прямые выгоды от турецкого давления на Габсбургов и серии капитуляций – торговых соглашений, дававших определенные выгоды иностранным купцам. Такая политика началась в XVI веке, продолжалась в следующем столетии – во время Тридцатилетней войны и после нее, а впоследствии «христианский» король Людовик XIV настолько сблизился с Портой, что получил от папы римского Иннокентия XI прозвище «наихристианнейший турок».

В XVII столетии средневековое понятие «христианское государство» не исчезло повсеместно, как это принято считать. Но его лучшие дни уже прошли. Ныне политической реальностью становилась «Европа от Атлантики до Урала», хотя связи, поддерживавшие эту новую европейскую систему, были еще не так крепки, как в следующем, XVIII столетии. Достаточно сказать, что лишение головы Карла I Стюарта не вызвало столько бурных эмоций, как казнь Людовика XVI на гильотине во время Французской революции конца XVIII века. Но Тридцатилетняя война сделала свое дело – европейский кризис середины XVII века стал всеобщим и действительно прокатился до Москвы, а после мира 1648 года в международных отношениях на

континенте начала формироваться новая система европейских государств, получившая название Вестфальской системы.

Джулио Мазарини еще с того времени, как стал первым министром Франции, начал тщательно изучать историю своей второй родины. Примечательно, что во время своих вынужденных ссылок за границу во время Фронды он немало времени посвятил умственным занятиям, особенно занятиям историей. Кардинал наилучшим образом знал и воспринимал политические реалии своей эпохи.

В XVII веке любой мало-мальски разумный политический деятель, проводя свою политическую линию, должен был учитывать внутренние условия в соседних странах, стараться влиять на их развитие и использовать их в своих интересах. В середине столетия в этой игре не было мастера политической науки лучше Мазарини. В 1640-е годы, когда Тридцатилетняя война близилась к концу и когда в Англии полным ходом шла гражданская война между королем и парламентом, кардинал изучал прошлое – антииспанское восстание в Нидерландах предшествующего столетия. Анализ голландской истории привел его к выводу, что республика способна защищать и проводить на международной арене свои интересы даже более эффективно, чем монархия.

Мазарини и Англия… Это один из главных фокусов европейской политики 1650-х годов. Да и сама политика кардинала по отношению к Альбиону как в 1640-х, так и в 1650-х годах является, пожалуй, одним из лучших достижений его дипломатии. Особенно в свете традиционно «недобрых» отношений с Мадридом, величие которого первый министр Франции решил раз и навсегда погасить в середине XVII века.

«Кромвелевская» Англия быстро и эффективно выходила на мировую арену. Внешняя политика английского правителя, продуманная давно, но кристаллизовавшаяся в эпоху протектората (1653—1658), представляла собой органическое соединение «протестантского интереса» и так называемого «западного проекта». Она включала в себя создание и поддержку союза протестантских государств Европы против Габсбургов (эфемерная идея протестантского императора в Германии еще долго носилась в воздухе после окончания Тридцатилетней войны) и параллельное взаимодействие с католическими королевствами, в частности с Францией.

Но главным стержнем дипломатии лорда-протектора были экономические и политические выгоды своего собственного

государства. Третьим столпом его внешней политики стало основание мощной английской колониальной империи, неизбежно вовлекавшее англичан в морские авантюры и войны. Последние сталкивали Англию с другими колониальными державами. Некий Сильон, агент Мазарини в Лондоне, 9 сентября 1653 года составил записку своему патрону, озаглавленную весьма примечательно: «Опасность объединения Англии и Голландии в едином союзе». Ее автор заметил, что «их мощь (то есть Англии и Голландии) увеличится в два раза в Средиземном море и в Новом Свете. Но думать, что Кромвель завоюет все христианские государства – химера. Люди, которые живут при монархиях, чувствуют опасность от свободы и золота богачей, которые проживают в республиках».

Благодаря своим информаторам Джулио был достаточно осведомлен о планах Кромвеля и разбирался в его истинных намерениях. Но все же у него интуитивно возникали опасения, характерные для французов еще с эпохи Столетней войны, что Англия может блокировать французские интересы в Нидерландах, может попытаться вернуть Кале или оккупировать другие части французского побережья. Наконец, она может предпринять целую серию завоеваний на континенте.

Поэтому первый министр Франции проводил дипломатию, которую затем переняли другие европейские государства по отношению к Англии. Дипломатия эта носила двойственный характер. Учитывая силу Кромвеля, Мазарини старался привлечь его на свою сторону в борьбе с Испанией и в отношениях с другими странами Европы. С другой стороны, он если не на деле, то на словах время от времени пытался подогревать роялистские и другие антиправительственные настроения в Англии, стремясь ослабить ее все возраставшее влияние на континенте и в колониях. Особенно четко это проявилось во взаимоотношениях в треугольнике Англия – Франция – Испания.

Вестфальский мир не сделал Францию абсолютным гегемоном в Европе, как это нередко представляется в большинстве исторических сочинений. Безусловно, Французское королевство стало гарантом европейского равновесия и политически самым влиятельным государством в западноевропейском регионе. Но это надо было еще долго доказывать, подкрепляя умелую дипломатию успешными войнами. С одной стороны, еще продолжалась война с Испанией, с другой – Мазарини серьезно полагал, что с приходом Кромвеля к власти английская угроза для Франции не исчезла, а, наоборот, усилилась. На фоне Фронды и взаимоотношений английского правителя с фрондерами подобное мнение кардинала только

укреплялось. Даже в изгнании Джулио не терял из виду это обстоятельство – он ведь был уверен, что вернется на свое место.

Поэтому в октябре 1650 года Франция заключает наступательный и оборонительный союз с принцем Оранским Вильгельмом II, тогда еще занимавшим пост статхаудера Республики Соединенных провинций. Вильгельм II был женат на младшей дочери казненного Карла I Стюарта Марии. Согласно договору Вильгельм обещал начать военные действия в районе Антверпена 1 мая 1651 года, в то время как французы должны были атаковать в направлении Брюгге. После завершения операции союзники обязывались «покончить с Кромвелем и постараться всеми возможными средствами реставрировать короля Англии (то есть Карла II) в его королевстве и продолжать войну против восставших». В одной из секретных статей Вильгельм II обещал сохранить флот в составе пятидесяти кораблей в Ла-Манше с мая до конца ноября 1651 года, чтобы «действовать против Испании и английских мятежников».

К несчастью для него, Вильгельм II слишком широко размахнулся, задумав одновременно совершить попытку монархического переворота в собственной стране. Он не оказался столь дальновидным политиком, как Ришелье, который во время осады Ла-Рошели не желал воевать на два фронта, и как его тогда еще неродившийся сын Вильгельм III Оранский, осторожная дипломатия которого впоследствии привела его на английский престол. Попытка монархического переворота в Голландии не удалась, а во Франции вовсю бушевало пламя Фронды. В 1651 году французы не могли эффективно воевать нигде, кроме как против собственных подданных.

И Мазарини несколько корректирует свою политику. Еще до начала англо-голландской войны (1652—1654) между Францией и Испанией разгорелась ожесточенная дипломатическая война за расположение Англии. Несмотря на то что в 1651 году в Мадриде был убит английский посол, члены Долгого парламента больше склонялись к союзу с Испанией, нежели с Францией. Ведь в Париже интриговали бежавшие туда роялисты, там же находился и наследник английской короны – принц Уэльский Карл.

Кромвель придерживался несколько иного мнения, и парламент ему уже давно порядком мешал – поэтому он его просто разогнал в 1653 году. Но до этого времени испанский посол дон Алонсо де Карденья последовательно поддерживал точку зрения парламента. Обожавший нарядные камзолы испанец даже рядился в почти пуританские одежды, чтобы расположить англичан к своей особе. Дон Алонсо старался предупредить всякое сближение между Англией и Францией, побуждая свое

правительство вступить в союз с Лондоном и Гаагой против Франции и Португалии. 20 сентября 1652 года он послал в Мадрид проект документа из двадцати четырех пунктов о союзе между Англией и Испанией. Этот документ был также представлен на рассмотрение Государственного совета Английской республики.

В то же время принц Конде и бордоские фрондеры послали в Лондон двух агентов – Баррьера и Коньяка. Им было поручено просить поддержки Английской республики и обещать за это свободную торговлю англичан с Гиенью, некоторые льготы французским гугенотам и даже уступку острова Олерон. Но из этого ничего не вышло. В то время как испанцами были осаждены Гиень и Олерон, семь испанских кораблей, отправленные в Кале за припасами и подкреплениями, оказались взятыми в плен английской эскадрой под командованием храброго адмирала Блейка.

Наконец Джулио решился признать Английскую республику. 2 декабря 1652 года государственному советнику и интенданту Пикардии по имени Бордо было поручено доставить английскому парламенту письмо Людовика XIV и восстановить официальные отношения между двумя государствами. Миссия Бордо еще носила вид предварительного посольства. Судя по инструкциям кардинала, казалось, что торговые интересы двух стран были почти единственными предметами миссии. Но в случае, если Бордо увидит, что парламент благоприятно расположен и готов назначить комиссаров для пересмотра прежних трактатов, он должен «послать донесение Его Величеству, чтобы получить его разрешение с необходимыми полномочиями и инструкциями».

Находившийся сейчас в нелегком положении первый министр Франции не сомневался в своем окончательном выборе. Склонялся к союзу с Францией и Кромвель. Мнения этих двух незаурядных личностей в значительной степени подогревались тем, что в конце 1652 года Конде окончательно перешел на сторону Мадрида и принял командование над одной из испанских армий в Нидерландах вплоть до конца франко-испанской войны. Трудно сказать, насколько прибытие этой «примадонны» (имеется в виду фигура Конде) улучшило военные усилия армии Филиппа IV. Отношения между военачальниками в испанских войсках в Нидерландах и до приезда принца нельзя было назвать дружественными – между ними постоянно возникали соперничество и ревность. А высокомерное поведение Конде нарушило до сей поры хотя бы внешне объединенные усилия испанцев.

До Фронды и во время ее принц являлся своеобразным

рекордсменом по выигранным битвам. Достаточно вспомнить самые знаменательные сражения – Рокруа (1643) и Ланс (1648). В этой же войне ему не везло. Верный королю маршал Тюренн везде одерживает победу, а мятежный Конде каждый раз терпит неудачи. В 1653 году, десять лет спустя после великой победы при Рокруа, принц потерпел сокрушительное поражение от Тюренна под стенами Арраса. Французы заняли Музон и Сент-Мену, но были вынуждены временно отдать в руки испанцам Рокруа. Конде как ребенок радовался этому последнему обстоятельству и, как всегда, выглядел бесстрашным, красивым и ловким. Но воевать в качестве изменника против своих же соотечественников – совсем другое дело.

За несколько дней до взятия Арраса маршалу д'Оленкуру было поручено от Тюренна захватить аббатство Сент-Элуа, которое защищали войска принца. Количество солдат по обе стороны было малочисленным – Конде предстал перед людьми Оленкура во главе десяти эскадронов. Но так как эскадроны принца состояли исключительно из французов по происхождению, об этой битве можно было сказать то же, что Плутарх в свое время писал о баталии при Фарсале (46 год до н. э.), когда войска Юлия Цезаря атаковали легионы Помпея: «Орлы против орлов, легионы против легионов» и т. д. И все же один из участников этой стычки замечал, что «как бы там ни было, эта битва не могла войти в сравнение с той, о какой говорил древний автор, по той причине, что при Фарсале все римские силы сражались разом одни против других, а в нашем случае лишь горстка французов схватилась врукопашную… Все равно остается истиной, что там было проявлено много мужества с обеих сторон».

Зато Аррас был взят в результате огромного напряжения французской армии под командованием Тюренна. Маршал не только вел осаду по всем правилам военного искусства – он имел к тому же численное превосходство. Принц успешно отбил несколько атак, но в конце концов понял, что просто-напросто будет неминуемо разбит. И предпочел за благо отступить, предварительно дав возможность вывезти из города всех раненых испанцев и своих солдат. Испанская сторона была признательна Конде за этот благородный поступок.

Во время всей этой летней кампании 1653 года Джулио Мазарини находился с королем в районе боевых действий. Кардинал понимал, что, когда речь шла о битве, присутствие молодого Людовика производило чудесный эффект на солдат. Так первый министр заботился о поднятии боевого духа в армии. Как политик, он прекрасно знал, что это, как ничто другое, могло

обеспечить перевес в сражении равных сил. Да и английский опыт Кромвеля, ведущего за собой своих солдат, наглядно свидетельствовал об этом.

Вообще Аррас уже давно был объектом вожделений первого министра Франции. Поэтому когда он въезжал в город, сопровождая Людовика, он выглядел почти счастливым. Счастлив был и молодой король – оба они были уверены в дальнейших победах над Испанией. В 1653 году военная фортуна окончательно обратила к ним свое лицо.

В июле 1654 года Тюренн и Конде столкнулись в Артуа. Противостояние полководцев длилось почти месяц, но в августе принц был разбит. В 1655 году армии Людовика XIV берут Ландреси, Сен-Гислен и ряд других городов. В том же году Джулио удалось предупредить измену д'Оленкура, готового перейти на сторону Конде и Испании. Кардинал лично пожертвовал на это дело шестьсот тысяч ливров.

Правда, в 1656 году Конде удалось отыграться, разгромив Тюренна при осаде Валансьена. Принц также освобождает город, носящий его имя. Мазарини адекватно реагирует на это, послав де Лионна на переговоры в Мадрид с двумя козырями: британским подкреплением и ростом популярности короля Франции. В июне 1658 года Конде потерпел сокрушительное поражение от того же Тюренна, но уже вместе с англичанами, в битве при Доуне около Дюнкерка.

Все это предстояло еще пережить, но на лучшее можно было надеяться уже сейчас. В 1653 году испанская казна обанкротилась во второй раз за последние шесть лет. Деньги, посылаемые из Мадрида в Испанские Нидерланды, стали приходить нерегулярно, а их количество значительно сократилось. Испанский главнокомандующий эрцгерцог Австрийский Леопольд уверял всех, что не может воевать без постоянного финансового вливания. Но упрямый Филипп IV продолжал верить в свою звезду.

К середине 1650-х годов европейская дипломатическая картина значительно изменилась. И Мазарини, и Мадрид с тайным удовольствием взирали на ожесточенную борьбу на море между Англией и Голландией. Конец Фронды и первая англо-голландская война значительно сократили возможности Кромвеля атаковать французский берег, чего опасался кардинал. Параллельно англичане создавали немалые помехи голландцам в их войне с Португалией в Вест-Индии. Выгодное для обеих сторон англо-португальское сотрудничество на морях дало последний толчок к окончанию войны между Лондоном и Гаагой и заключению договора 1654 года. Голландское господство на

морях существенно поубавилось – возросло английское влияние. Рано или поздно такая ситуация могла привести к непримиримым противоречиям между Англией и Испанией не только в Европе, но и в американских колониях. А это более всего было необходимо Мазарини.

Английский парламент не сумел ни остаться нейтральным в отношении парижского и мадридского дворов, ни обеспечить себе решительным выбором один из союзов. Отсутствие четкой внешнеполитической линии у «охвостья» Долгого парламента способствовало разгону его Кромвелем в 1653 году. Да и необходимости в продолжении его существования английский лидер уже не видел.

Реакция Франции на установление протектората Кромвеля была довольно благоприятной. Победы над Голландией усилили желание Мазарини искать расположения протектора. В 1653—1654 годах по инициативе первого министра переговоры с Англией велись очень активно – французские послы ни на час не покидали Лондон, постоянно сменяя друг друга. Доверенное лицо кардинала де Баас имел три дружественные аудиенции у Кромвеля, а Людовик XIV стал называть протектора в письмах «монсеньор мой кузен». На протяжении года Кромвель взвешивал предложения французского и испанского послов, их просьбы о поддержке английским флотом и армией. Все это существенно повышало международный авторитет Англии.

Решение лорда-протектора в пользу союза с Парижем имело серьезные причины. Союз с Францией – противницей Испании – благоприятствовал идее Кромвеля создать колониальную империю за счет испанского золота и испанских поселений в Вест-Индии. Англо-французский альянс также давал политические и моральные выгоды в борьбе против Карла II Стюарта и роялистов. Заключив соглашение с Лондоном, Франция не смогла бы их официально поддерживать. К тому же английский правитель надеялся возвратить Англии порт Дюнкерк и компенсировать потери от французских пиратов.

Несомненно, как французская, так и английская стороны руководствовались скорее необходимостью заключения союза, нежели доброй волей. В начале 1654 года послы Мазарини передали лорду-протектору, что Париж готов подписать договор о мире, включая статьи не предоставлять помощи врагам протектората, не давать убежище Карлу II во Франции, а также уволить герцога Йорка (будущего английского короля Якова II Стюарта) с французской военной службы.

В декабре 1654 года Кромвель посылает свои войска в Вест-Индию разрешить торговый конфликт между испанцами и

французами. Возможно, лорд-протектор посчитал, что он вправе вмешиваться в колониальные дела за пределами допустимого. Его солдаты неудачно атаковали испанское поселение Сан-Доминго, однако взамен заняли Ямайку.

Эти демарши настолько разозлили испанского короля Филиппа IV, что в ноябре 1655 года Мадрид официально объявил Англии войну. Столкнувшись с перспективой военных действий в Европе, Кромвель поспешил заключить в Вестминстере 3 ноября 1655 года оборонительный и наступательный союз с Францией. В секретных статьях договора оба государства обязывались не связываться с врагами союзника: агенты Конде становились персонами нон-грата в Англии, а Мазарини обязывался запретить Карлу II и его окружению действовать во Франции.

Джулио Мазарини не стремился быть джентльменом в политике, выполняя свои обязательства только тогда, когда было выгодно ему и его государству. Так было и на сей раз: его дипломатия оставалась осторожной и двойственной, несмотря на заключение союзного договора. Кардинал постарался использовать англо-испанский конфликт в Америке в интересах Франции для достижения приемлемого соглашения о мире с Мадридом.

Как уже упоминалось, Мазарини послал в июне 1656 года де Лионна в испанскую столицу встретиться с первым министром Филиппа IV доном Луисом де Аро. Требования французов сводились к передаче провинций Артуа и Руссильон в руки инфанты Марии-Терезии, которая намечалась в качестве будущей невесты для короля Людовика XIV. Со своей стороны, Париж обязывался возвратить Испании завоеванные им земли в Испанских Нидерландах и прекратить союзнические отношения с Португалией.

В том же году в Англии вспыхнуло новое роялистское восстание, организованное Карлом II за границей. Роялисты были поддержаны рядом германских князей и Мадридом, предоставившим восставшим несколько кораблей.

Мазарини не замедлил воспользоваться этой ситуацией для большей вероятности достижения франко-испанского соглашения. Несмотря на договор с Кромвелем, он также предоставил в распоряжение роялистов несколько французских портов для стоянки их кораблей. В окружении лорда-протектора ходили слухи, впрочем, не оправдавшиеся, что некоторые прибрежные города Англии будут атакованы французами. Вскоре также выяснилось, что французский посол де Баас, еще в мае 1654 года сделавший Кромвелю предложение совместно атаковать Дюнкерк, был замешан в роялистском заговоре против

лорда-протектора. Уже тяжело больной Кромвель попытался выяснить ситуацию у самого первого министра Франции. Мазарини все отрицал и даже выразил недовольство по поводу того, что лорд-протектор, несмотря на заключенный с Францией союз, продолжает поддерживать связи с Конде. Как говорится, лучший способ защиты – это нападение.

Конде действительно продолжал оставаться политическим бельмом в глазу первого министра Франции. Даже само по себе существование его особы отчасти мешало заключению франко-испанского соглашения. Первый министр Испании дон Луис де Аро показал себя лучшим дипломатом, нежели государственным человеком, и делал все возможное, чтобы заключить с Францией мир на предложенных ею условиях. Но переговоры прервались не из-за территориальных требований французской стороны, а из-за вопроса о судьбе Конде и браке инфанты.

Мадридский двор настаивал не только на том, чтобы Конде предоставили амнистию, но и на том, чтобы принц был полностью восстановлен во всех своих регалиях и на всех своих постах во Франции. Это включало губернаторство в Гиени около самой испанской границы. Но Мазарини не без основания считал, что, возвратившись в высшие круги Франции, Конде мог снова стать источником беспорядков и даже при случае послужить испанским шпионом.

Что же касается инфанты, то идея брака между нею и Людовиком XIV возникла у Мазарини уже давно и была предложена испанскому правительству впервые в 1646 году. И тогда с Мадридом было невозможно говорить, но и сейчас разрешение этой проблемы застопорилось. У Филиппа IV пока не было наследников мужского пола. Поэтому старшая инфанта Мария-Терезия стала самым большим достоянием испанской монархии, оказавшейся на грани распада в условиях постоянных восстаний. Инфанту собирались использовать для скрепления самого королевства, а не отдавать с немалым денежным и территориальным приданым в руки Бурбонов.

Когда стало абсолютно ясно, что мир с Испанией пока недостижим, Джулио понял, что продолжать войну надо еще более эффективно, чем раньше. Кардинал уже порядком подустал от непрерывных сражений: он очень добросовестно относился к каждой готовящейся битве. Обычно первый министр нанимал специальный экипаж, дабы явиться на место вовремя, запасался немалой суммой, желая показать свою щедрость солдатам, чтобы они сражались более доблестно. И в каждом случае его одолевало сильное желание одержать победу.

Теперь тесное сотрудничество с Англией стало настоятельной

необходимостью. В марте 1657 года Мазарини снова заключил наступательный и оборонительный союз с Кромвелем на один год. Позднее этот союз был продлен. Однако цена английской военной помощи во Фландрии была тяжелой. Кромвель предоставил в распоряжение французов шесть тысяч конников и морскую эскадру, но потребовал отдать ему в руки то, что он завоюет. В результате к Англии отошел важный в стратегическом отношении город-порт Дюнкерк. Но зато блокада испанцев в Америке эскадрой адмирала Блейка была очень действенной.

Мазарини пошел на крайне непопулярные меры, связавшись с Кромвелем. Мало кто во Франции понимал, что это политическая необходимость. В то время появилось немало памфлетов, авторы которых требовали заключить Мазарини в тюрьму за разрешение ступать ноге английского солдата по земле Фландрии недалеко от франко-фландрской границы. На некоторое время при дворе даже заговорили об опасности новой Фронды. Джулио сильно рисковал, но понимал, почему он это делает. Кардинал знал, что испанцы еще попытаются выгнать корабли Кромвеля из Кале, а также считал возможным принятие Кромвелем королевской короны, что может сильно успокоить общественное мнение во Франции.

«Если в Англии станет королем Оливер, королю Карлу там нечего делать» – так полагал «законный» английский король Карл П. Действительно, возможность принятия Кромвелем королевского титула существовала. Особенно после преодоления кризиса 1655 года.

В первые годы войны с Испанией в Англии возник застой в средиземноморской и атлантической торговле, налоги собирались с трудом. Сити отказывало протектору даже в незначительных кредитах. Испанское правительство надеялось, что ситуация в Англии может измениться и железный Кромвель потеряет свое влияние. Собравшийся в этой обстановке и на фоне мнимых слухов в стане роялистов о смерти Кромвеля второй парламент протектората 17 сентября 1656 года потребовал в обмен на утверждение новых налогов уничтожить режим генерал-майоров в провинциях. Лорд-протектор вопреки недовольству офицерской верхушки был вынужден утвердить этот акт. Роялисты воспрянули духом. Их надежды концентрировались вокруг отношений Англии и Испании, что могло привести к поддержке Мадридом Карла П. Не имевший трона король уже обсуждал во Фландрии свои дела с министрами Филиппа IV.

Кризис был преодолен – слишком недосягаемой была фигура Кромвеля для его врагов, слишком велик был его авторитет. Однако в Англии, как и в других государствах XVII века,

монархические традиции и менталитет были слишком крепкими и устойчивыми, чтобы можно было разом с ними покончить. Уже к середине 1650-х годов именно с монархией в умах большинства англичан стали связываться их процветание и стабильность. Это надо было как-то совместить с существованием и силой Кромвеля. Выступления в Ирландии против протектора заставили английский парламент выделить субсидии в размере четырехсот тысяч ливров на продолжение войны с Испанией. В условиях тяжелой экономической обстановки эта сумма была немалой. Более того, депутация парламента и Сити предложила Кромвелю принять королевскую корону под именем Оливера I.

Другой правитель на его месте, возможно, принял бы это предложение. Но не Кромвель. Все считали, что до этого момента лорд-протектор шел к трону семимильными шагами – но так казалось со стороны. «Кромвель не был еще королем, хотя имел большое желание им стать; пока же все, чего ему удалось добиться, так это провозгласить себя протектором Трех королевств», – полагали современники.

В действительности же лорд-протектор учитывал сложившиеся обстоятельства и свои собственные возможности.

Кромвель был уже очень болен и знал, что проживет еще от силы два-три года. Его добрый, но бесшабашный и не склонный к политике сын Ричард не внушал больших надежд. Его собственная совесть истого пуританина, оставшиеся в недрах сознания политический консерватизм и легитимизм препятствовали принятию им короны. К тому же его главная опора – офицерская верхушка и республиканская армия – были против короля Оливера. Поэтому Кромвель принял лишь титул наследственного протектора.

Джулио немного просчитался, но своего отношения к Англии не изменил. Первый министр был совсем не против короля-узурпатора, ведь «если ненавидеть всех узурпаторов, то следовало бы возненавидеть моего короля в первую очередь; потомки Гуго Капета, от коих он происходил, узурпировали корону Франции в ущерб наследникам Карла Великого, кому она принадлежала по закону; а те сделали то же самое по отношению к Меровингам… то, что казалось тиранией поначалу, оказывалось справедливостью впоследствии; время исправляло всяческие вещи, и с небольшой долей терпения узурпатор и даже тиран становился законным королем».

Во второй половине 1650-х годов англо-франко-испанская война разгорелась с большей силой. Филипп IV приказал «бросить все силы, какими еще располагает Испания, против Кромвеля. Порты, которые требуют англичане, должны быть

скорее разрушены, нежели отданы Кромвелю». Но не все делается, как задумано и приказано. В 1658 году Дюнкерк, почти совсем целехонький, переходит в руки англичан.

Тем временем сотрудничество испанцев с приверженцами Карла II становится более тесным. В начале 1658 года готовилась высадка испанских и роялистских формирований в Ирландии. В Англии ее готовил Джон Мордаунт, сын сэра Джона Мордаунта, графа Питерсборо, отличившегося еще при Елизавете Тюдор и поддержавшего в 1642 году парламент против Карла Стюарта. В отличие от отца сын являлся последовательным сторонником монархии. В связи с затяжной болезнью Кромвеля шансы Карла II занять английский престол повысились, однако Мадрид не спешил выполнять свое обещание высадить солдат в Ирландии. 1 апреля 1658 года Мордаунт был арестован кромвелевской полицией. А в июне англо-французские войска захватили Дюнкерк, в результате чего линии связи между Испанией и ее владениями в Европе и Западном полушарии оказались под сильнейшим давлением.

Тем не менее для Франции и кардинала Мазарини взятие Дюнкерка было бесславным. Этот акт являлся скорее выполнением обязательств договора, своеобразным долгом и платой за будущую гегемонию и процветание.

Дюнкерк оборонял храбрый испанец маркиз де Леда, а гарнизон города состоял в основном из итальянцев, не очень-то проявлявших военное рвение. Ранение маркиза охладило отвагу его гарнизона. Командир слабел день ото дня, а с его смертью положение и вовсе ухудшилось. Де Леда хотел быть похороненным с почестями и приказал, чтобы, пока в нем еще теплится дыхание, его люди и не заикались о капитуляции. Но едва он закрыл глаза, как протрубили сигнал к сдаче – город пал вместе с мужественным и гордым маркизом. Мрачноватый Тюренн тут же передал Дюнкерк в руки английского командующего Локкарта. Новый гарнизон города был преимущественно английским.

Большинство французов корило Его Преосвященство за выполнение обязательств перед англичанами – если он так хитер, мог бы и сейчас найти выход из положения. «Они (то есть англичане) опасны для нас так же, как могли бы быть испанцы», – полагали современники.

Но иного выхода не было. Впереди маячило заманчивое будущее для кардинала как дипломата – заключение выгодного мира с Испанией. Да и Дюнкерку не суждено было долго оставаться в руках англичан – восстановившийся на престоле Карл II в 1661 году, нуждаясь в деньгах, продал этот важный

стратегический город-порт французам всего за пять миллионов ливров. Джулио как будто видел будущее, в отличие от большинства оппонентов. Видел его и безоговорочно верил кардиналу и подросший Людовик XIV. Молодой король специально явился из Кале, чтобы поддержать своего первого министра и посмотреть на выход побежденного гарнизона из Дюнкерка. Все-таки это была крупная победа!

Казалось, конец войны близок. Но его наступление в значительной степени замедлялось положением дел в Священной Римской империи. После Вестфальского мира многие германские князья прежде всего желали стабильности и старались поскорее восстановить свои разрушенные войной владения. Однако непрекращавшееся движение через их земли наемных войск, по-прежнему продолжавших грабить мирное население, и, соответственно, отрицательная реакция на этот «транзит» вновь угрожали войной. В 1651 году многие князья стали искать выход из положения и объединяться для защиты своих земель. Три католических курфюрста – архиепископы Майнца, Трира и Кёльна – были первыми, кто создали альянс в этих целях.

Но главная угроза формирующейся Вестфальской системе и европейской стабильности исходила от франко-испанской войны и потенциальной возможности императора Фердинанда III оказать помощь Мадриду. Еще при жизни кардинала вновь возобновилось длительное противостояние между Францией и Священной Римской империей. Во время Фронды император был не прочь «откусить» куски земли у Франции: нарушив свои обещания в Мюнстере, Фердинанд послал войска в Нидерланды и Италию. Французская сторона хотела предотвратить это выступление, и лишь гражданская война помешала ей начать военные действия против императора. «Черт бы побрал этих немцев!» – повторял знаменитые слова испанского посла Пеньяранды раздосадованный Мазарини. Разумеется, принца Конде это только радовало.

Тем не менее кардинал смог поправить конфликтную ситуацию в Священной Римской империи. Его послы де Граммон и де Лионн приложили немало усилий в Германии (а вместе с этим передали в руки князей несколько мешков золота) с октября 1657-го по март 1658 года.

Германские правители и сами проявили инициативу. Эрцканцлер Империи, то есть в мирное время между рейхстагами глава имперской исполнительной власти, курфюрст и архиепископ Майнцский Иоганн Филипп фон Шенборн предложил как католическим, так и протестантским чинам

Империи объединиться в Союз нейтралов, ставивший своей целью защиту условий Вестфальского мира, безопасность членов союза и отказ использовать свои земли в военных целях. Мазарини очень скоро смекнул, что эта система может принести Франции определенные выгоды. Союз способен «отрезать» Испанские Нидерланды от получения помощи извне, если Франция начнет военные действия в Германии.

Поэтому, особенно после неудачи мирных переговоров с Испанией в 1656 году, Джулио делал все возможное, чтобы помочь в осуществлении плана архиепископа Шенборна. Кардинал вел дипломатическую игру не только с помощью золота, но и играл на страхе многих князей, что угроза порабощения Германии исходит не из Франции, а от венского двора. Эти страхи и после Вестфальского мира были далеко не беспочвенны, как это могло показаться будущим поколениям германских владетелей.

Союз нейтральных германских принцев находился в процессе создания, когда в апреле 1657 года Фердинанд III скончался. Незадолго до этого великий политик Кромвель, зная о приближавшейся смерти императора, стал налаживать дипломатические контакты с эрцгерцогом Австрийским Леопольдом.

Совсем по-иному представлял себе ситуацию Мазарини. Или желал представлять. Леопольду было всего семнадцать лет. Поскольку он еще не успел стать римским королем, это могло осложнить его избрание императором как наследника Фердинанда. Поэтому летом 1657 года кардинал носился с идеей выдвинуть Людовика XIV в качестве кандидата на императорский трон в Вене. Если этот план сработает, как почти серьезно надеялся честолюбивый первый министр, он сам вскоре сможет надеть на голову папскую тиару, что станет блестящим завершением его карьеры.

Мечты были чудесными, но это были только мечты. Еще в XVI веке французские короли мечтали об имперском величии, но не получилось. Император-немец был все-таки ближе даже протестантским князьям, несмотря на постоянную защиту Францией «исконных немецких свобод». Да и Людовик XIV был немногим старше Леопольда, и в истинных намерениях самого Мазарини в Европе уже довольно хорошо разбирались. Шенборн быстро разрушил мечты кардинала: он заметил его послам, что нет ни одного шанса набрать необходимое количество голосов курфюрстов в поддержку короля Людовика.

В начале 1658 года при участии Мазарини неудачные попытки выдвинуться на имперский трон совершили также

курфюрст Баварский и герцог Нейбургский. После этого сразу стало ясно, что собравшиеся во Франкфурте-на-Майне курфюрсты намерены голосовать за Леопольда. Перед этим большинство из них навязало претенденту так называемую «Имперскую капитуляцию», то есть избирательную хартию, призванную предотвратить любые попытки с его стороны следовать по пути своих непосредственных предшественников.

Мазарини тут же сориентировался. Под его нажимом в хартию был включен пункт об обязательстве нового императора не предоставлять ни под каким видом помощь «иностранным врагам французской короны». Только после того как Леопольд подписал эту хартию 18 июля 1658 года, он был торжественно избран императором Священной Римской империи. Французские послы де Граммон и де Лионн имели все основания быть удовлетворенными.

А менее чем месяц спустя после избрания Леопольда императором, 14 августа 1658 года, католические и протестантские ассоциации нейтральных князей Германии объединились в Рейнский союз – совместную оборонительную организацию для защиты Вестфальских соглашений, сохранения коллективной безопасности членов союза и предотвращения использования своей земли в военных целях. Каждый член союза обязан был предоставить определенное количество солдат в армию союза для охранения этих договоренностей.

В союз входили курфюрсты Майнцский, Кёльнский и Пфальцский, епископ Мюнстерский, ландграф Гессен-Кассельский, герцоги Брауншвейг-Люнебургский, а также шведский король Карл X в качестве владельца Бремена, Вердена и Висмара. Франция немедленно присоединилась к союзу и стала его казначеем и главным поставщиком войск в его армию. Только курфюрст Трирский отказался объединяться с союзом вплоть до 1662 года. Но его земли, непосредственно примыкавшие к Испанским Нидерландам, были эффективно блокированы государствами Рейнского союза со всех сторон.

Таким образом, Вестфальский мир с созданием Рейнского союза был только упрочен. Его результаты были ощутимы вплоть до Французской революции конца XVIII века. Забегая намного вперед, здесь же можно сказать и о том, что созданные не без усилий Мазарини и его предшественника Ришелье принципы федеративного устройства Империи стали основой для развития идей федерализма в Германии, которые начали серьезно осуществляться только после Второй мировой войны. Осуществление их означало также и историческое примирение Франции и Германии, которые сейчас являются главными

инициаторами формирования единой Европы и Маастрихтских соглашений.

Дипломатия Мазарини усилила положение Франции на непростой восточной границе. Благодаря гарнизонам в Меце, Туле, Вердене, Ландау, Филиппсбурге, Брейзахе и войскам, находящимся в Верхнем Эльзасе, королевство прочно закрепилось на Рейне. Вырисовывался будущий «железный пояс».

Теперь военная изоляция Испанских Нидерландов была полной. В начале 1659 года великий пенсионарий Республики Соединенных провинций Ян де Витт констатировал, что Испанские Нидерланды могут быть потеряны Мадридом в двух военных кампаниях. В этих условиях Филиппу IV ничего не оставалось, кроме как пойти на мир с Францией, чтобы спасти то, что еще можно было спасти.

Современники уже тогда отмечали, что кардинал начал чувствовать приближение своего заката. В среде придворных ходили такие настроения: «Так как он знал, насколько он был всегда ненавидим, он был бы счастлив оставить по себе это благоухание святости, умирая, дабы могли сказать, что если он и натворил много зла в течение жизни, то по крайней мере, он совершил при смерти то благо, что вернул мир всей Европе…»

Ожидание скорой смерти обострилось у Джулио еще в связи с внезапной кончиной Оливера Кромвеля в ноябре 1658 года. Выдающийся англичанин являлся политиком, которого кардинал из всех современных политиков более всего уважал. В Европе старательно распространялись слухи, что якобы Кромвель был отравлен, а не умер по причине почечных колик. Его смерть долгое время держалась в тайне. Все это наводило Мазарини на грустные мысли о том, что и он может умереть внезапно и не по собственной воле. Но, как бы там ни было, необходимо было действовать без промедления.

В 1657 году у Филиппа IV родился, наконец, сын, названный Филиппом Просперо. Но наследник испанского трона появился на свет таким слабым, что уже скоро мог встать вопрос о новом претенденте на престол. Действительно, инфант Филипп умер в 1661 году. В том же 1661 году родился будущий испанский король Карл П. Испанское престолонаследие было серьезной заботой не только для Мадрида, но и для Парижа.

Вслед за этим, в 1658 году, заболел Людовик XIV. Весь двор начал искать этому символическое или пророческое объяснение. Посол Венеции замечал в связи с этим: «Болезнь истолковывали как проявление воли Господа, требовавшего мира, и королева-мать этим была так взволнована, а кардинал так напуган, что все не колеблясь поверили, что королева-мать тайно поклялась

сделать все, что в ее силах, чтобы привести страну к миру».

Джулио усилил давление на мадридский двор с целью заставить Филиппа IV принять решение по вопросу о франко-испанском браке, дав понять испанскому королю, что Париж может найти другой интересный альянс. У кардинала, безусловно, была на примете другая невеста – двоюродная сестра Людовика XIV Маргарита Савойская. Маргарита была смуглой красавицей, что не мешало ей быть умной и скромной в обращении с другими людьми. Возможно, она являлась бы идеальной супругой для французского короля, но судьба распорядилась по-своему. Самому же Людовику тогда было все равно, поскольку он был серьезно увлечен юной племянницей кардинала Марией Манчини.

Так или иначе, но в ноябре 1658 года весь французский двор покинул столицу и выехал в направлении Дижона и Лиона. Узнав о возможности савойского бракосочетания, Филипп IV сказал: «Этого не может быть и не будет». И тут же послал в Лион своего чрезвычайного посла дона Антонио Пиментеля де Прадо с предложением мира и руки инфанты Марии-Терезии для Людовика XIV. Мазарини тотчас отреагировал на это предложение. Собственно, такого оборота событий он и ожидал: переговоры о савойском браке и хлопоты, связанные с ним, были лишь уловкой. В мае 1659 года предварительные договоренности были достигнуты, а в июне проект прелиминарного договора был уже готов.

С Пиментелем контактировал непосредственно де Лионн. А вот окончательные пункты мирного договора разрабатывались в прямых переговорах между Мазарини и доном Луисом де Аро на острове Фазанов на реке Бидассоа, которая разделяет два королевства со стороны Наварры. Министры Франции и Испании отправились на эту встречу с таким великолепным эскортом, что, как говорили об этом подданные двух королевств, никто и никогда не видывал ничего подобного. К Мазарини и Аро пожелал присоединиться и Карл II Стюарт, чтобы попросить помощи для восстановления его на английском троне после смерти Кромвеля.

После кончины лорда-протектора в Англии была популярна поговорка: «Кромвель умер, но мало кто это осознал». Карл II осознавал этот факт больше, чем кто-либо. Но сейчас он надеялся зря. Договаривавшимся на Бидассоа сторонам было не до него. К тому же незадолго до своей смерти Кромвель назначил своим преемником старшего сына Ричарда. А кардинал уже имел намерения выдать за него одну из своих племянниц. Правда, Ричард недолго продержался в роли английского властителя – он

не унаследовал ни воли, ни политического ума своего отца. Поэтому в мае 1659 года он добровольно отрекся от власти и предпочел частную жизнь. Единственным актом дипломатии наследника Оливера Кромвеля было заключение договора с Францией о защите мира между Швецией и Данией 3 февраля 1659 года.

Мазарини запретил Карлу II приезжать на остров Фазанов. Невзирая на усилия испанской стороны, отвергнутому королю пришлось удалиться в Брюссель и там ожидать решения вопроса о своей участи. За него все дела в Англии решал уже известный нам Джон Мордаунт.

Тем временем два министра старательно согласовывали все пункты договора. Они встречались двадцать четыре раза в период с середины августа по 7 ноября 1659 года, когда договор был подписан. Удивительно, что чуть ли не главной темой споров между Мазарини и доном Луисом были не территориальные претензии, а условия, на которых Конде должен был возвратиться во Францию.

Принц хотел вернуть себе все свое состояние во Франции и, соответственно, положение при дворе. Однако кардинал уже успел распорядиться частью его земель. Он отдал герцогу де Бульону, кому предназначал в жены одну из своих племянниц, герцогство д'Альбре, древнее наследие Наваррского дома. Принц воспротивился этому от имени своих кредиторов. Он заявил, что король, каким бы всемогущим он ни был, не мог распоряжаться его имуществом в ущерб его долгам. Спор этот так и оказался неразрешенным: все было продумано и записано, за исключением этой статьи. Уж очень испанцы желали на сей раз мира.

Итак, Пиренейский мир завершил затяжную войну между Францией и Испанией. Мирный договор лишний раз указывал на поражение Мадрида и подчеркивал очевидное преимущество французов, которое было установлено Вестфальским миром и навязано остальной Европе. Хотя Мазарини вернул Испании захваченные в ходе военных действий районы Каталонии, Франш-Конте и несколько крепостей в Нидерландах, французская территория значительно расширилась. К Франции отошли основная территория графства Артуа, графство Руссильон, часть Фландрии с несколькими важными крепостями. Новая граница между Францией и Испанией должна была проходить по главному хребту Пиренеев. Поначалу это создало ряд неудобств, поскольку многие политические сообщества, жившие на этой земле веками, были разобщены, оказавшись в разных государствах. Но разве не происходит подобного и теперь? Кроме того, Мадрид подтвердил права Людовика XIV на королевство

Наварру и отказался от притязаний на захваченные французами Эльзас и Брейзах.

Вопрос о дальнейшей судьбе Конде, так беспокоивший испанского короля Филиппа, был решен следующим образом. Принц обязан был написать покаянное письмо Людовику XIV, всячески восхваляя его силу и доброту; он должен был распустить свои армии, обещать никогда не вступать в союзы с иностранными державами и оставить вопрос о своем будущем на добрую волю короля. Если это будет сделано, Людовик, скорее всего, признает его как первого принца крови, аннулирует все постановления против него как изменника и восстановит его во всех владениях и на правительственных постах, за исключением того, что вместо губернаторства в Гиени Конде получит Бургундию и Брезе.

Принц подписал бумаги о своем полном подчинении королю 26 ноября 1659 года. Он выехал из Брюсселя в конце декабря того же года в подаренной испанцами великолепной карете, за которой следовала блестящая свита. Путешествие его длилось целый месяц, и по пути принцу устраивали пышные приемы. В зале архиепископства в Эксе он наконец предстал перед королем и Анной Австрийской, опустился перед ними на колени и вымаливал прощение, которое, несмотря на холодность Людовика, было ему дано. Монарх собирался активно использовать таланты высокородного смутьяна в будущем – Конде еще предстояло покрыть себя и славой, и новым, но гораздо менее сильным позором.

В договоре между Францией и Испанией говорилось также о том, что герцог Лотарингский Карл IV должен быть восстановлен в своих землях, оккупированных французскими войсками с 1634 года. Однако все лотарингские укрепления должны быть снесены, а французские войска получали право транзита через земли Карла IV.

Англия не участвовала в переговорах, и как Мазарини, так и дон Луис учли, что эта страна находится сейчас в «хаотических условиях после смерти Кромвеля». Тем не менее французы обещали не оказывать никакой помощи англичанам, если те будут настаивать на продолжении войны с Испанией.

Мазарини также подписался под обязательством не помогать Португалии в течение трех месяцев после подписания договора. Теперь Мадрид мог направить всю свою оставшуюся энергию на борьбу с Португалией – это не менее, чем перспектива потерять Испанские Нидерланды было одной из главных причин, которые привели испанцев к миру с Парижем.

Ключевым моментом мирных соглашений в Пиренеях был

брак Людовика XIV и испанской инфанты Марии-Те-резии. После заключения договора король отправил маршала де Граммона в Мадрид просить руки инфанты. Это была необходимая официальная церемония для осуществления одного из условий мира. Маршал был осыпан всеми почестями, какие когда-либо умели воздавать послу «наихристианнейшего» монарха, по пути в испанскую столицу. После пышного приема де Граммон имел честь лично поговорить с Филиппом IV и Марией-Терезией, вручив последней пылкое письмо своего монарха.

Брачный контракт был составлен и подписан параллельно с остальными договоренностями. Он имел далекоидущие последствия для обеих стран и сыграл огромную роль в истории международных отношений в Европе. В нем имелось условие, по которому приданое инфанты – пятьсот тысяч золотых эскудо – выплачивалось в точно установленные сроки в течение полутора лет. Первая часть приданого должна была быть выплачена Франции во время завершения свадебной церемонии. Только при соблюдении этих обязательств Мария-Терезия отказывалась от своих прав на испанский престол.

Но ни один мешок с золотом тогда не пересек Пиренеи. В 1660 году финансовая ситуация в Испании резко отличалась от той, какая существовала в 1615 году, когда выплачивалось приданое Анны Австрийской. Имелись лишь мизерные надежды, что приданое может быть выплачено вообще – в разоренной Испании не было такой гигантской суммы.

Мазарини был прав – приданое инфанты не было полностью выплачено никогда. Таким образом, французская дипломатия сохраняла свободу рук в испанских делах. Вот почему Филипп IV так долго отказывался от этого брака; и вот что кардинал имел в виду в 1646 году, когда впервые выдвинул идею этого альянса: «Если инфанта выйдет замуж за Его Величество, мы сможем претендовать на испанское наследство». Впоследствии Людовик XIV похитил идею кардинала, грубо претворив ее в жизнь, когда в 1701 году развязал новую европейскую войну – войну за испанское наследство. Жесткая политика короля не принесла ожидаемых плодов. Франция еле выстояла в той войне, поделившись в итоге своей гегемонией с другими европейскими державами, и прежде всего с Англией. Но еще раньше, через восемь лет после заключения Пиренейского договора, «права королевы» принесли Франции Лилль и валлонскую Фландрию.

Людовик XIV и Мария-Терезия обвенчались в церкви Сен-Жан-де-Луи 9 июня 1660 года. К тому времени Джулио Мазарини достиг зенита своего могущества и славы. В начале 1660 года иезуит отец Рапен опубликовал небольшой научный труд «Победа

мира», на первой странице которого были такие слова: «Его Высокопреосвященству кардиналу Джулио Мазарини». На эстампе изображены кардинал Мазарини, открывающий дверь Храма мира, и дон Луис де Аро, закрывающий дверь Храма войны. На восьмидесяти страницах своей книги иезуит непрерывно восхваляет кардинала, королеву-мать и Людовика XIV. «Самая большая слава пришла к Его Преосвященству в 1660 году благодаря установлению мира; предсказание этого события основывалось на любопытных нумерологических исследованиях имени великого кардинала Джулио Мазарини; Тома Боне сделал предсказание славы, как и впоследствии удачного королевского брака…» Листая страницу за страницей, Джулио казалось, что никогда и не было никаких «мазаринад»…

И все же мирная политика Мазарини никогда не достигла бы своей полноты и эффективности, если бы после Пиренейского мира еще надолго затянулся конфликт на севере Европы между Карлом X Шведским и антишведской коалицией в лице Фридриха III Датского, Яна-Казимира Польского, Фридриха-Вильгельма Бранденбургского и императора Леопольда I. В 1655—1658 годах шведы одержали несколько блестящих побед, но сейчас они стали испытывать серьезное давление со стороны союзников – своих же владений Бремена, Вердена и Висмара, которые являлись одновременно членами Рейнского союза. Леопольд I задался целью изгнать шведов из Империи и восстановить потерянный престиж Габсбургов в Германии. Нельзя также было исключать возможность выступления на стороне императора Португалии, немало разобиженной статьями Пиренейского мира.

Юридически франко-шведский союз все еще оставался в силе. В таких условиях возникла острая необходимость закончить войну на севере как можно скорее. Свободная от войны с Испанией, Франция теперь могла выступить в качестве посредника в мирных переговорах вместе с Голландией и Англией. Последние также были остро заинтересованы в равновесии сил между Швецией и Данией в их торговле на Балтике. Мирные переговоры облегчила смерть Карла X в феврале 1660 года. В Швеции сформировалось более уступчивое регентское правительство при его сыне Карле XI, которому было всего четыре года.

В мае 1660 года благодаря усилиям в основном дипломатов Мазарини мир в Оливе положил конец войне между Швецией, Польшей, Бранденбургом и императором. Месяцем позже мир в Копенгагене завершил датско-шведскую войну. В июне 1661 года Московское государство признало право Швеции на Карелию и Ингрию: эти договоры тоже были делом рук Мазарини, умершего

за три месяца до их подписания. Правда, еще продолжались конфликты между Россией и Речью Посполитой, а также между Османской империей и Венецией. Но Франция была лишь краем вовлечена в эти конфликты, хотя «восточные горизонты» очень интересовали кардинала.

Его, мечтавшего порой над первыми хорошими картами, изготовленными в Голландии, немало беспокоили события в восточной части Средиземноморья – ареале турецкого преобладания. Шпионы первого министра, ряженные купцами, вовремя проинформировали его о пробуждении Турецкой империи, ведомой твердой рукой матери бездарного султана Мехмета IV албанки Турхан. Разумеется, Турхан помогали великие визири – отец и сын Кепрюлю, которых она привела к власти после жестокой чистки 60 тысяч человек (среди них был и православный патриарх) в 1656 году. После быстрых и эффективных реформ в администрации, финансах, армии и флоте с 1657 года турки стали отвоевывать у венецианцев острова Лемнос и Тенедос, сняли блокаду Дарданелл, и в итоге флот великого султана восстановил свое господство в Эгейском море. Войска султана продвигались к Трансильвании, но христианские государства больше беспокоило положение на Крите, давно осаждаемом турками. Несмотря на то что столица Крита Ханья была захвачена в 1645 году, христиане большей части острова еще сопротивлялись.

Перед лицом успехов мусульман «наихристианнейшему» королю надлежало сделать какой-нибудь жест, тем более что первый министр королевства – кардинал. Как и многие до него, Мазарини сам подумывал о крестовом походе. В 1654 году он разрешал отважным добровольцам отправляться в помощь Криту, в 1658 году послал сто тысяч экю в Венецию, способствовал посылке трех тысяч французов в венецианскую армию в 1659—1660 годах. Однако в декабре 1660 года христиане потерпели сокрушительное поражение, а головы попавших в плен, в том числе и некоторых французов, выставили на улицах Стамбула. По просьбе римской курии Джулио отправил шестьсот тысяч ливров (то было приданое одной из его племянниц!) на организацию крестового похода, но категорически отказался порвать дипломатические отношения с Портой, несмотря на то что турки взяли под стражу французского посла. Здесь первый министр следовал традиционной политике Франции со времен Франциска Валуа, защищавшей свои экономические и, главное, политические интересы в Турции. Он никогда не забывал, что турецкая держава может быть хорошим противовесом Священной Римской империи. Интересы государства – превыше всего…

Но все невозможно успеть в равной степени. На горизонте дипломатии Мазарини еще маячила Португалия, продолжавшая войну с Мадридом, и Англия, где в 1660 году была вновь восстановлена стюартовская монархия в лице Карла П.

Сразу же после Реставрации в Англии Джулио решил наладить с Лондоном союзнические отношения. «Веселый и счастливый» король Карл II сейчас был больше обеспокоен внутренними делами – отношениями со своим парламентом, пышными приемами и наличием денежных средств, которых у него всегда не хватало. Однако он не преминул выгнать из Англии доверенное лицо Мазарини при Кромвеле Бордо за то, что тот якобы втихомолку препятствовал его восшествию на трон. В сущности, кардинала устраивала вновь возобновившаяся после отречения Ричарда Кромвеля от своего поста английская смута, и он хотел подольше ее протянуть. Но делать нечего – связи с Альбионом надо налаживать, и прежде всего при помощи ненасытной потребности Стюартов в финансах.

Первый министр убил двух зайцев сразу, выступив с инициативой династического брака между Англией и Португалией. Президент Парижского парламента де Ту писал Мазарини 10 июня 1660 года: «Необходимо сохранить и укрепить дружбу между нашими государствами; ибо если Испании вздумается заключить союз с Англией, они могут объединиться против нас».

Но сделаем здесь одну ремарку. Даже после заключения долгожданного Пиренейского мира кардинала не замедлили уколоть, приписав ему желание выдать свою другую племянницу Гортензию за английского короля. Один из современников вспоминает: «Его Преосвященство… предложил ему (то есть Карлу П. – *Л. И.)* свою племянницу с двадцатью миллионами приданого; по правде говоря, она не была ему ровней, дабы получить такую честь без чрезвычайной признательности, но она конечно же стоила Анны Болейн, на ком Генрих VIII, правивший некогда теми же народами, что и он, все-таки женился».

Дипломатия диктовала другое решение относительно Англии, а Мазарини прежде всего принимал реальное положение дел. Переговоры об англо-португальском браке были завершены летом 1661 года. Новая английская королева и сестра португальского короля Изабелла-Катарина Браганса прибыла в Англию весной следующего года. Для Португалии этот союз был в политическом отношении выгоден – Лиссабон отстоял свою независимость, наладив в конце концов отношения с Мадридом. Для Англии же он был удачным в первую очередь в финансовом отношении. Изабелла-Катарина принесла с собой два миллиона

крон приданого и, более того, города Танжер и Бомбей, ставшие основой будущего колониального владычества Британии в Северной Африке и Индии.

Но в перспективе наибольшие выгоды получила все же Франция. Заключение англо-португальского брака происходило практически параллельно с событием, положившим начало длительной зависимости английской короны от Парижа. Французская казна отнюдь не была пустой, огромным состоянием обладал и сам кардинал. Уже больной Мазарини подбросил Людовику XIV идею купить у Англии порт Дюнкерк, совместно захваченный англичанами и французами при Оливере Кромвеле. Карл II, поставивший своей целью иметь абсолютную, в том числе и финансовую независимость от парламента, решил продать его. С этой целью английский король послал в Париж своего дипломата Монтегю, которому его миссия принесла титул герцога.

В октябре 1662 года был подписан англо-французский договор о продаже Франции Дюнкерка и Мардика с укреплениями за пять миллионов ливров. Франция укрепила стратегические позиции на западных границах королевства и распространила свое влияние на Англию – Карл II выговорил себе обещание Людовика XIV вооруженной помощи в случае возникновения войны с собственными подданными. Умирая, Джулио не забывал о величии своей новой родины.

Десять лет спустя, вспоминая о начале своего личного правления, Людовик XIV заметил: «Было спокойно во всем свете». Действительно, в Европе на некоторое время воцарились тишина и спокойствие, впоследствии нарушенные самим же французским королем. Но это был больше чем мир в ареале французских интересов, который Мазарини приобрел для своего господина. Можно сказать, что Франция Нового времени никогда более не достигала подобной безопасности на своих границах, как в последние годы жизни кардинала.

Испания не могла вторгнуться во Францию в обозримом будущем. Англия Карла II не представляла непосредственной угрозы. Голландская республика, возглавляемая Яном де Виттом, была готова возобновить союз с Францией с целью определения будущего статуса Испанских Нидерландов. Восточные границы королевства были прочно защищены от возможных махинаций венского двора Рейнским союзом.

Несомненно, политика умиротворения и сдерживания была секретом успеха первого министра на дипломатическом поприще в целях достижения безопасности границ Франции. К сожалению,

Людовику XIV почти удалось разрушить ту систему безопасности, которую Мазарини скрупулезно и с таким трудом создавал.

Каковы же были причины у кардинала для проведения такой внешней политики? Казалось бы, они очень рационалистичны – того требовала политическая необходимость. Но некоторые исследователи жизни и дипломатии Мазарини полагают иначе, опираясь на такие факты, как желание Джулио стать римским папой в случае избрания Людовика XIV императором Священной Римской империи и на последнее желание, выраженное в его завещании.

В завещании кардинала говорилось о том, что Французское королевство в будущем не должно развивать экспансию на границах, а должно организовать общеевропейскую экспедицию против Османской империи. На эти цели выделялась значительная сумма денег из личного состояния первого министра. На основании этих строк можно утверждать, что в своей голове Джулио Мазарини лелеял средневековый идеал «христианской республики» и считал самого себя преданным слугой христианского сообщества, в котором ни одно государство не должно претендовать на гегемонию.

Однако подобные идеалы никак не совмещались с деятельностью кардинала на своем министерском посту и с его личными пристрастиями. Вся его политика сдерживания, умиротворения и создания системы безопасности на французских границах целиком соответствовала цели достижения политической гегемонии Франции на европейском континенте. Ибо все, что делалось Мазарини, было выгодно прежде всего Французскому королевству, а не идеальному «христианскому сообществу». И выигрывало от этого не только само государство, но и его первый министр. Впоследствии ученик и наследник Джулио Мазарини Людовик XIV получит прозвище «наихристианнейший турок» за сотрудничество с Османской империей против государей Европы. Вот какой стороной оборачивается история!

Поистине, идеалы – одно, а политика – другое.

Семья, политика и душа

По своей природе я не так уж плох – меня всегда хвалил Его Высокопреосвященство кардинал Ришелье, которому я преданно служил.

Кардинал Мазарини

Первый министр Франции являлся не только блестящим политиком, но и типичнейшим представителем рода человеческого во всех его проявлениях. С древнейших времен существует теория о том, что во всех людях ведут ожесточенную борьбу два начала – добро и зло. Какое начало побеждает – таков и человек. Джулио Мазарини знал свои недостатки, но был совершенно уверен, что он не так уж и плох, что есть на свете люди и похуже его. С этим можно согласиться, хотя его натура – противоречивая и разносторонняя – подчас мешала ему в осуществлении политических замыслов.

Кардинал любил жизнь, и прежде всего свою семью. Точнее, их у него было две – семья итальянская и семья французская, которые благодаря ему постепенно сливались воедино.

Поскольку Джулио Мазарини по рождению был римлянином, он принес с собой во Францию аромат Рима – сердца Италии. Его итальянская семья была очень большой, что весьма характерно для итальянцев. Пьетро Мазарини и Гортензия Буффалини имели, кроме Джулио, еще пять детей. Благодаря старшему брату они прожили свой век безбедно, и практически у всех жизнь сложилась вполне благополучно. Младший брат Джулио Микеле получил образование у доминиканцев в Болонье, остался в этом ордене и стал провинциальным священником в Риме. Он часто появлялся во дворце Барберини, терзаемый испепеляющим честолюбием, как у старшего брата, но не обладавший его талантами. С помощью клана Барберини и самого Джулио ему удалось в 1642 году стать генералом ордена доминиканцев. Первый министр Франции даже даровал брату титул вице-короля Каталонии, но Микеле недолго им наслаждался – он умер в 1648 году, избавив старшего брата от возможных осложнений.

Старшая сестра Джулио Анна-Мария по собственному желанию ушла в монастырь Санта ди Кампо в Риме и сделала там карьеру, став настоятельницей. Она редко просила брата оказать

ей скромную денежную помощь, но довольно часто любила давать ему советы по поводу молитв и благочестия. Вряд ли он в этом нуждался. А вот горячее желание сестры, чтобы он вернулся в Рим в роли папы, было Джулио по душе. Но – увы! Долг и история связывали его с французским троном.

Три другие сестры – Маргарита, прожившая дольше остальных детей четы Мазарини, Джиролама и Клерия вышли замуж с солидным приданым за богатых и знатных представителей итальянских фамилий – Мартиноцци, Манчини и Мути.

Клерия была болезненной и бездетной, а вот в семье Мартиноцци родилось двое детей, а в семье Манчини – целых восемь. Все они – и девочки и мальчики – являлись обожаемыми племянниками и племянницами Джулио. Большинство из них он выписал к себе во Францию. Ко всем кардинал питал нежные отцовские чувства, ведь у него самого не было детей. Мазарини от природы имел сильный отцовский инстинкт, что мешало политике и за что он критиковался французами, видевшими в этом еще одну «итальянскую» черту своего первого министра. Но то была эпоха, когда кровнородственные отношения оставались еще очень крепкими.

В семье Манчини было трое мальчиков и пять девочек. Однако с племянниками, на счет которых кардинал питал большие надежды, ему не повезло. Все они не дали потомства.

Старший, Паоло, во Франции называемый Полем, был по характеру лучше остальных, отличался храбростью, даже отчаянностью, преданностью дяде и служебным рвением. Он мечтал сделать военную карьеру, но ему не посчастливилось – в битве при Сент-Антуане в 1652 году Паоло был убит. Джулио очень сожалел об этом и часто потом говорил со слезами на глазах, насколько он несчастлив после стольких пролитых им потов ради обеспечения приличного положения его семейству не видеть никого, кто был бы способен поддержать тот блеск, в каком он намеревался оставить родных.

Он имел в виду своего второго племянника – Филиппо, прожившего довольно долгую, но бездеятельную и пустую жизнь. Филиппо был очень высокомерным, полагая, что раз его дядя первый министр, ему открыты все двери и всё позволено. Мазарини предоставил ему в распоряжение полк кавалерии, носивший его имя. Другой бы на месте Филиппо счел за честь отправиться служить в полк и делать военную карьеру. Но тот рассматривал это настолько ниже себя, что при дворе хихикали и перешептывались о том, что даже корона была бы мизерным вознаграждением для человека вроде него. Все это приводило

Джулио в бешенство – ведь он желал сделать из племянника достойного своей особы человека. В конце концов он оставил Филиппо, впоследствии герцога де Невера, в покое.

Младший племянник, Альфонсо, уже в нежном возрасте подавал надежды уподобиться своему брату Филиппо. Тем не менее Джулио надеялся, что часто наиболее многообещающие дети наименее оправдывают возлагавшиеся на них надежды и наоборот. Он устроил племянника в Клермонский коллеж с полным пансионом. Но Альфонсо не суждено было долго жить на этом свете. Однажды вечером мальчики резвились, и племянник кардинала, разгулявшийся больше остальных детей, захотел, чтобы друзья покачали его на одеяле. Своды коллежа были низкими, а однокашники качали Альфонсо столь усердно, что подбросили его до самого потолка. Альфонсо сильно ударился головой о балку и упал, весь залитый кровью. Спасти его могла только трепанация черепа, но он не перенес эту операцию. Два дня спустя после несчастного случая Альфонсо умер, оставив своего дядю в великом отчаянии. Пребывая в сильном смятении чувств, кардинал полагал тогда, что у него не осталось больше наследника, достойного тех огромных богатств, которые он накопил за годы своей беспокойной жизни.

А состояние Джулио увеличивалось с каждым днем. И не только благодаря Фуке или Кольберу. Даже друзья посмеивались, что Его Преосвященство продолжал жить точно так же, как и начинал. Он все принимал из любых рук, оставляя разве только то, чего не мог взять. Все было ему необходимо, вплоть до мельчайшей вещицы. Кому предстояло владеть всем этим?

Оставались многочисленные племянницы. Их кардинал любил не меньше, чем племянников, но все же они были женщинами. На их приданое все состояние не затратить, к тому же первый министр весьма охотно выделял претендентам на их руку владения закоренелых фрондеров. Но именно племянницы связали его кровными узами с высшей французской аристократией, и именно с их помощью кардинал пытался упрочить свое положение в королевстве и за границей. Его племянницы навсегда «офранцузили» кровь рода Мазарини, прочно связав его с новой родиной.

Очень выгодными являлись браки племянниц Мартиноцци – Лаура вышла замуж за герцога Модены, обладавшего немалым состоянием и политическим весом в европейском обществе. Фактически Лаура являлась тещей претендента на английский трон после Славной революции 1688 года, активно поддерживаемого Францией, Якова III Стюарта. А ее сестра Анна-Мария стала принцессой де Конти. Это был успех, который в

значительной степени являлся следствием Фронды – род де Конти, более осторожный, чем род Конде, не желал подвергнуться опале. Однако брак Анны-Марии оказался несчастным – муж ее не любил.

Как любого из политиков, долго находившегося у руля власти, Джулио Мазарини временами «заносило». Власть кружит голову и заставляет порой лелеять несбыточные планы и надежды. Своих племянниц он пытался сосватать даже в Англию: то за сына Кромвеля Ричарда, то за Карла II Стюарта. Но эти иллюзии скоро улетучились, оставив место рациональному политическому мышлению. Конечно, Мазарини, как своеобразному нуворишу тех дней, не был чужд аристократический снобизм. Ему хотелось быть в родстве со знатнейшими фамилиями Европы, даже королевскими, в том числе с французским королевским домом. Но это стремление простиралось лишь до определенных границ.

Сам кардинал и его родные отличались правильностью черт, являлись красивыми людьми. Но красивейшей из всех была его племянница Мария Манчини. Она была лишь на год моложе Людовика XIV. Неудивительно, что, часто пребывая в ее обществе, молодой король влюбился без памяти. Черноокая Мария стала его первой юношеской любовью. Одна из осведомительниц сюринтенданта финансов Николя Фуке писала в те времена своему патрону: «Он за ней ухаживает, предлагает ей слушать музыку, устраивает легкие завтраки, верховые прогулки. Он дает ей своих лучших лошадей и заказывает для нее два экипажа».

Все было настолько серьезно, что Людовик попросил сначала официального разрешения у матери жениться на Марии. Анна Австрийская в тревоге бросилась просить совета у первого министра. Но фактический правитель Франции, давно наблюдая за молодыми людьми и уже, наверное, воображая себя породнившимся с Капетингами, выступил против этого брака. Чисто по политическим причинам, ибо выгодным для королевства тогда был намечавшийся брак Людовика и испанской инфанты.

Мазарини довольно долго убеждал своего августейшего воспитанника, что его племянница – неподходящая жена по рождению и темпераменту для короля. 6 июля 1659 года он заклинал короля не поддаваться страсти: «Лицо, которому я больше всего доверяю (имеется в виду Анна Австрийская. – *Л. И.),* описало мне то состояние, в котором вы пребываете, и я в отчаянии от этого, так как абсолютно необходимо, чтобы вы нашли какое-нибудь средство избавиться от него, если вы не хотите быть несчастным и похоронить всех ваших верных слуг. И если вы не решитесь сами измениться, ваша болезнь будет

обостряться. Я Вас умоляю об этом ради вашей славы, чести, служения Богу и ради благополучия вашего королевства». И Людовик покорился.

Позже кардинал удовлетворенно отметил про себя, что ему доставляет большее удовольствие сама власть, а не происхождение или родство с королевским домом.

А Мария? Она действительно любила Людовика всем сердцем, очень горевала и переживала с Сенекой в руках жестокое разочарование. Герцогиня Орлеанская, в будущем принцесса Пфальцская, так вспоминала это время: «Мадемуазель Манчини – та, что… по слухам была любовницей молодого Людовика, пригласила меня сопровождать ее в Бруаж, куда дядя-кардинал отправил ее, дабы удалить от двора». В апреле 1661 года Мария благополучно была выдана замуж за красивого и богатого юношу из дома Колонна, представители которого с удовольствием породнились с Мазарини. Лоренцо Колонна, герцог де Тальяколи, принц де Гальяно и де Кастельоне являлся главнокомандующим армией Неаполитанского королевства.

Остальные племянницы были тоже неплохо пристроены. Виттория, известная во Франции как Лаура, вышла замуж за герцога де Меркюра, Олимпия стала виконтессой де Суассон, а Гортензия – маркизой де ла Миллери. Одна лишь Анна-Мария Манчини стала монахиней, но прожила дольше всех.

В целом первый министр Франции был удовлетворен устройством своих итальянских родственников. Он был бы еще более доволен, если бы смог спустя полстолетия после смерти спуститься на грешную землю и порадоваться успехам на политическом и военном поприще одного из своих внучатых племянников.

Как уже упоминалось, Олимпия Манчини стала женой виконта Эжена Мориса де Суассона. Он был сыном Томаса Франциска, князя Кариньянского, ставшего родоначальником Савойско-Кариньянского дома, и Марии де Бурбон-Суассон. В 1663 году Олимпия родила единственного сына Евгения, который носил титул принца Савойского. Честолюбивый принц Евгений не ужился с Людовиком XIV при французском дворе и в молодом возрасте с большими приключениями бежал в Вену к императору Леопольду I. Он прославился на службе императоров Священной Римской империи как талантливейший полководец времен войны за испанское наследство (1701—1714) и весьма способный государственный деятель.

А что же родители Джулио? О судьбе его матери Гортензии мы упоминали еще в первой главе книги. Что же касается Пьетро Мазарини, то, когда он в 1644 году овдовел, его дети, жившие в

Риме, решили его снова женить под предлогом продолжения рода. В 1645 году молодая и высокородная принцесса Орсини, бывшая в долгу, как в шелку, приняла предложение еще вполне здорового, несмотря на возраст, Пьетро. Но, скорее всего, ей льстила мысль стать мачехой великого министра Франции. Несмотря на возложенные на него надежды, семидесятилетний родитель Джулио не произвел на свет новых Мазарини ив 1654 году умер во дворце своего сына, оставив после себя большие долги. Джулио похоронил отца в недавно реставрированной им приходской церкви Святых Винцента и Анастасия в Риме, прямо напротив фонтана Треви. Там и сегодня можно увидеть его имя и герб.

Кардинал нежно любил свою французскую семью, состоявшую только из двух человек – Анны Австрийской и Людовика. Анна и король отождествляли для него в своем лице Французское королевство, и поэтому неудивительно даже с психологической точки зрения, что Мазарини привязался к Франции всей душой и ревностно защищал ее интересы. Ведь это были прежде всего интересы любимых им людей.

Королева являлась его возлюбленной, повелительницей, другом и советником в одном лице. Их спальни и кабинеты находились рядом: всегда существовала возможность срочно посоветоваться, поделиться своими трудностями и новыми идеями да и просто поговорить. Некоторые историки считают, что они сходились в силу разницы темпераментов, что обеспечивало их постоянное партнерство в управлении государством. Но все же представляется куда более вероятным сходство, чем разница темпераментов испанки и итальянца.

Другое дело – манеры и аристократизм в поведении. Несмотря на природные манеры Джулио, определенная разница некоторое время существовала. Ведь придворное общество диктует свой стиль. Но и эта разница нередко была необходимой. Мазарини своим терпением и умением лавировать часто сглаживал острые углы во время переговоров королевы с представителями Парижского парламента и принцев во время Фронды. Анна же незаметно отвлекала внимание от кардинала, когда тот допускал огрехи в поведении при дворе. После она ненавязчиво и безобидно говорила ему об этом, и Джулио все понимал и запоминал.

Их любовь оказалась долгой и прочной. Она выжила и укрепилась, несмотря на гонения, попытки разлучить их и высмеивания даже со стороны друзей. Лучшая подруга Анны госпожа де Шеврез, когда-то одобрявшая ее связь с герцогом

Бекингемом, к роману с Мазарини относилась отрицательно. Вот как вспоминает об этом кардинал де Рец: «Королева вначале держалась так скрытно, что герцогиня ничего не могла у нее выведать; позднее… герцогиня стала замечать, что иногда та держится с кардиналом почти так, как когда-то с Бекингемом, но иногда герцогине бросались в глаза другие приметы, наводившие на мысль, что их связывает лишь близость духовная; одной из главных таких примет было обхождение кардинала с королевой, отнюдь не учтивое и даже грубое». «Впрочем, сколько я знаю королеву, – прибавила госпожа де Шеврез, – это может доказывать и обратное. Бекингем говорил мне когда-то, что любил в своей жизни трех королев и всем трем принужден был не раз задавать таску, вот почему я не знаю, что и думать». Все это преподносилось с большой иронией.

Анна и Джулио любили поговорить о странах, где родились, – об Испании и Италии. Если человек живет вдали от места, где он появился на свет, он время от времени его вспоминает. Обоим эти беседы очень нравились, но не нравились остальным придворным – они «задевали» патриотические чувства французов, особенно во время войны с Испанией. «Королева, рожденная испанкой и не освободившаяся от склонности, какую питала к своей стране, хотя уже около сорока лет прожила во Франции, вопреки глубокому сожалению наблюдала за тем, как он (то есть кардинал. – *Л. И.)* замышлял гибель ее нации. Она не осмеливалась тем не менее ничем на это возражать, потому что боялась, как бы ее не обвинили в отстаивании интересов короля, ее брата, в ущерб правам ее сына. Она горячо желала, однако, установления мира…» В этих словах одного из придворных правильно подмечено, что любовь и разговоры, с одной стороны, и политика – с другой, у первого министра если и смешивались, то в реальном направлении. Анна была королевой Франции, и интересы прежде всего Франции отстаивал Мазарини.

Об Италии Джулио вспоминал только с Анной. Он знал, насколько это для него опасно, в отличие, скажем, от герцога де Невера, проведшего ранние годы в Италии. Герцог был приставлен к утреннему и вечернему туалету короля. Во всеуслышание и при Людовике, и в окружении «золотой молодежи» двора он любил рассказывать о прелестях жизни в Италии. А когда заговаривал о Риме, ему требовалось не меньше часа, прежде чем закончить. Герцог называл Вечный город своей дорогой отчизной, и всем окружающим было заметно, что он считал абсолютно ничем все удовольствия французской столицы по сравнению с римскими. Людовика, в будущем создателя самого образцового двора в Европе, такие высказывания очень

злили. Первый министр Франции был вынужден предупредить де Невера, что не при помощи таких средств однажды становятся маршалами королевства – пост, на который де Невер рьяно претендовал.

Анна Австрийская настолько доверяла Мазарини, что старалась занимать второе после него место возле короля. Она желала, чтобы Людовик больше времени проводил с кардиналом, слушал его советы и оказался способным жить и править впоследствии без нее. Джулио очень ценил такое отношение. Свою благодарность королеве он выразил и в завещании, где оставил ей оправленный в диадему прекраснейший из всех своих бриллиантов под названием «Роза Англии». Другим подарком возлюбленной министра являлись работы итальянских художников, украшавшие его кабинет.

Анна пережила Джулио Мазарини всего на четыре года. Все эти годы без него она чувствовала себя одинокой, потерянной, опустошенной и больной. Королеве-матери при сыне – единоличном правителе своего государства – уже нечего было делать. К тому же у нее развивался рак груди. Остаток своей жизни некогда красивейшая женщина Европы провела в монастыре Валь де Грае, куда перевезла все подарки своего возлюбленного. Она скончалась 20 января 1666 года.

Однако главным выражением любви к королеве была забота Мазарини о своем крестнике – Людовике XIV. Незадолго до смерти Людовик XIII назначил кардинала опекуном будущего короля. Эта обязанность выполнялась кардиналом весьма добросовестно. Конечно, немалую роль здесь играло честолюбие Джулио, но он по-настоящему любил Людовика, сумел увидеть его достоинства и недостатки и воспитать прежде всего государственного деятеля, что требовалось временем.

Не все это понимали: «Он (то есть Мазарини. – *Л. И.)* полагал, что, сколько бы Его Величество ни стяжал славы, он обязан ему большей ее частью. Его претензии были совершенно беспочвенны, поскольку, за исключением фортификации, какую он повелел ему преподать, если бы все зависело лишь от него, король бы вырос великим невеждой. Министр не дал ему никакого мэтра для обучения множеству вещей, необходимых великому принцу; напротив, он поступал с ним, как те обезьяны, что душат малышей, якобы осыпая их ласками, поскольку, под предлогом страха за его здоровье, он вскармливал его в такой беспечности, что если бы Его Величество имел дурные наклонности, ему было бы отчего сделаться королем, подобным последним королям… династии Меровингов; но, слава Богу, его счастливая натура оказалась сильнее того скверного воспитания, какое ему было

дано… без чьей-либо помощи он сделался тем, кого мы видим в нем сегодня».

Людовик XIV был человеком среднего ума, но больших возможностей, способных развиваться в благоприятных условиях. У него всю жизнь не существовало хобби, не проявилось никаких талантов. В литературе, наряду с признанием его величия, широко распространен себялюбивый и бездушный образ этого короля. К этим недостаткам прибавлялись еще последствия пережитых им в детстве страхов Фронды.

Мазарини был тонким психологом – это позволяло ему оставаться первым министром до самой смерти, и именно это дало ему возможность понять Людовика. Кардинал оказался превосходным воспитателем. Он предпочитал, чтобы его питомец приобщался в первую очередь к делам, а не отдавался полностью схоластическому образованию. Жизнь учит лучше – таков был принцип его воспитания.

Не кардинал спровоцировал гражданскую войну: игра могла стать смертельной для него и для Франции. Но впоследствии он понял, что время смуты лучше всякого другого опыта окончательно сформировало интеллект, память и волю Людовика. Фронда превратила ребенка во взрослого короля, а Францию – в образцовое по тем временам королевство.

С самого начала первый министр настроился на то, чтобы дать своему крестнику прежде всего профессию монарха, обучить его в первую очередь государственным делам, а не различного рода наукам. Упущенное он может восполнить потом. Действительно, начав править, Людовик старался заполнить лакуны своего образования, поскольку программа его обучения избегала слишком специальных знаний. Она в первую очередь являлась практической: Мазарини учил короля общаться с подданными, правильно вести себя на заседаниях Королевского совета, ездить на войну и оценивать политическую ситуацию во Франции и Европе в целом. Это заложило в Людовике основы его будущего как монарха.

Французский король, несмотря на все издержки своего правления, был человеком долга. Вопреки приклеившейся к нему поговорке – «Государство – это я», он считал государство несравненно выше себя как личности. Королевское ремесло он исполнял добросовестно: в его представлении оно было связано с постоянным трудом, с необходимостью соблюдения церемониальной дисциплины, сдержанности в публичном проявлении чувств, строгого самоконтроля. Даже развлечения его были во многом государственным делом – их пышность поддерживала престиж французской монархии в Европе. Легко ли

выносить публичную жизнь на глазах всего народа? Его бедная жена Мария-Терезия всех своих шестерых детей была вынуждена рожать на глазах у всего двора.

Но мог ли Людовик XIV не превысить меру, необходимую для разумного управления государством? Мог ли он не наделать политических ошибок? И было ли его правление спокойным и уравновешенным? Ответим однозначно: нет. В итоге он тридцать четыре года вел опустошительные для Европы войны, он изгнал гугенотов – цвет французской буржуазии – из своей страны, он опустошил государственную казну, он стал для французов олицетворением «короля-тирана», способствовавшего широкому распространению тираноборческих идей, приведших к Французской революции. Но мог ли предвидеть все это Джулио Мазарини? Трудно сказать определенно – записок по этому поводу кардинал не оставил. Наверное, нет. Путь с вершины всегда ведет вниз. Мазарини почти добрался до вершины, приведя туда Людовика, тот же достиг ее, немало постоял на ней и начал спускаться.

Как же сам воспитанник относился к своему опекуну? Положительно, можно сказать, он даже любил его. Однако высказывался король о своем первом министре по-разному. Вот одно из этих высказываний: «Хаос царил повсюду… Все имевшие высокое рождение или высокий пост привыкли к бесконечным переговорам с министром (Мазарини. – *Л. И.),* который сам по себе отнюдь не испытывал отвращения к такого рода прениям, более того, они были ему необходимы; многие вообразили, что у них есть право на нечто, что якобы должно соответствовать их достоинству; не было такого губернатора, который не испытывал бы отвращения к занятию текущими делами, любую просьбу сопровождали или упреками в прошлом, или намеком на будущее недовольство, о котором заранее предупреждали или которым даже угрожали. Милости скорее требовали и вырывали силой, чем ожидали… милости не подразумевали более обязательств. Финансы, обеспечивающие деятельность всего огромного тела монархии, были полностью исчерпаны, причем до такой степени, что едва ли можно было представить себе источник их пополнения».

Здесь Людовик явно зол, но его можно понять. Трудно молодому, красивому и здоровому монарху видеть, что его государством вместо него управляет другой человек – не принц крови, не аристократ и более того – иностранец. Но обида проходила, оставалась благодарность – ведь кардинал оставил ему по завещанию огромную сумму, которой хватило и на покупку Дюнкерка, и на бесконечные войны, и на приведение

финансов в порядок, и на непомерные расходы двора.

Король и спустя десять лет, когда были написаны секретарями Людовика XIV, а им отредактированы и завизированы эти строки, посредственно разбирался в финансовых вопросах. В 1661 году он только начинал знакомиться с этой сферой государственного управления. Источники пополнения финансов трудно было себе представить в большей степени из-за некомпетентности короля, чем из-за их отсутствия. Всегда легче искать виновников экономических неурядиц, чем реформировать экономику.

А вот другое мнение французского монарха. На одном из первых заседаний Королевского совета Людовик заметил, что он взял полноту власти в свои руки не только потому, что этого больше всего хотел, но и потому, что считал кардинала Мазарини незаменимым на посту первого министра. Вообще король старался чаще быть рядом с кардиналом, который был счастлив видеть его активным и радостным, видеть, как он охотился, танцевал, музицировал. Людовик это интуитивно чувствовал.

Молодой король был доволен своим министром – другом и защитником в трудные дни. Он поражался его умению управлять государственными делами, его дипломатическими победами. Ведь именно он спас монархию во время Фронды и заложил основы для ее будущего процветания. Для короля Мазарини всегда оставался примером государственного деятеля. Кардинал заметно повлиял на его идеалы и вкусы. В некоторых пассажах «Мемуаров» Людовика, более зрелых, чем можно было ожидать от короля в возрасте тридцати лет, кажется, что сквозь мысли автора проскальзывают идеи Мазарини. Спустя годы после смерти кардинала мадам де Лафайет замечала, что «король пытается следовать в своей политике идеям, которые он (Мазарини. – *Л. И.)* ему внушил». В сущности, наиболее жесткий, профессиональный и блистательный из всех европейских монархов был созданием Мазарини.

Сам же первый министр Франции не был ни жестоким, ни жестким. На протяжении его правления, несмотря на тяжелые годы Фронды, практически не применялись тиранические методы. Он даже не мог себе позволить быть тираном, подобно Ришелье, по причине своего происхождения и шаткого положения. Поразительно, что он, являясь одним из созидателей французского абсолютизма, оставался либеральным политиком. Конечно, в рамках того времени. Он почти не отправлял на плаху политических противников, позволял вплоть до своей смерти разгуливать по стране позорящим его, его семью и приверженцев политическим сочинениям, листовкам и брошюрам, терпеливо

выслушивал противоположные мнения. По сути, душа его была чуткой и весьма чувствительной. В нем гармонично уживались светскость и религиозность – тоже приметы его эпохи.

Франция в правление Мазарини считалась Францией католических реформ. Прошло восемьдесят лет со времен Тридентского собора (1545—1563), принявшего жесткую программу Контрреформации и наметившего направление серьезного реформирования католической церкви и доктрины, а также нравов верующих. Нельзя сказать, что положение о нравах было тут же принято во Франции – парламенты провинций, ссылаясь на независимость галликанской церкви, отказались тогда исполнять решения собора. Но на практике большая часть его положений постепенно стала применяться.

Однако непосредственно годы министерства Мазарини совпали с общеевропейским процессом, для которого термин «Контрреформация» будет очень неточным. О какой Контрреформации могла идти речь после Тридцатилетней войны? «Великое столетие душ» – так охарактеризовали свой век католические современники. То было время «очищения» церкви и усиления французского спиритуализма, когда иррациональное «невротическое» поведение рассматривалось как нормальный импульс человеческой натуры. Таким было одно из проявлений кризиса XVII века в духовной области, и таковы были попытки выхода из него.

Католическая «реконкиста» началась в верхах французского общества (в основном городской элиты, буржуа и дворянства). Под воздействием чаще всего являвшихся из Испании либо Италии новых орденов и конгрегации в городской среде шла интенсивная духовная жизнь, причем истая вера возбуждала мистицизм и ригоризм так же легко, как и светскую набожность. Иезуиты снова набирали силу и воспитывали будущую мужскую элиту в 70 коллегиях, а девушек отправляли на воспитание к урсулинкам. Они вовлекали в сферу своего влияния даже королей – этой участи позже не избежит и Людовик XIV.

Под влиянием таких благочестивых настроений видоизменялись понятия любви и эроса. Лучше всего это иллюстрирует деятельность герцога де Вентадура, основателя общества Сан-Сакраменто или Святого Причастия в 1627 году. К середине столетия оно уже имело отделения в пятидесяти городах. Вентадур являлся проповедником моральных реформ и монашеского поведения в миру. Герцог и его соратники выдвинули идею любить многих людей, а не одного, и настаивали на том, что с любимыми женами их мужьям надо

жить, как братья, а женщины должны вести себя подобно святой Терезе. Общество активно действовало и на политическом поприще. Его члены проповедовали защиту бедных, выступали против богачей и власть имущих. В предместьях Парижа они раздавали беднякам деньги и одежду. В 1656 году обществом Сан-Сакраменто был основан бесплатный госпиталь.

Но и этого было мало. Вентадур ратовал за изгнание гугенотов из Канады и других колоний Франции. Он развернул кампанию против проституции, театра и других светских увеселений. Общество Сан-Сакраменто являлось душой «партии святош», которая в XVII веке сорок лет правила бал. Крайний спиритуализм, особенно в среде политической оппозиции, был опасен государству. Понятно, что Вентадура и его последователей современники подозревали в ханжестве, нечестности и политиканстве. Они справедливо подверглись критике в произведении великого Мольера «Тартюф».

Излюбленной мишенью «святош» были «вольнодумцы», которые насчитывали в своих рядах поровну замечательных умов и отпетых развратников Франции. Впрочем, эти качества нередко соседствуют в людях. Все же большинство «вольнодумцев» составляли весьма образованные, разумные и умеренные люди, которых тот же Мольер в своих пьесах противопоставлял обычным высмеиваемым им героям. «Вольнодумцы» читали Лукреция и Эпикура, исповедовали скептицизм, склонялись к деизму и пантеизму. Они составляли влиятельную партию и в правительственных кругах и вполне успешно отбивали нападки «святош». Джулио Мазарини играл на противоречиях между ними даже искуснее Ришелье, чьи удары всегда были слишком сильными.

«Париж полон фарисеев, даже в делах религии. Я никогда не видел меньше благочестия и одновременно с этим больше религиозного обезьянничанья», – презрительно отзывался кардинал Мазарини о Вентадуре и его сторонниках. Он их явно недолюбливал, сумел разглядеть истинные мотивы их поведения и настраивал короля против них.

К сожалению, опекун Людовика XIV мало преуспел в этом. Его довольно впечатлительный воспитанник тоже оказался, по сути, религиозным фарисеем – в недалеком будущем французский монарх оспаривал право на духовное первенство в Европе у самого папы римского, мыл каждое воскресенье ноги нищим, изгнал из своей страны гугенотов (до Канады не успел добраться) и имел в качестве своего духовника иезуита – отца Телье. В то же время король не брезговал являться «наихристианнейшим турком» и от души предаваться обжорству и

всяческим увеселениям придворного общества.

Во время министерства Мазарини имела место и иная попытка обновить католицизм, но другим путем – предоставляя ряд уступок кальвинизму. Прежде всего это выражалось в принятии христианского учения о предопределении. Новая доктрина быстро завоевала симпатию и еще целый век будет будоражить умы. Она называлась янсенизмом по имени ее создателя, епископа Ипрского и богослова Янсения (1585—1638), в 1640 году посмертно опубликовавшего свое знаменитое произведение «Августин». Поэтому янсенистов, выступавших против крайностей Контрреформации и осуждавших деятельность иезуитов, именовали еще и августинцами. Главным центром янсенизма во Франции был монастырь Пор-Рояль, где новое христианское учение пропагандировали аббат Сен-Сиран и ученый богослов Антуан Арно. Но глашатаем, навеки прославившим их дело, являлся Блез Паскаль, первое «Письмо провинциалу» которого было опубликовано в январе 1656 года, а восемнадцатое – в марте 1657 года. Неудивительно, что папа Иннокентий X 31 мая 1653 года заклеймил пять положений августинцев, и с тех пор их называли еретиками как в Риме, так и в Сорбонне. Мазарини унаследовал от Ришелье много антиавгустинских предрассудков, однако, в противоположность иезуитам, которые воодушевляли борьбу против Пор-Рояля, к янсенистам относился довольно терпимо – жестокие гонения приверженцам Янсения во Франции еще предстояло пережить в конце XVII – первой половине XVIII века. Единственное, что раздражало в них первого министра Франции – это связи во время Фронды с Гонди.

Значительную угрозу для укрепления центральной власти в королевстве в первой половине XVII столетия представляли гугеноты. Какова же была политика Джулио Мазарини в отношении французских протестантов?

Об этом он думал с самого начала своего министерства. В 1643 году он мудро возобновил Нантский эдикт Генриха Бурбона с ограничениями Эдикта милости от 1629 года, просто подтвердив его королевским указом. В разгар Фронды принцев, в мае 1652 года, Джулио подтвердил свое доброе отношение к гугенотам: «Наши подданные протестанты дали нам доказательства своей верности, в том числе и в нынешней ситуации, чем мы очень довольны». Во время синода протестантских церквей в Лудене 1659 года кардинал заверял их «…в своем уважении, вы добрые и верные слуги короля». Но гугенотам следовало готовиться к неприятностям. Ассамблеи духовенства Франции не упускали случая напомнить, что

Нантский эдикт был временной мерой, и клеймили «злосчастную свободу совести, разрушающую свободу детей Господа». Начиная с 1656 года во многих городах, где жители исповедовали обе религии (Руане, Пуатье, Бордо), начались столкновения и инциденты, о которых депутаты синода протестантских церквей не раз сообщали в своих жалобах королю. Джулио гасил и эти всполохи будущего пламени. При нем Людовик говорил с гугенотами тем же языком, но после его смерти постепенно перешел к подавлению протестантов, побуждаемый своим благочестием, иезуитами, придворными юристами и, что самое главное, претензиями на идеологическое господство в своем государстве и за его пределами.

Сам же Джулио был религиозным рационалистом и предпочитал не пользоваться именем Бога в политике. Но если он это делал, то поступал честно. Мазарини понимал, что католицизм был душой французской монархии. Католическая идея, как никакая другая, сплачивала французскую нацию и во многом способствовала ее централизации. Мазарини жил в эпоху, когда католическая церковь переживала реформирование, старалась идти в ногу со своим временем. Со времен Контрреформации XVI века существенно повысился авторитет римских пап. Его постарались перехватить государи, стремившиеся к централизации своего государства и монополизации политической власти, – неудивительно поэтому, что во Франции того времени именно кардиналы пришли во власть. Первым таким деятелем был Ришелье, вторым – Мазарини.

Их, обладателей немалых доходов с двух десятков аббатств, больше, чем проблема реформирования церкви, беспокоила католическая элита, в которой политиков было больше, чем священнослужителей, несмотря на внешнюю набожность. Ведь эта элита и помыслить не могла о том, чтобы «наихристианнейший» король Франции победил на поле брани католического короля Испании, особенно с помощью протестантских государств. В этом и заключалась главная проблема партии «святош», которую Мазарини унаследовал от Ришелье.

XVII век являлся столетием, когда захват и раздел территорий разъедал концепцию Европы как синонима единого христианского дома. Первый министр Франции об этом сожалел, но, будучи рационалистом, воспринимал это как данность. В своей политике миротворца кардинал часто воспринимал себя или, может, хотел воспринимать в качестве мессии, возрождающего единство христианского мира. Разумеется, его

государство – Франция – будет политическим и духовным центром новой Европы, гарантом мира и спокойствия. Таким образом, Мазарини поддерживал распространявшиеся в то время экуменические идеи.

Одновременно столетие, в котором жил Мазарини, было временем поразительно быстрого распространения светскости и рационализма, подготовившего почву для великого французского Просвещения. Носителями новых идей являлись великие философы – Рене Декарт и сочувствовавший янсенистам Блез Паскаль. Значение Парижа как духовного центра Франции и всего континента значительно повысилось – ведь здесь находился блестящий двор, самое главное в стране судебное учреждение – Парижский парламент, Сорбонна – лучшее учебное заведение Франции и салоны, ставшие средоточием светской жизни и взрастившие передовую французскую интеллигенцию эпохи Просвещения. В Париже зрел огромный интеллектуальный потенциал, который мощно проявит себя в будущем.

Первый министр Франции с удовольствием отдавал дань светской жизни. Его сложно назвать настоящим интеллектуалом; кардинал больше являлся политиком и находился в этом отношении ближе к грешной земле. К тому же он очень любил власть и золото. Но вместе с тем Мазарини был очень эрудированным человеком и большим коллекционером. Он коллекционировал книги, старинные манускрипты, полотна художников.

В его коллекции картин было несколько великих шедевров: Джорджоне, Рафаэль, Леонардо да Винчи, Тициан (эти полотна перешли к нему из великолепной коллекции несчастного английского короля Карла I); далее шли Эль Греко, Брейгель, фламандцы, двадцать шесть полотен Ван Дейка, десять картин французских художников – Пуссена, Клода Желе, Вуэ, Валантена, Миньяра.

Крупный знаток библиотечного дела современности Альфред Франклин считал, что «самыми известными крупными библиофилами XVII века являлись три великих министра Франции. Это Ришелье, Мазарини, Кольбер». Надо заметить, что даже в самый разгар политических бурь кардинал не забывал о своей коллекции книг. Во время Фронды, в 1652 году, он писал известному библиотекарю того времени Габриэлю Ноде: «В эти ужасные дни заботьтесь, насколько возможно, о сохранении моих книг. От этого зависит и ваше, и наше состояние». Книги эти действительно представляли большую ценность – Ноде по приказу кардинала ездил по всей Европе, пополняя коллекцию, и вывез в общей сложности четыре тысячи старинных книг и

манускриптов из Германии во время Тридцатилетней войны.

Мазарини с молодости очень любил музыку и театр. Человек, прослывший во Франции отъявленным скупердяем, на это денег не жалел. Он даже пригласил в Париж самую знаменитую певицу того времени Леонору Барони, создал итальянскую труппу. Впрочем, особого успеха эта труппа не имела: артисты страдали из-за фамилий, оканчивающихся на «и». Низкопробные «мазаринады» сделали свое дело. Французский театр расцветет пышным цветом немного позже – во времена постановок Мольера при Людовике XIV.

Наконец, Джулио всегда старался казаться джентльменом с головы до ног. В последние годы жизни он по-прежнему был красив, хотя и полноват, прекрасно одевался, хотя по роду деятельности ему частенько приходилось носить сутану. Еще раз заметим, что свою с таким трудом добытую кардинальскую мантию Джулио не любил.

Несмотря на весь свой рационализм и любовь королевы, Мазарини так до конца и не лишился определенного комплекса неполноценности – комплекса незнатного в принципе дворянина, чужака-итальянца, выбившегося в самые высшие сферы политики и придворного общества во Франции. Об этом, помимо его желания породниться со знатнейшими фамилиями Европы, свидетельствует то, что кардинал завел себе роту мушкетеров, такую же, как у короля. Но он все же выдерживал дистанцию – не осмелился, однако, дать ей лошадей, как у мушкетеров короля. Рота служила ему в пешем строю. Туда поступило немного высокородных особ, и ради собственной значимости Джулио попросил Людовика направлять в нее своих выраставших пажей.

Конечно, этот ставший великим человек желал увековечить себя. Наверное, у него не было уверенности, что он уже сделал это своей деятельностью на политическом поприще. Но, скорее всего, он просто любил жизнь, уважал интеллектуалов и деятелей искусства.

Несметное богатство и сомнительные способы обогащения Джулио Мазарини питали ненависть фрондеров и, как метко заметил Пьер Губер, «лень историков и рассказчиков анекдотов». Тем не менее любой министр Старого порядка, как и более поздних времен, вплоть до сегодняшнего дня, всегда обогащался, и это было обычным делом. В те же времена правителям необходимы были соответствующий стиль и образ жизни, роскошные резиденции, эскорты, кареты и т. д. Бедный или хотя бы скромно живущий министр существовать просто не мог. Правда, некоторым министрам во французской истории все же приписывали репутацию абсолютно честных людей, и прежде

всего Сюлли при Генрихе IV Бурбоне или Кольберу при Людовике XIV. Это совсем не так. К примеру, Жан-Батист Кольбер за все время своего служения королю основал влиятельнейший фамильный клан Кольберов у трона французского монарха, слившийся впоследствии со знатнейшими семьями королевства. Иначе тогда было нельзя – просто засмеют.

И все же состояние Мазарини было самым крупным в XVII веке – сорок миллионов ливров. Затем шло состояние Ришелье – двадцать миллионов, а затем – Конде – четырнадцать миллионов. Но ненасытная жажда богатства не вылилась у первого министра в гобсековские формы. Любопытно, что он имел всего лишь две резиденции, украшенные и обставленные в стиле итальянского барокко, – в Париже и Риме, а до своего окончательного возвращения в столицу после Фронды в феврале 1653 года не владел ни землей, ни поместьями в королевстве. Только в середине 1650-х годов Джулио приобрел у герцога Мантуанского герцогство-пэрство Майенн, а через несколько лет – герцогства Ниверне и Донзинуа. Так Мазарини незадолго до своей смерти стал герцогом и пэром. Почти все, чем он владел, досталось Франции в том или ином виде.

Сколько подлинных вещей Мазарини сохранилось до наших дней? Этот вопрос больше всего интересует искусствоведов. В инвентарном списке, составленном после смерти Джулио, числилось 200 статуй, столько же античных произведений из мрамора, 471 картина знаменитых мастеров, огромное количество драгоценных камней, среди которых были самые красивые бриллианты в Европе. И кроме этого 30 тысяч книг, которые стали основой библиотеки, и поныне носящей имя Мазарини.

Еще кардинал основал коллеж Четырех наций, где под руководством лучших профессоров Сорбонны обучались шестьдесят сыновей дворян из аннексированных Францией земель: Эльзаса, Пинероли, Артуа, Руссильона. И таким образом достигалось единство государства.

Наследство Мазарини его кровные родственники фактически не получили. Кроме коллежа Четырех наций, оно было распределено по галереям, библиотекам и дворцам Людовика XIV и Жана-Батиста Кольбера. Однако таким образом оно и уцелело.

Казалось, кардинал успел позаботиться обо всем – о чем-то больше, о чем-то меньше. Хотя никто об этом и не думал, именно он тогда олицетворял душу Франции – католическую и светско-рациональную, национальную и интернациональную, политическую и духовную. А если это и не совсем так, то он помог ей опериться и взлететь к небу.

Джулио Мазарини продумал даже свою кончину.

Конец и жизнь после смерти

Ты показал себя победителем самой победы, отдав ее плоды побежденным.

Цицерон

Он был лучше всех.

Ломени де Бриенн

О великом человеке судят по его великим делам, а не по его ошибкам.

Вольтер

1660 год был для Франции годом больших духовных треволнений: умер сын Франции Гастон Орлеанский, публично раскаялся принц Конде, ушли в мир иной комедиант Жодле, поэт-фрондер Скаррон и многие другие известные и за пределами королевства лица. Похоже, вместе с ними исчезало поколение причудливых, манерных людей барокко. Помпезная церемония испанской свадьбы тоже выглядела барочной благодаря еще живущему великому политику эпохи барокко – кардиналу Мазарини.

24 августа 1660 года весь Париж мог созерцать великолепный спектакль торжественного въезда в столицу молодого короля с супругой Марией-Терезией, спектакль, организованный Джулио Мазарини. «Еще одна испанка», – шипели злые языки, другие же очевидцы на все смотрели сквозь розовые очки, восхищались одетым в золототканые одежды королем и даже сравнивали молодую королеву с Анной Австрийской. Их величества проехали по столице от Сент-Антуанских ворот до Лувра, и не было места, где народ не выражал бы громкими приветственными криками свою радость.

Сам кардинал считал это событие апофеозом славы и величия как самого себя, так и своего государства. В то время Джулио был так тяжело болен, что сам не выходил из дому и смотрел из окна особняка Бове на сопровождавших королевскую чету швейцарскую гвардию, 72 мулов в богатых попонах, 84 пажа в красном, многочисленных шталмейстеров, 12 лошадей из Испании, 11 пышных карет с эскортом из 40 оруженосцев, 40 дворян и 100 гвардейцев с карабинами наготове и столько же

знаменитых мушкетеров. Даже триумфальные арки были воздвигнуты в стиле барокко, пришедшем из Рима: то был полный триумф! Его Преосвященство решил подарить этот праздник королю и его подданным, прежде чем уйти навсегда. Он чувствовал, что смерть не за горами. И ушел в самый подходящий момент, как уходят верные слуги.

Трудная карьера Мазарини была изматывающей. Уже с начала 1660 года окружающие и видевшие его могли наблюдать, как физически угасает кардинал. Джулио худел и слабел, и ему даже приходилось прибегать к помощи румян, чтобы придать свежесть своему лицу. Он страдал подагрой, мучился язвами на ногах, невралгическими коликами, нажил камни в почках и болезнь легких, часто дающую отек. Первый министр старался использовать все свои обширные знания, сам готовя микстуры и таблетки, чтобы облегчить нередко невыносимые мучения. Помогало это мало. Он все чаще чувствовал себя совсем беспомощным – бывало, его даже носили в кресле слуги. Тем не менее кардинал полностью сохранял интеллект, проницательность и по-прежнему огромное терпение. Он сохранял способность вести с десяток интриг одновременно, писать или диктовать около сорока писем в день. Удивительная жизнеспособность ума постоянно одерживала победу над всеми хворями бренного тела, держа Джулио в узде вплоть до последнего часа…

Фактически Мазарини сам ускорил свою смерть. Еще накануне заключения Пиренейского мира он приказал начать ремонтные и художественные работы по переоформлению стен Лувра. «Для новой политики необходим прекрасный новый интерьер», – заметил он тогда. Но нового интерьера первому министру было так и не суждено увидеть. Ремонт затянулся надолго.

Ранним утром 6 февраля 1661 года галерею Королевского павильона в Лувре, где художники расписывали стены, внезапно охватило пламя. Огонь быстро распространился через открытые двери в апартаменты первого министра. В то время как слуги и охрана таскали ведра с водой, пытаясь сбить пламя, Анна Австрийская послала за священнослужителями. Когда те наконец прибыли, ситуация уже была взята под контроль. Святым августинцам ничего не оставалось делать, как ретироваться.

Королева-мать и Людовик переехали во дворец Сен-Жермен, покинув Лувр на время ремонта. Этот инцидент только укрепил их веру в то, что они находятся под божественной защитой. Так полагали и все окружающие.

Но для Мазарини это событие послужило поворотным

пунктом в борьбе против затянувшейся болезни – гнойного плеврита. Возможно, если до этого у него и была надежда поправиться, то сейчас ее не стало. Вот как описывает ту ночь секретарь кардинала Ломени де Бриенн: «Проснувшись и увидев, что все охвачено пожаром, я тут же бросился в апартаменты кардинала. Я увидел его, когда он пытался встать с постели, опираясь на плечо капитана стражи. Он был потрясен и безуспешно старался подавить раздиравший его кашель. Наконец ему удалось выговорить: „Где король и его мать? Это конец?“ Я никогда не видел его таким растерянным». Первый министр изрядно наглотался дыма, что обострило течение болезни. Мазарини перевезли из Лувра в его дворец на улице Ришелье.

Джулио чувствовал себя очень плохо, задыхался, его речь часто прерывалась. Положение выглядело настолько серьезным, что у его постели собрался цвет парижской медицины. Докторов было двенадцать. Осматривали они пациента довольно долго. Во время осмотра Мазарини держался с достоинством, стараясь не выдавать своих эмоций, только требовал от докторов побыстрее вынести вердикт. Один из них, Жано, показался ему заслуживающим доверия больше других, и кардинал задал ему прямой вопрос:

– Жано, сколько мне еще осталось жить?

– От силы два месяца, а может, и того меньше, – последовал такой же прямой ответ.

– Так мало… Мне надо успеть позаботиться о своей душе. Всю ночь первый министр Франции бредил словами:

«Жано говорит… Жано говорит…» А наутро, несмотря на слабость, пошел в свой кабинет, сел за стол и начал писать последние распоряжения.

Смерть государственного человека всегда публична. Его последние слова становятся известными, они должны вызывать симпатии священников и друзей, которые являются исполнителями последней воли умирающего – коротких и отрывистых фраз, слетающих с его пересохших губ. Последние слова должны выражать жизненный итог либо квинтэссенцию житейской философии. Но чаще всего умирающему хочется говорить правду.

Перед лицом смерти Джулио Мазарини был мужественным и реалистичным. Посетивший его незадолго до кончины Ломени де Бриенн вспоминал: «Я ожидал увидеть сломленного болезнью человека, а он был тих и спокоен. Это восхитило меня».

Кардиналу было трудно говорить, и окружавшим его казалось, что он специально подбирает слова, чтобы выразиться

красиво и подобающим образом. За неделю до кончины Джулио начал вспоминать свою римскую молодость, всех тех, кто помогал ему делать карьеру, кого он любил и ценил. Кардинал также сожалел о том, что не все успел сделать. «Я великий преступник», – признался он своему исповеднику отцу Клоду Жоли в надежде получить прощение от Бога. Наверное, этого он желал прежде всего, поскольку не был уверен в собственной безгрешности, а особенно в тех методах, которые нередко использовал в руководстве государственными делами.

7 марта первый министр получил последнее причастие в присутствии епископов, придворных, высших чиновников и родственников. Около постели умирающего также находились Анна и король. Вечер этого долгого для него дня кардинал провел вместе с Людовиком XIV. О чем они говорили, никто не знает. Слуги лишь подметили, что король плакал. Следующий день кардинал провел в забытьи, очнувшись лишь под вечер. В полночь с 8 на 9 марта он попросил прощения у всех, кому сделал зло, а затем буквально выдавил из себя: «Вся моя надежда на Иисуса Христа». В два часа ночи первый министр Франции кардинал Мазарини, когда-то римлянин Джулио Маццарини, скончался.

Теперь началась жизнь после смерти. Возможно, не менее бурная и противоречивая, но очень долгая – вечная. И за порогом смерти его и ненавидели, и любили.

«Никогда еще человека настолько не ненавидели, а следовательно, столь же мало о нем сожалели», – констатировали современники сразу после его смерти. По французской столице прокатилась бурная волна эпитафий, эпиграмм, шансоньеток на смерть Мазарини.

Его Высокопреосвященство Второй умер.
Не дай нам Бог третьего!

В одной из популярных песенок весны 1661 года отмечалось:

Наконец-то кардинал
Дни свои закончил.
Эй, французы, как о нем
Сожалеть мы можем?
Он принес великий мир
Уже тем, что умер.
Он теперь чертям кумир
И пускай там правит!

А вот еще эпитафия в песенной форме, авторы которой известны – Пьер Барбье и Франсуа Вермийа:

Здесь покоится Мазарини,
Кто был хитрее Табарена[4]
И хитрыми уловками объял всю Францию.
Он стал бы бессмертен,
Если бы этим и с помощью денег
Смог смерть обмануть…
Франция, что с тобой будет?
Ты носила траур при его жизни,
Будешь носить и по смерти?..
Отдал он душу дьяволу,
Иначе тот ничего бы ему не дал.
Идущие мимо, во имя Господа, окропите
Сего Мазарини святою водой…

«Он не смог сделать ничего лучшего, как умереть» – таков был вывод большинства французов. Они горько ошибались – предстояли не лучшие времена.

Но существовало другое мнение. Хотя Людовик XIV в своих «Мемуарах» впоследствии написал, что «мой авторитет значительно укрепился после смерти Мазарини», в том марте он делал все, чтобы обставить наилучшим образом похороны своего учителя, крестного отца и первого министра королевства. «Над всем и вся, – заметила тогда мадам де Лафайет, – еще витала тень кардинала, и казалось, что все помыслы короля только и были направлены на то, чтобы вести себя в духе его наставлений». Людовик приказал собраться всем членам королевской семьи, даже тем, кто пребывал за границей. Король заказал лучшим поэтам и музыкантам королевства сочинить оратории и эпитафии на смерть первого министра. Впоследствии то, что содержалось в этих сочинениях, больше, чем все остальное – реальные документы и реальная жизнь этого человека, послужило материалом для положительной оценки деятельности Джулио Мазарини исследователями его жизни.

Среди ораторов, выступавших у одра покойного кардинала, был кармелит из Турени отец Леон, знаменитый предсказатель, подвизавшийся при французском дворе. «Хвалебное слово» этого красноречивого священнослужителя лучше всего отразило суть жизни и деятельности умершего: «Жизнь великого кардинала Джулио Мазарини – действительно таинственная загадка, которая, подобно самым совершенным картинам, состояла из противоречий. Именно они делают эту личность интересной для

всех веков и совершенно неподражаемой. Бог мой! Сколько ясности и какая таинственность! Игра света и тени только подчеркивает красоту полотна его жизни! Он был французом и итальянцем, солдатом и доктором права, государственным человеком и кардиналом, иностранцем и королевским слугой, жестким и терпеливым, незаменимым учителем, подданным и одновременно другом короля. Он… знаменитый изгнанник, на чью голову сыпались великолепные оскорбления… Феникс, возрождающийся из пепла… Наконец, он был Фебом, который разогнал черные облака над грешной землей, он являлся арбитром великих народов и наций».

Эта надгробная речь была опубликована на французском и итальянском языках в том же 1661 году в типографии Папской палаты.

Все, что оставил после себя Джулио Мазарини, принадлежало теперь Франции. А себе он распорядился соорудить скромную по размаху того времени капеллу.

Спустя двенадцать дней после смерти кардинала собралась специальная комиссия, чтобы выполнить его последнюю волю: выбрать архитектора и место для капеллы. Архитектором был назначен Луи ле Во, который раньше являлся архитектором Мазарини при ремонте Венсенна. Решающую роль в создании памятника своему патрону сыграл Кольбер. Мудрый финансист предложил собравшимся построить капеллу вместе с коллежем Четырех наций на левом берегу Сены, напротив Лувра. Джулио Мазарини был бы доволен. Этот памятник великому слуге Франции находится там и поныне.

О Время, пред тобой
Все пали ниц,
Своей тропой
Идешь, не помня лиц.
Всяк, попадя в твой плен,
В конце сойдет
Во мрак и тлен,
И скоро – мой черед.
Но камень скромный сей,
Что я воздвиг,
Свергать не смей,
Завистливый старик.

Эти стихи принадлежат современнику кардинала английскому поэту Роберту Геррику. Нам представляется, что

именно об этом думал Джулио Мазарини в свой последний час. Он бросил вызов времени, справился с ним, и «мрак и тлен» не поглотили его.

Вместо заключения

Бывает не всегда правдоподобна правда.

Ги де Мопассан

Джулио Мазарини был прежде всего великим политиком, обладавшим даром исключительной проницательности, ловкости и дальновидности. Политике, дипломатии он посвятил всю жизнь, являвшуюся захватывающим спектаклем, игрой ума, превосходившего все, что имело место при его жизни и после его смерти. Все остальные его качества – это слияние его природных наклонностей и способностей с качествами и особенностями его эпохи. Ничто человеческое не было ему чуждо. Первый министр Франции любил деньги, женщин, праздники, дорогую и красивую одежду, своих родственников. Он являлся заядлым коллекционером произведений искусства, старинных книг и манускриптов, основателем крупной библиотеки и высшего учебного заведения. Мазарини страстно любил жизнь и умел жить. Он был честолюбив до крайних пределов, но его честолюбие органически сливалось с интересами его государства.

Кардинала Мазарини можно назвать одним из самых миролюбивых политиков своей эпохи. Он более всего стремился к безопасности, стабильности и порядку как во Франции, так и во всей Европе. Для достижения этого ему пришлось пережить и вести кровопролитные войны на европейской арене и внутри страны, которой он управлял. Думается, в своей политической деятельности Мазарини достиг максимально возможного: он являлся одним из создателей Вестфальской системы в международных отношениях и государственной системы во Франции, просуществовавших до конца XVIII века.

Политики XVII столетия… В их мышлении, поведении, образе жизни можно заметить немало черт, характерных для ушедших веков. Традиционализм, легитимность, консерватизм видны в них невооруженным глазом. Однако выдающийся государственный деятель в своей политике подчинен прежде всего духу рационального. Он психологически здоров, как бывает здоров осторожный человек, тысячу раз подумавший, прежде чем отправиться по пути чего-то неизведанного ранее. Он – человек, как стало принято выражаться много позже, «сделавший самого себя». Его деятельность чаще всего подчинена жажде возвышения, общественного признания и личного обогащения.

Политик XVII века не мог позволить себе все время плыть по течению, быть вялым и нерешительным. Он прежде всего фигура деятельная, находящаяся постоянно в динамике. Ему надо было приложить немалые, иногда даже титанические усилия, чтобы достичь желаемого и сделать карьеру. На всем протяжении столетия продолжался непрерывный поиск путей развития европейской цивилизации. Выдающиеся политики этого времени либо олицетворяли в своей деятельности этот поиск, либо являлись своеобразным тормозом на пути истории.

Фигура кардинала Мазарини представляла собой один из вариантов поиска. Твердо уверенный в том, что линия развития Франции, заложенная его предшественниками – королем Генрихом IV Бурбоном и кардиналом Ришелье, – единственно верна, Джулио Мазарини следовал этому курсу до конца. Конечно, с вариациями, которые вносила беспощадная жизнь. Ему пришлось очень несладко, но он завершил в общих чертах создание той государственной системы, которая будет существовать во Франции вплоть до революции конца XVIII века и которую будут называть Старым порядком. Его ученик – великий король Людовик XIV – лишь доведет эту систему до апогея, переходящего в абсурд.

Во Франции после смерти Короля-Солнце не найдется ни Ришелье, ни Мазарини, чтобы пережить кризис старого порядка, переосмыслить реалии наступившей эпохи Просвещения и попытаться найти приемлемый выход из положения, создав для этого новую государственную систему или трансформировав старую, чтобы избежать хаоса и кровопролития. Этого не произошло, и поэтому в конце XVIII века разразилась Французская революция, изменившая не только Францию, но и весь мир.

Создавать образ какой-либо выдающейся личности – труд зачастую неблагодарный. Так или иначе этот человек нам нравится или может чем-то понравиться в процессе написания книги, даже если он отъявленный злодей. И мы вольно или невольно облагораживаем, защищаем его, стараемся найти и высветить его лучшие стороны.

Таким образом, мы фактически выступаем в роли адвоката исторической личности. За это нас можно упрекнуть, и иногда вполне справедливо. Но разве писатель и историк не имеет права на собственное видение и собственную трактовку давно минувших дней и людей, их представлявших? Ведь уже за то, что они выделялись из массы, «творили» историю, дела их и образ, возможно, достойны нашего пристального, а значит, и более пристрастного, внимания. Может, на самом деле они были

иными, чем мы их представляем. Может быть, даже лучше. Разве не так?

И разве Джулио Мазарини был не прав, заметив однажды: «Уверен, что, сколько бы судьба ни била меня, история скажет обо мне только хорошее, если она захочет сказать правду».

Основные даты жизни и деятельности Джулио Мазарини

1602, 14 июля – в поместье Буффалини в Абруцци родился Джулио Мазарини.

1609—1622 – пребывание Мазарини в Римской коллегии иезуитов.

1610 – убийство во Франции короля Генриха IV Бурбона, регентство Марии Медичи.

1610—1643 – правление Людовика XIII Французского.

1615 – свадьба Людовика XIII и Анны Австрийской.

1616—1622 – обучение Мазарини на юридическом факультете Римского университета и получение степени доктора права.

1618, май – Пражская «дефенестрация» и начало Тридцатилетней войны.

1623—1644 – пребывание на папском престоле в Риме Урбана VIII Барберини.

1624 – Мазарини – капитан римских войск Миланского гарнизона.

Встреча Мазарини с пармским астрологом, предсказавшим ему карьеру во Франции и кардинальскую мантию в сорок лет. *1624—1642*– министерство кардинала Ришелье во Франции.

1625 – восшествие на английский престол короля Карла Стюарта, его женитьба на сестре французского короля Генриэтте-Марии.

1626, август – раскрытие первого заговора против Ришелье и казнь Шале.

1627 – Мазарини – секретарь папского нунция в Милане Франческо Саккегти.

Возникновение проблемы «мантуанского наследства» в Северной Италии.

1627—1628 – осада крепости Ла-Рошель и англо-французский конфликт.

1628, май – испанцы осадили Казале.

Август – убийство герцога Бекингема в Англии.

1629, март – переход французской армии во главе с Ришелье через Альпы, прорыв через Сузское ущелье и вторжение в Пьемонт.

1630, январь – первая встреча Мазарини и Ришелье в Лионе.

Март – французы овладели крепостью Пинероль. *Июнь – октябрь* – участие Мазарини в общегерманском рейхстаге в

Регенсбурге.

Июль – высадка шведского короля Густава-Адольфа в Померании.

1631—1632 – посредничество Мазарини в мирных договоренностях Франции с Савойей и Турином.

1631 – первое короткое посещение Мазарини Франции.

Сентябрь – победа шведских войск над армией Католической лиги под Брейтенфельдом.

1632 – знакомство Мазарини с Анной Австрийской, посвящение в духовный сан в церкви Сен-Менегуль и включение в состав секретариата римской курии.

Ноябрь – победа шведской армии над Валленштейном при Лютцене и гибель Густава-Адольфа.

1634, сентябрь – поражение шведской армии при Нердлингене.

1634—1636 – миссия Мазарини в Париж с целью предотвращения вступления Франции в Тридцатилетнюю войну.

1635, май – Франция объявляет войну Испании.

1638, сентябрь – рождение у Анны Австрийской и Людовика XIII дофина – будущего короля Людовика XIV.

Декабрь – захват Брейзаха Бернгардом Саксен-Веймарским. Смерть отца Жозефа.

1639 – окончательный переезд Мазарини во Францию.

1640 – восстания в Каталонии и Португалии.

Ноябрь – началась Английская революция.

1641, декабрь – обретение Мазарини кардинальского сана.

1642, сентябрь – казнь заговорщиков Сен-Мара и де Ту.

Ноябрь – смерть Марии Медичи.

Декабрь – смерть кардинала Ришелье и вхождение Мазарини в Королевский совет.

1643, май – смерть Людовика XIII, регентство Анны Австрийской и начало министерства Мазарини.

Май – разгром принцем Конде испанской армии в битве при Рокруа.

Сентябрь – заговор Высокомерных.

1644 – начало мирных переговоров в вестфальских городах Мюнстере и Оснабрюке.

Август – Конде – победитель при Фрайбурге.

1644—1646 – датско-шведская война и посредничество в ней Франции.

1647 – заключение сепаратного мира между Испанией и Голландией.

1648—1649 – парламентская Фронда во Франции.

1648, май – победа Тюренна и Врангеля при Цусмаркхаузене.

Победа Конде при Лансе. *26 августа* – «День баррикад». *Сентябрь* – двор покидает Париж.

24 октября – заключение Вестфальского мира и окончание Тридцатилетней войны.

1649, январь – казнь Карла Стюарта в Англии.

Август – возвращение двора в Париж.

1650—1653 – Фронда принцев.

1650, январь – арест принцев Конде, Конти и герцога де Лонгвиля.

Июль – отъезд двора на юг Франции. *Осень* – осада Бордо.

1651, февраль – Мазарини покидает Париж.

Сентябрь – совершеннолетие короля.

Декабрь – по приглашению Анны Австрийской Мазарини вторгается с армией во Францию.

1652, январь – приезд кардинала к королю в Пуатье.

Февраль – Гонди – кардинал.

Июль – сражение между войсками принца Конде и маршала Тюренна в Сент-Антуанском предместье.

Август – второе изгнание Мазарини.

Октябрь – король возвращает первого министра из изгнания.

Декабрь – арест кардинала де Реца.

1652—1654– англо-голландская война.

1653 – протекторат Кромвеля в Англии.

Февраль – триумфальное возвращение Мазарини.

1656 – предложение Кромвелю королевской короны и его отказ от нее.

Июнь – начало франко-испанских переговоров.

1657, апрель – смерть императора Фердинанда III.

1658, июнь – Тюренн одерживает победу у Дюнкерка над Конде и доном Хуаном. Леопольд избран императором Священной Римской империи.

Август – оформление Рейнского союза немецких князей, присоединение к нему Франции и создание системы коллективной безопасности на французских границах. *Сентябрь* – смерть Оливера Кромвеля.

1659, ноябрь – заключение Пиренейского мира с Испанией.

1660, май – Оливский мир между Швецией, Польшей и Бранденбургом.

Реставрация Карла II Стюарта на английском престоле. *Июнь* – свадьба Людовика XIV Французского и Марии-Терезии Испанской. Договор в Копенгагене между Швецией и Данией. *Август* – торжественный въезд в Париж Людовика XIV и Марии-Терезии.

1661, 9 марта – смерть Джулио Мазарини.

Библиография

Беляев М. П. Французская и имперская дипломатия в поисках мира. М., 2000.

Блюш Ф. Людовик XIV. М., 1998.

Борисов Ю. В. Дипломатия Людовика XIV. М., 1991.

Губер П. Мазарини. М., 2000.

История Европы. Т. 3, 4. М., 1993, 1994.

История Франции. Т. I. М., 1972.

Ивонина Л. И., Прокопьев А. Ю. Дипломатия Тридцатилетней войны. Смоленск, 1996.

Ивонина Л. И. Дипломатия и революция. Две английские революции и европейская политика XVII в. Смоленск, 1998.

Ивонина Л. И. Очерки международных отношений в Европе во время становления Вестфальской системы (1648—1715). М., 2005.

Ивонин Ю. Е., Ивонина Л. И. Тридцатилетняя война и германская политика Франции // Вопросы истории. 2001. № 5.

Ивонин Ю. Е., Ивонина Л. И. Властители судеб Европы. Императоры, короли, министры XVI—XVIII вв. Смоленск, 2004.

Ивонин Ю. Е. Универсализм и территориализм. Старая империя и территориальные государства Германии в раннее новое время. 1495—1806. Т. 1. М., 2004.

Канн А. С. История Скандинавских стран (Дания, Норвегия, Швеция). М., 1980.

Кнехт Р. Ж. Ришелье. Ростов н/Д., 1997.

Кожокин Е. М. Государство и народ во Франции от Фронды до Великой французской революции. М., 1986.

Копосов Н. Е. Высшая бюрократия во Франции XVII в. Л., 1990.

Ларошфуко Ф. Мемуары. Максимы. Л., 1971.

Люблинская А. Д. Французский абсолютизм в первой трети XVII в. М.; Л., 1965.

Люблинская А. Д. Франция при Ришелье. Французский абсолютизм в 1630—1642 гг. Л., 1982.

Малое А Я. Ж.-Б. Кольбер. М., 1991.

Малое В. Н. Людовик XIV: опыт психологической характеристики // Новая и новейшая история. 1996. № 6.

Мемуары мессира д'Артаньяна. В 3 т. М., 1995.

Мемуары кардинала де Реца. М., 1998.

Мерсъе Л. С. Картины Парижа. М., 1995.

Политическое завещание дюка де Ришелье Французскому королю. Ч. 1-2. М., 1766.

Поршнев Б. Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976.

Поршнев Б. Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623—1645). М.; Л., 1948.

Поршнев Б. Ф. Франция, Английская революция и европейская политика середины XVII в. М., 1970.

Ранцов В. Л. Ришелье, его жизнь и политическая деятельность // Ришелье, Оливер Кромвель, Наполеон, князь Бисмарк. М., 1994.

Рео Жедеон Таллерман де. Занимательные истории. Л., 1974.

Сен-Симон. Мемуары. Т. 1. М., 1991.

Хаксли О. Серое преосвященство. М., 2000.

Черкасов П. П. Кардинал Ришелье. М., 1990.

Черняк Е. Б. Пять столетий тайной войны. М., 1991.

Шандернагор Ф. Королевская аллея. Воспоминания Франсуазы д'Обинье, маркизы де Ментенон, супруги короля Франции. М., 1999.

Шиллер Ф. Тридцатилетняя война //Собр. соч. Т. 5. М., 1957.

Abelin F., Merian M. Theatrum Europaeum. V. 1—5. Frankfurt-Main, 1626—1648.

Acta Pacis Westphalicae. Sйrie II B. Band I, IL Sйrie III A. Band I. Sйrie III C

Anthony J.-R. La musique en France a l'йpoque baroque. P., 1981.

Anthoine M. Le Conseil du Roi sous le гиgne de Louis XIV. Paris-Geneve, 1970.

Babelon J.-P. Henri IV. P., 1982.

Band LV//Byarb. von F. Bosbach. Munster, 1975, 1986.

Barbiche B. Les institutions de la monarchie franзaise a l'йpoque moderne. XVIe – XVIIe siиcle. P., 2001.

Batiffol L. Richelieu et le roi Louis XIII. P., 1934.

Bergin J. The Rise of Richelieu. New Haven, London. 1991.

Bely L. The Peace Treaties of Westphalia and the French Domestic Crisis // Der Westfalische Friede. Diplomatie, politische Zasur, kulturelles Umfeld, Rezeptionsgeschichte // Hrsg. von H. Duchhardt. Munchen, 1998.

Bepler J. Vissitudo Temporum: Some Sidelights on book Collecting in the Thirty Years War // The Sixteenth Century Journal. 2001. № 4.

Bonney R. Political Change in France under Richelieu and Mazarin. 1624—1661. Oxford, 1978.

Cabrini A.-M. Mazarin. Aventure et politique. P., 1962.

Calendar of State Papers. 1649—1667. // Ed. by P. Hamilton. L., 1860—1870.

Corps Universelle Diplomatique. Par J. Du Mont. Vol. V—VII. Amsterdam, 1728.

Croxton D. Peacemaking in Early Modern Europe. Cardinal

Mazarin and the Congress of Westfalia 1643—1648. Princeton, 1999.

Dethan G. Mazarin: un homme de paix a l'вge baroque. 1602—1661. P., 1981.

Dulong C. L'Amour au XVIIe siиcle. P., 1969.

Dulong C.Anne d'Autriche. P., 1990.

Dulong C. Marie Mancini, la premier passion de Louis XIV. Paris, 1993.

Dulong C. Mazarin. P., 1999.

Duchhardt H. Krieg und Frieden im Zeitalter Ludwig XIV. Dusseldorf, 1987.

Duchhardt H. La paix de Westphalie de l'йvйnement europйen au lieu de mйmoire. Stuttgart, 1999.

Erlanger Ph. Richelieu. P., 1997.

Estree F.-A., marйchal d'. Mйmoires//Par Bonnefon. P., 1910.

Fagniez G. Le рire Joseph et Richelieu. T I—IL P., 1894.

Gazette de France. 1647—1661.

Grand-Mesnil M.-N. Mazarin, la Fronde et la Presse. 1647—1649. P., 1967.

Goubert P. Mazarin. P., 1990.

Guth P. Mazarin. P., 1972.

Guthrie W. P. The later Thirty Years War. From the Battle of Wittstock to the Treaty of Westphalia. Westport, 2003.

Hanotaux G. Histoire du cardinal de Richelieu. T I—VI. P., 1896, 1933—1937.

Histoire de la France sous le ministиre du cardinal Mazarin // Par G. Basin. T. I. P., 1842.

Howat M. Stuart and Cromwellian foreign policy. N. Y., 1974.

Knecht R. Cardinal Richelieu: Hero or Villain? // History today. March, 2003.

Laurain-Portemer M. Etudes Mazarines. P., 1981.

Lettres, instructions diplomatique et papieres d'etat du cardinal de Richelieu // Par D. Avenel. T. I—VIII. P., 1843—1860.

Lettres du cardinal Mazarin pendant son ministиre // Par M. A. Cheruel. T. I—LX. P., 1877—1879.

Lettres de Madame Duchesse d'Orlйans nee Princesse Palatine // Ed. par O. Armel. P., 1981.

Lossky A. Louis XIV and the French Monarchy. Princeton, 1994.

Mazarin. Homme d'йtat et collectioneur. 1602—1661. P., 1961.

Мйmoires du cardinal de Richelieu. T. 1-X. P., 1907—1929.

Мйmoires de Louis XIV// Par G. Longnon. P., 1978.

Ouvres de Louis XIV. P., 1874.

Pages G. La Guerre de Trente ans. 1618—1648. P., 1972.

Sonnino P. Prelude to the Fronde. The French delegation at the Peace of Westphalia// Der Westfalische Friede…

Swedish diplomats at Cromwell's Court. 1655—1656 / Ed. by M. Roberts. L., 1987.

The Writings and Speeches of Oliver Cromwell / Ed. by W.C. Abbot. Vol. III. Cambridge, 1945.

Tischer A. Franzosische Diplomatie und Diplomaten auf dem Westfalischen Friedenscongress. Aussenpolitik unter Richelieu und Mazarin. Munster, 1999.

Treasure G. Mazarin. The Crisis of Absolutism in France. L., N.Y., 1995.

Victoire de l'armйe franзaise, 1214—1885. P., 1886.

notes

Примечания

1

То есть черт поведения человека эпохи барокко, отличавшихся непредсказуемостью, изменчивостью, вычурностью и рисовкой. – *Прим. авт.*

2

Согласно принятой в нашей историографии периодизации Тридцатилетняя война распадалась на четыре периода: чешский (1618—1625), датский (1625—1629), шведский (1629—1635) и французский (1635—1648). – *Прим. ред.*

3

Александр Македонский (356—323 годы до н. э.) – великий полководец древности, создавший в результате завоеваний огромную державу на территории Азии, Греции и Египта вплоть до Индии. – *Прим. авт.*

знаменитого французского шарлатана, от которого был в восторге Мольер. – *Л. И.*